

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2023. Т. 19. № 2

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 2

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2023

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 2

Редакционная коллегия

- Главный редактор** – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Зам. гл. редактора** – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)
- Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
- Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)
- Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)
- Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)
- Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)
- Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)
- Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)
- Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)
- Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)
- Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
- Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
- Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)
- Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)
- Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)
- Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)
- Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)
- Тетькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)
- Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
- Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.edu/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 2

Editorial board

- Editor-in-Chief** - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19 № 2

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Журналу «Известия Лаборатории древних технологий» 20 лет!8

АРХЕОЛОГИЯ

Тетенькин А.В., Аржанников С.Г., Аржанникова А.В., Почекунин Д.В., Чеботарев А.А.
Новое археологическое местонахождение Тонорак на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье)10

Харинский А.В., Иванов Г.Л., Портнягин М.А. Затерянная коллекция Б.Э. Петри:
материалы раскопок Тункинского могильника26

Бравина Р.И., Архипов Н.Д. Межэтнические контакты на Северо-Западе Якутии
по материалам «воздушных» захоронений XVIII–XIX вв.49

Петров Д.М. Улахан Арыы: погребальный памятник средневекового населения бассейна р. Вилюй (Западная Якутия)66

Фомин М.В. «Прекрасный дом Богородицы Влахернской» на «святых могилах». К дискуссии
о мемориальном комплексе в Карантинной балке в окрестностях Херсонеса-Херсона79

ИСТОРИЯ

Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: детерминизм91

Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и Даурский полк в 1655–1657 гг.: от Енисейска до Братского острога103

Бершадская С.В. Музеи Енисейской губернии начала XX века: по воспоминаниям
британского путешественника М.Ф. Прайса119

Синиченко В.В. Роль Японии в снабжении вооружением армии Российской империи в годы Первой мировой войны128

Игумнов А.В., Санников А.П. Кадровая политика и профессиональная подготовка
советской милиции в 30–50-е гг. XX в. (по материалам Иркутской области)137

Волков В.А. К вопросу об интерпретации программы помощи США Советскому Союзу
в период Второй мировой войны (ленд-лиза) в современной российской историографии149

Кулепанов Р.В. Штурм Хутоуского укрепрайона 9–25 августа 1945 г.158

Воронцов В.Н. Без походов и боев: 7-я Хинганская кавалерийская дивизия в 1946–1953 гг.170

Красилов М.О. Изменения в деятельности пенитенциарной системы в Западной Сибири (50–60-е годы XX в.)184

Данчевская А.В. Изменение взаимоотношений СССР/России
со странами Запада во второй половине XX – начале XXI в.193

РЕЦЕНЗИЯ

Сальникова Е.С. История политической борьбы внутри ВКП(б) в 20-е гг. Противостояние
Г. Зиновьева и Л. Каменева с И. Сталиным208

Наумов И.В. С максимальной детальностью: книга о диссовете212

*На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова*

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 2

CONTENTS

FROM THE EDITORS

The journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is 20 years old!8

ARCHAEOLOGY

Tetenkin A.V., Arzhannikov S.G., Arzhannikova A.V., Pochedkunin D.V., Chebotarev A.A.

The new archaeological site Tonorak on Vitim River (Baikal-Patom Highlands)10

Kharinskii A.V., Ivanov G.L., Portniagin M.A. B.E. Petri's lost collection: excavations of the Tunkinsky burial ground26

Bravina R.I., Arhipov N.D. Interethnic contacts in the North-West of Yakutia

based on materials from "air" burials of the 18th-19th centuries49

Petrov D.M. Ulakhan Aryy: a burial site of the medieval population of the Vilyuy River basin (West Yakutia)66

Fomin M.V. "The beautiful house of the Mother of God of Blachernae" on the "holy tombs":

To the discussion about the memorial complex in Quarantine ravine in the vicinity of Chersonesos-Cherson79

HISTORY

Shaforostov A.I. The history of fundamental ideas: Determinism91

Bagrin E.A., Trukhin V.I. Afanasy Pashkov and Daurian regiment in 1655-1657: from Yeniseisk to Bratsk fortress103

Bershadskaya S.V. Museums of the Yenisei Governorate of the early XX century:

according to the memoirs of the British traveler M.F. Price119

Sinichenko V.V. The role of Japan in supplying weapons to the army of the Russian Empire during the First World War128

Igumnov A.V., Sannikov A.P. Personnel policy and professional training of the Soviet

militia in the 30-50s of the twentieth century (based on the materials of the Irkutsk region)137

Volkov V.A. On the question of the interpretation of the US assistance program

to the Soviet Union during the Second World War (Lend-Lease) in modern Russian historiography149

Kulepanov R.V. Assault of Hutou fortress 9-25 August 1945158

Vorontsov V.N. Without hiking and fighting: 7th Khingan Cavalry Division in 1946-1953170

Krasilov M.O. Changes in the activity of the penitentiary system in Western Siberia (50-60s of the XX century)184

Danchevskaya A.V. Changing relations between USSR/Russia and Western countries

in the second half of the XX - early XXI century193

REVIEW

Sal'nikova E.S. The history of the political struggle within the CPSU (b) in the 20s. The confrontation

of G. Zinoviev and L. Kamenev with I. Stalin208

Naumov I.V. With maximum detail: a book about Dissertation Council212

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2023. Т. 19. № 2

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2023. Vol. 19. No. 2

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

От редакции

Журналу «Известия Лаборатории древних технологий» 20 лет!

From the editors

The journal “Reports of the Laboratory of Ancient Technologies” is 20 years old!

2023 год для нашего издания – юбилейный! Прошло ровно 20 лет с момента выхода первого выпуска журнала «Известия Лаборатории древних технологий». Он был подписан в печать 20 апреля 2003 г. Издание было подготовлено усилиями коллектива Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета и выпускалось на средства от хозяйственных работ. Это подразделение во главе с профессором А.В. Харинским было создано при кафедре истории в 2000 г. В 2012 оно было переименовано в научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ) «Археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии».

Первые девять выпусков представляли собой ежегодный сборник научных трудов, обсуждавших проблемные вопросы археологии и этнологии, анализировавшие имеющиеся полевые материалы и вводившие в научный оборот новые данные от палеолита до современности. Постепенно круг авторов журнала расширялся, появились авторы не только из других регионов России, но и из других стран – журнал вышел на национальный, а затем и на международный уровень.

С 2014 г. по инициативе руководства вуза в рамках реализации программы научно-исследовательского университета издание трансформировано в ежеквартальный научный журнал (<http://ildt.istu.irk.ru>). Иркутский государственный технический университет (с 2015 г. Иркутский национальный исследовательский технический университет) выступил его учредителем и издателем. В журнале добавился раздел «История». И хотя наименование самой Лаборатории изменилось, было решено сохранить прежнее название издания.

Огромную помощь в становлении журнала ценными советами и рекомендациями оказывали члены редакционного совета (сначала их было 13, теперь 23). Без их бескорыстной, авторитетной и высококвалифицированной поддержки было бы невозможно динамичное развитие издания.

Со словами благодарности обращаемся к нашим бесценным рецензентам за их кропотливый многогранный труд, благодаря которому от номера к номеру из года в год совершенствовалось качество научных публикаций, творческое мастерство авторов.

Мы выражаем глубочайшую признательность всем авторам, которые сочли возможным доверить публикацию исследовательских результатов нашему журналу, особенно тем, кто все эти годы публиковался на его страницах и относился с пониманием к конструктивной критике наших рецензентов.

Благодарим за многолетний добросовестный труд ответственную за выпуск и дизайнера журнала О.Н. Валериус, переводчика А.В. Тетенькина, редактора Н.Е. Мелихову. А также начальника отдела научных журналов ИРНТУ Г.П. Привалову, деятельность которой способствует повышению профессионального уровня специалистов редакции и постоянному росту рейтинга издания.

Особую благодарность выражаем ректору М.В. Корнякову, проректору по научной работе А.М. Кононову за внимание к решению организационных вопросов и всестороннюю поддержку развития семи научных журналов вуза, в том числе и нашего.

В 2017 г. журнал был включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты дис-

*П.А. Новиков, главный редактор, А.В. Тетенкин, переводчик, А.В Харинский, зам. главного редактора,
Г.П. Привалова, начальник отдела научных журналов ИРНТИУ, Н.Е. Мелихова, редактор журнала,
О.Н. Валериус, ответственная за выпуск и дизайнер журнала
P.A. Novikov, editor-in-chief, A.V. Teten'kin, translator, A.V Kharinskii, deputy editor-in-chief, G.P. Privalova, head of scientific
journals, N.E. Melikhova, journal editor, O.N. Valerius, journal issue editor and designer*

сертаций на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук по специальностям 5.6.1 – Отечественная история; 5.6.3 – Археология; 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография.

Мы также надеемся, что журнал продолжит развиваться и дальше, открывая и представляя новых авторов, обсуждая значимые темы и углубляя научное изучение ключевых археологических, этнографических и исторических сюжетов. Как и

прежде, будем рады видеть рукописи с четкой и убедительной логикой изложения и раскрытием значения исследовательского материала для современного научного контекста с аргументированными обобщениями и развернутыми выводами.

*А.В. Харинский, основатель издания
и его первый редактор (2003–2013), профессор
П.А. Новиков, главный редактор (с 2014 по
настоящее время), профессор*

Научная статья

УДК 903.2

EDN: BYGJNL

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-10-25>

Новое археологическое местонахождение Тонорак на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье)

А.В. Тетенькин¹, С.Г. Аржанников², А.В. Аржанникова², Д.В. Почекунин^{2,3},
А.А. Чеботарев²

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск, Россия

³ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье вводится в научный оборот новое археологическое местонахождение – стоянка Тонорак (Байкало-Патомское нагорье, Бодайбинский район Иркутской области). Стоянка Тонорак расположена в 93 км вверх по реке от г. Бодайбо, на правом берегу р. Витим, на 20-метровой цокольной террасе. Выявлено два культурных горизонта, залегающие в покровных отложениях. В первом культурном горизонте найдены фрагменты гладкостенной керамики, в том числе венчик с двумя рядами косонаклонных прямых вдавлений, а также призматический нуклеус и микропластины из кремня и фрагмент галечного тесла. По керамике получены две радиоуглеродные даты, приходящиеся на конец IX – 1-ю половину VIII в. до н. э. Типологические корреляции по керамике и каменной индустрии 1 культурного горизонта проведены с усть-мильской культурой культурно-хронологической схемы Якутии. Отмечен сохраняющийся к рубежу бронзового – железного веков высокий уровень каменного – пластинчатого производства. Для района Нижнего Витима это первый датированный археологический комплекс конца бронзового века, перспективный для дальнейшего изучения. Во втором культурном горизонте найдены микропластина, фрагмент чоппера, отщепы, колотые куски гальки. Возраст его не установлен. Материалы стоянки Тонорак публикуются на фоне представленного обзора текущего состояния изученности археологии Байкало-Патомского нагорья в период среднего – позднего голоцена. Отмечается, что в силу слабой стратиграфической привязки, низкой тафономии культурных остатков памятники неолита – палеометалла продолжают оставаться малоизученными, и знания об этих эпохах остаются провизорными, т. е. по каждому из этапов, буквально, имеются точечные представления. По причине отвлечения внимания на более перспективные объекты и удаленности, труднодоступности территорий значительная часть долины Витима, Мама и других рек посещалась кратковременно.

Ключевые слова: стоянка Тонорак, поздний голоцен, Байкало-Патомское нагорье, р. Витим, бронзовый век, ранний железный век, усть-мильская культура, керамика, микропластинчатое расщепление

Благодарности: исследование осуществлено при поддержке грантов РФФ, проект № 19-78-10084 и РФФИ, проект № 21-59-93002. Авторы выражают благодарность якутским коллегам В.М. Дьяконову и А.Д. Степанову за научные консультации и Владимиру Исаеву за помощь в организации экспедиции.

Для цитирования: Тетенькин А.В., Аржанников С.Г., Аржанникова А.В., Почекунин Д.В., Чеботарев А.А. Новое археологическое местонахождение Тонорак на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 10–25. EDN: BYGJNL. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-10-25>.

Archaeology

Original article

The new archaeological site Tonorak on Vitim River (Baikal-Patom Highlands)

Aleksei V. Tetenkin¹, Sergey G. Arzhannikov², Anastasia V. Arzhannikova²,
Danil M. Pochekunin^{2,3}, Aleksei A. Chebotarev²

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

© Тетенькин А.В., Аржанников С.Г., Аржанникова А.В., Почекунин Д.В., Чеботарев А.А., 2023

² Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk, Russia

³ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article introduces into scientific circulation a new archaeological site Tonorak (Baikal-Patom Highlands, Bodaibo district of the Irkutsk region). The Tonorak site is located 93 km upriver from the city of Bodaibo, on the right bank of the River Vitim, on a 20-meter basement terrace. Two cultural horizons embedded in subaerial sediments have been identified. Fragments of smooth-walled pottery were found in the first cultural horizon, including a rim with two rows of oblique straight impressions, as well as a prismatic core and flint microblades, and a fragment of a pebble adze. For ceramics, two obtained radiocarbon dates address to the end of the 9th - 1st half of the 8th century BC. Typological correlations in ceramics and stone industry of the 1st cultural horizon were made with the Ust'-Mil' culture of the cultural and chronological scheme of Yakutia. A high level of stone-blade production, which was preserved by the turn of the Bronze-Iron Ages, was noted. For the Lower Vitim region, this is the first dated archaeological site of the late Bronze Age, promising for further study. A microblade, a fragment of a chopper, flakes, and chipped pieces of pebbles were found in the second cultural horizon. Its age has not been established. Materials of the Tonorak site are published on the background of the presented review of the current state of knowledge of archeology of the middle - late Holocene of the Baikal-Patom highlands. It is noted that due to the weak stratigraphic reference and a low taphonomy of cultural remains, Neolithic-Paleometal sites continue to be poorly studied, and knowledge about these epochs remains provisional, i.e. for each of the stages of the Neolithic - Paleometal era there are only point representations. Due to the biased attention to more promising objects and remoteness and inaccessibility of territories, a significant part of the valley of the Vitim, Mama and other rivers was visited for a short time.

Keywords: Tonorak site, Late Holocene, Baikal-Patom Highland, River Vitim, Bronze Age, Early Iron Age, Ust'-Mil' culture, ceramics, microblade splitting

Acknowledgements: the study was carried out with the support of grants from the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10084, and the Russian Foundation for Basic Research, project No. 21-59-93002. The authors are grateful to their Yakut colleagues Dyakonov V.M. and Stepanov A.D. for scientific advice and to Vladimir Isaev for help in organizing the expedition.

For citation: Tetenkin A.V., Arzhannikov S.G., Arzhannikova A.V., Pochekunin D.V., Chebotarev A.A. (2023) The new archaeological site Tonorak on Vitim River (Baikal-Patom Highlands). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 10-25. (In Russ.). EDN: BYGJNL. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-10-25>.

Введение (к истории изучения археологических местонахождений в период среднего – позднего голоцена Нижнего Витима)

В 2022 г. авторами данной статьи было открыто новое археологическое местонахождение Тонорак на р. Витим. Для понимания значения этого нового памятника необходимо погрузить его в контекст и рассмотреть в ретроспективе истории изучения голоценовых археологических местонахождений Нижнего Витима (Аксенов и др., 2000; Инешин, Тетенькин, 2010), в том числе открытий последних лет (Уланов и др., 2020; Тетенькин, 2021; Степанов, Соловьёва, Дьяконов, 2022 и др.).

Первая на Нижнем Витиме археологическая находка, бронзовые кельты, была сделана в 1910 г. в устье р. Прониha, в 60 км от г. Бодайбо на ферме предпринимателя Буйвида (Отчет ВСОП-ГО..., 1913)¹. Первая археологическая разведка на Нижнем Витиме проведена ПАЭ ИЯЛИ ЯФ СО АН

СССР² (ПАЭ) в 1969 году под руководством С.А. Федосеевой. В 1973–1976 гг. эти разведочные работы были продолжены и открыты археологические местонахождения Лужки, Бодайбо, Кожзавод, Бисяга, Мамакан (Мамакан I), Колобовщина, Большая Северная, Малая Северная, Быстрая, Сухая, Усть-Витим (Мочанов, Федосеева, 1980). Большею частью это были находки в покровных отложениях второй половины голоцена.

В 1982 году в Байкальской части нагорья на р. Большая Конкудера, притоке Мама работал отряд Иркутского госуниверситета во главе с Е.В. Меньшагиным. Иркутскими археологами раскапывалась открытая местными жителями стоянка Озеро Гусиное. В 1985 г. иркутские археологи начали исследования на Нижнем Витиме, с чего начинается новейший этап в истории археологического исследования Байкало-Патомского нагорья. Е.М. Инешин, В.М. Ветров, Н.Е. Бердникова предприняли разведку по Витиму в центральной

¹ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1911 год. Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1913. 207 с.

² Приленская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

части Байкало-Патомского нагорья (Аксенов и др., 2000). Ими были осмотрены известные ранее местонахождения, а также открыты археологические объекты Бутуя, Синюга, Синя, Инвалидный I-II, Мамакан II-IV, Большой Якорь I-II. В 1986 г. Е.М. Инешиним была проведена разведка, принесшая открытие стоянок Нерпо, Сигнай и 3-го культурного горизонта стоянки Бутуя (Инешин, Тетенькин, 2010). В 1990 – начале 2000-х гг. Е.М. Инешиним был предпринят ряд разведок на р. Мама, приведший к открытию местонахождений Мукадек I-II, Монюкан, Теса, Чукча, Молукчан, Орленок. В 1993 г. открыто погребение раннего железного века на стоянке Нирякан (Инешин, 1995). В 1992 г. Е.М. Инешиним открыты голоценовые археологические местонахождения Инвалидный I-III (Инешин, Тетенькин, 2005). В 1995 г. А.В. Тетенькиным и Е.М. Инешиним открыты местонахождения Коврижка I-II с культурными остатками голоценового возраста, а в последующие годы выделены пункты Коврижка III-V, также содержащие комплексы голоценового времени. В 2003 г. в пункте 1 Инвалидного III выявлен 1А культурный горизонт, датируемый около 5,5 тыс. кал. л. н. В 2012 г. А.В. Тетенькиным открыта раннеголоценовая стоянка Павлова (Уланов и др., 2020). В 2017 г. А.В. Тетенькиным на стоянке Коврижка IV в 1 к. г. найдена керамика с оттисками сетки-плетенки (Тетенькин, 2022)³. В 2018 г. местным жителем села Большой Патом (Бодайбинский район Иркутской области) в Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета были доставлены обнаруженные еще в 1980-х гг. три кельта-топора, типологически близкие кельтам, найденным на Пронихе (Степанов, Соловьёва, Дьяконов, 2022). В 2020 г. А.В. Тетенькиным исследовалось местонахождение Нирякан на р. Мама и получены новые материалы по археологии бронзового века. В 2021 г. жителями г. Бодайбо на территории кордона Амалык заповедника Витимский в береговом обнажении найден скребок из розовато-белого кремня. В 2022 г. авторами данной статьи была

проведена разведка – геологическая экскурсия, в ходе которой открыта стоянка Тонорак.

С самого начала внимание археологов – Ю.А. Мочанова, С.А. Федосеевой, а затем Е.М. Инешина и А.В. Тетенькина – было привязано к хорошо стратифицированным и репрезентативным памятникам конца палеолита – мезолита (Авдеиха, Большой Якорь I, Коврижка I-V и др.). Археология голоцена Привитимья и Байкало-Патомского нагорья в условиях слабой источниковой базы наименее всего разработана. Большинство местонахождений, принадлежащих этому периоду, обнаружено в покровных субаэральном отложениях на 9–18-метровых надпойменных террасах в ситуациях однослойного, смешанного или нарушенного техногенными и эрозийными процессами залегания, представлено немногочисленным материалом шурфов и подъемных сборов. Первые исследователи Нижнего Витима С.А. Федосеева и Ю.А. Мочанов соотносили витимские комплексы с археологической периодизацией Якутии, что было на тот момент единственно возможным, поскольку эта культурно-хронологическая схема была единственной разработанной для сопредельных с Витимом территорий (Мочанов, Федосеева, 1980; Мочанов, 1977; Археологические памятники Якутии..., 1983). Следуя за схемой смены керамических типов в Якутии: сетка-плетенка – шнуровая керамика – вафельная и рубчатая керамика – гладкостенная керамика, к раннему неолиту по наличию сетки-плетенки можно отнести местонахождения Синюга, Прониха, 3 культурный горизонт Большого Якоря I, 1 культурный горизонт Коврижки IV (Тетенькин, 1999)⁴. Местонахождение Прониха содержит разновременные комплексы, если исходить из традиционной оценки керамики сетки-плетенки как раннеолитической и из факта обнаружения бронзовых кельтов. По факту присутствия керамики к неолиту – палеометаллу можно отнести объекты Синюга, Прониха, Инвалидный III, Большой Якорь I, (1–3 культурные горизонты), Нирякан, Озеро Гусиное. Наиболее представи-

³ Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : автореф. на соиск. ученой степ. д-ра. ист. наук. Барнаул, 2022. 41 с.

⁴ Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация : автореф. на соиск. ученой степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 21 с.

тельным из них было местонахождение Большой Якорь I, в субэаральной пачке которого содержалось 3 стратифицированных культурных горизонта (1, 2, 2а и 3 к. г.) (Инешин, Тетенькин, 2010). В коллекциях имеются три наконечника стрел из 1 и 2а культурных горизонтов Большого Якоря 1. Два из них (один из 1 к. г., другой из 2а к. г.), по классификации С.А. Федосеевой (Федосеева, 1980), данной для инвентаря ымыяхтахской культуры, являются ромбовидными наконечниками асимметричных форм с нижней усеченной частью в виде подтреугольного черешка (подтип 4б). Один обломанный наконечник из 1 культурного горизонта представляет собой тело и насад со слегка вогнутой базой, жало наконечника отсутствует (тип 1, подтипы 1б, 1в или 1д). На этих единственных, к сожалению, доводах 1, 2 и 2а культурные горизонты Большого Якоря 1 отнесены к концу неолита – палеометаллу, времени существования ымыяхтахской культуры.

Стоянка Озеро Гусиное, принадлежащая бассейну Мама, содержит гладкостенную и вафельную керамику и на этом основании может быть отнесена к позднему неолиту – бронзовому веку (Тетенькин, 1999)⁵.

К эпохе развитой бронзы отнесены бронзовые кельты с устья р. Прониha на Витиме. Анализом времени и культурной принадлежности их в разное время занимались А.П. Окладников, Г.А. Максименков, С.А. Федосеева. А.П. Окладников витимские кельты соотносил с карасукскими вещами степных районов Сибири и шиверскими лесного Прибайкалья и датировал XIII–VIII вв. до н. э. (Окладников, 1955). Г.А. Максименков по аналогии в мотивах орнамента, а также формах кельтов связывает верхневитимские кельты с кельтами верхнеметляевского клада (Максименков, 1960). По орнаментальному мотиву, пропорциям и сечению кельта витимские орудия, по типологии кельтов Г.А. Максименкова, относятся к безушковым кельтам красноярско-ангарских типов, а именно к северному чуно-ангарскому типу. Изделия данного типа датированы им первой по-

ловиной тагарского времени – VII–VI вв. до н. э. Новый импульс вопрос о возрасте кельтов с Прониhi получил в 70-е гг. в связи с работами Приленской археологической экспедиции (ПАЭ). На новом уровне исследования огромного приленского якутского региона, давшем громадный массив археологических объектов, встала задача характеристики бронзового века Якутии. Занимающаяся этой проблематикой С.А. Федосеева относил витимские кельты и найденный в п. Мурья на Средней Лене почти аналогичный кельт первоначально к усть-мильской культуре эпохи бронзы (Федосеева, 1970), связывая с бронзами тагарской эпохи. Затем привлекая в типологическом анализе орнамента на топорах принципиально другой источник – керамику, С.А. Федосеева нашла возможным связывать эти кельты с ымыяхтахской культурой (Федосеева, 1980), по типологии бронзовых изделий – с сейминско-турбинскими бронзами.

Кельты с Большого Патомы были изучены и по типологическим признакам соотнесены с кельтами с Прониhi, а вместе с ними – с ранним железным веком в лице тагарского времени степных районов Сибири, около VII–VI вв. до н. э. (Степанов, Соловьёва, Дьяконов, 2022).

Местонахождение Нирьякан на р. Мама содержит в покровных субэаральных отложениях 6–8-метровой террасы стояночный комплекс культурных остатков, из уровня которого заложено погребение. Погребение женское, сопровождающий инвентарь в нем отсутствовал. В культурном горизонте найдены фрагменты гладкостенного тонкостенного сосуда круглодонной формы и молот с перехватом, выполненным в пикетажной технике. Полученная по погребению радиоуглеродная дата 1880 ± 40 л. н. (ГИН-8004) позволила отнести его и весь комплекс местонахождения в целом к эпохе палеометалла – раннему железному веку (Инешин, 1995). Погребение с Нирьякана является третьим известным погребением раннего железного века в бассейне Витима. Первые два – Усть-Окторокон I и Усть-Каренга XII – были найдены В.М. Ветровым на Верхнем Витиме (Ветров, Инешин, 2002). Оба погребения имеют радиоуглеродные датировки, близкие возрасту погребения Нирьякан – 1980 ± 40 л. н. (ГИН-7065) и 2180 ± 40 л. н. (ГИН-5825) соответственно. Все три

⁵ Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация : автореф. на соиск. ученой степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 21 с.

погребения скорченные – с согнутыми под острым углом ногами. Женское погребение с Усть-Окторокона, как и Нирьяканское погребение, не имело сопровождающего инвентаря. В 2020 г. в результате спасательных работ на местонахождении Нирьякан был выявлен позднепалеолитический компонент возрастом около 13,3 тыс. кал. л. н. (Тетенькин, 2021). По гладкостенной керамике получена дата 3235 ± 30 л. н. (Poz-144233), указывающая на разность эпизодов поселения и захоронения на Нирьякане.

В 2018–2021 гг. Е.В. Безруковой и соавторами на основе изучения разреза торфяно-болотных отложений на 1-й террасе между Мамаканским взвозом и селом Колобовщина реконструирована природная обстановка для населения в долине Витима, характеризующая период около 6,6–3,5 тыс. кал. л. н. (Bezrukova et al., 2022).

Помимо Приленской культурной области, для которой разработана культурно-хронологическая периодизационная схема, корреляция комплексов неолита-палеометалла Байкало-Патомского нагорья проводилась и с памятниками Верхнего и Среднего Витима. Археологические комплексы Верхнего и части Среднего Витима образуют самостоятельную «культурную провинцию» с древнейшим для Байкальской Сибири очагом возникновения керамического производства в финале сартана, непрерывным развитием и преемственностью каменной индустрии на протяжении финала плейстоцена – среднего голоцена, сменой в конце атлантического оптимума усть-каренгской и усть-юмурченской культур (Аксенов и др., 2000; Ветров, 1992⁶; Ветров, 2006; Ветров, 2011а; Ветров, 2011b). Наряду с этим на Верхнем и Среднем Витиме наблюдаются также комплексы, не вписывающиеся в окружающий культурный фон. Таковы, например, местонахождение Сивакон с шлифованными нефритовыми изделиями, имеющими возраст ок. 8,0–8,7 тыс. кал. л. н. (5а культурный горизонт и погребение), местонахождения Старый Витим I–III эпохи бронзы – раннего железа (Ветров, Задонин, Инешин, 1993; Vetrov, Ineshin, 2019; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2020). Наличие керамики сетки-

плетенки на памятниках Нижнего Витима указывает на культурную трансляцию не с Верхнего Витима, а с Нижнего и из бассейна р. Лены, т. е. в рамках основного для Восточной Сибири сценария наступления неолита (Тетенькин, 2022)⁷. С другой стороны, находки на Коврижке I, 1 к. г. на Нижнем Витиме и на Усть-Каренге XVI в ямах-кладах на Верхнем Витиме артефактов из аргиллита типологически и петрографически идентичных, в одном хронологическом эпизоде около 6,7–6,9 тыс. кал. л. н., указывают на культурные контакты, существовавшие в это время между двумя районами, удаленными по Витиму на 800 км (Тетенькин, Ветров, Демонтерова и др., 2018).

Подытоживая историю изучения археологии среднего – позднего голоцена / неолита – раннего железного века Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья за последние 50 лет, мы должны прийти к выводам о том, что: 1) тафономическая репрезентативность памятников позднего палеолита – мезолита сразу, отвлекая от остального, привлекла к себе исследовательское внимание и усилия; 2) в силу слабой стратиграфической привязки, низкой тафономии культурных остатков памятники неолита – палеометалла продолжают оставаться малоизученными; 3) знания об этих эпохах остаются провизорными, т.е. по каждому из этапов неолита – эпохи палеометаллов, буквально, имеются точечные представления; 4) по причине отвлечения внимания на более перспективные объекты и удаленности, труднодоступности территорий значительная часть долины Витима, Мама и других рек посещалась кратковременно. Между двумя последними разведками по Витиму в районе местонахождения Тонорак, о котором пойдет речь ниже, прошло 35 лет.

Местонахождение Тонорак

Стоянка Тонорак располагается в 93 км вверх по течению р. Витим, на юго-восток от г. Бодайбо, в 360 м вниз по течению от устья р. Тонорак, правого притока р. Витим, на правом берегу р. Витим, на 20-метровой цокольной эрозионной террасе (рис. 1; 2). Терраса была сформирована, вероятно,

⁶ Ветров В.М. Каменный век Верхнего Витима : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. 17 с.

⁷ Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : автореф. на соиск. ученой степ. д-ра. ист. наук. Барнаул, 2022. 41 с.

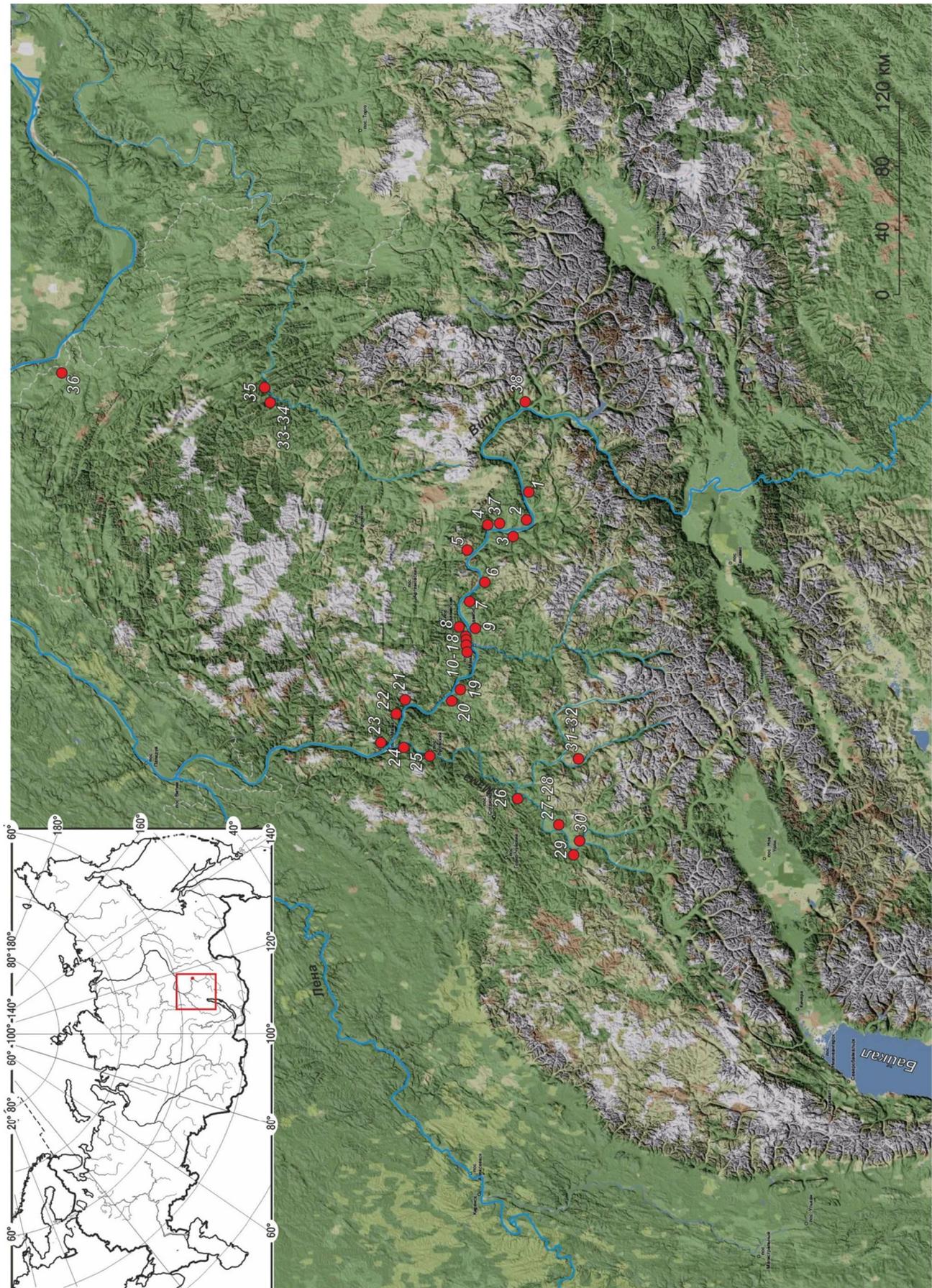

Рис. 1. (См. с. 16) / Fig. 1. (See p. 16)

Рис. 1 (с. 15). Карта-схема археологических местонахождений Байкало-Патомского нагорья. Цифрами обозначены: 1 – Сигнай; 2 – Нерпо; 3 – Бутуя; 4 – Синюга; 5 – Прониха; 6 – Каколда; 7 – Синя; 8 – Лужки; 9 – Бисяга; 10 – Бодайбо; 11 – Кожзавод; 12 – Авдеиха; 13 – Угольный Причал; 14 – Колобовщина; 15 – Инвалидный I–III; 16 – Мамакан I–VI; 17 – Бол. Якорь I–II; 18 – Коврижка I–V; 19 – Бугарихта; 20 – Брызгунья; 21 – Большая Северная; 22 – Малая Северная; 23 – Орленок; 24 – Усть-Чукча; 25 – Луговка; 26 – Молукчан; 27 – Теса; 28 – Нирьякан; 29 – Монюкан; 30 – Мукадек I–II; 31 – Озеро Гусиное; 32 – Озеро Барольда; 33 – Предвещающий; 34 – Мариинский; 35 – Усть-Хомолхо; 36 – Бол. Патом; 37 – Тонорак; 38 – Амалык

Fig. 1 (p. 15). Map of the archaeological sites of the Baikal-Patom Highlands. Marked with numbers: 1 - Sinai; 2 - Nerpo; 3 - Butuya; 4 - Sinyuga; 5 - Pronikha; 6 - Kakolda; 7 - Sinya; 8 - Luzhki; 9 - Bisyaga; 10 - Bodaibo; 11 - Kozhzavod; 12 - Avdeikha; 13 - Ugo'nyi Prichal; 14 - Kolobovschina; 15 - Invalidny I-III; 16 - Mamakan I-VI; 17 - Bolshoi Yakor' I-II; 18 - Kovrizhka I-V; 19 - Bugarikhta; 20 - Bryzgunya; 21 - Bolshaya Severnaya; 22 - Malaya Severnaya; 23 - Orlyenok; 24 - Ust'-Chukcha; 25 - Lugovka; 26 - Molukchan; 27 - Tesa; 28 - Niryakan; 29 - Monyukan; 30 - Mukadek I-II; 31 - Ozero Gusinoe; 32 - Ozero Barol'da; 33 - Predveschayuschy; 34 - Mariinsky; 35 - Ust-Khomolkho; 36 - Bol'shoi Patom; 37 - Tonorak; 38 - Amalyk

в результате прорыва вод Муйского палеозера (Margold et al., 2016). Вторичный характер наложения имеют образования на террасе ложбин поперечного простирания. Площадь стоянки приходится на мысовую часть террасы, ограниченную с юга и юго-востока ложком (рис. 2.2). Стоянка Тонорак открыта в 2022 г. Витимским отрядом им. В.М. Ветрова Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского национального исследовательского технического университета / Института Земной коры СО РАН под руководством А.В. Тетенькина. Заложено пять шурфов размерами 2 × 1 м, в трех из них обнаружен археологический материал. Протяженность территории ОАН вдоль р. Витим около 40 м. По результатам шурфовки общая площадь объекта составила 367 кв. м. Западная граница проведена вдоль внешней бровки террасы от мыса и имеет длину 27,5 м. Северо-западная граница проведена в глубь борта долины Витима на северо-восток и имеет длину 18,5 м. Северо-восточная граница проведена в глубь борта долины на юго-восток между шурфами 3 (с материалом) и 4 (без материала) длиной 15 м. Восточная граница проведена вдоль перегиба террасы к распадку с ручьем, имеет длину 21 м. Юго-восточная граница проведена по кромке террасы лицом к ложку, имеет длину 22 м.

В шурфе 1 на глубине 10–18 см под подзолом, в кровле оранжевой супеси залегают остатки 1 культурного горизонта (рис. 3.1). В шурфах 1–3 в нижележащей желтой супеси (под оранжевым слоем, в шурфе 1 ниже 1 культурного горизонта на 6–8 см), на глубине 18–22 см от дневной поверхности найдены микропластина из темно-серого кремня, крупные галечные сколы из зернистой

породы, куски битой (амортизированной гальки). На этом основании выделен 2 культурный горизонт (рис. 3.2). В шурфах 2–5 – выявлена общая мощность рыхлых покровных отложений, залегающих на цоколь, – 0,40–1,0 м.

1 культурный горизонт

В коллекцию 1 культурного горизонта входят: 1 призматический микронуклеус, 11 микропластин (рис. 4.1–6), 1 обломок галечного тесла (обушок) (рис. 4.9), 14 отщепов и сколов, 7 фрагментов керамики (рис. 4.10–12). Всего 35 единиц. Субстрат нуклеуса и микропластин – бело-серый кремнь.

Нуклеус имеет замкнутый конический фронт (рис. 4.8). В проксимальной трети по всему окружному периметру фронт имеет заломы, образующие ступень. С дистального конца было отжато несколько микропластинчатых снятий. Среди микропластин найдено две целых (рис. 4.5,6). На проксимальном конце одной из пластин двумя поперечными снятиями образован шип (рис. 4.2).

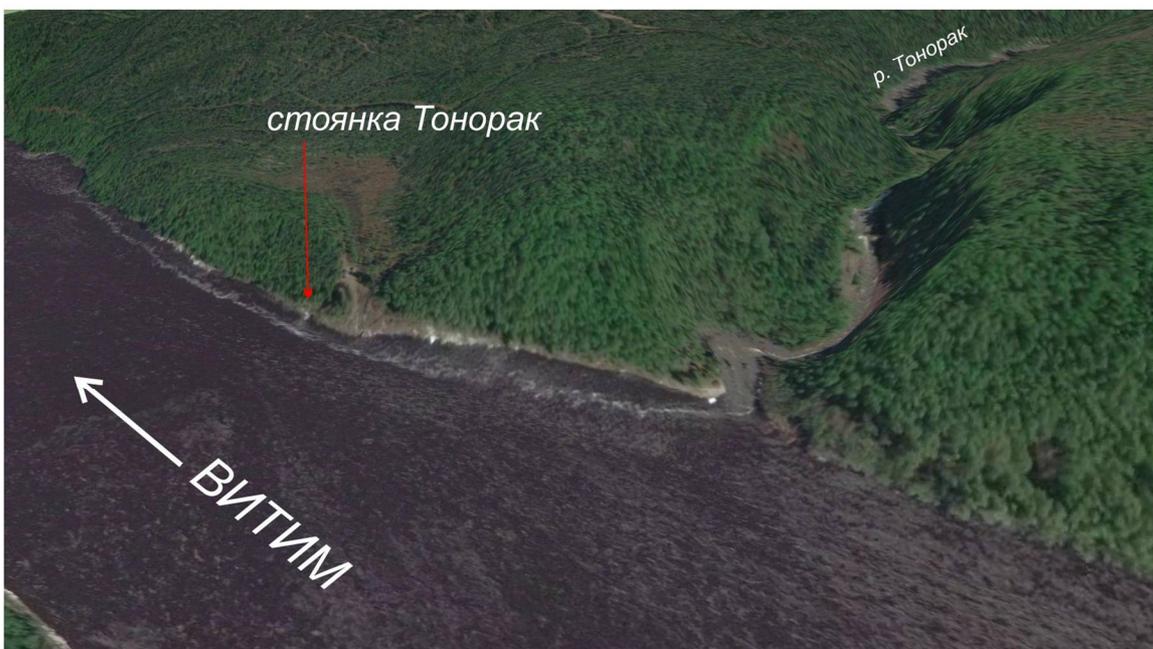
Все фрагменты керамики – гладкостенные. Есть один венчик с отогнутым верхним краем и косыми прямыми вдавлениями под ним (рис. 4.11). Толщина керамики – от 2 до 7 мм (у венчика). По двум образцам керамики получены радиоуглеродные даты 2470±30 л. н. (Poz-144231) и 2685±30 л. н. (Poz-144232).

2 культурный горизонт

В коллекцию 2 культурного горизонта входят 12 предметов, в том числе 1 микропластина из темно-серого кремня (рис. 4.7), 1 обломок галечного орудия (чоппера) (рис. 4.13), 4 обломка коло-тых галек. Одна микропластина и две чешуйки из

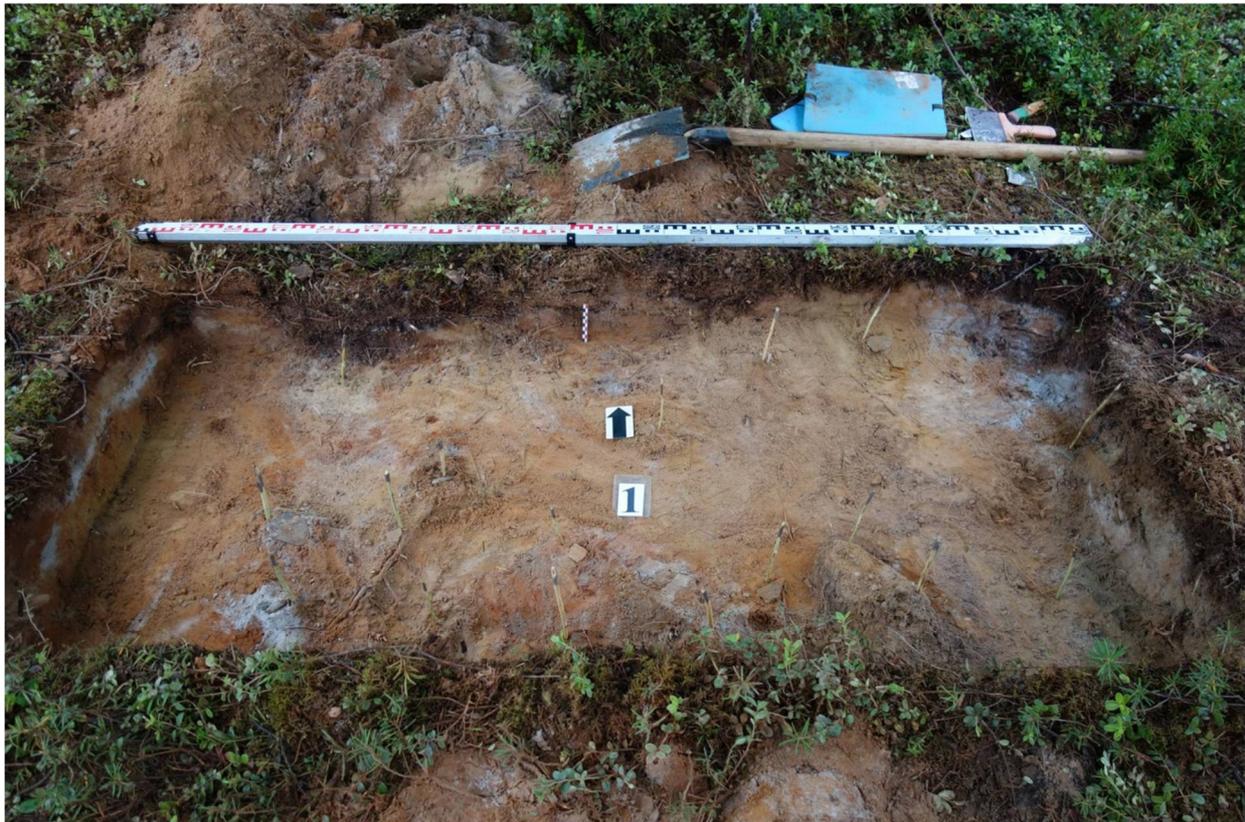

1

2

Рис. 2. Район местонахождения Тонорак: 1 – Карта участка долины р. Витим с археологическим местонахождением Тонорак; 2 – 3D модель участка долины р. Витим с археологическим местонахождением – стоянкой Тонорак
Fig. 2. Area of the Tonorak site: 1 - Map of the section of the valley of the River Vitim with the archaeological site Tonorak; 2 - 3D model of the section of the valley of the River Vitim with the archaeological site Tonorak

1

2

Рис. 3. Стоянка Тонорак, Вид на шурф 1: 1 – 1 культурный горизонт; 2 – 2 культурный горизонт
Fig. 3. Tonorak site, View of the test-pit No. 1: 1 - 1 cultural horizon; 2 - 2 cultural horizon

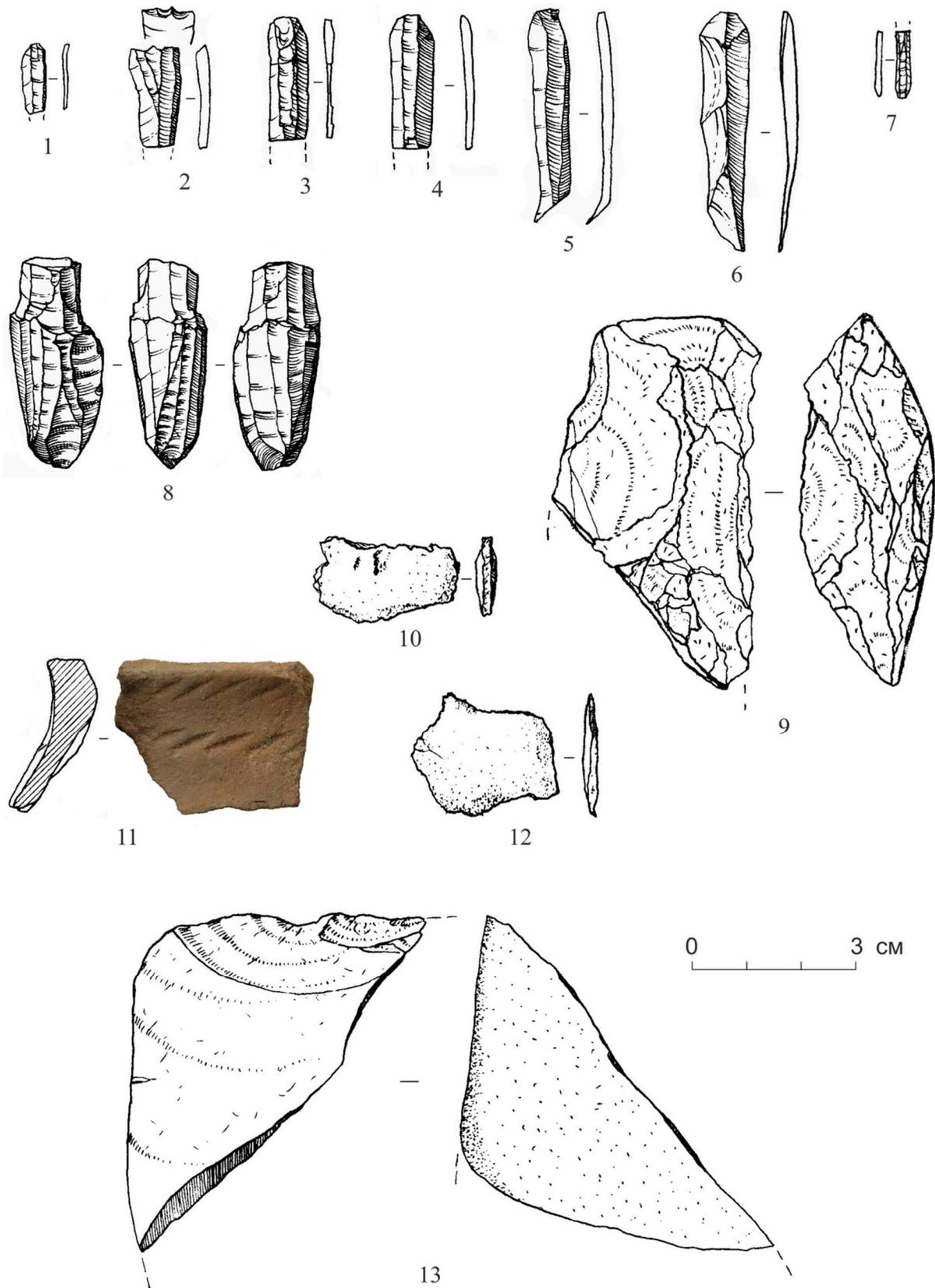

Рис. 4. Стоянка Тонорак: 1-7 – микропластины; 8 – призматический нуклеус; 9 – фрагмент галечного тесла; 10-12 – фрагменты керамики; 13 – фрагмент галечного орудия (чоппера). 1-6, 8-12 – 1 культурный горизонт; 7, 13 – 2 культурный горизонт

Fig. 4. Tonorak site: 1-7 – microblades; 8 - prismatic core; 9 - fragment of a pebble adze; 10-12 - ceramic fragments; 13 - fragment of a pebble tool (chopper). 1-6, 8-12 - 1 cultural horizon; 7, 13 - 2 cultural horizon

кремня отличаются темно-серым цветом от кремня находок 1 культурного горизонта – белого – светло-серого. Одна чешуйка – из халцедона. Остальные артефакты из крупнозернистых пород камня.

Обсуждение

Радиоуглеродные даты получены по двум фрагментам гладкостенной керамики из 1 культурного горизонта. Если даже эти фрагменты не с одного сосуда, то, во всяком случае, принадлежат одному стояночному комплексу культурных остатков. Посему в оценке их возраста мы опираемся на близкие края хронологических интервалов калиброванных дат 766–465 гг. до н. э. (Poz-144231) и 901–802 гг. до н. э. (Poz-144232), т. е. около 802 – 766 гг. до н. э., или конец IX – 1-я пол. VIII вв. до н. э. Согласно наиболее разработанной для севера Восточной Сибири якутской культурно-хронологической схемы – это время приходится на окончание устьмильской культуры и вместе с ней бронзового века (Федосеева, 1974; Федосеева, 1980).

Облик каменной индустрии 1 культурного горизонта в целом типичен как для позднего неолита – бронзового века Якутии, так и для Верхнего Витима (Федосеева, 1980; Ветров, 2011b). Это индустрия микропластинчатого отжима призматических нуклеусов, связанная с вкладышевой техникой оснащения охотничьего оружия и орудий домашней деятельности. В том числе характерны призматические нуклеусы с круговой забитостью – заломами фронта в проксимальной трети, часто затем переоформлявшиеся в резцы, сверла (Takase, Dyakonov, 2021). Для Нижнего Витима это самый поздний комплекс каменной индустрии, имеющий выраженный технико-типологический, количественный и хронологически определенный облик. Ассамбляжи с пластинчатой индустрией расщепления призматических нуклеусов из кремня здесь представлены раннеголоценовой группировкой памятников типа Большой Северной: эпонимным объектом Большой Северной, Павлова, Инвалидным III – пунктами 2 и 3, Коврижкой III – 1А культурным горизонтом, а также раннеэолитическими объектами – Коврижкой I – 2 культурным горизонтом, Коврижкой IV – 1 культурным горизонтом, сохраняющими тот же облик камен-

ной индустрии. Возраст этих памятников – 11–7 тыс. л. н. (Тетенькин, 2022)⁸. Временем около 5,5 тыс. л. н. датируется 1А культурный горизонт Инвалидного III, пункта 1. Его комплекс также содержит набор из призматического микронуклеуса, микропластин и галечных рубящих орудий. Новой в нынешней ситуации является форма вышеупомянутого призматического микронуклеуса с круговой забитостью фронта. Она, судя по якутским данным, характерна для неолита – бронзового века (Археологические памятники Якутии..., 1983; Федосеева, 1980). На местонахождении Нирьякан, чей поздний комплекс, судя по радиоуглеродной дате 3235±30 л. н. (Poz-144233), более близок Тонораку, ситуация с каменным инвентарем совершенно иная. Ввиду отсутствия кремня в ходу была весьма специфичная технология расщепления плоских галек крупнозернистых пород и получения галечных отщепов, использовавшихся затем как ножи-скребла без дальнейшей отделки (Эти материалы еще не опубликованы).

Кремень как сырьевая основа расщепления характерен именно для памятников Нижнего Витима. Ближайшая группа археологических местонахождений Среднего Витима – памятники Усть-Муя I–III, расположенные в 338 км выше по течению Витима, за Делюн-Оронским и Парамским порогами, – представлена халцедоновыми материалами каменного производства. Судя по датам кострищ из заполнения ритуальных ям стоянки-могильника Старый Витим II, стояночные материалы этого памятника могут быть датированы возрастом около 5,3–4,8 и около 3,9–3,4 тыс. кал. л. н. (Ветров, 1982; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2020. С. 29). Здесь, на Тонораке во 2-м культуросодержащем уровне найдена лишь одна чешуйка (отщеп) из халцедона. То есть, в целом каменная сырьевая основа Тонорака иная.

Гладкостенная керамика с отогнутым венчиком и горизонтальными рядами косо наклонных линейных вдавлений характерна как для устьмильской культуры бронзового века Якутии (напр.: Археологические памятники Якутии..., 1983. Табл. 191, 9), так и для раннего железного

⁸ Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : автореф. на соиск. ученой степ. д-ра. ист. наук. Барнаул, 2022. 41 с.

века Якутии (Степанов, Дьяконов, 2005). Следует также отметить, что и на побережье оз. Байкал мотив косо наклонных рядов прямых линейных, либо зубчатых вдавлений на гладкостенной керамике, часто в сочетании с жемчужным орнаментом, штампами, насечками и пр., широко распространен в развитом бронзовом веке (Харинский, Емельянова, Рыков, 2009; Кичигин, 2010). Каменная индустрия 1 к. г. Тонорака сохраняет характер пластинчатого производства, развитого в течение неолита – бронзового века Якутии (особенно, ымыяхтахского этапа). Для археологии Нижнего Витима это первый датированный памятник конца бронзового века. Территориально близко к нему, в 23 км ниже по течению Витима, находится устье р. Проники, где в 1910 г. были найдены три бронзовых кельта, типологически датированных VII–V вв. до н. э., т. е. по возрасту близкие 1 к. г. стоянки Тонорак, но несколько более поздние. Если находки топоров-кельтов были случайны и единичны, то на Тонораке найдено пятно скопления культурных остатков, соответственно есть возможность и перспектива исследования культуры этого времени. Типологические связи для каменной индустрии и керамики Тонорака простираются на север – северо-восток, в Якутию. Ближайшие аналоги кельтам-топорам найдены также к северу от Витима, в нижнем течении р. Бол. Патом и в долине р. Лена (у с. Мурья) (Степанов, Соловьёва, Дьяконов, 2022).

Кремень как основа индустрии, присутствующий здесь в 1 к.г. Тонорака, характерен для памятников Нижнего Витима. Напротив, для комплексов бронзового века Верхнего Витима (усть-

юмурченская культура) и Среднего Витима (памятники района устья р. Муя) характерно доминирование халцедона в каменном производстве (Ветров, 1982; Ветров, 2011b; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019).

Что касается **2 культурного горизонта**, то выводы здесь могут быть даны только самые осторожные. Отмечается и более тонкая ширина (около 2 мм) пластинки, и темно-серый кремень ее и чешуек, найденных в желтой супеси, во 2-м к. г., что отбивает эти материалы от 1 культурного горизонта. Каков их возраст, сказать сейчас нельзя. Возможно, этот комплекс в будущем удастся скоррелировать с 1-м или 2-м культурными горизонтами стоянки Бутуя, расположенной в 13 км выше по течению р. Витим.

Заключение

Для района Нижнего Витима новое археологическое местонахождение Тонорак являет собой первый представительный и датированный комплекс конца бронзового века с открытой возможностью дальнейшего изучения. Основные типологические корреляционные выводы по керамике и каменной индустрии 1 культурного горизонта проведены с устьмильской культурой культурно-хронологической схемы Якутии. Выводом общего порядка является наблюдение за сохраняющимся к рубежу бронзового – железного веков высоким уровнем каменного – пластинчатого производства. В данном материале Тонорака отсутствуют какие-либо основания для суждений о деградации традиций каменного расщепления к концу каменного века.

Список источников

Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 4–35.

Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы / Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, А.Н. Алексеев и др. Новосибирск : Наука, 1983. 392 с.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине 1976–1978 гг. // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск : Иркут. ун-т, 1982. С. 86–100.

References

Aksenov M.P., Vetrov V.M., Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2000) History and some results of archaeological research in the Vitim River basin (Vitim Plateau and Baikal-Patom Plateau). *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikalian Siberia in the Past*. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University. Iss. 2. Pt. 1. P. 4-35. (In Russ.).

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., Alekseev A.N. (1983) Archaeological sites of Yakutia. Aldan and Olekma basins. Novosibirsk: Nauka. 392 p. (In Russ.).

Vetrov V.M. (1982) Archaeological research in the Muya depression (1976-1978). *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri: sb. nauch. tr. = The material culture of the ancient population of Eastern Siberia. Collection of scientific works*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 86-100. (In Russ.).

Ветров В.М. Финальноплейстоценовые – среднеголоценовые культуры Верхнего Витима // II Северный Археологический Конгресс. Екатеринбург – Ханты-Мансийск : «Чароид», 2006. С. 11–13.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: Усть-каренгская культура (13000–5000 л.н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Лыньша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011а. С. 173–187.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6 – 3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011б. Вып. 2. С. 34–41.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилinda (Сивакон)-1 в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1993. С. 98–112.

Ветров В.М., Инешин Е.М. Погребения раннего железного века бассейна р. Витим (датировка и культурная принадлежность) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, Чита : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. С. 92–103.

Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Ч. 1. Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-9-34>

Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Ч. 2. Погребально-ритуальные комплексы № 7–15 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 9–34. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34>

Инешин Е.М. Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцен-голоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р. Витим) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 187–189.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии : сборник научных трудов / под ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 96–104.

Vetrov V.M. (2006) Final Pleistocene - Middle Holocene cultures of the Upper Vitim. // *Severnyi Arheologicheskiy Kongress = II Northern Archaeological Congress*. Ekaterinburg - Khanty-Mansiisk: "Charoid". P. 11-13. (In Russ.).

Vetrov V.M. (2011a) Archaeology of the Vitim Plateau: Ust-Karenga culture (13000-5000 years ago). *Aktual'nye problemy arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: sb. nauch. st. = Actual Problems of Archeology of Siberia and the Far East. Collection of scientific works*. Ussuriisk: Publishing House of the USPI. P. 173-187. (In Russ.).

Vetrov V.M. (2011b) Archeology of the Vitim Plateau: Ust-Yumurchen culture (5-4.6-3.5 Kyr BP). *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoi Sibiri: materialy Mezhdunar. nauch. konf. = Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the Intern. Scientific Conf.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 34-41. (In Russ.).

Vetrov V.M., Zadonin O.V., Ineshin E.M. (1993) Multi-layer site Nizhnyaya Dzhilinda (Sivakon)-1 in the Bambuy depression. *Kul'tury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla Zabaikal'ya = Cultures and Sites of the Stone and Early Metal Epoch of Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 98-112. (In Russ.).

Vetrov V.M., Ineshin E.M. (2002) Burials of the early Iron Age of the basin of River Vitim (dating and cultural affiliation). *Central'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti = The Ancient Central Asia and Transbaikalia*. Ulan-Ude; Chita: Buryat State University. P. 92-103. (In Russ.).

Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. (2019) The archaeological site Saryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Pt. 1. Funeral and ritual complexes No. 1-6. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 4. P. 9-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-9-34>.

Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. (2020) The archaeological site Saryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Pt. 2. Funeral and ritual complexes No. 7-15. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 1. P. 9-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34>.

Ineshin E.M. (1995) Some aspects of creating a model of human activity in the Pleistocene-Holocene in the mountain taiga zone (Baikal-Patom highlands, lower reaches of the Vitim River). *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu = Review of the results of the field and laboratorial investigations of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in the 1993 year*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P.187-189. (In Russ.).

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. (2005) Problems of studying the archaeological sites of the early Holocene on the Lower Vitim. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: sbornik nauchnykh trudov = Sociogenesis in North Asia. Collection of scientific papers*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Pt. 1. P. 96-104. (In Russ.).

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.

Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. № 8. С. 154–192.

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // Советская археология. 1960. № 1. С. 148–162.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии : (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1980. С. 3–13.

Окладников А.П. История Якутской АССР. В 3-х т. Т. I. Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л. : АН СССР, 1955. 432 с.

Степанов А.Д., Дьяконов В.М. Керамика железного века долины Туймаада // Северная палеокультура – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена : мат-лы Междунар. научн. конф. «По следам костров...» (29 августа – 8 сентября 2005 г.). Магадан : Изд-во Северного международного университета, 2005. С. 117–122.

Степанов А.Д., Соловьёва Е.Н., Дьяконов В.М. Новые находки топоров-кельтов на Большом Патоме (Средняя Лена) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 44–55. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-44-55>

Тетенькин А.В. Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирьякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 9–21. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21>

Тетенькин А.В., Ветров В.М., Демонтерова Е.И., Пашкова Г.В., Канева Е.В. Аргиллитовые артефакты как источник информации о связях населения бассейна Витима в эпоху финального плейстоцена – среднего голоцена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 16–24.

Уланов А.А., Канева Е.В., Поплевко Г.Н., Тетенькин А.В. Первые результаты трасеологического исследования раннеголоценовой пластинчатой индустрии стоянки Павлова I на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 9–28. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-9-28>

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. Якутск : Якутское книжное издательство, 1970. С. 128–142.

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2010) Human and the environment of the North of Baikalian Siberia in the Late Pleistocene. Archaeological site Bol'shoi Iakor' I. Novosibirsk: Nauka. 270 p. (In Russ.).

Kichigin D.E. (2010) Krasny Yar II site on the northwestern coast of Lake Baikal: results and prospects. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 8. P. 154-192. (In Russ.).

Maksimenzov G.A. (1960) Bronze Celts of the Krasnoyarsk-Angara Celts. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. No. 1. P. 148-162. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. (1977) The earliest stages of human settlement in Northeast Asia. Novosibirsk: Nauka. 264 p. (In Russ.).

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. (1980) The main results of the archaeological study of Yakutia. *Novoe v arheologii Yakutii: Trudy Prilenskoj arkheologicheskoi ekspeditsii = New in the archeology of Yakutia. Scientific works of Lena's Archaeological Expedition*. Yakutsk: YaF SO AN USSR. P. 3-13. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1955) History of the Yakut ASSR. In 3 vol. Vol. I. Yakutia before joining the Russian state. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. 432 p. (In Russ.).

Stepanov A.D., D'yakonov V.M. (2005) Ceramics of the Iron Age of the Tuymaada Valley. *Severnaya pacifika - kul'turnye adaptacii v konce plejstocena i golocena: mat-ly Mezhdunar. nauchn. konf. «Po sledam kostrov...» (29 avgusta - 8 sentyabrya 2005 g.) = Northern Pacific - cultural adaptations at the end of the Pleistocene and Holocene. Proceedings of the International Scientific Conf. "In the wake of the fires..." (August 29 - September 8, 2005)*. Magadan: Northeastern State University. P. 117-122. (In Russ.).

Stepanov A.D., Solov'eva E.N., D'yakonov V.M. (2022) New finds of Celtic axes on Bolshoi Patom (Middle Lena). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 44-55. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-44-55>.

Teten'kin A.V. (2021) New Paleolithic component of the Niryakan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 9-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21>.

Teten'kin A.V., Vetrov V.M., Demonterova E.I., Pashkova G.V., Kaneva E.V. (2018) Argillite Artifacts and Final Pleistocene to Middle Holocene Cultural Links across the Vitim River Basin (Baikal Region). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. Vol. 46. No. 2. P. 16-24. (In Russ.).

Ulanov A.A., Kaneva E.V., Poplevko G.N., Teten'kin A.V. (2020) The first results of a traceological study of the Early Holocene blade industry of the Pavlova I site on lower Vitim River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 2. P. 9-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-2-9-28>.

Fedoseeva S.A. (1970) New data on the Bronze Age of Yakutia. In the footsteps of the ancient cultures of Yakutia. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii = In the footsteps of the an-*

Федосеева С.А. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1974. Вып. 2. С. 146–158.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. 224 с.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2009. № 7. С. 86–132.

Bezrukova E.V., Reshetova S.A., Tetenkin A.V., Tarasov P.E. Leipe C. The Early Neolithic-Middle Bronze Age environmental history of the Mamakan archaeological area, Eastern Siberia // Quaternary International. 2022. Vol. 623. pp. 159–168. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.12.006>

Margold M., Jansen J.D., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C. Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // Quaternary Science Reviews. 2016. Vol. 132. P. 161–174. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quascirev.2015.11.018>

Takase K., Dyakonov V.M. Functional analysis of stone tools from Yakutia // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии : Сб. мат. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 75-летию Алексеева А.Н. (г. Якутск, 28–29 октября 2021 г.). Якутск : ИГиПМНС СО РАН, 2021. С. 39–46.

Vetrov V.M., Ineshin E.M. The Most Ancient Ceramics of Baikal Siberia in the Context of the Traditions of Ceramics of East Asia // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 453–473. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.205>

Информация об авторах

Тетенькин Алексей Владимирович,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: altet@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Аржанников Сергей Геннадьевич,

кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории современной геодинамики,
Институт земной коры СО РАН,
664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия,
e-mail: sarzhan@crust.irk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4389-3684>

Аржанникова Анастасия Валентиновна,

доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории современной геодинамики,
Институт земной коры СО РАН,

cient cultures of Yakutia. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 128-142. (In Russ.).

Fedosееva S.A. (1974) Ust-Mil' culture of the Bronze Age of Yakutia. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient history of the peoples of the south of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk University. Iss. 2. P. 146-158. (In Russ.).

Fedosееva S.A. (1980) Ymyyakhthakh culture of North-east Asia. Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Rykov G.K. (2009) North-western coast of Lake Baikal in the Bronze Age: based on materials from sites. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. No. 7. P. 86-132. (In Russ.).

Bezrukova E.V., Reshetova S.A., Tetenkin A.V., Tarasov P.E. (2022) The Early Neolithic-Middle Bronze Age environmental history of the Mamakan archaeological area, Eastern Siberia // Quaternary International. 2022. No. 623. pp. 159-168. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.12.006>

Margold M., Jansen K.N., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C. (2016) Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // Quaternary Science Review. 2016. No. 132. P. 161-174.

Takase K., Dyakonov V.M. (2021) Functional analysis of stone tools from Yakutia. Aktual'nye problemy izucheniya dopis'mennoj istorii Severnoj Evrazii: Sb. mat. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem = Actual problems of studying the preliterate history of Northern Eurasia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conf. with International Participation. Yakutsk: IGIIPMNS SB RAS. P. 39-46.

Vetrov V.M., Ineshin E.M. The Most Ancient Ceramics of Baikal Siberia in the Context of the Traditions of Ceramics of East Asia. Vestnik of Saint Petersburg University. History, 2019, vol. 64, issue 2, pp. 453-473. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.205>

Information about the authors

Aleksei V. Tetenkin,

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: altet@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Sergey G. Arzhannikov,

Cand. Sci. (Geology and mineralogy), Leading Researcher of the Laboratory of recent geodynamic,
Institute of the Earth Crust, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
128, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia,
e-mail: sarzhan@crust.irk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4389-3684>

Anastasia V. Arzhannikova,

Dr. Sci. (Geology and mineralogy), Leading Researcher of the Laboratory of recent geodynamic,
Institute of the Earth Crust, Siberian Branch of Russian

664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия,
e-mail: arzhan@crust.irk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7576-1029>

Почекунин Данил Михайлович,
студент,

Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия;
лаборант Центра коллективного пользования
«Геодинамика и геохронология»,
Институт земной коры СО РАН,
664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия,
e-mail: pochekunin.danya@mail.ru

Чеботарев Алексей Александрович,

ведущий инженер лаборатории современной
геодинамики,
Институт земной коры СО РАН,
664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия,
e-mail: che@crust.irk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9061-8765>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 5 апреля 2023 г.; принята к публикации 17 апреля 2023 г.

Academy of Sciences,
128, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia,
e-mail: arzhan@crust.irk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7576-1029>

Danil M. Pochekunin,
Student,

Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russia;
Laboratory assistant of the Center for Collective Use “Geodynamics and Geochronology”,
Institute of the Earth Crust, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
128, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia,
e-mail: pochekunin.danya@mail.ru

Aleksei A. Chebotarev,

Leading Engineer of the Laboratory of recent geodynamic,
Institute of the Earth Crust, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
128, Lermontov St., Irkutsk, 664033, Russia,
e-mail: che@crust.irk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9061-8765>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 15, 2023; approved after reviewing April 5, 2023; accepted for publication April 17, 2023.

Научная статья
УДК 903.5 903.04
EDN: CZYUUA
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-26-48>

Затерянная коллекция Б.Э. Петри: материалы раскопок Тункинского могильника

А.В. Харинский^{1,2}, Г.Л. Иванов³, М.А. Портнягин¹

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

³ Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлены материалы коллекции № 192, хранящиеся в Иркутском областном краеведческом музее. Документация на коллекцию отсутствует. Рассмотрен один из вариантов формирования коллекции. Сделан вывод о том, что большая часть вещей, представленных в ней, является сопроводительным инвентарем захоронений, раскопанных в середине 20-х гг. XX в. Б.Э. Петри в Тункинской долине на могильнике Монды 1. В состав коллекции входят предметы вооружения, конского снаряжения, одежды и бытового назначения. Дается описание инвентаря, приводится его типология. Отмечено, что две пары стремян, входящих в коллекцию № 192, изображены на фотографиях захоронений, раскопанных Б.Э. Петри, и опубликованных в монографии А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.)». В ней представлены фотографии двух человеческих погребений и ритуального захоронения барана. Костяки располагались в деревянных колодах с округлыми торцами. Труположение вытянутое, на спине, кисти рук покоились на бедрах. В первом захоронении одно из стремян находилось между ног погребенного, а второе – на борту колоды. Во втором захоронении оба стремени располагались за пределами колоды, слева от погребенного. Обе могилы, раскопанные Б.Э. Петри, можно отнести к захоронениям саян-тунгусского типа, характеризующие погребальный ритуал монголов имперского периода (XIII–XIV вв.) Большая часть предметов из коллекции № 192 датируется этим временем. Из перечисленных А.П. Окладниковым вещей, обнаруженных Б.Э. Петри, в настоящее время в коллекции отсутствуют китайские бронзовые зеркала, остатки седел, крытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, свистунки от наконечников стрел и серебряная чаша на высокой ножке.

Ключевые слова: Бурятия, Тункинская долина, Б.Э. Петри, Иркутский областной краеведческий музей, погребения саян-тунгусского типа, сопроводительный инвентарь, стремяна, наконечники стрел, бронзовые бляшки

Для цитирования: Харинский А.В., Иванов Г.Л., Портнягин М.А. Затерянная коллекция Б.Э. Петри: материалы раскопок Тункинского могильника // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 26–48. EDN: CZYUUA. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-26-48>.

Archaeology

Original article

B.E. Petri's lost collection: excavations of the Tunkinsky burial ground

Artur V. Kharinskii^{1,2}, Grigorii L. Ivanov³, Matvei A. Portniagin¹

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³ Irkutsk Museum of Regional Studies named after N.N. Muravyov-Amursky, Irkutsk, Russia

Abstract. The article presents the materials of collection No. 192, stored in the Irkutsk Museum of Regional Studies. There is no documentation for the collection. One of the options for forming a collection is considered. It has been concluded that most of the things presented in it are the accompanying inventory of burials excavated in the mid-1920s by B.E. Petri in the Tunka Valley at the Mondy 1 burial ground. The collection includes weapons, horse equipment, clothing and household items. The inventory is

described, its typology is given. It is noted that two pairs of stirrups included in collection No. 192 are depicted in photographs of burials excavated by B.E. Petri, and published in the monograph by A.P. Okladnikov "Essays from the history of the Western Buryat-Mongols (XVII-XVIII centuries)". The book contains photographs of two human burials and a ritual burial of a ram. The skeletons are located in wooden decks with rounded ends. The corpse was elongated, on the back, the hands rested on the hips. In the first burial, one of the stirrups was located between the legs of the buried, and the second was on the edge of the deck. In the second burial, both stirrups are located outside the deck, to the left of the buried. Both graves excavated by B.E. Petri, can be attributed to the burials of the Sayantui type, which characterize the funeral ritual of the Mongols of the imperial period (XIII-XIV centuries). Most of the items from collection No. 192 date from this time. Of the items listed by A.P. Okladnikov, discovered by B.E. Petri, the collection currently lacks Chinese bronze mirrors, the remains of lacquered saddles, pearls, silver and gold jewelry, whistles from arrowheads and a silver bowl on a high leg.

Keywords: Buryatia, Tunka Valley, B.E. Petri, Irkutsk museum of regional studies, burials of the Sayantui type, accompanying inventory, stirrups, arrowheads, bronze plaques

For citation: Kharinskii A.V., Ivanov G.L., Portniagin M.A. (2023) B.E. Petri's lost collection: excavations of the Tunkinsky burial ground. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 26-48. (In Russ.). EDN: CZYUUA. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-26-48>.

Введение

В 1937 г. была опубликована монография А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.)». Касаясь древней истории Предбайкалья, автор описывает монгольские могилы, раскопанные в Тункинской долине Б.Э. Петри. А.П. Окладников пишет: «Комплекс богатых погребений, раскопанных Б.Э. Петри в Тунке, содержал погребения в колодах с костями барана при покойниках. В могилах, сверху обозначенных площадками из булыжника, выложенного в виде правильного круга, найдены китайские бронзовые зеркала, остатки седел, крытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, остатки конской сбруи с богатыми бронзовыми накладками, стремена и удила, остатки сложного монгольского лука, наконечники стрел со свистунками и т. д., шелковые ткани и серебряная чаша на высокой ножке» (Окладников, 2013. С. 258–259).

В книге А.П. Окладникова приводятся несколько фотографий, сделанных Б.Э. Петри во время раскопок могильника в Тунке. На рисунках 14 и 15 изображена надмогильная кладка из валунов; на рисунке 16 – погребение воина-кочевника с колчаном, стременами и седлом; на рисунке 17 – погребение в колоде, с серебряной чашей у ног костяка; на рисунке 18 – ритуальное захоронение барана (Окладников, 2013. С. 260–264). Судя по фотографиям Б.Э. Петри, в Тункинской долине было раскопано, как минимум, две человеческих могилы и погребение барана.

Материалы могильника так и не были введены в научный оборот. Не сохранилось сведений о

том, в каком году проводились раскопки, где находился могильник, сколько и каких захоронений было вскрыто. Можно лишь предположить, что раскопки были предприняты Б.Э. Петри во время его экспедиций в Северную Монголию и верховья р. Оки. В августе 1923 г. и в 1924 г. Б.Э. Петри совершил экспедиции в Монголию на озеро Хубсугул (Косогол) (Петри, 1926). В 1925 г. ученый был назначен председателем Комитета содействия северным окраинам при Иркутском губисполкоме. Он занялся вопросами социалистического переустройства народов Сибири. В 1925 г. Б.Э. Петри предпринял экспедицию к тофаларам, а в следующем году он проводил исследования среди окинских сойотов (Петри, 1927; Сирина, 2002).

Могильник, на котором вел раскопки Б.Э. Петри скорее всего располагался недалеко от дороги, проходившей по Тункинской долине. Одним из таких мест могли быть окрестности с. Монды, где ученый делал остановку для того, чтобы продолжить исследования в Монголии (1923, 1924 гг.) или среди окинских сойотов (1926 г.).

Коллекция № 192

На протяжении нескольких десятилетий считалось, что коллекция Б.Э. Петри, полученная в результате раскопок на могильнике в Тункинской долине, утрачена. Ситуация изменилась в 2020 г. Во время проводившейся в Иркутском областном краеведческом музее инвентаризации были обнаружены коробки, содержащая вещи, преимущественно датирующиеся XIII–XIV вв. Найденная коллекция имела № 192. Она включала сопроводи-

тельный инвентарь нескольких захоронений, к которому, возможно, добавлены и предметы из подъемных сборов. В музейной документации коллекционная опись с № 192 не фиксировалась. Предметы с шифром 192, датируемые XIII–XIV вв., были зарегистрированы под ВП-3561.

При изучении коллекционной документации музея выяснилось, что в ней имеются описи под № 191 и 194. Описи № 192 и 193 отсутствуют. При этом если коробки с предметами под № 192 присутствуют в фондах музея, то предметов с № 193 в музее не обнаружено. При обращении к коллекционным описям № 191 и 194 стало понятно, что предметы, упомянутые в них, поступили в музей осенью 1927 г. от Б.Э. Петри. Они происходят из Тункинского аймака Бурятской республики. В коллекции № 191 представлено 87 фрагментов керамики, обнаруженных в окрестностях с. Тунка, на холме Хурлије индыр Болдок. Коллекция № 194 включает предметы неолитической культуры (подъемный материал с выдувов на дюнах) – 56 фрагментов керамики, бронзовую пуговицу и фрагмент металлического котла. Вероятно, в 1927 г. Б.Э. Петри сдал в Иркутский краеведческий музей несколько коллекций из Тункинской долины, происходящих из разных пунктов, среди которых находились и коллекции № 192 и 193. В дальнейшем их коллекционные описи исчезли, как и сама коллекция № 193.

В 2020 г. авторами статьи были предприняты попытки отыскать могильник, на котором проводил раскопки Б.Э. Петри. На основе архивных данных и археологических исследований было выяснено, что наиболее вероятным памятником, который можно сопоставить с Тункинским некрополем Б.Э. Петри, является могильник Монды 1 (Харинский, Портнягин, 2021). Он находится в 0,5 км от западной окраины села Монды, на левом берегу р. Иркут, на восточном предгорном шлейфе Мондинской горы. Сведения о том, что Б.Э. Петри раскапывал в Тункинской долине еще какой-либо могильник XIII–XIV вв. отсутствуют.

Чтобы убедиться в неправомочности сопоставления с могильником, раскопанным Б.Э. Петри, археологического объекта Мойготы I¹, в 2022 г.

А.В. Харинским предпринят его осмотр вместе с еще двумя археологическими объектами, отмеченными в 2012 г. Д.А. Миягашевым во время выполнения работ по установлению границ территорий объектов археологического наследия Тункинского района Республики Бурятия. Им выделены два средневековых памятника Мойготы. Могильник. Пункт I и Пункт II. Первый из них находился вдоль полотна автомобильной трассы Култук – Монды с левой стороны, между 178 и 179 км (между р. Иркут и трассой Култук – Монды). По мнению исследователя, первые сведения о памятнике принадлежат Б.Э. Петри, им были раскопаны две могилы. Пункт II располагался справа от дороги или в 100 м от берега р. Иркут на отметках 180,8–180,6 км трассы Култук – Монды в лесополосе (между р. Иркут и трассой Култук – Монды). Д.А. Миягашев считает, что в 1920-х гг. Б.Э. Петри раскопал на памятнике две могилы².

Основываясь на данных отчетов, объект Мойготы I, обнаруженный в 2002 г., располагался у отметки 189/30 км трассы Култук – Монды, к югу от нее. Отмеченные в 2012 г. Д.А. Миягашевым пункты I и II могильника Мойготы, находились соответственно между 178 и 179 км и между 180,8–180,6 км трассы Култук – Монды, к северу от нее. Все три объекта располагаются в разных местах. При осмотре территории, на которой они локализируются, выявлено несколько незадернованных куч камней, практически не покрытых лишайником. Внешний вид этих куч указывал на их недавнее происхождение. Расположение каменных куч возле дороги, на пониженных участках местности, наводит на мысль, что они могли возникнуть благодаря работе бульдозеров во время строительства дороги Култук – Монды. Схожие конструкции были определены в 1991 г. Л.В. Лбовой и Э.Р. Гречищевым на некрополе Монды II как

кинского района Республики Бурятия // Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГИП Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2002. Л. 14.

² Миягашев Д.А. Отчет о выполнении работ по установлению границ территорий объектов археологического наследия Тункинского района Республики Бурятия // Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГИП Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2012. Л. 18–20.

¹ Лбова Л.В., Базаров Б.А., Конев В.П., Жамбалтарова Е.Д. Отчет о мониторинге археологических памятников Тун-

надмогильные сооружения³. В 2020 г. две каменных конструкций этого памятника были раскопаны. Их поздняя дата подтверждена (Харинский, Портнягин, 2021).

Внешний вид каменных куч на археологических объектах Мойготы I; Мойготы. Могильник. Пункт I и Пункт II, их локализация в низине, вдоль трассы Култук – Монды, а также схожесть с каменными конструкциями, исследованными на объекте Монды II, позволяют отнести время их сооружения ко второй половине XX в. Сопоставлять эти сооружения с могилами, раскопанными Б.Э. Петри в Тункинской долине, нет никаких оснований.

Всего в коллекции № 192 содержится 60 предметов. Присутствие в ней остатков конской упряжи с богатыми бронзовыми накладками, стремян и удила, остатков сложного монгольского лука, наконечников стрел и фрагментов шелковой ткани, подтверждает предположение об их идентичности с предметами, напоминающими находки из раскопок Б.Э. Петри. Наиболее ценная часть находок, обнаруженных во время раскопок в Тункинской долине, была утеряна.

Коллекция № 192 содержит вещи, которые еще не были введены в научный оборот. Они соотносятся с разными категориями инвентаря и в основном получены в результате раскопок одновременного могильника. К числу наиболее интересных предметов можно отнести фрагменты тканей, не имеющие инвентарного номера. Два образца тканей были изучены на базе ООО «Научно-исследовательского проектно-изыскательского этноархеологического центра» г. Ханты-Мансийск. Можно предположить, что первый образец являлся частью парадного (с золотом) халата. Шелковая ткань второго образца, вероятно, являлась отделкой неопределенного изделия из меха или мех мог являться отделкой шелкового изделия. Это могли быть сапоги, сумочки, или большой халат с меховой опушкой. Оба фрагмента ткани относятся к числу дорогих и могли являться частями костюма представителя знати (Харинский, Сенюрина, Иванов, 2022).

³ Лбова Л.В., Базаров Б.А., Конев В.П., Жамбалтарова Е.Д. Отчет о мониторинге археологических памятников Тункинского района Республики Бурятия // Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГИП Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2002.

Предметы из коллекции № 192

Описанные ниже предметы представляют большую часть вещей, входящих в коллекцию № 192. Недиагностируемые фрагменты предметов не рассматриваются. Для облегчения систематизации и анализа инвентаря, входящий в коллекцию № 192, предлагается разделить на четыре группы, каждая из которых включает определенную категорию изделий: вооружение, одежду, конское снаряжение, бытовые вещи. В отдельную группу выделены изделия, функциональное назначение которых установить трудно. Часть вещей из этой группы сохранилась фрагментарно или сильно коррозирована.

Вооружение. В коллекции № 192 вооружение включает железные наконечники стрел и роговые накладки лука.

Наконечники стрел. Классификация наконечников стрел, представленных в коллекции, производится по схеме, разработанной Ю.С. Худяковым (Худяков, 1975; Худяков, 1979). Исходя из материала, который использовался для изготовления наконечников, выделяются классы; форма насада определяет отделы; по форме сечения пера выделяются группы; по форме пера, плечиков, шейки и с учетом общих пропорций – типы. Для описания наконечников используется терминология, предложенная Ю.С. Худяковым (Худяков, 1980).

Все наконечники стрел из коллекции № 192 относятся к одному отделу – черешковые и двум группам – плоские и трехлопастные.

Группа 1. Плоские наконечники. Среди плоских наконечников (10 штук) выделяются четыре типа: узкие асимметрично-ромбические, секторо-видные, широкие секторо-видные и овально-крылатые. У трех наконечников конец острия обломан, поэтому соотнести их с одним из типов было невозможно.

Тип 1. Узкие асимметрично-ромбические. Включает четыре экземпляра. Форма острия тупоугольная. Плечики пера пологие. У всех наконечников имеется упор. У крупных он круглой формы, у мелких овальной. Черешок в сечении круглый. Самый крупный из наконечников под № 135 (рис. 1.2). Его длина 13,6 см, длина черешка 5,5 см, длина пера 8,1 см, ширина пера 0,7–2,1 см, диаметр черешка 0,2–0,6 см. Другой наконечник этого типа без номера с обломанным кончиком черешка

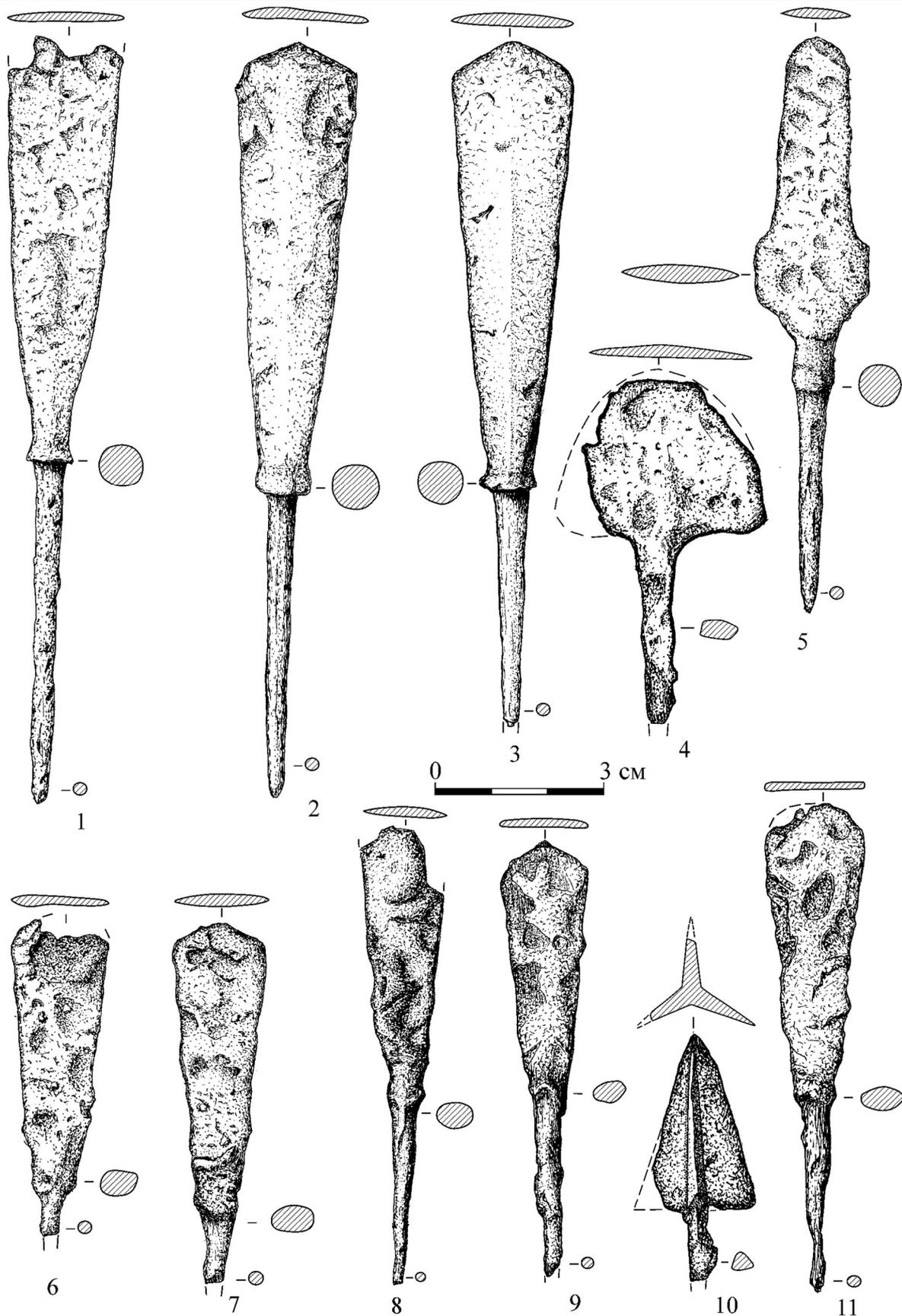

Рис. 1. Коллекция № 192 ИОКМ, железные наконечники стрел: 1 – № 153; 2 – № 135; 3, 4, 5, 10 – без номера; 6 – № 137; 7 – № 143; 8 – 131; 9 – № 122; 11 – № 139

Fig. 1. Collection No. 192 IMRS, iron arrowheads: 1 - No. 153; 2 - No. 135; 3, 4, 5, 10 - without No.; 6 - No. 137; 7 - No. 143; 8 - 131; 9 - No. 122; 11 - No. 139

(рис. 1.3). Общая длина наконечника 12,3 см, длина пера 8,0 см, ширина пера 0,7–2,1 см, длина сохранившейся части черешка 4,4 см, диаметр черешка 0,2–0,6 см. Следующий наконечник № 143 также с обломанным черешком меньших размеров (рис. 1.7). Его длина 6,5 см, длина пера 5,3 см, ширина пера 0,6–1,6 см, длина сохранившейся части черешка 1,5 см, диаметр черешка 0,4–0,6 см. Еще один наконечник № 212 (рис. 1.9) с параметрами, близкими к предыдущему наконечнику, с обломанным окончанием черешка. Длина наконечника 7,8 см, длина пера 4,9 см, ширина пера 0,6–1,6 см, длина сохранившейся части черешка 3 см, диаметр черешка 0,3–0,6 см.

Тип 2. Секторовидные. Наконечники с округлым острием. Длина пера превышает его ширину. Включает один экземпляр № 139 (рис. 1.11) с овальным упором. Его длина 8,8 см, длина черешка 3,4 см, длина пера 5,4 см, ширина пера 0,6–1,7 см, диаметр черешка 0,2–0,5 см. Черешок в сечении круглый. Острие частично обломано.

Тип 3. Широкие секторовидные. Наконечники с округлым острием. Ширина пера превышает его длину. Включает один экземпляр без номера (рис. 1.4) и без упора. Его длина 6,3 см, длина сохранившейся части пера 2,8 см, ширина сохранившейся части пера 3,2 см, Черешок в сечении четырехугольный с обломанным концом. Длина его сохранившейся части 3,5 см, размер сечения: в основании 0,7 x 0,3 см, на конце 0,4 x 0,3 см.

Тип 4. Овально-крылатые. Наконечники с овальным острием и выступающими крыльями. Включает один экземпляр без номера (рис. 1.5) с круглым упором. Длина наконечника 10,4 см, длина черешка 4 см, длина пера 6,3 см, ширина пера в районе крыльев 2 см, ширина крыльев 1,5 см, диаметр черешка 0,2–0,6 см. Черешок в сечении круглый.

У трех плоских наконечников обломано острие, поэтому соотнести их с каким-либо типом затруднительно. Самый крупный наконечник имеет № 153 (рис. 1.1). Его длина 13,8 см, длина черешка 6,2 см, длина сохранившейся части пера 7,6 см, ширина пера 0,6–1,9 см, диаметр черешка 0,2–0,6 см. Упор круглой формы. У другого наконечника № 131 (рис. 1.8), упор овальный. Длина наконечника 8,3 см, длина черешка 3,5 см, длина сохранившейся части пера 4,8 см, ширина пера 0,6–1,4 см, диаметр черешка 0,2–0,5 см. Еще один

наконечник с обломанным острием № 137 (рис. 1.6) имеет упор овальной формы. Его длина 5,5 см, длина черешка 0,7 см, длина сохранившейся части пера 4,8 см, ширина острия 1,8 см, диаметр черешка 0,4–0,3 см.

Группа 1. Трехлопастные наконечники. Включает два наконечника без номеров. Один из них относится к типу треугольные, а второй к типу удлинненно-ромбические

Тип 1. Треугольные. Наконечник с обломанными углами у нижней части двух лопастей. Черешок наконечника в сечении треугольный, его конец обломан. Наконечник имеет лопасти в форме прямоугольного треугольника. Прямой угол лопасти примыкает к черешку. Длина наконечника 4,3 см, длина пера 3,3 см, ширина лопасти до 2 см. Длина сохранившейся части черешка 1 см, ширина сечения 0,4–0,3 см (рис. 1.10).

Тип 2. Удлинненно-ромбические. Лопасти пера по бокам обломаны. Длина сохранившейся части наконечника 7 см, длина сохранившейся части черешка 3,4 см, длина пера 5,4 см, ширина сохранившейся части пера 0,6–1,7 см, ширина сечения черешка 0,3–0,4 см. Черешок наконечника в сечении треугольный, его конец обломан (рис. 2.3).

Луки. В коллекции № 192 представлены роговые накладки от двух сложносоставных луков. Обе накладки можно отнести к одному типу луков – с центральной накладкой. Концы накладок расширяются. По своей форме они напоминают весло. В разрезе накладки имеют вид сегмента, обращенного округлой частью наружу. Более крупная накладка № 129 (рис. 2.1). Один из концов у нее обломан. С внутренней стороны она покрыта глубокими продольными искусственными бороздками, с внешней – продольными и наклонными бороздками. Длина накладки 20 см, ширина целого конца достигает 2,3 см, ширина средней части 1,5 см, толщина в средней части 0,7 см. К концам накладка становится тоньше. Другая накладка под № 135 (рис. 2.2) на обеих сторонах имела неглубокие продольные и наклонные искусственные бороздки. Длина накладки 16,5 см, ширина средней части 1,3–1,4 см, ширина концов 2 см, толщина средней части 0,7 см.

Колчаный крюк. В коллекции присутствует один колчаный крюк без номера. Он выполнен на пластине размером 6,2 см x 1,5 см. Углы верхней

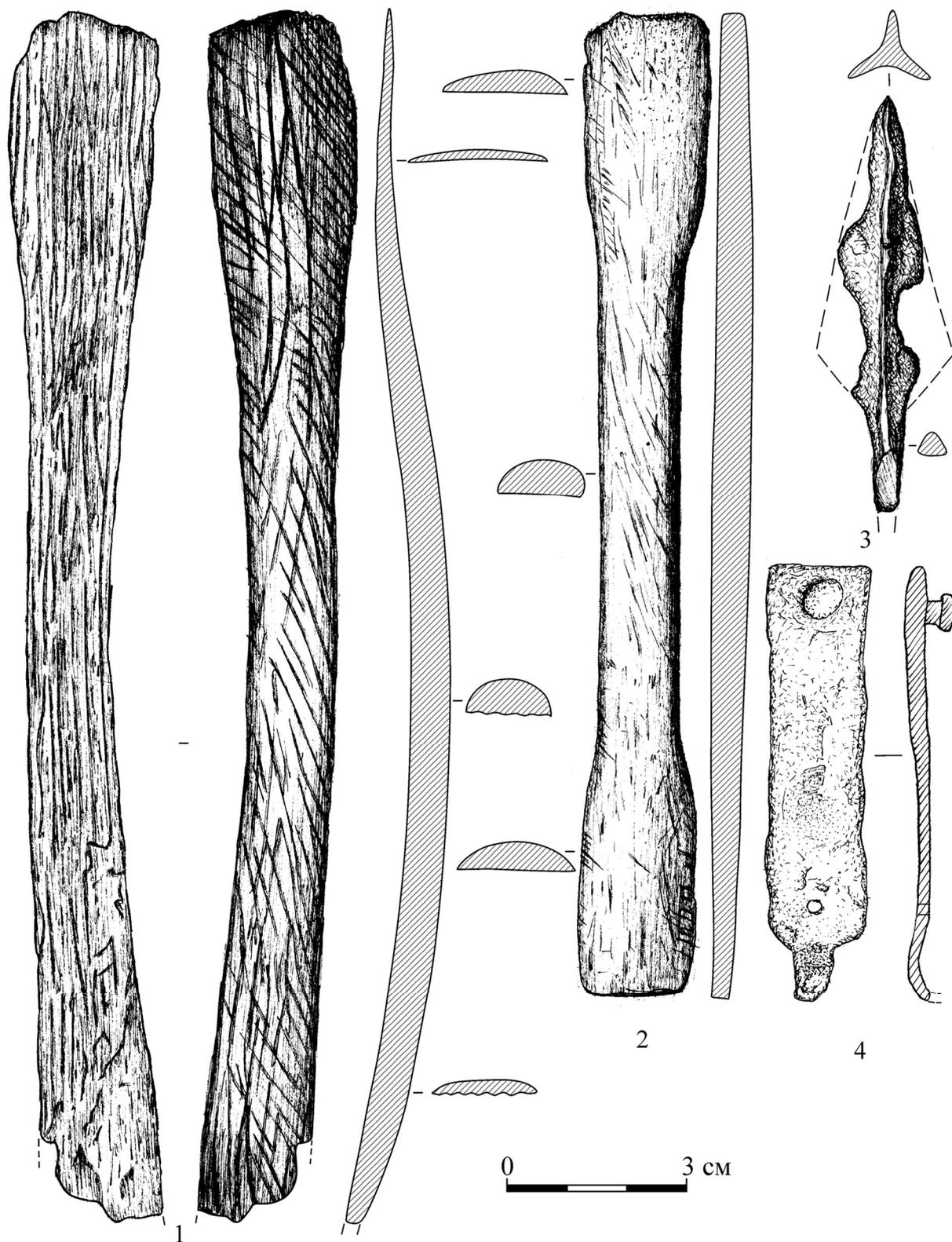

Рис. 2. Коллекция № 192 ИОКМ: 1, 2 – роговые накладки лука (1 – № 129, 2 – № 135); 3 – наконечник стрелы без номера; 4 – колчаный крюк без номера

Fig. 2. Collection No. 192 IMRS: 1, 2 - horn bow linings (1 - No. 129, 2 - No. 135); 3 - arrowhead without No.; 4 - quiver hook without No.

размером 6,2 см х 1,5 см. Углы верхней части пластины прямые, между ними торчит шпенёк со шляпкой, высотой до 0,5 см. Углы противоположного торца пластины закруглены, между ними круглое отверстие диаметром до 0,2 см. От средней части этого торца отходит уплощённый крюк, кончик которого обломан. Длина сохранившейся части крюка 1,2 см, ширина 0,3–0,5 см (рис. 2.4).

Одежда. К этой категории инвентаря относятся фрагменты ткани, которые уже были опубликованы (Харинский, Сенюрина, Иванов, 2022) и железная пряжка под № 190. **Пряжка** плоская, трапецевидной формы, сильно коррозированная, толщиной 0,4 см. Длина пряжки 3,5 см. В 0,9 см от одного из ее концов, длиной 3,3 см, располагается вертикальная прорезь для фиксации ремня размером 1,8 х 0,4 см. В 0,5 см от противоположного конца пряжки, длиной 3 см, находятся остатки двух шпеньков, с помощью которых пряжка крепилась к ремню. Расстояние между шпеньками 1,5 см (рис. 3.1).

Конское снаряжение. Эта категория инвентаря включает остатки седла, упряжи и стремена.

Седло. Деревянная основа седла в коллекции № 192 не зафиксирована, но о её присутствии в захоронении, из которого происходят материалы коллекции, свидетельствуют железные накладки на луку седла, фрагменты костяного канта и железные тороки.

Железная ажурная накладка на луку седла не имеет инвентарного номера. По форме она напоминает перевёрнутое сердце с приостренной вершиной. По бокам накладки имеются овальные выступы, нижняя сторона изделия прямая. Высота накладки 6 см, наибольшая ширина 6,5 см (рис. 3.1).

По всему периметру пластины на расстоянии 3 мм от края идёт углубленный поясок. Средством сквозных отверстий на пластине сформирован решётчато-растительный орнамент. В центре плохо диагностируемое, четырёхлепестковое изображение крестообразной формы. С обратной стороны накладки прикреплена подтреугольная пластина с закруглёнными углами 4,5 х 5,3 см.

В нижней части конструкции имеются две проушины до 1,5 см в диаметре. Через них проходят шпильки-пробой, с лицевой стороны к которым прикреплены остатки металлической петли. С внутренней стороны концы шпилек-пробоев загнуты

в противоположном друг от друга направлении (вверх и вниз). Они проходили через деревянную луку седла и загибались с ее внутренней стороны.

Четырёхугольная накладка на луку седла состоит из двух сильно коррозированных фрагментов из железа, стыкующихся между собой без номера (рис. 3.3). Общая длина пластинчатой накладки 7,6 см, ширина 0,8–1,0 см, толщина не коррозированной части 0,3 см. С двух сторон пластины в 0,2 см от края располагаются заостренные бронзовые шпеньки, с помощью которых накладка крепилась к основе седла. Их длина 1,3 см, диаметр в сечении 0,1 см.

Роговой кант луки седла представлен 16 фрагментами накладок. Все они имеют один № 51. Ширина накладок 0,6–0,9 см, толщина 0,1–0,2 см. Есть прямые и изогнутые фрагменты. На накладках имеются округлые отверстия размером 0,2–0,3 см, предназначенные для крепления к луке седла с помощью небольших гвоздиков. Пятнадцать накладок канта с внешней стороны имеют одну или две продольные бороздки шириной около 0,1 см и глубиной около 0,05 см. У одной накладки бороздок нет (рис. 4.12).

У шести накладок имеется одна бороздка. Четыре из них фрагментированы (рис. 4.1,3,4,11). Две накладки имеют законченный вид. Их ширина 0,7–0,8 см. Длина одной из них 8,2 см (рис. 4.5), другой 7,8 см (рис. 4.6). Концы накладок округлые. Они утоньшаются до 0,05 см. С их наружной стороны имеются насечки. На этих накладках располагается по четыре отверстия, находящиеся на расстоянии 2 см друг от друга.

У девяти фрагментов канта по внешней стороне проходят две бороздки. У трех из них один из концов имеет законченный вид (конец становится тоньше, отсутствуют следы излома), другой обломан (рис. 4.8,10,15). У остальных накладок обломаны два конца (рис. 4.2,7,9,13,14,16). Отверстия для крепления располагаются на этих пластинах на расстоянии от 2,2 см до 4,3 см друг от друга.

В коллекции содержится 9 железных тороков, крепившихся к полкам седла. Из-за сильного окисления и фрагментарности первоначальную форму торока установить бывает затруднительно. Все тороки имеют по одному кольцу, служившие для крепления груза. По наличию или отсутствию пластины, через которую проходила шпилька-пробой,

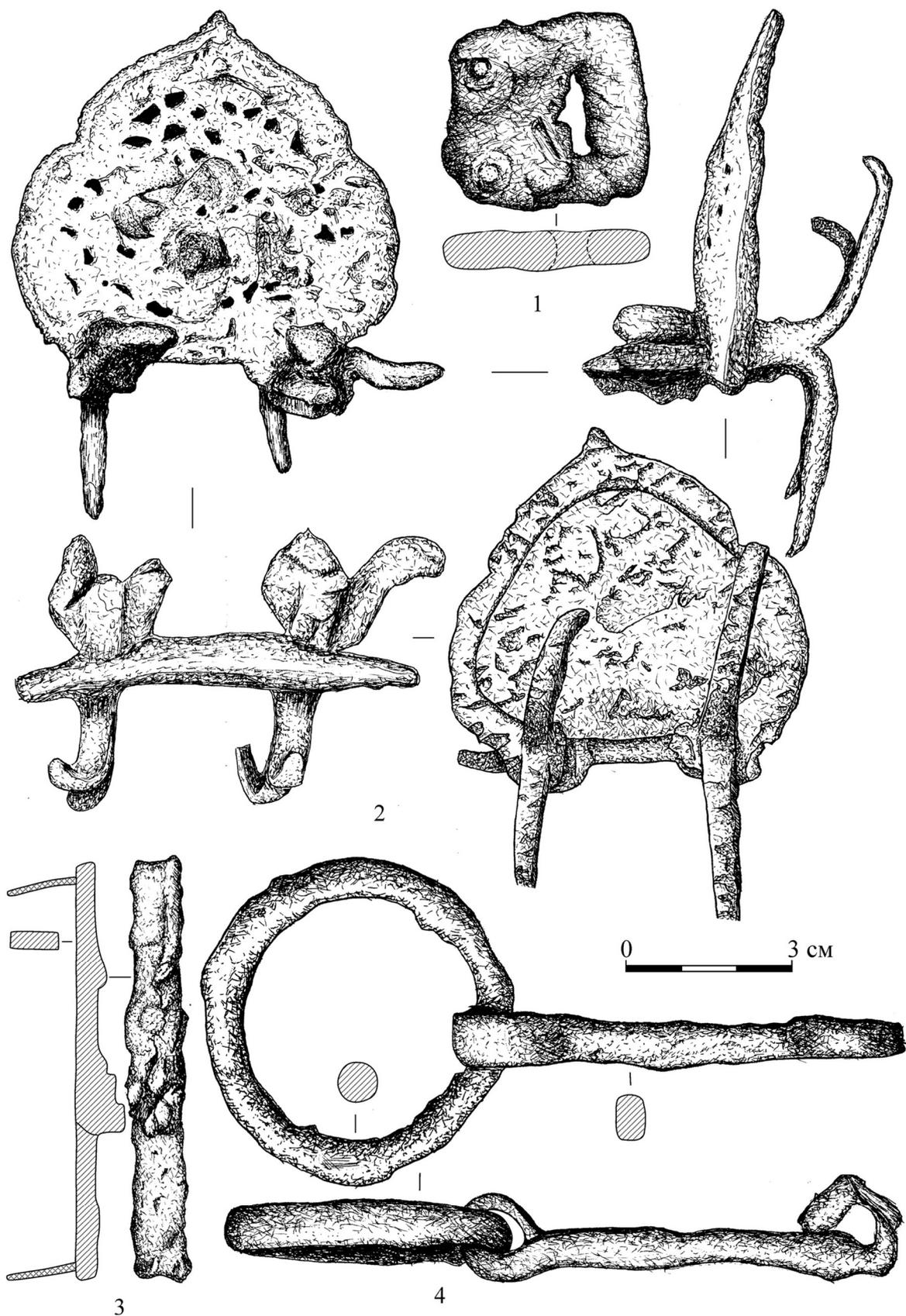

Рис. 3. Коллекция № 192 ИОКМ: 1 – железная пряжка ремня № 190; 2 – железная ажурная накладка на лук седла без номера; 3 – железная накладка на лук седла без номера; 4 – часть железных удили № 144
Fig. 3. Collection No. 192 IMRS: 1 - iron belt buckle No. 190; 2 - iron openwork pad on the saddle bow without No.; 3 - iron pad on the saddle bow without No.; 4 - part of iron bits No. 144

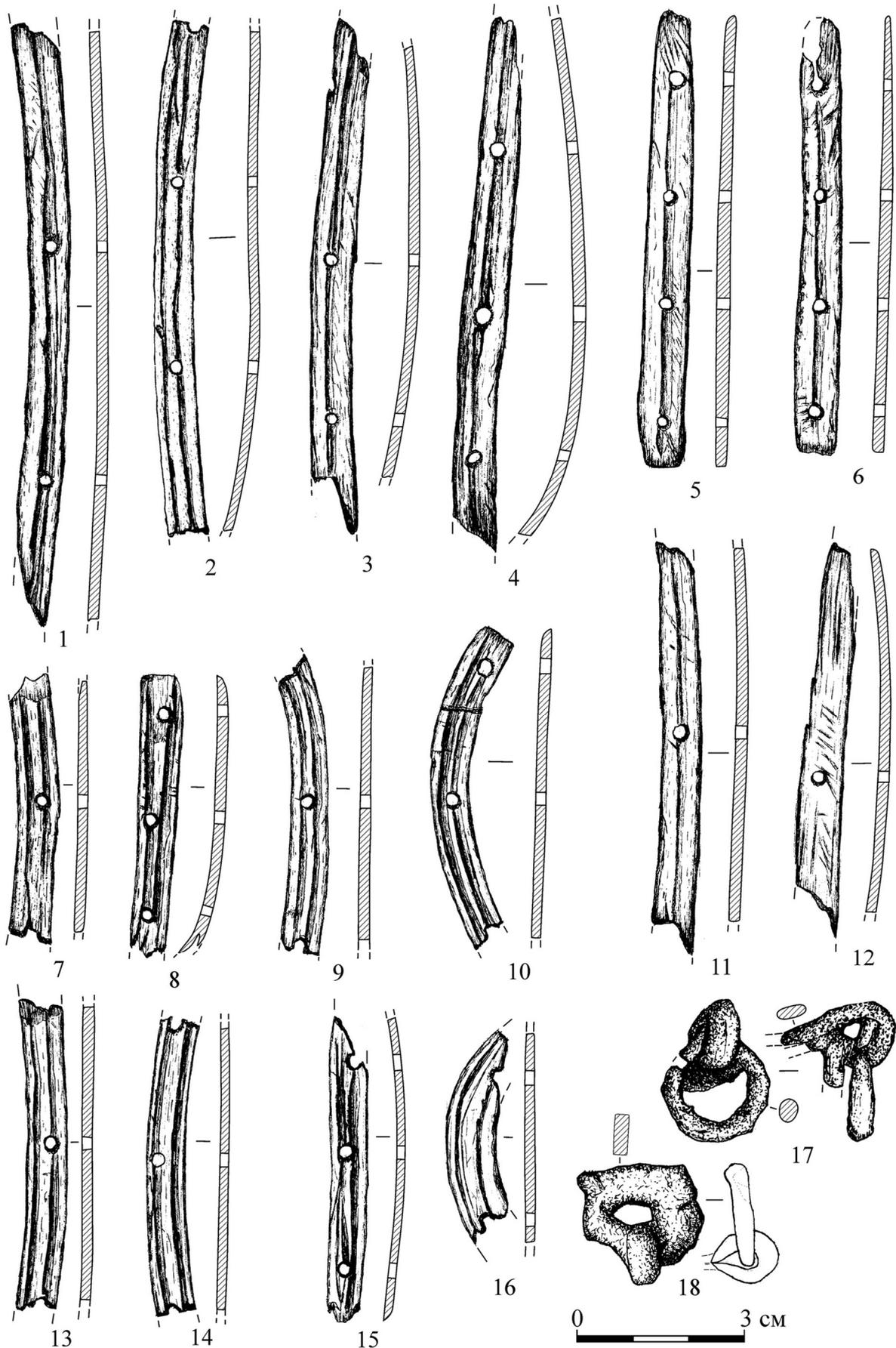

Рис. 4. Коллекция № 192 ИОКМ: 1-16 – роговой кант луки седла № 51; 17, 18 – железные тороки без номера
 Fig. 4. Collection No. 192 IMRS: 1-16 - horn edging of the saddle bow No. 51; 17, 18 - iron riggings without No.

а также на основании форм этих пластин тороки разделяются на типы.

Тип 1. Торок без пластины. Обнаружено 3 торока подобной формы. При этом два из них в результате коррозии образовали единое целое с другими крепежными системами. Одиночный торок состоит из уплощенного кольца толщиной 0,2–0,3 см и шириной 0,3–0,6 см, с внешним диаметром около 2 см (рис. 4.18). Кольцо продето в шпильку-пробой, ширина петли которой составляет 1 см. Его концы обломаны.

Два соединившиеся друг с другом в результате коррозии торока относятся к разным типам – торок с круглой пластиной и торок без пластины, имеющие единый № 145 (рис. 5.5). Торок без пластины, так же как и предыдущий, имеет уплощенное кольцо толщиной 0,2–0,3 мм и шириной 0,3–0,5 мм, внешний диаметр кольца составляет 2 см. Ширина петли пробоя, в который продето кольцо, составляет 0,8 мм. Его концы обломаны. В кольцо торока без пластины заходит петля шпильки-пробоя торока с пластиной. Один конец пробоя обломан, а другой загнут. Длина пробоя составляла 4 см. Он сделан из пластинки шириной 0,4 см и толщиной 0,1–0,2 см. Ширина петли пробоя 1 см. Шпилька-пробой продета сквозь круглую пластину диаметром 2,5 см и толщиной 0,1 см.

Еще один торок без пластины составляет композицию с другими крепящими элементами (рис. 5.7). Все они имеют единый № 212. Кольцо торока сделано из круглого прута диаметром 4–6 мм. Внешний диаметр кольца 3 см. Оно продето в петлю шпильки-пробоя, концы которой обломаны. Ширина петли 1,5 см. С противоположной стороны кольца также имеется утолщение, возможно, это еще одна сильно коррозированная петля шпильки-пробоя. Кольцо продето в другое овальное кольцо длиной 5 см и шириной 1,5 см. Конструкция сильно коррозирована, поэтому установить все ее детали затруднительно. Противоположный конец овального кольца, вероятно, соединен с небольшим круглым кольцом диаметром около 1,5 см, в которое продета шпилька-пробой.

Тип 2. Торок с круглой пластиной представлен 2 экземплярами. Один из них соединен с тороком без пластины и описан выше. Другой седельный торок имеет круглое в сечении кольцо толщиной 0,5–0,7 см. Его внешний диаметр 3,0–3,4 см, внут-

ренний диаметр 1,6 см. Щиток круглый диаметром 2,2 см, толщиной 3–4 мм. Через щиток продета шпилька-пробой, концы которой обломаны. Ширина пробоя 7–8 мм, толщина его концов 2–3 мм. Ширина петли пробоя, в которую продето кольцо 1,4 см (рис. 5.6).

Тип 3. Торок с овальной пластиной включает 1 экземпляр без номера. Он имеет обломанное кольцо, продето в петлю шпильки-пробоя шириной 1 см (рис. 5.3). Концы пробоя обломаны. Кольцо уплощенное, толщиной 0,2–0,3 см и шириной 0,4–0,5 см. Пластина овальной формы, размером 1,5 x 2,0 см, толщиной 0,1 см.

Тип 4. Торок с четырехлепестковой пластиной представлен 2 экземплярами. Пластина подовальной формы, вытянутая по вертикали, с выделенными с четырех сторон дугообразными выступами – лепестками. У одного из тороков размеры пластины 2,1 x 2,5 см, толщина 0,2 см. Отверстие для шпильки-пробоя располагается в центре. Ширина петли пробоя 1 см, ширина концов пробоя, которые обломаны, 0,4 см. В петлю вставлено обломанное кольцо, сделанное из уплощенного прута шириной 0,4–0,6 см и толщиной 0,2 см. Диаметр кольца около 2,8 см (рис. 5.1).

У второго торока размер пластины 2 x 3 см, толщина 0,2 см. Дугообразный выступ, расположенный с ее нижней стороны, длиннее остальных. Отверстие для шпильки пробито в верхней части пластины, в 0,5 см от края. Часть пластины утрачена. Ширина петли пробоя 1 см, ширина обломанных концов пробоя 0,4 см. В петлю вставлено кольцо, сделанное из уплощенного прута шириной 0,3–0,5 см и толщиной 0,1–0,2 см. Диаметр кольца около 1,8–2,0 см. К кольцу прикипел фрагмент железного изделия, возможно, другого кольца (рис. 5.4).

Тип 5. Торок с ромбовидной пластиной включает один экземпляр. Размеры пластины 2,5 x 3,0 см, толщина 0,2 см. Она вытянута по вертикали. С двух сторон у нее слегка обломаны края. Отверстие для шпильки пробито в 1 см от верхнего края. Ширина петли пробоя 1 см. В петлю вставлено кольцо, сделанное из круглого прута диаметром 6–8 мм. Внешний диаметр кольца около 1,7 см (рис. 5.2).

Один из тороков затруднительно отнести к какому-нибудь из типов. Его щиток обломан, и какой он был первоначально формы, сказать невозможно.

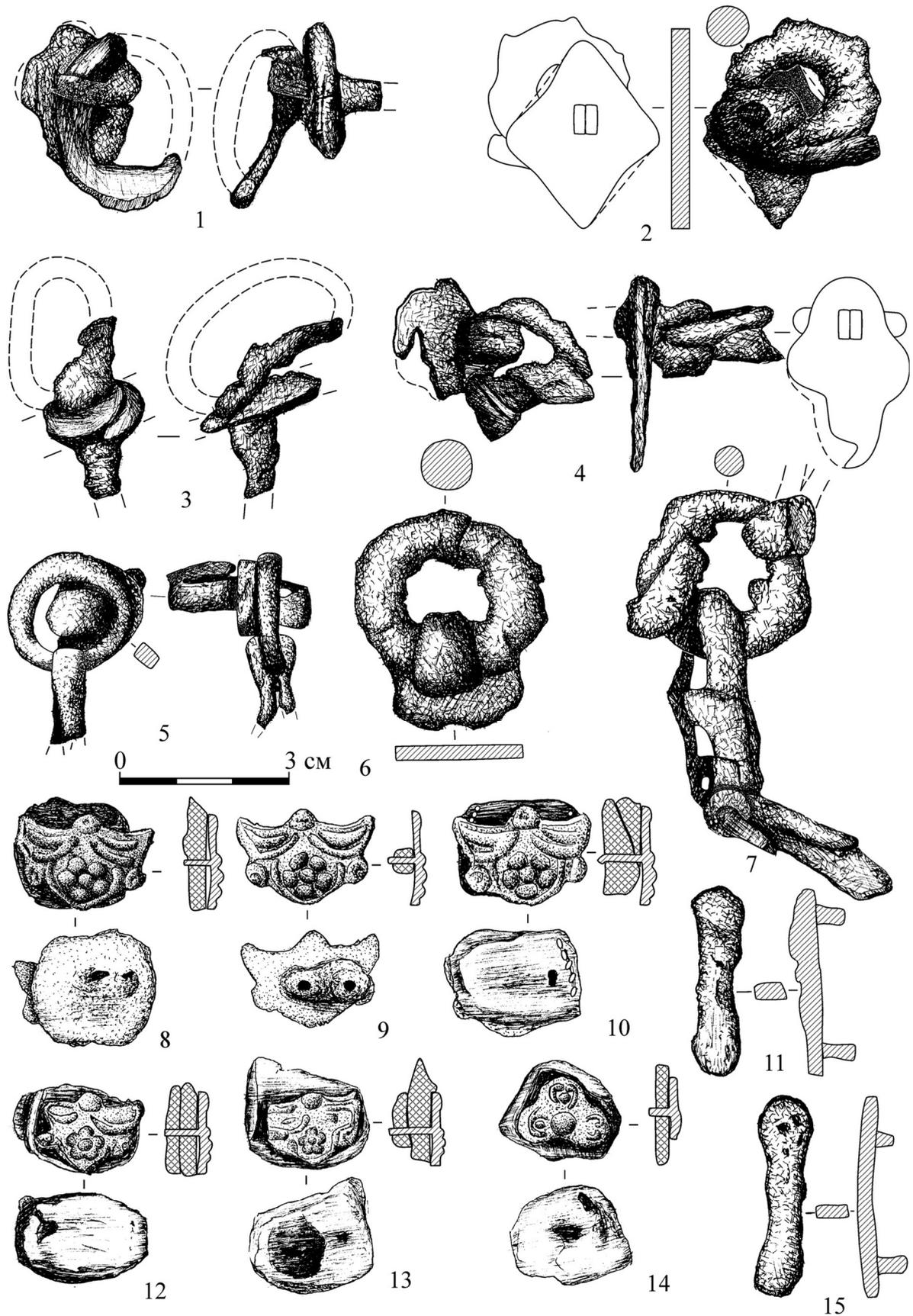

Рис. 5. Коллекция № 192 ИОСМ: 1-7 – железные тороки: 1-5 – без номера, 6 – № 145, 7 – № 212; 8-10, 12-14 – бронзовые
 бляшки; 11, 15 пластины с лошадиной упряжи без номера
 Fig. 5. Collection No. 192 IOCM: 1-7 - iron riggings: 1-5 - without No., 6 - No. 145, 7 - No. 212; 8-10, 12-14 - bronze plaques;
 11, 15 plates with horse harness without No.

но. Ширина петли пробоя 1,1 см, ширина обломанных концов пробоя 0,4 см. В петлю вставлено кольцо, сделанное из круглого прута диаметром 0,3–0,4 см. Диаметр кольца 1,8 см (рис. 4.17).

Упряжь. В коллекции имеются предметы, которые можно отнести к упряжи. Среди них остатки оголовья лошади, украшенного бронзовыми бляшками и железными накладками, удила.

В коллекции № 192 имеются 6 бронзовых бляшек, крепившихся на ремни оголовья лошади. Особенности формы и изображения позволяют разделить бляшки на три типа: большая крыловидная, малая крыловидная, трехлепестковая. Орнамент на бляшках выполнен с помощью техники штамповки. У всех бляшек с обратной стороны с помощью двух шпеньков прикреплены фрагменты ремней оголовья.

Размеры трех больших крыловидных бляшек 2,3 x 1,7 см. В центре сверху имеется округлая выпуклая фигура, от которой вправо и влево отходят крылья. Вдоль крыльев проходят по две параллельные выпуклые дугообразные линии. В центре нижней части бляшки располагается пятилепестковая розетка. Лепестки и центр розетки обозначены выпуклыми окружностями. Снизу и по бокам розетку окаймляет выпуклый бортик. В нижнем левом и правом углах бляшки находятся округлые выпуклые изображения (рис. 5.8–10). У двух бляшек с внутренней стороны сохранилось по одному фрагменту кожи. У одной бляшки отмечено два слоя кожи. Общая толщина двух фрагментов кожи до 0,7 см, каждого из фрагментов 0,1–0,4 см. Два фрагмента кожи по торцам прошиты нитями золотистого цвета. Стяжки ниток располагаются в один ряд (рис. 5.10).

Две малые крыловидные бляшки по форме и рисунку такие же как большие крыловидные, но их размеры меньше 1,1 x 1,7 см. К бляшкам прикреплено по два фрагмента кожи общей толщиной до 0,5 см. Толщина одного фрагмента 0,1–0,2, второго – до 0,3 см (рис. 5.12,13).

Трехлепестковая бляшка только одна. Ее размеры 1,3 x 1,8 см. В центре бляшки округлая шишечка, от которой влево, вправо и вниз (вверх) отходят 3 лепестка. На лепестках изображена композиция: окружность с двух сторон заключена между двумя дугообразными выпуклыми линиями. Толщина кожи, крепящейся к бляшке, 0,2 см (рис. 5.14).

Пластинчатых накладок с округлыми концами в коллекции содержится две. Длина одной из них 3,4 см, ширина средней части 0,5 см, ширина концов 0,8 см. С внутренней стороны у накладок располагаются шпеньки, с помощью которых они крепились к ремням. Конец шпенька заклепывался. Длина шпеньков 0,5 см, толщина 0,2 см (рис. 5.11). Длина другой накладки 3,5 см. Она аналогична первой. Один из ее шпеньков обломан (рис. 5.15).

В коллекции сохранилась часть двусоставных удила с кольчатыми псалями (№ 144) (рис. 3.4). Сохранилась половина удила, включающая одно звено гызла и псалий. Гызло изготовлено из четырехгранного железного стержня размером в сечении 0,5 x 0,8 см. С двух сторон концы стержня загнуты, в результате чего образованы петли диаметром 0,9 см. Одна из петель соединялась с отсутствующим в настоящее время вторым звеном гызла. Через вторую петлю продет кольчатый псалий с внешним диаметром 5,7 см, выкованный из круглого в сечении прута.

Стремена. В коллекции № 192 содержится один фрагмент и 9 целых железных стремян. Их дужки арочной формы, подножки овальной формы. По способу расположения петли путлища стремяна делятся на две группы – с петлей путлища в дужке и с петлей путлища над дужкой. Особенности оформления верхней части дужки стремян позволяют выделить типы.

Группа 1. Стремена с петлей путлища в дужке. Среди них можно выделить три типа – с приостренной верхней частью дужки, с овальной формой верхней части дужки и с выделенной рамкой петли путлища четырехугольной формы в верхней части дужки.

Тип 1. С приостренной верхней частью дужки. В коллекции содержится 4 стремяна, относящиеся к этому типу, – № 27, 124, 133 и 134. Два последних стремяна можно отнести к переходному варианту между первым и вторым типами. Стремя № 27 имеет подножку шириной 8 см. Она слегка выгнута наружу. Закраины подножки загнуты вниз. В сечении дужка имеет четырехугольную форму. В нижней части размер сечения составляет 0,6 x 0,9 см, ближе к петле его размер становится 0,6 x 0,8 см. Верхняя часть дужки приостренная. Размер петли путлища, которая имеет овальную форму, 1,2 x 2,0 см. Она располагается на 2 см ниже вер-

шины дужки. Размеры стремени 14 x 14 см (рис. 6.3).

Стремя № 124 размером 14,5 x 14,5 см. Подножка плоская, шириной 6,3 см. Вдоль ее центра проходит ребро жесткости. В сечении дужка имеет четырехугольную форму. В нижней части размер сечения составляет 0,6 x 0,6 см, ближе к петле его размер становится 0,6 x 1,0 см. Верхняя часть дужки приостренная. Размер петли путлища, которая имеет овальную форму, 1,0 x 2,7 см. Она располагается на 1,5 см ниже вершины дужки (рис. 7.1).

Стремена № 133 и 134 по своим морфологическим особенностям близки друг к другу, что подтверждает их происхождение из одного археологического комплекса. Подножка стремян шириной 7 см. Она слегка выгнута наружу. Ее закраины загнуты вниз. Вдоль центра подножки проходит ребро жесткости. Дужка в сечении имеет четырехугольную форму. В нижней части размер сечения близок к квадрату и составляет в среднем 0,7 x 0,7 см, ближе к петле дужка уплотняется и приобретает средние размеры 6 x 8–10 мм. Верх-

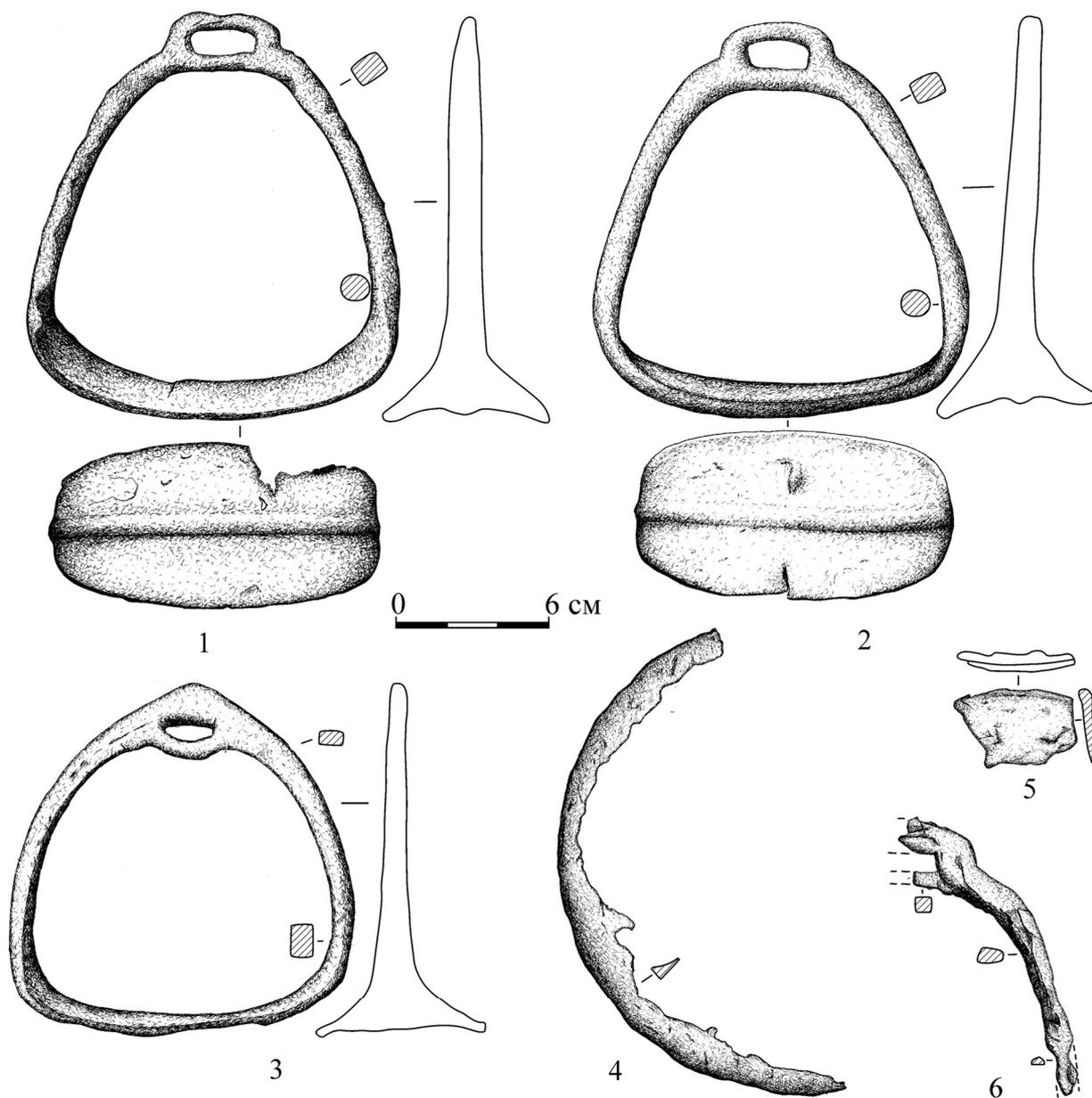

Рис. 6. Коллекция № 192 ИОСМ, изделия из железа: 1 – стремя № 2; 2 – стремя без номера; 3 – стремя № 27; 4, 5 – фрагмент округлого изделия без номера; 4 – фрагмент стремени без номера
Fig. 6. Collection No. 192 IOCM, iron products: 1 - stirrup No. 2; 2 - stirrup without No.; 3 - stirrup No. 27; 4, 5 - fragment of a rounded product without No.; 4 - fragment of a stirrup without No.

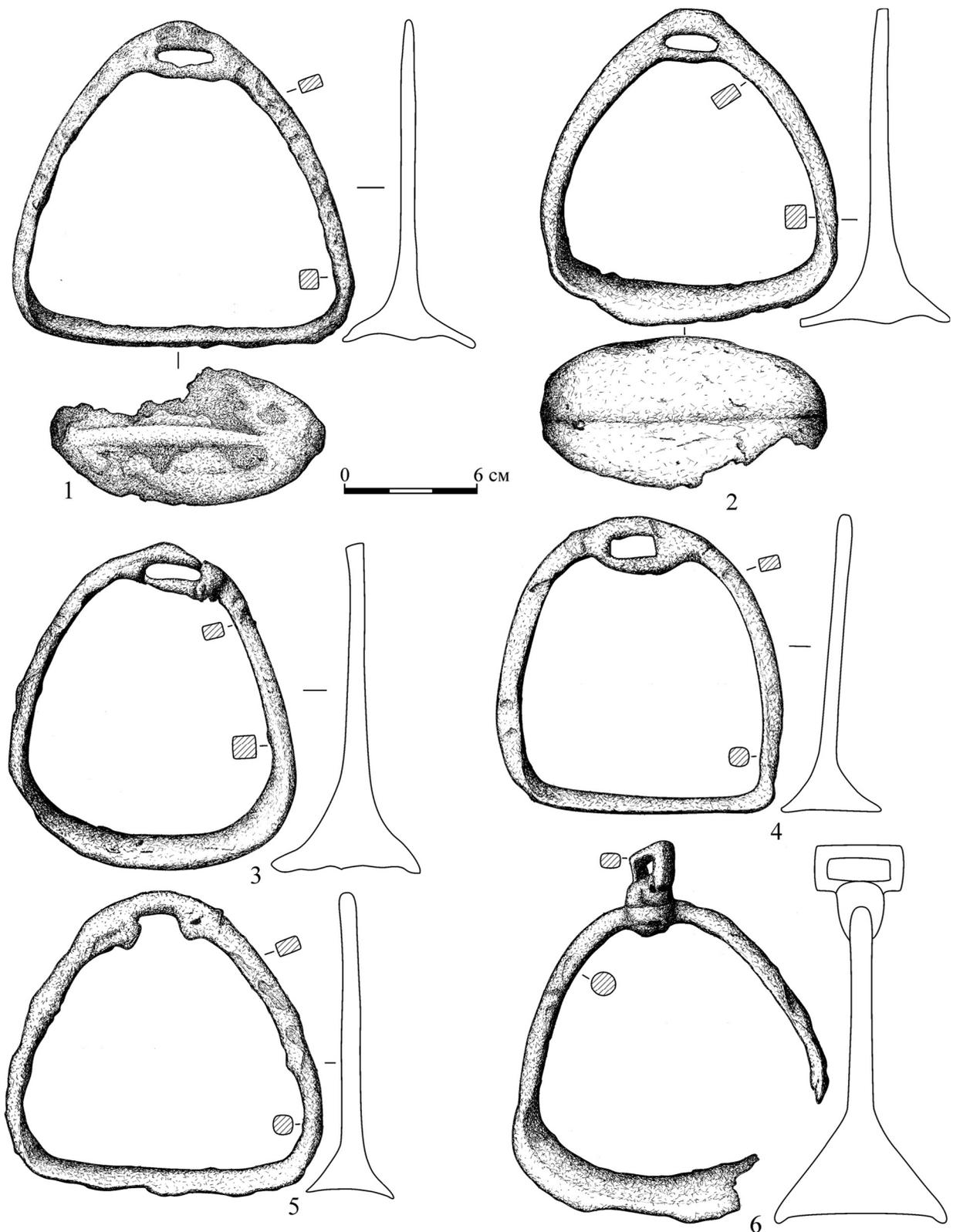

Рис. 7. Коллекция № 192 ИОКМ, железные стремена: 1 – № 124; 2 – № 134; 3 – № 133; 4 – № 173; 5 – № 174; 6 – № 41
Fig. 7. Collection No. 192 IOCM, iron stirrups: 1 - No. 124; 2 - No. 134; 3 - No. 133; 4 - No. 173; 5 - No. 174; 6 - o. 41

няя часть дужки имеет переходный характер от приостренной к овальной форме. Размер петли путлища, которая имеет овальную форму, 0,8 x 2,7 см. Она располагается на 1,2–2,5 см ниже вершины дужки. Размеры стремени № 133 – 13,5 x 15 см. В верхней части дужка сломана с двух сторон от петли путлища. Часть подножки стремени также утрачена. С одной из сторон от петли путлища имеется кусок приваренного металла, вероятно, попытка ремонта сломавшейся дужки (рис. 7.3). Стремя № 134, за исключением части подножки, сохранилось полностью. Его размеры 14 x 15 см (рис. 7.2).

Тип 2. С овальной формой верхней части дужки. В коллекции имеется два стремени, которые можно отнести к этому типу № 173 и 174. Их схожесть между собой и последовательные номера могут указывать на их происхождение из одного археологического комплекса. Подножка прямая, шириной 4–4,5 см. Ее закраины слегка загнуты вниз. Дужка в сечении имеет четырехугольную форму. В нижней части размер сечения близок к квадрату и составляет в среднем 0,6 x 0,6 см, ближе к петле дужка уплощается и приобретает средние размеры 0,6 x 1,0–1,2 см. Верхняя часть дужки овальной формы. Размер петли путлища, которая имеет четырехугольную форму, 0,8–1,0 x 2,0–2,2 см. Она располагается на 1 см ниже вершины дужки. Размеры стремени № 173 – 13 x 14 см (рис. 7.4). Размеры стремени № 174 – 14 x 14,5 см (рис. 7.5). Часть дужки, расположенная ниже петли путлища, отломана.

Тип 3. С выделенной в верхней части дужки рамкой петли путлища четырехугольной формы. В коллекции № 192 имеются два целых (№ 2 и без номера) и один фрагмент без номера подобных стремени. Подножка стремени шириной 6,7 см слегка выгнута наружу. Ее закраины загнуты вниз. Вдоль середины подножки проходит ребро жесткости шириной 7 мм, сегментовидное в сечении. По форме дужка стремени напоминает трапецию. В сечении она имеет круглую форму, в нижней части диаметром 0,8–1,0 см, ближе к петле дужка уплощается и приобретает четырехугольную форму со средними размерами 0,8–1,0 x 1,0–1,2 см. Размеры рамки, окаймляющей петлю путлища, 2,7 x 5,0 см. Размер петли, которая имеет четырехугольную форму, 1,2 x 2,7 см. Она располагается на 0,7 см

ниже вершины дужки. Размеры стремени № 2 – 14 x 16 см. Часть подножки стремени утрачена (рис. 6.1). Размеры стремени без номера – 14,2 x 15,5 см (рис. 6.2). Схожесть обеих стремени может указывать на их происхождение из одного археологического комплекса. Фрагмент стремени без номера, отнесенный к 3 типу, сильно корродирован. Сохранилась лишь половина верхней части дужки (рис. 6.6).

Группа 1. Стремени с петлей путлища над дужкой. К этой группе отнесено только одно стремя – № 41. Его подножка шириной 8 см, выгнута наружу. Вдоль нее посередине проходит ребро жесткости. Закраины подножки загнуты вниз. Часть подножки с дужкой утрачены. Дужка в сечении имеет округлую форму. В нижней части дужки оно близко к овалу и составляет 0,8 x 1,0 см, ближе к петле сечение дужки становится круглым, диаметром до 1,1 см. В верхней части дужки располагается горизонтальная проушина, внешний диаметр которой составляет 2 см. В нее вставлен вертикальный стержень, оканчивающийся сверху цилиндрическим расширением диаметром 2,2 см и толщиной 1 см, к которому прикреплена четырехугольная рамка петли путлища. Нижняя часть стержня расклепана, благодаря чему рамка крепится к дужке и может в ней вращаться. Высота рамки со стержнем 4 см, внешние размеры рамки 2,0 x 4,2 см. Размер петли путлища, которая имеет четырехугольную форму, 0,8 x 2,6 см. Размеры стремени 14,3 x 16,7 см (рис. 7.6).

Бытовые вещи. К этой категории инвентаря отнесены ножи, кресало, напильник, шилья – вещи, использовавшиеся в повседневной жизни.

Едовые ножи. Их длина не более 12 см. По сей день подобные ножи применяются скотоводами во время еды, для обрезания мяса с костей. Все ножи железные, с комбинированными ручками. Металлическая часть ручки (черешок) служила насадом для органической обоймы. У ножей из коллекции № 192 она не сохранилась. Все обнаруженные в погребениях ножи сделаны из железа, поэтому относятся к одному классу – железные ножи. У всех ножей насад выполнен в виде черешка, поэтому они включены в отдел черешковых ножей. Различия между ножами наблюдаются на уровне оформления принасадной части.

По особенностям конфигурации принасадной части ножи делятся на группы. Исходя из формы

клинки (прямой, вогнутый, выгнутый и т. д.), ножи подразделяются на типы. Все ножи из коллекции не имеют номера.

Группа 1. С лезвийным уступом.

Тип 1. С прямым обушком. Представлен одним ножом, длина которого 6,7 см, длина черешка 3,3 см, длина лезвия 4,4 см, ширина черешка 0,2–0,9 см, ширина лезвия 0,2–0,9 см (рис. 8.3). Черенок располагается под углом к обушку, загибаясь вниз. Клинок сужается к острию со стороны лезвия.

Тип 2. С выгнутым обушком. Включает один нож. Его длина 11,8 см, длина черешка 5,4 см, длина лезвия 6,4 см (рис. 8.1). Обушок клинка слегка изогнут. Лезвийный уступ имеет небольшой изгиб, плавно переходя в лезвийную сторону черешка. Клинок одновременно сужается к острию как с обушковой, так и лезвийной стороны. Лезвие в результате заточки приобрело вогнутую форму. Ширина черешка в основании 1,1 см, ширина лезвия в основании 1,4 см.

Тип 3. Зигзагообразный с прямым обушком. Представлен одним ножом. Боковая грань клинка не находится в одной плоскости с боковой гранью черешка. Между ними имеется изгиб длиной 1 см. Длина ножа 8,6 см, длина черешка 2,3 см, длина лезвия 6,3 см, ширина черешка 0,7–1,4 см, ширина лезвия 0,3–1,5 см (рис. 8.4). С одной из граней к черешку припаяна небольшая железная пластинка. Конец черешка обломан. Заточка лезвия правосторонняя. Клинок одновременно сужается к острию как с обушковой, так и лезвийной стороны.

Группа 2. С лезвийным и обушковым уступами.

Тип 1. С прямым клинком. В коллекции присутствует один подобный нож. Его длина 10,4 см, длина черешка 1,9 см, длина лезвия 8,5 см, ширина черешка в основании 0,9 см, ширина лезвия в основании 1,6 см (рис. 8.2). У ножа левосторонняя заточка. Клинок сужается к острию со стороны лезвия. Лезвие в результате заточки приобрело вогнутую форму. Лезвийный и обушковый уступы имеют небольшие изгибы при переходе к черешку.

Напильник. В коллекции под № 84 имеется железный предмет с черешком, вероятно, являвшийся напильником (рис. 8.5). Его длина 7,1 см, длина черешка 1,5 см, длина рабочей части 5,6 см, ширина черешка 0,3–0,8 см, ширина рабочей части 0,8–1,8 см. Одна сторона предмета плоская, другая выпуклая, имеющая в разрезе форму сегмента.

Черешок расположен под небольшим углом по отношению к рабочей части. Боковые грани рабочей части параллельны.

Кресало. В коллекции содержится одно железное кресало. Исходя из характера ударного лезвия, его можно отнести к отделу однолезвийных. Наличие с внутренней стороны рабочей части утолщения – язычка, позволяет включить его в группу язычковых. Форма общего контура изделия дает возможность отнести его к типу овальных. Длина кресала 6,8 см, ширина кресала 2,5 см (рис. 8.8), ширина ударного лезвия в центре 1 см, толщина 0,7 см.

Шилья. В коллекции № 192 содержится два острия без номеров, вероятно, являвшиеся колющей частью шильев. Одно из них длиной 10 см. Оно округлое в сечении (диаметр 0,3 см), приострено с двух сторон (рис. 8.7). Длина второго острия 7,2 см (рис. 8.6). Оно приострено с двух сторон, четырехугольное в сечении. Наиболее широкая часть смещена к одному из концов.

Предметы неизвестного функционального назначения. В коллекции присутствует несколько предметов, определить функциональное назначение которых затруднительно. К их числу относятся фрагменты от крупных железных изделий округлой формы. Один из них крупный фрагмент днища или поддона? (рис. 6.4). Предполагаемый диаметр изделия 18,5 см, ширина сохранившейся части 0,2–2,2 см. Край изделия треугольный в сечении с внутренней стороны уплощается, переходя в дно. Другой фрагмент размером 3,0 x 4,5 см. В сечении он треугольной формы, двухслойный, имеет небольшой изгиб (рис. 6.5). Возможно, это часть какой-то емкости.

К категории предметов неизвестного назначения относятся и железные четырехугольные пластины. Длина одной из них без номера – 4,8 см, шириной 1,4–1,3 см, толщиной 0,2 см (рис. 8.9). В одном из углов более широкой стороны пластины имеется шпене́к высотой до 0,7 см с круглой шляпкой диаметром 0,7 см, что свидетельствует о том, что она являлась накладкой и крепилась на кожаную основу. Длина другой пластины № 194 – 4,7 см, ширина 1,5 см, толщина 0,2–0,3 см (рис. 8.10). Также в коллекции имеется четырехугольный в сечении брусок из железа под № 223. Его размеры 4,9 x 1,2 x 0,5 см. Один конец изделия обломан (рис. 8.11).

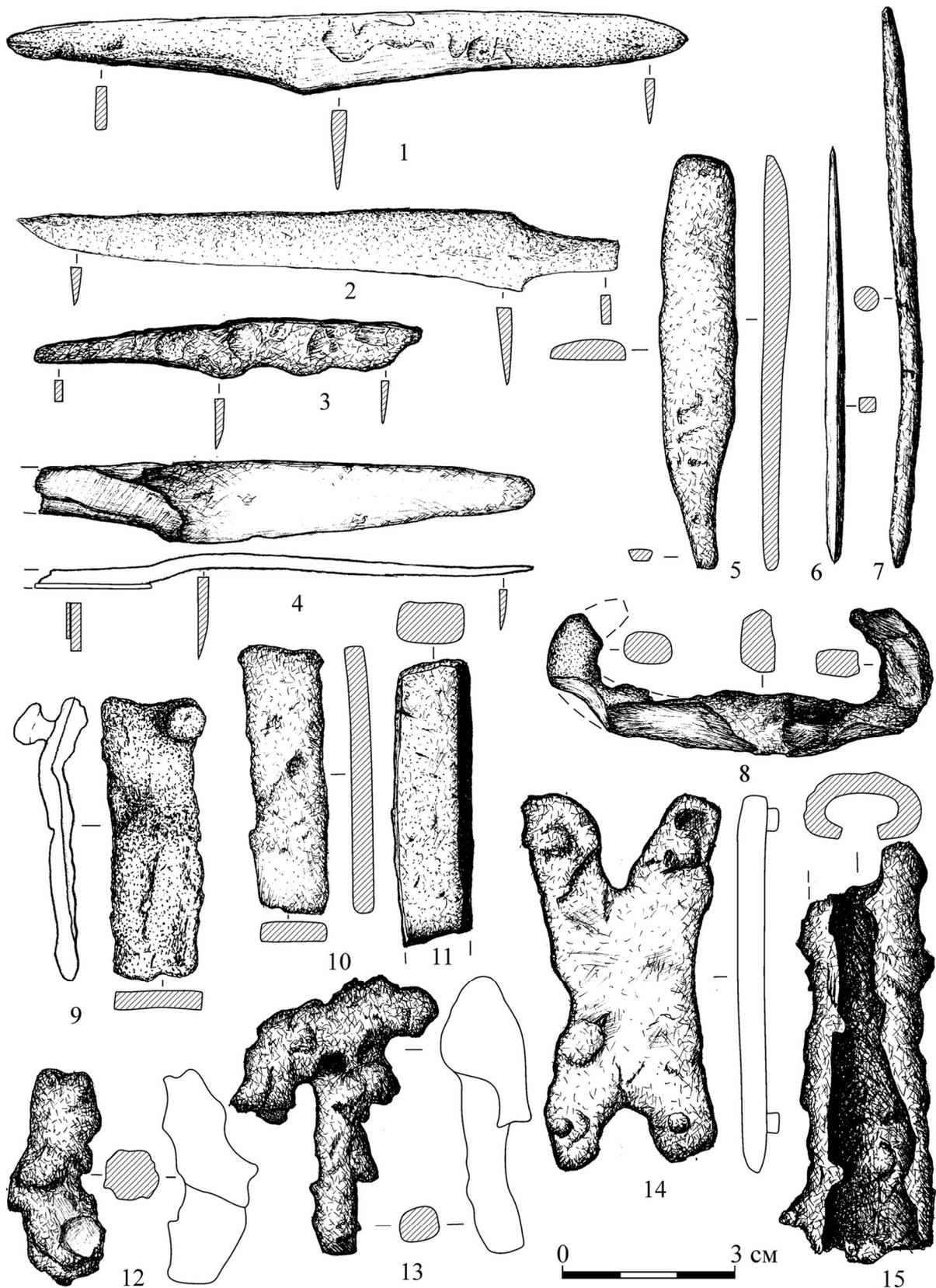

Рис. 8. Коллекция № 192 ИОСМ, изделия из железа: 1-4 – ножи без номера; 5 – напильник без номера; 6, 7 – острия без номера; 8 – кресало без номера; 9 – накладка без номера; 10 – пластина № 194; 11 – брусок № 223; 12, 13 – фрагменты неопределенных изделий; 14 – накладка № 195; 15 – несомкнутая втулка без номера
Fig. 8. Collection No. 192 IOCM, iron products: 1-4 - knives without No.; 5 - file without No.; 6, 7 - points without No.; 8 - steel without No.; 9 - pad without No.; 10 - plate No. 194; 11 - bar No. 223; 12, 13 - fragments of indeterminate products; 14 - pad No. 195; 15 - unclosed sleeve without No.

К числу неопределенных вещей отнесены фрагменты двух изделий из железа, основу которых составляет железный прут, круглый в сечении (рис. 8. 12,13) и X-образная накладка под № 195. Вероятно, она крепилась на перекрестии ремней. С внутренней стороны имеется 4 шпенька, расположенных у концов пластин, образующих накладку. Ее ширина 2,3–3,4 см, длина 6,7 см. Ширина, отходящих от центра пластин 0,3–2 см, их длина 1–2,1 см, толщина 0,2–0,4 см (рис. 8.14). К этой же категории отнесена и часть несомкнутой втулки длиной 7,5 см, шириной 2–2,5 см, толщиной 1,0–1,2 см. Толщина несомкнутых концов изделия 2–3 мм, расстояние между ними 0,6–1,0 см (рис. 8.15).

Обсуждение

Большая часть вещей, представленных в коллекции № 192, бесспорно происходит из материалов, полученных Б.Э. Петри во время раскопок в Тунке. Это подтверждается фотографиями, запечатлевшими захоронения, расчищенные исследователем. На фотографии, представленной на рисунке 17, видно захоронение в колоде с округлыми торцами (Окладников, 2013. Рис. 17). Погребенный находился внутри неё вытянуто, на спине, лицевой отдел черепа направлен вверх. Руки погребенного располагались вытянуто, пальцы покоились на бедрах. Слева, относительно костяка, за пределами колоды, находились два стремени с овальной формой дужки в верхней части. Стремена стояли на подножке и были повернуты боковой частью к колоде. Они идентичны стремянам № 173 и 174 из коллекции № 192. У стремени, которое на фотографии располагается напротив локтевой кости погребенного, как и у стремени № 174, отломана часть дужки, расположенная ниже петли путлища. Пропорции стремян с фотографии также соответствуют стремянам из коллекции. У стремени № 173 верхняя часть дужки более широкая, чем у стремени № 174. То же самое мы наблюдаем и на фотографии. Так как в книге А.П. Окладникова фотография с погребением, на которой запечатлены стремена № 173 и 174, представлена на рис. 17, а перед ней на рис. 16 можно наблюдать другое захоронение, то предлагается именовать первое из них вторым, а второе первым.

Первое погребение, раскопанное в Тунке, показано на рис. 16. Положение погребенного в нем такое же, как и во втором захоронении. Слева от погребенного, на стенке колоды, находилась берцовая кость барана (овцы). Она лежала наискосок и была повернута верхней частью к верхнему эпифизу плечевой кости человека (Окладников, 2013. Рис. 16). В захоронении находились два стремени. Одно из них стояло между ног погребенного, а второе – на борту колоды, справа от него. Форма стремян, показанных на фотографии, соответствует стремянам № 133 и 134. При этом стремя под № 134 с обломанной подножкой располагалось на борту колоды, а стремя № 133 между ног погребенного.

Если предположить, что находки из двух погребений шифровались по отдельности, то рядом с шифром, присвоенным стремянам из первого погребения, должны находиться вещи, также происходящие из него. К их числу могут быть отнесены: роговая накладка лука № 135 (рис. 2.2), наконечники стрел № 135 (рис. 1.2), № 137 (рис. 1.6), № 139 (рис. 1.11), № 143 (рис. 1.7), удила № 144 (рис. 3.4), торок № 145 (рис. 5.6), наконечник № 153 (рис. 1.1). Соотнести со вторым погребением какие-то находки сложнее. В коллекции отсутствуют предметы с номерами, предшествовавшими или следующими за № 173 и 174.

Наличие в коллекции двух парных стремян № 2 и без номера (рис. 6.1,2), может свидетельствовать об их происхождении из одного археологического комплекса. Не исключено, что они происходят из погребения, раскопанного на могильнике Монды 1 помимо тех, которые приведены в книге А.П. Окладникова.

В коллекции также имеются два стремени, относящихся к одному типу – с приостренной верхней частью дужки. Одно из них имеет № 27 (рис. 6.3), а другое № 124 (рис. 7.1). Их можно отнести к числу наиболее ранних, из представленных в коллекции стремян. Они имеют значительный круг аналогий на всем протяжении евразийских степей. Ближайшим к могильнику Монды 1 местом, где были обнаружены стремена подобной формы, является северное побережье озера Хубсугул (Монголия). Стремена с приостренной верхней частью дужки найдены в комплексе № 4 могильника Ногоон Гозгор 1 и в комплексе № 2

могильника Зуун Хярын Дэнж 1. Оба захоронения датируются в пределах середины XI – середины XIII вв. (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011. С. 114. Рис. 5.2,3; Оргилбаяр и др., 2018). На побережье Байкала схожие стремяна найдены в погребении 1 могильника Хужиртуй 3, датирующегося концом IX – началом XI вв. (Харинский, 2001. С. 113. Рис. 52.4,5), а в южной части долины Ангары на могильнике Усть-Талькин, относящемся к XII – началу XIII в. (Николаев, 2004. С. 158. Рис. 20.1,2). В Юго-Восточном Забайкалье они обнаружены в захоронении № 4 могильника Чиндант 1, которое датируется XIII–XIV вв. (Асеев, Кирилов, Ковычев, 1984. Табл. XXXIX.4), на памятниках аскизской культуры Хакасско-Минусинской котловины подобные стремяна датируются XI – началом XIII в., а в Канско-Красноярском районе XIII–XIV вв. (Кызласов, 1983. Табл. XVI).

Основываясь на приведенных выше примерах, предварительное время использования на территории Прибайкалья стремян с приостренной верхней частью дужки можно соотнести с X–XIV вв. Вероятно, уже с XIII в. в Предбайкалье начинает доминировать другой тип стремян – с овальной формой верхней части дужки и выделенной рамкой петли путлица. Среди материалов усть-талькинской культуры, датирующейся XII–XIV вв., такие стремяна составляют 92,4 % (36 из 38 стремян) (Николаев, 2004. С. 97). Учитывая, что стремяна с овальной формой верхней части дужки обнаружены в могиле с саянуйским погребальным ритуалом (Окладников, 2013. Рис. 17), получившим широкое распространение в Байкальском регионе (Хамзина, 1970. С. 82, Коновалов, 1989; Именохоев, 1989; Именохоев, 1992), их правомерно датировать XIII–XIV вв. Возраст большей части остальных предметов из коллекции № 192 также можно соотнести с этим хронологическим диапазоном.

Из общего контекста предметов коллекции № 192 выбиваются два трехлопастных железных наконечника стрел треугольной и удлиненно-ромбической формы (рис. 1.10; рис. 2.3). Ю.С. Худяков полагал, что подобные наконечники были

распространены на территории Южной Сибири и Центральной Азии со II в. до н. э. по X в. н. э. (Худяков, 1986. Табл. 96). В Минусинской котловине трехлопастные удлиненно-ромбические наконечники продолжали фиксироваться до XII в., а на Алтае до XIV в. (Худяков, 1997. Рис. 80). Подобный наконечник из Тункинской долины, также хранящийся в Иркутском областном краеведческом музее (коллекция 6013), датируется Ю.С. Худяковым VI–VIII вв. (Худяков, 1983. Табл. 6). Во II тыс. н. э. на территории Предбайкалья трёхлопастные наконечники стрел уже не использовались.

Выводы

Коллекция, хранящаяся в Иркутском областном краеведческом музее под № 192 содержит разнообразный археологический материал, большая часть которого датируется XIII–XIV вв. Коллекция была передана Б.Э. Петри в музей в 1927 г., как и ряд других коллекций, собранных им в Тункинской долине. Предметы, входящие в коллекцию № 192, преимущественно происходят из захоронений, раскопанных исследователем на могильнике Монды 1, на левом берегу Иркутка.

Часть вещей из коллекции № 192 имеет инвентарные номера, но у многих предметов они отсутствуют. Не исключено, что этикетки с номером были со временем утрачены, но, возможно, что часть вещей попала в коллекцию позже и уже не получила инвентарный номер. Соотнести часть предметов коллекции с материалами, полученными Б.Э. Петри на могильнике Монды 1, позволяют стремяна с № 173 и 174. Они фигурируют на фотографии со второго погребения, раскопанного исследователем на некрополе. Стремяна, представленные на фотографии первого погребения, сопоставимы со стремянами № 133 и 134 из коллекции № 192. Присутствие в коллекции остатков конской упряжи с богатыми бронзовыми накладками, удила, остатков сложного монгольского лука, наконечников стрел и фрагментов шелковой ткани, подтверждает высокую вероятность связи этих вещей с предметами, обнаруженными Б.Э. Петри.

Список источников

Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.

References

Aseev I.V., Kirilov I.I., Kovychev E.V. (1984) The Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (based on burials materials). Novosibirsk: Nauka. 201 p. (In Russ.).

Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука, 1989. С. 55–62.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 23–48.

Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 5–20.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука, 1983. 128 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск : Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 306 с.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Изд. 2. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. 390 с.

Петри Б.Э. Древности озера Косогола (Монголия) // Бюл. Всесоюз. науч. ассоц. Востоковедения, Иркут. фил., 1926. № 1. С. 92–100.

Петри Б.Э. Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах (предварительные данные) // Сб. трудов Ирк. Гос. ун-та. Иркутск, 1927. Вып. 12. С. 217–235.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1. 2-е изд. М. : Восточная литература РАН, 2002. С. 57–80.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1970. 142 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2001. 238 с.

Харинский А.В., Портнягин М.А. К вопросу о расположении Тункинского могильника, исследованного Б.Э. Петри в 1920-е гг. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая : материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан) / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан : ИИМК РАН, 2021. С. 265–270. EDN: DEFGAN. DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.265-270.

Харинский А.В., Сенюрина Ю.А., Иванов Г.Л. Ткань из коллекции находок XIII–XIV вв., обнаруженных в Тункинской долине (Республика Бурятия) // Поволжская археология. 2022. № 4 (42). С. 74–89. EDN: JYFKDW. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.74.89.

Imenokhoyev N.V. (1989) On the question of the culture of the early Mongols (according to archeology). *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka = Ethnocultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. P. 55-62. (In Russ.).

Imenokhoyev N.V. (1992) Early Mongolian archaeological culture. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii = Archaeological sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia*. Novosibirsk: Nauka. P. 23-48. (In Russ.).

Konovalev P.B. (1989) Correlation of Medieval archaeological cultures of the Baikal and Transbaikalia. *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka = Ethnocultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages*. Novosibirsk. P. 5-20. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. (1983) Askiz Culture of Southern Siberia of the X-XIV Centuries. Moscow: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Nikolaev V.S. (2004) Nomads' burial complexes of the middle Siberia south in the XII-XIV centuries: Ust-Talkinskaya culture. Vladivostok; Irkutsk: Publishing house of the Institute of Geography SO RAN. 306 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (2013) Essays from the history of the Western Buryat-Mongols (XVII-XVIII centuries). Ulan-Ude: Buryat State University. 390 p. (In Russ.).

Petri B.E. (1926) Antiquities of Lake Kosogol (Mongolia). *Byul. Vsesoyuz. nauch. assoc. vostokovedeniya, Irkut. Fil. = Bul. All-Union Scientific Assoc. Oriental Studies. Irkut. Phil.* No. 1. P. 92-100. (In Russ.).

Petri B.E. (1927) Ethnographic research among small ethnic groups in Eastern Sayan (preliminary data). *Sb. trudov Irk. Gos. un-ta = Collection of scientific works of Irkutsk State University*. Irkutsk. Iss. 12. P. 217-235. (In Russ.).

Sirina A.A. (2002) Forgotten pages of Siberian ethnography: B.E. Petri. *Represirovannyye etnografy = Repressed ethnographers*. Moscow: Publishing House "Eastern Literature" RAS. P. 57-80. (In Russ.).

Khamzina E.A. (1970) Archaeological sites of Western Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. 142 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V. (2001) Priolkhonye in the Middle Ages: Burial Complexes. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 238 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Portnyagin M.A. (2021) On the question of the location of the Tunkinsky burial ground, investigated by B.E. Petri in the 1920s. *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoi Sibiri i Severnogo Kitaya: mterialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8-11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan) = Ancient cultures of Mongolia, South Siberia and North China: Proceedings of the XI International Scientific Conference (September 8-11, 2021, Abakan)*. Abakan: IIMK RAN. P. 265-270. EDN: DEFGAN. DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.265-270. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Senyurina Yu.A., Ivanov G.L. (2022) Fabric from the collection of finds of the 13th-14th centuries discovered in the Tunka Valley (Republic of Buryatia). *Povolzhskaya arheologiya = The Volga River Region Archaeology*. No. 4 (42). P. 74-89. EDN: JYFKDW. DOI: 10.24852/pa2022.4.42.74.89. (In Russ.).

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований : сб. науч. тр. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. Вып. 6. С. 107–122. EDN: QCXQNJ.

Худяков Ю.С. Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов IX–XII вв. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1975. С. 310–326.

Худяков Ю.С. Основные понятия оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. н. э.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1983. С. 138–149.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск : Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Оргилбаяр С., Эрдэнэбаатар Д., Харинский А.В. Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологи” төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан хээрийн шинжилгээний ажлын товч үр дүнгээс // Монголын археологи – 2017. Улаанбаатар хот: Монгол Улсын Их Сургууль, 2018. С. 120–123.

Информация об авторах

Харинский Артур Викторович,

доктор исторических наук, профессор, руководитель
Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем
жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНТУ,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Иванов Георгий Леонидович,

заведующий сектором научно-фондового отдела ИОКМ,
Иркутский областной краеведческий музей
им. Н.Н. Муравьева-Амурского,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия,

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D. (2011) The Northern Khubsugul at the beginning of the II Millennium AD. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovani: sbornik nauchnykh trudov = Theory and Practice of Archaeological Research. Collection of the scientific papers.* Barnaul: Altai State University. Iss. 6. P. 107-122. EDN: QCXQNJ. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. (1975) The experience of typological classification of arrowheads of the Yenisei Kyrgyz in the 9th-12th centuries. *Sootnoshenie drevnikh kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nykh territorii: sb. nauch. tr. = Correlation of the ancient cultures of Siberia with the cultures of adjacent territories. Collection of the scientific papers.* Novosibirsk: Nauka. P. 310-326. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. (1979) Basic concepts of weapon science (of the Yenisei Kyrgyz armament materials in VI-XII centuries AD). *Novoe v arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka = New in the archeology of Siberia and the Far East.* Novosibirsk: Nauka. P.184-193. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. (1980) Armament of the Yenisei Kyrgyz VI-XII cen. AD. Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. (1983) Collection of iron arrowheads from the Tunka Valley in the funds of the Irkutsk Museum. *По следам древних культур Забайкалья = In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia.* Novosibirsk: Nauka. P. 138-149. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. (1986) Armament of Medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Nauka. 268 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. (1997) Armament of the medieval nomads of South Siberia and Central Asia in the era of the developed Middle Ages. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 160 p. (In Russ.).

Orgilbayar S., Erdenebaatar D., Kharinskii A.V. From the brief results of the field research conducted in the Khanh sum area of Khuvsgul province of the Mongolian-Russian joint "Archaeology of Central Asia" project. *Mongolyn arheologi - 2017 = Mongolian archeology - 2017.* Ulaanbaatar hot, Mongol Ulsyn Ih Surluul', 2018. P. 120-123. (In Mongolian).

Information about the authors

Artur V. Kharinskii,

Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Laboratory of
Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the
Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Irkutsk State University,
1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Grigori L. Ivanov,

Head of Sector of Museum Funds IMRS,
Irkutsk Museum of Regional Studies named after
N.N. Muravyov-Amursky,
13, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,

e-mail: ivanov85@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4316-7372>

Портнягин Матвей Александрович,
лаборант-исследователь Лаборатории археологии,
палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов
Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: matirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 20 апреля 2023 г.; принята к публикации 3 мая 2023 г.

e-mail: ivanov85@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4316-7372>

Matvei A. Portniagin,
Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of
Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the
Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: matirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 13, 2023; approved after reviewing April 20, 2023; accepted for publication May 3, 2023.

Научная статья
УДК 393(571.56)
EDN: EEOACS
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-49-65>

Межэтнические контакты на Северо-Западе Якутии по материалам «воздушных» захоронений XVIII–XIX вв.

Р.И. Бравина ¹, Н.Д. Архипов ²

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

² Верхневилуйский республиканский лицей-интернат им. М.А. Алексеева РС (Я), с. Верхневилуйск, Россия

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка реконструкции межэтнических контактов на Северо-Западе Якутии на основе анализа элементов ритуально-практической сферы погребального обряда, зафиксированного в материалах «воздушных» (арангасных) захоронений XVIII–XIX вв. Рассмотрены и проанализированы типы устройства погребальных конструкций, состав набора сопроводительного инвентаря, ориентация погребенных и т. д. Занимающий бассейны Нижней Лены, Оленёка и Анабара северо-западный регион Якутии издавна являлся пограничной зоной, где в течение нескольких тысяч лет пересекались пути древних племен, а позднее – якутских, тунгусских, юкагирских и самодийских родов, долган и русских. По гипотезе И.С. Гурвича, основу коренного населения региона составляли охотские тунгусы, которые в XV–XVI вв. вклинились между самодийцами и юкагирами. Начиная с XVII в., сюда прибывают группы центральных якутов и русских, которые создали стационарные опорные пункты и поселения, в результате чего сложилась этническая общность северных якутов-оленевонов. В настоящее время местное население бассейна Оленёка идентифицирует себя как эвенки. Анализ погребального обряда, зафиксированного в материалах арангасных захоронений, показывает, что в нем органически переплелись элементы культуры якутов, эвенков, долган и самодийцев, в то же время русское влияние никак не просматривается. Заметный след самодийской культуры в погребальном обряде объясняется скорее всего не столько стойкостью этногенетических проявлений самодийского компонента, сколько постоянными контактами местного населения с огромным миром их западных соседей. При исследовании использованы системный подход, обобщение, анализ, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Ключевые слова: Северо-Запад Якутии, «воздушные» (надземные) захоронения, погребальные конструкции, сопроводительный инвентарь, якуты, эвенки, юкагиры, самодийцы, этнические процессы

Благодарности: авторы выражают благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность использования научного оборудования, приобретенного по гранту №13.ЦКП.21.0016.

Для цитирования: Бравина Р.И., Архипов Н.Д. Межэтнические контакты на Северо-Западе Якутии по материалам «воздушных» захоронений XVIII–XIX вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 49–65. EDN: EEOACS. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-49-65>.

Archaeology

Original article

Interethnic contacts in the North-West of Yakutia based on materials from “air” burials of the 18th-19th centuries

Rosalia I. Bravina ¹, Nikita D. Arhipov ²

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

² Verkhnevilyui Republican Lyceum-boarding school named after M. A. Alekseev, Verkhnevilyuisk, Russia

Abstract. This article attempts to reconstruct interethnic contacts in the North-West of Yakutia on the basis of an analysis of the elements of the ritual and practical area of the funeral rite, recorded in the materials of “air” (arangas) burials of the 18th-19th

centuries. The types of arrangement of burial structures, the composition of the set of accompanying inventories, the orientation of the buried as well as other aspects are considered and analyzed. The region of the basins of the Lower Lena, Olenyok and Anabar Rivers has long been a border zone, where for several thousand years the paths of ancient tribes crossed, and later - the Yakut, Tungus, Yukagir, Samoyed, Dolgans tribes and Russians. According to the hypothesis of I.S. Gurvich, the basis of the population was the Okhotsk Tungus, who in the XV-XVI centuries wedged between the Samoyeds and the Yukaghirs. Starting from the 17th century groups of central Yakuts, as well as Russians, arrive here, who created stationary strongholds and settlements, as a result of which an ethnic community of northern Yakut reindeer herders has developed. At present, the local population of the Olenyok basin identifies themselves as Evenks. Analysis of the funeral rite recorded in the materials of the Arangas burials of the 18th–19th centuries shows that elements of the culture of the Yakuts, Evenks, Dolgans and Samoyeds are organically intertwined in it, at the same time, Russian influence is not visible at all. The study used a systematic approach, generalization, analysis, as well as comparative historical and historical genetic methods.

Keywords: North-West of Yakutia, «air» (above-ground) burials, burial structures, accompanying inventory, Yakuts, Evenks, Yukaghirs, Samoyeds, ethnic processes

Acknowledgements: the authors of special thanks to the Federal Research Center «Yakutsk Science Center» for the opportunity to use scientific equipment purchased under a grand No.13. СКР. 21.0016.

For citation: Bravina R.I., Arhipov N.D. (2023) Interethnic contacts in the North-West of Yakutia based on materials from “air” burials of the 18th-19th centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 49-65. (In Russ.). EDN: EEOACS. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-49-65>.

Введение

Северо-Западный регион Якутии издавна являлся пограничной территорией тысячелетних пересечений путей древних племен, а позднее родов якутов, тунгусов, юкагир, долган и русских. Самую большую площадь в регионе – 317 976,06 кв. км, занимает Оленёкский эвенкийский национальный район, расположенный в Заполярье в бассейнах Нижней Лены, Оленёка и Анабара. На севере он соседствует с Анабарским, на северо-востоке – с Булунским районами, на востоке – с Жиганским, на юго-востоке – с Вилюйским, Верхневилуёйским и Нюрбинским, на юго-западе – с Мирнинским районами республики. А также граничит с Красноярским краем: с Эвенкийским районом на западе и с Таймырским Долгано-Ненецким автономным округом на северо-западе. По данным переписи населения 2010 г., в районе проживает 4127 чел., из них 75,65 % составляют эвенки.

Особенности древних межэтнических контактов отразились в эпических хосунных сказаниях, распространенных у вилюйских, северных и ессейских якутов, долган, илимпийских эвенков и нганасан (Ксенофонтов, 1992; Окладников, 1949; Попов, 1934; Гурвич, 1977; Ефремов, 1993; Бравина, Петров, 2018 и др.). В них говорится о подвигах хосунов – прославленных тундровых и таежных охотников, о родовых и племенных междоусобицах, военных столкновениях между отдельными этническими группами. В большинстве сказаний ме-

стом действия является р. Оленёк, что побудило в свое время Г.В. Ксенофонтова назвать эти фольклорные произведения «Оленёкской хосунной эпопеей». По его версии, оленные якуты освоили бассейн Вилюя еще с конца первого века, затем были вытеснены на Оленёк новой волной переселенцев – якутами-скотоводами. О давнем расселении якутов в этих местах, по его мнению, свидетельствует обилие якутских топонимов в бассейнах Оленёка, Анабара и Хатанги, а также огромный процент якутских родовых названий у оленёкских тунгусов и якутов, например, осогостоох, нёёрюктээйи, нёмяюю, атамай, ёбёкён, елтёк, бологур, наахара и т. д. (Ксенофонтов, 1992. С. 199).

Согласно гипотезе И.С. Гурвича о формировании современной этнографической карты северо-запада Якутии, коренным населением является этнографическая группа северных якутов-оленоводо, которая сложилась на основе трех основных компонентов: тунгусского, русского и якутского. При этом охотские тунгусы, пришедшие в XV–XVI вв., стали базовым элементом, русские, построившие стационарные опорные пункты и поселения на северо-западе, дополнили формирование новой общности, но главную роль сыграли якуты, пришедшие из центральных районов Якутии в XVII в. (Гурвич, 1977). В фольклоре оленёкских тунгусов говорится, что их предки во главе с Юрэн хосуном переселились с Вилюя. В списках вилюйских якутов в книге Воина Шахова о сборе с них ясака от

19 декабря 1639 г. значатся: род конных якутов тавгусы и роды «пеших якутов» осекуйский, кукуйский, кирикийский и Онтулы (Материалы по истории..., 1970. С. 142–152)¹. Часть якутов проникала на р. Оленёк со стороны Жиганска, который, по словам Б.О. Долгих, был «основной лабораторией», в которой происходило формирование новой этнографической группы – якутов-оленевонов (Долгих, 1960. С. 454).

В свете изучения этнических процессов определенный интерес представляют материалы погребальных памятников бассейна р. Оленёк XVIII–XIX вв., относящиеся, по теории И.С. Гурвича, к начальному этапу формирования этнической общности якутов-оленевонов. В настоящей статье предпринята попытка реконструкции межэтнических контактов на основе анализа элементов ритуально-практической сферы погребального обряда, в т. ч. типов погребений, устройства погребальных конструкций, набора сопроводительного инвентаря, ориентации погребенных и т. д. Основными источниками послужили материалы 42 арангасных захоронений по всей территории Оленёкского района, изученных в 1970–1980-х гг. экспедицией Якутского госуниверситета (ныне СВФУ им. М. К. Аммосова) под руководством доктора исторических наук, археолога Н.Д. Архипова. При исследовании использованы системный подход, обобщение, анализ, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Свидетельства древних захоронений

На сегодняшний день на территории бассейна р. Оленёк найдено примерно 60 погребений, большинство из которых являются надземными, так называемыми «воздушными» захоронениями, которые представляют собой конструкции из дерева, помещенные на вечной мерзлоте на двухметровых столбах-сваях (рис. 1). Якуты называют эти захоронения «арангас», что является монгольским заимствованием (Антонов, 1971. С. 160). Исследованием захоронений в бассейне р. Оленёк в 1978–88 гг. занималась этносоциологическая экспедиция Якутского государственного университета. Почти половина

из более 40 обследованных надземных и наземных погребений – женские и одно – детское. Большинство из них приурочено к устьям больших и малых притоков Оленёка. Ныне материалы четырех шаманских захоронений – Улахан Бердакит I, II, Кюре I и II (Победа) частично введены в научный оборот (Архипов, 1991; Архипов, 2005). В Полевом отчете Н.Д. Архипова за 1975 г. имеется описание арангаса Омоджун (Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. № 6274). Часть материалов послужила иллюстрациями к научно-популярному изданию «Древние культуры Якутии» (Архипов, 1989). Документы, фиксирующие процесс археологических раскопок и артефакты, находятся в Оленёкском историко-этнографическом музее народов Севера (с. Оленёк) (далее – Оленёкский музей) (Рукописный фонд. № 289–331. Архипов Н.Д. Протоколы раскопок арангасов) и Музее археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (г. Якутск) (далее – Музей СВФУ). Обзорная характеристика рассматриваемых захоронений включена в сборник «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая» (Бравина, 2021). Одна из задач настоящей статьи – ввести эти уникальные материалы в научный оборот.

На погребальные памятники бассейна р. Оленёк первым обратил внимание Р.К. Маак, в маршрут экспедиции которого входил Оленёкско-Виллюйский водораздел. Изображения арангасов якутки Урагас из Средневилюйского улуса, тунгусского князца Бёкчёрюс на р. Эякит – левом притоке р. Мархи и несколько якутских надмогильных сооружений типа *чардаат*, содержатся в его труде «Виллюйский округ» (Маак, 1994. С. 270–278. Рис. 49–57). Примечательно, что в те времена в памяти местного населения еще сохранялись имена и некоторые биографические данные погребенных, что отчасти проливает свет на их этническую принадлежность. Арангас якутки представляет собой сооруженный на 6-ти столбах сруб с двускатной крышей (як. *чардаат*), внутри которого помещался гроб. Костяк женщины лежал, согласно якутской традиции, головой на запад. Тунгусские надземные конструкции установлены на 2-х и 3-х столбах. Гробы из плах снизу и сверху скреплены поперек жердинами, плотно прилегающими к боковым стенкам и имеющими отверстия, в которые вставлялись вертикальные шесты. Костяк из аран-

¹ Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора). В 3 ч. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. Ч. 1. LIII, 158 с.

Рис. 1. Надземное захоронение на р. Сурах (фото Н. Д. Архипова)
Fig. 1. Aboveground burial on the River Surah (photo N. D. Arhipov)

гаса р. Эякит ориентирован головой на северо-восток. Набор сопроводительных предметов из захоронений в основном якутский (Там же. С. 278, 571. Табл. 1).

Автор отмечает, что, вероятно, Вилюйский край до прихода якутов был заселен тунгусами, однако в дальнейшем, «теснимые якутами», они откочевали к северу – на реки Оленёк и Анабар и к западу и юго-западу – в сторону Енисея и Нижней Тунгуски. Эвенки, расселившиеся в среднем течении р. Оленёк, полностью усвоили язык, обычаи и образ жизни якутов. Зимой они жили в якутских юртах с камельком, остальное время года кочевали по многочисленным притокам Оленёка. Основу их хозяйства составляли охота и рыболовство, а также посредничество между бродячими инородцами, посещавшими Оленёк – тунгусами, кочевавшими в верховьях реки возле Хатанги и оз. Ессей, и вилюйскими якутами, следовавшими с товарами к долгам (Там же. С. 171, 196–197).

В 1920-х гг. в верховьях р. Оленёк в Туруханском крае с экспедиционными поездками побывали

этнографы Г.В. Ксенофонтов и П.В. Слепцов, в полевых материалах которых описаны и зарисованы надземные захоронения, установленные невысоко над землей на коротких бревнах и подпорках-козлах. Конструкция погребальных камер в целом схожа с тунгусскими, срисованными Р.К. Мааком (Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук (АЯНЦ СО РАН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 2, 4; Ф. 5. Оп. 3. Д. 296. Л. 34). В одном из захоронений внутри гробовины из плах находился дощатый гроб, в котором лежал костяк мужчины на спине, ориентированный головой на запад. Непосредственно над гробовиной находились лыжи *туут*, обтянутые оленьим камусом, на крышке гроба – якутская железная пальма *батыйа*. Внутри гроба слева от костяка были обнаружены лук и стрелы с наконечниками из железа, у ног – чаша *кытыйа* из дерева якутской работы, железный котел и вырезанная из бивня мамонта ложка.

На погребальный обряд населения северо-запада Якутии обратил свое внимание и И.С. Гурвич. В 1946 г. в Оленёкском, Кирбейском,

Жилиндинском наслегах он обследовал арангасы и описал их как помосты, на которые помещается гробовина с гробом-ящиком или колодой внутри. Помосты крепятся на массивных перекладинах, лежащих на двух, трех или четырех столбах двух- и более метров в высоту, служащих опорой. Гроб закреплялся на столбах вышеописанным способом, т. е. посредством жердин и шестов. На останках умерших зафиксированы фрагменты ровдужных кафтанов и нагрудники с металлическими нашивками-бляхами, меховые штаны и обувь из оленьего камуса долганского покроя. Погребальный инвентарь – сложный лук, наконечники стрел, пальма *батыйа* и нож (Гурвич, 1977. С. 142–146).

На островах в дельте Лены, в низовьях Оленёка, на побережье моря Лаптевых были распространены наземные захоронения. Гроб из плах ставили на землю, сверху засыпали песком и прикрывали дерном, что было связано с трудностью выкапывания могил в вечной мерзлоте (Там же. С. 149). В Оленёкском и Кирбейском наслегах местное население наземные захоронения рассматривали как шаманские, которые, согласно обычаю, время от времени подновлялись. Одно из таких захоронений было обследовано недалеко от центра района – села Оленёк. Погребальная камера (гроб-колода, помещенная внутри гробовины из плах), установленная непосредственно на земле была обнесена жердяной изгородью, внутри которой найден полусгнивший обод бубна с подвесками из металла в виде крючков-петель (Там же. С. 146).

подавляющее большинство изученных Н.Д. Архиповым надземных захоронений представляют собой погребальные помосты – арангасы на столбах в количестве от двух до шести, а несколько наземных захоронений помещались в срубных камерах, немного углубленных в землю. Обычно захоронения находятся в устьях речек, богатых ягелем. В большинстве случаев погребения одиночные, но встречаются и групповые (Сэнке I, II, III; Батыялах I, II, III, IV; Кюрэ I, II, III, IV; Улахан Бёгёлю I, II, III, IV; Улахан Бердакит I, II, III). Ориентация в основном головой на запад или север, с некоторыми отклонениями. И лишь в парном арангасном захоронении Некэтит и в шаманском – Сэнке II, умершие лежат головой на юг.

Сопроводительный инвентарь и ландшафтное расположение захоронений говорит о населении

этих мест как оленеводах и охотниках на северного оленя. Например, в женских погребениях присутствуют палки *нёри*, предназначенные для верховой езды и подпружные пряжки *тимэхтин*. От обеспеченности домашними оленями зависели результаты охотничьего промысла, требовавшие частых передвижений. Охотились с луком и стрелами, используя в качестве приманки оленя-манщика. По весеннему насту передвигались на лыжах *туут* гоном. У оленёкских эвенков было два вида лыж. Ранней зимой, пока снег мягкий, ходили на тонких и узких лыжах, а зимой, ближе к весне, когда появляется наст – на толстых и широких. Длина их обычно составляла 1,3–1,5 м, ширина в средней части 30–40 см, толщина 4–7 мм. Для лучшего скольжения лыжи подбивались меховой обшивкой из жеребьячьей шкуры, ворсом назад, а в боковые стороны во всю длину приклеивались узкой полоской из оленьих камусов с более короткими волосками.

Немалое место среди предметов сопроводительного инвентаря занимают охотничьи орудия. Так, фрагменты сложносоставного лука найдены в девяти арангасах (надо отметить, что семь из них женские – Тонгус Чуостага, Майында, Некэтит, Сэнке I, Батыялах IV, Улахан Бёгёлю I, Улахан Бердакит II). Лук из парного захоронения Тонгус Чуостага более сохранный. Лук сделан из лиственницы и березы, трехслойный, склеенный, имеет костяные вставки для крепления тетевы. Интересна находка из захоронения Кюрэ II – щиток, сделанный из трубчатой сохатиной кости с 4 отверстиями для ремешков, защищающий руку при стрельбе от удара тетивой. Подобные щитки делались и из железа (рис. 2а).

Почти во всех захоронениях имеются наконечники стрел разных типов (рис. 2б). Так, в арангасе Улахан Бёгёлю I найден берестяной колчан с 31 наконечником стрел: ромбовидные железные (5), четырехгранные с желобком на каждой грани (8), долотовидные, прямоугольные в сечении (8), вильчатые срезни (2), костяные трехгранные напильниковидные (3) и 1 томар из дерева. В колчане погребенной на р. Улахан Бёгёлю также хранились костяные и деревянные стрелы. Многочисленность железных и костяных наконечников стрел в описанном женском погребении свидетельствует о том, что охота, являвшаяся повседневным

Рис. 2. Находки из арангасов: а – предохранительные щитки для запястья (Оленёкский музей, ЧБ-85, К-80-2); б – железные наконечники стрел (Музей археологии и этнографии СВФУ. ЯГУ. Б.Б. 314-318); в – пальмы батас и батуйа (там же. ЯГУ. Б.Б. 106, 16, 17)

Fig. 2. Finds from the Arangas: а - wrist plate (Olenek Museum, ЧВ-85, К-80-2); б - iron arrowheads (Museum of Archeology and Ethnography SVFU, YaSU, B.B. 314-318); в - iron cutting weapons batas and batuyaya. (there, ЯГУ, B.B.106, 16, 17)

занятием у мужчин, была привычным делом и у женщин.

Еще одним распространенным орудием охоты является пальма *батыйа* (рис. 2.в). Арангас Улахан Бердакит II предоставил большую коллекцию этого колюще-рубящего оружия в количестве 4 экземпляров, на одном из которых имелся берестяной чехол, а на двух других – украшения в виде насечек около насада. Возле арангаса найдено деревянное изображение гагары, которая считалась шаманской птицей. Клинок самой крупной пальмы – 62,5 см, что приближает ее к боевому оружию *батас*. Одна из трех, найденных в арангасе Улахан Бёгёлю пальм, имеет такие же размеры.

В захоронениях были обнаружены орудия рыболовства – рыболовный коючок (Кюрэ II) и железный наконечник остроги (Алаkit II) в виде трезубца, что характерно для «кирамки» – тунгусской остроги. На каждом зубце имеется зазубрина (рис. 3.а). Рыболовство носило сезонный характер. На Оленьке имел распространение чисто эвенкийский способ добычи – лучение. Вероятно, для этой цели был

сделан уникальный осветительный прибор, найденный в одном из захоронений могильника напротив устья р. Батыялах. Он был свернут из одного листа меди, края которого скреплены железным стержнем. Концы его, расположенные перпендикулярно друг к другу, венчались острием и забивались в деревянные ручки. В этот сосуд, вероятно, клали стружки с жиром, используя его как переносный осветительный прибор или же как лучильник при ловле рыбы темной осенней ночью.

Часто встречаемыми предметами в инвентаре найденных захоронений являются нож и огниво – приспособление для высекания огня. В составе его – трут, кресало, пластины и отщепы из кремнистого сланца. Во многих погребениях обнаружены предметы личного пользования – металлические снежные очки, курительные трубки, расчески, сделанные из бивня мамонта (рис. 3.б). В женских погребениях Батыялах I, Биректе I, Кенгяде I были найдены «овечьи» ножницы и металлические игольницы, а в Кюрэ I, IV, Батыялах I, Улахан Бердакит II – каменные и железные скребки *кочай* для соскабливания мездры

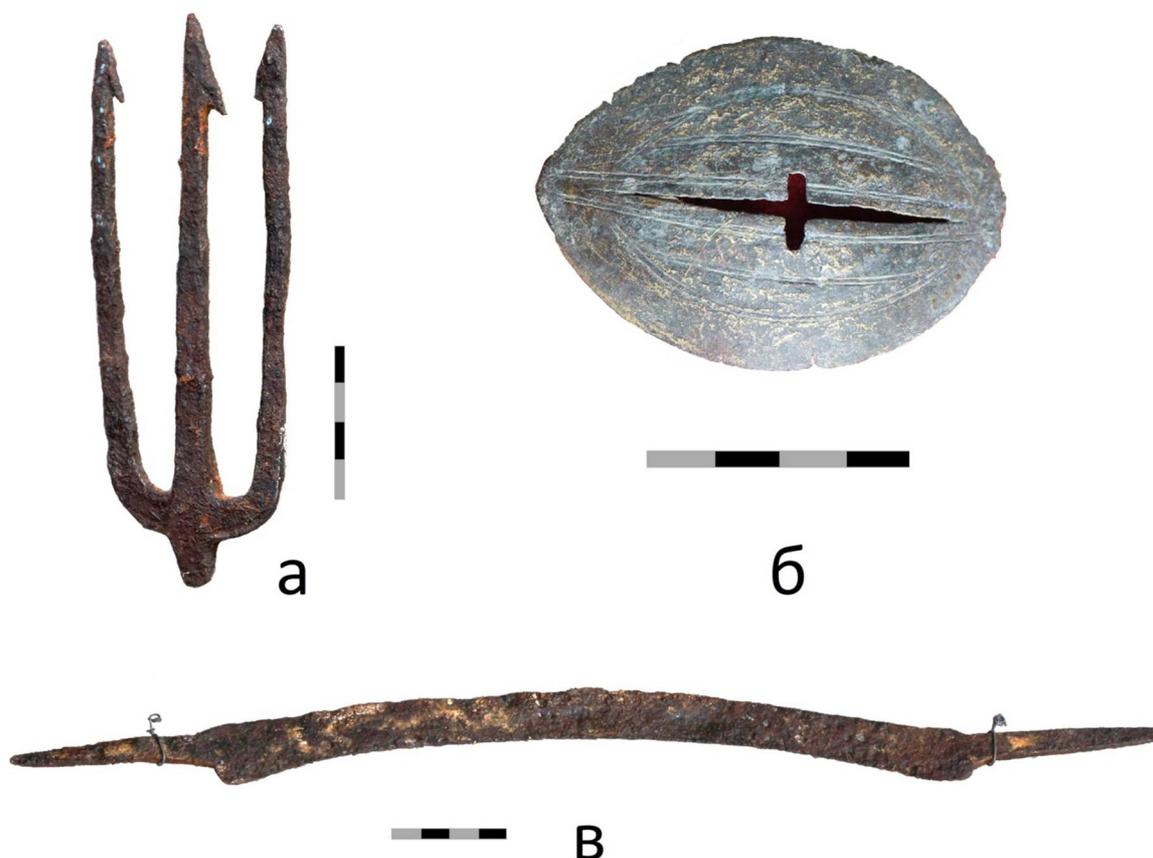

Рис. 3. Предметы из захоронений: а – железный наконечник остроги; б – металлическая линза снежных очков; в – железный скребок (Оленёкский музей, А-86-2, К-84, К-80)

Fig. 3. Objects from burials: a - iron spear point; b - metal lens snow goggles; v - iron scraper (Olenek Museum, A-86-2, K-84, K-80)

со шкуры (рис. 3.в). Инструменты для женского рукоделия обычно помещались в продолговатую сумочку из ровдуги *ёмююкчэ* с длинными шнурками-завязками. У оленёкских эвенков встречаются три вида женских ножей – в зависимости от вида работ. Например, нож *кэндьээ* длиной 20 см, служил для разделки туши оленя. Из хозяйственной утвари встречаются деревянные миски *кытыйа*, костяные и деревянные черпаки, предметы из бересты: тусса, коробки.

Интересен набор из детского арангаса *Ётётёёх*, который состоит из деревянной миски и помещённого в тусс берестяного футляра с фигуркой птички из дерева. По всей вероятности, эта находка имеет ритуальное назначение.

В большинстве арангасов одежда умерших представляет собой фрагменты кафтана тунгусского покроя, украшенного бисерной вышивкой, металлическими пронизками, нашивками-бляхами и счетными жетонами из Западной Европы XVIII в. В арангасе Сурах на границе с вилюйской провинцией обнаружена женская безрукавка, заслуживающая особого внимания. Якутская женская нарядная одежда типа *тангалай* довольно часто встречается в якутских погребениях XVIII в. На полочках – бисерная вышивка, а по нижнему краю пришиты подвески из бусин, металлических трубочек и жетонов. Бисером также расшит воротник-пелерина (рис. 4.а). Голову украшает якутская шапка джабака с диском тусохта из серебра, шею – гривна с серебряными подвесками, волосы – кожаная, полностью расшитая бисером и серебряными бляшками косоплетка. Также богато украшен бисером и металлическими пластинками пришитый к натазнику свадебный пояс невесты (рис. 4.б). В женском погребении напротив устья р. Батыялах сохранился полностью натазник, с пятью рядами серебряных бляшек, бусин, западноевропейских счетных знаков, а по низу к нему прикреплены подвески из серебра в виде парных конских голов (рис. 5).

Комплект личных украшений ярко представлен погребальным инвентарем арангаса Улахан Бердакит II, в который вошли: медная гривна, литой фрагмент медной серьги в виде антропоморфной фигурки, 5 перстней из серебра, с растительным орнаментом на одном из них, 3 цельнолитых пронизки из бронзы, 5 ажурных сердцевидных бляшек из меди и 87 корольков-бусин из фарфора

крупного размера. На Оленёке бисер называют *огуруо таас* (букв. бисер-камушек), а долганы – *Ёлөөн тааса* (бук. оленёкский бисер-камушек). По рассказам, в старину его собирали на малой реке Уджа. Там будто бы находилась пещера с россыпью речного бисера. Когда вода спадала, туда заходили в торбазах с открытым носком и шли мелкими шаркающими шагами, набирая природный бисер².

Выделяются шаманские погребения с изображениями птиц, вырезанных из дерева, которые крепились на вертикальные шести. Одно из таких захоронений обнаружено в 1,5 км вверх от устья р. Кюрэ – правого притока Оленёка (в 52 км ниже п. Оленёк). На одну из сохранившихся опор конструкции надета шаманская птица. При зачистке найдены 4 костяных и 1 долотовидный железный наконечник стрелы, 2 каменных скребка и 1 костяная пластина. Обнаружена также одна железная подвеска шаманского костюма в виде стилизованной фигуры лося. В арангасе Сэнке I и II обнаружены колотушка из рога лося, украшения, сделанные из железа с изображением птиц, небесных светил, животных и рыб, являющихся духами-помощниками шамана и много трубочек и пластинок *кыасаан* (рис. 6). В захоронении Сэнке II найдены две рыболовные остроги из лосиной лопатки, железный наконечник копья, пальма *батыйа*. Видимо, при жизни умерший занимался столярным и ювелирным делом, о чем свидетельствуют скобель *кюёбюл*, специальный нож *изт* с изогнутым лезвием для изготовления деревянной утвари, напильник, ножовка по металлу и емкость для плавки цветного металла. В этой связи следует отметить, что в погребениях Улахан Бердакит III и Улахан Бёгёлю I были обнаружены небольшие топоры с проухом подтреугольной формы, а в арангасе Чилиндин Балаганнага – четырехгранный напильник.

Племена «Оленёкской хосунной эпопеи» на перекрестке культур

В героических легендах северных якутов-оленоводов значатся племена *юнкгээбил*, соизмеримые с нынешними юкагирами, *саамай* (общее название самодийцев), *майаат* (нганасаны), *дьура-*

² Анисимова М.А. Ёлөөн – Юрэн Хосуун араана. Якутск : Бичик, 2010. С. 111. (На якут. яз.)

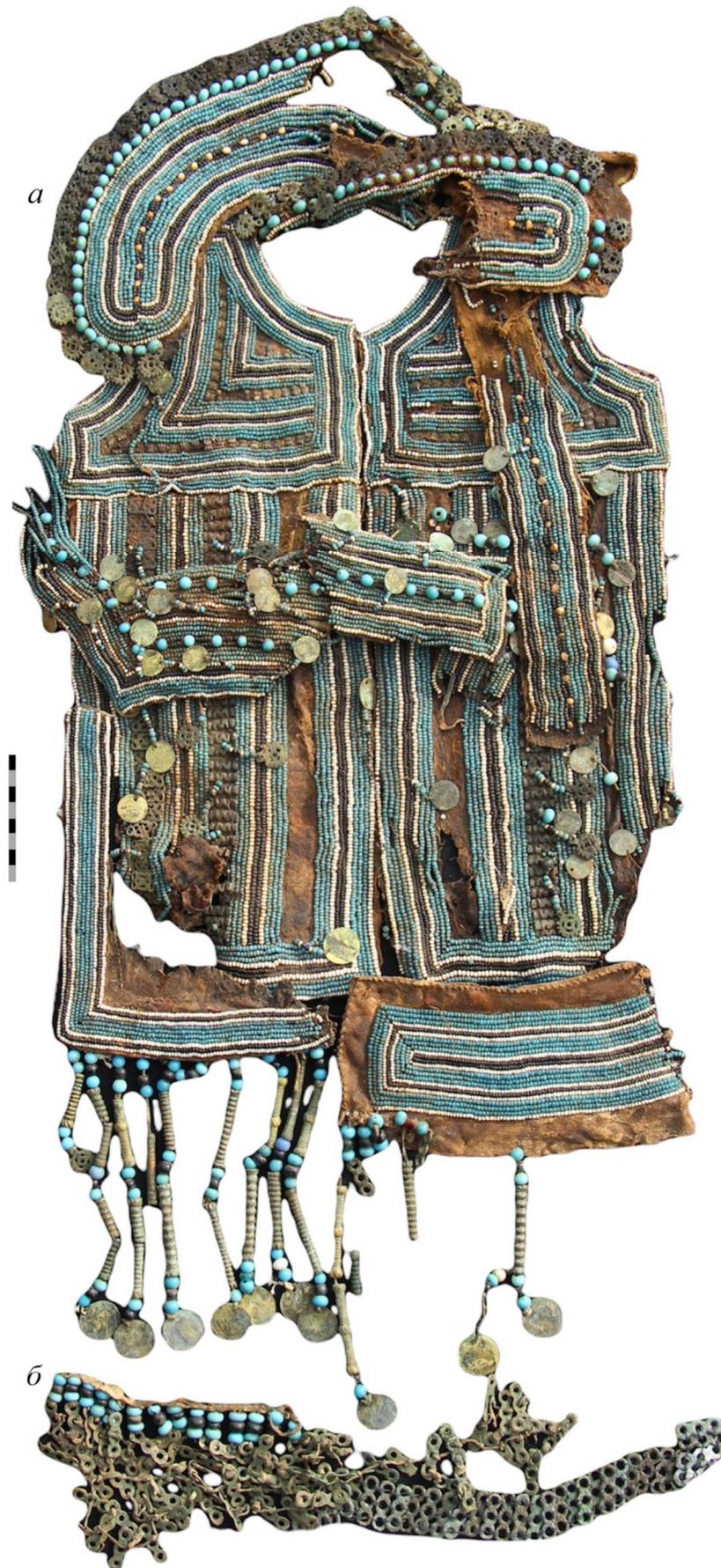

Рис. 4. Женская нарядная одежда: а – кафтан тангалай; б – пояс (Оленёкский музей, С-85)
Fig. 4. Women's smart clothes: a - caftan «tangalay»: б - belt (Olenek Museum, S-85)

ак (юраки, ненцы), а также тунгусы-эвенки. Разнообразные типы и способы погребений, несомненно, обусловлены необычайно сложной этнической историей рассматриваемого региона.

По всей территории сибирской тайги широко распространены надземные захоронения на помостах (Семейная обрядность..., 1980. С. 225–227. Карты 3–5). В бассейне р. Оленёк встречаются «могильники» из таких захоронений, в отличие от одиночных арангасных погребений центральных якутов. Подобные захоронения были распространены у ненцев (Грачева, 1971. С. 253–254). Конструкция

оленёкских арангасов отличалась особенностью – крепление гроба четырехугольной рамой из деревянных жердей или планок. Такое крепление в литературе называют «ненецким» и оно широко использовалось вилюйскими и туруханскими эвенками, ненцами и нганасанами (Там же. С. 261. Рис. 1). Исследователи считают, что погребение на деревьях – воздушный способ – присущ южным предкам современных ненцев еще с периода их жизни на Саяно-Алтайском нагорье. Позже – на рубеже I и II тыс. н. э., когда они переселились в тундру, подобный вид погребений преобразовался в наземный – сре-

Рис. 5. Женский нагрудник (Оленёкский музей, Б-84-3)
Fig. 5. Women's bib (Olenok Museum, B-84-3)

ди вертикальных планок, что, возможно, было имитацией ветвей деревьев (Хомич, 1984. С. 15).

Интересна конструкция арангасного погребения шамана Сэнке II, над которым возведен сруб с двускатной крышей типа *чардаат* (рис. 7). Такие сооружения были распространены по всей Сибири, а в Туве и на Алтае так хоронили только шаманов (Дьяконова, 1975. С. 80–81). От названия – *чардаат*, можно провести аналогии к тюркскому *чарлак*, *чардак*, *чардуган*, что переводится как «надмогильное сооружение, ограда вокруг могилы» (Антонов, 1971.

С. 150–151). Заслуживают особого внимания парные захоронения Тонгус Чюостага и Некэкиит. Это низкие срубы, досками поделенные на две части. Такой тип погребальных камер является наследием хунно-сянбийского времени и считается наиболее архаичной чертой якутского погребального обряда (Алексеев, Бравина, 2022).

Анализируя предметы из оленёкских погребений, можно говорить о разном происхождении некоторых черт культуры и хозяйства этого региона и их органичном взаимодействии. Входящие в их со-

Рис. 6. Железные подвески с шаманского кафтана (Оленёкский музей, С-86, С-86-2)
Fig. 6. Iron pendants from a shamanic caftan (Olenek Museum, S-86, S-86-2)

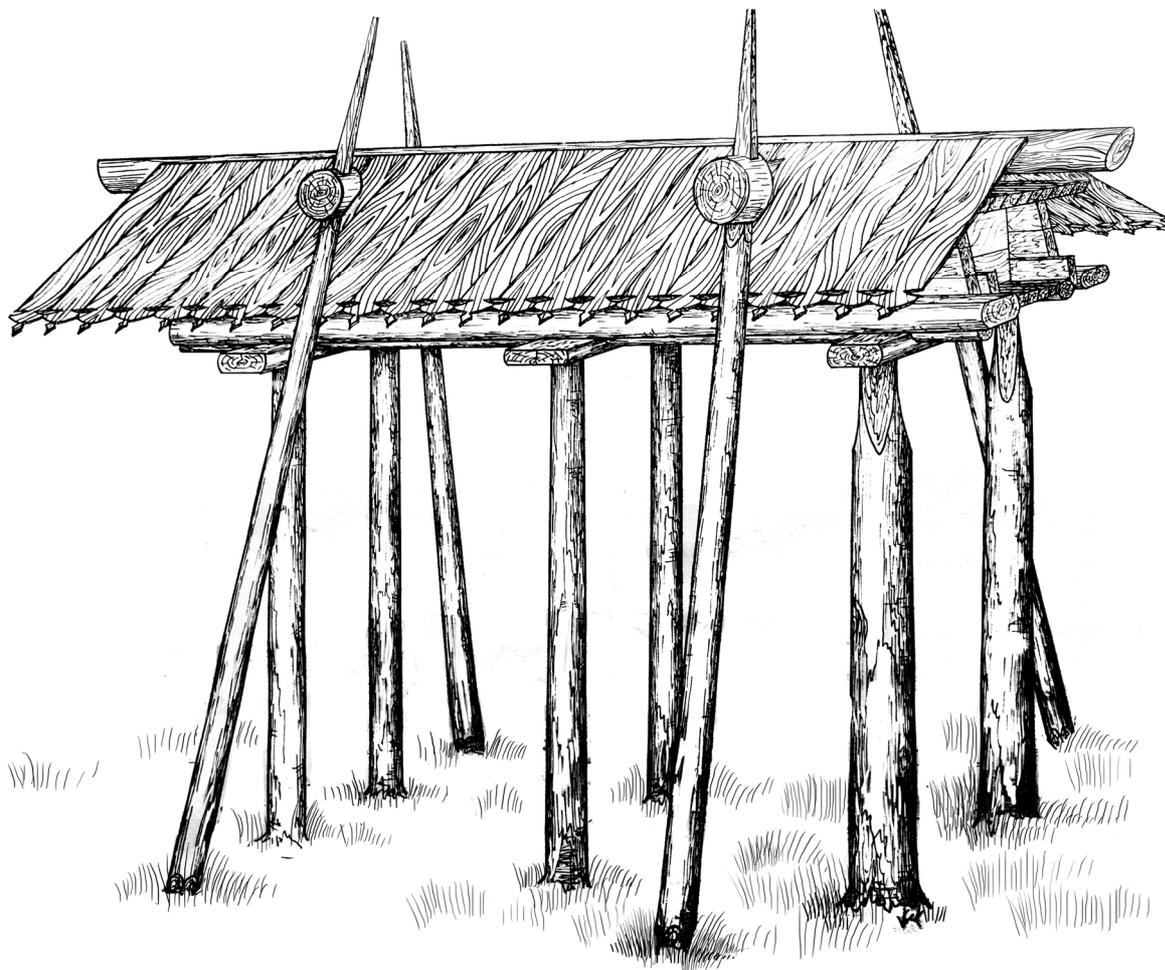

Рис. 7. Шаманский арангас Сэнке II (реконструкция по материалам Н. Д. Архипова)
Fig. 7. Shaman arangas Sanke II (reconstruction based on materials N. D. Arhipov)

проводительный инвентарь лук северного типа и наконечники стрел в целом характерны и для якутских погребений XVIII в. Исключение составляют железные вильчатые наконечники стрел. Два подобных экземпляра были обнаружены в Тумулурском погребении раннего железного века на р. Алдан (Константинов, 1978. Табл. VIII 4, 5). В погребениях XVII–XVIII вв. Ленско-Амгинского междуречья, являющегося ойкуменой древних якутов, такие стрелы не встречаются. Но они зафиксированы в одном из жилищ XVIII в. в Горном районе, который издревле считается областью соприкосновения якутской и тунгусской культур. Среди народностей Севера такие стрелы до недавнего прошлого входили в охотничий арсенал нганасан, селькупов и ненцев (Васильев, 1995. С. 83).

«Основная фабула Оленёкских сказаний, – писал Г.В. Ксенофонтов, – вертится вокруг одного стержня, а именно победа приписывается тому герою, который имеет союзника в лице ковача желез-

ного оружия» (Ксенофонтов, 1992. С. 373). Искусство кузнецов он считал исконной привилегией якутов, что отчасти подтверждается материалами погребений, в которых основные орудия охоты, изготовленные из железа, – пальмы *батас* и *батыйа*, ножи, наконечники стрел – якутской работы. Погребение Кюрэ II – свидетельство присутствия кузнечного ремесла у оленёкских жителей. Сопроводительный инвентарь включал в себя изделия из железа, напоминающие укороченное зубило, лудильный инструмент, а рядом с арангасом были зафиксированы фрагменты железных листов. По мнению тунгусоведов, кузнечным делом эвенки занимались еще во времена древних тунгусо-монгольских связей, свидетельством чего является лексика. Еще до прихода русских, на Вилюе, средней Ангаре и, возможно, в Забайкалье из добытой руды плавил железо, а многие обладали умением перековывать металл. В литературе XVIII в. уже нет упоминания о добыче руды эвенками. По

свидетельству Р.К. Маака, добычей железа и кузнечным ремеслом в Вилюйском округе занимались якуты Мархинского (ныне Нюрбинского) и Верхневилюйского улусов, снабжая железом окрестные районы.

По справедливому замечанию И.С. Гурвича, комплект одежды умерших (дошка, нагрудник-передник тунгусского образца и обувь из оленьих камусов) определяется, как эвенкийский. А набор украшений (гривны, проволочные серьги, кольца из серебра, разнообразные нашивки-бляхи) сходен с инвентарем якутских погребений XIV–XVIII вв. Вероятно, это свидетельствует о широких связях между якутами центральных и вилюйских улусов и промысловым населением северо-западной Якутии. Воротник-пелерина, сплошь расшитый бусами и бисером – элементы, отличающие безрукавку, найденную в погребении Сурах. О наличии воротника в общетунгусском кафтане (как в ровдужном, так и меховом), как детали наплечной одежды, в имеющихся этнографических материалах не упоминается. Однако, по данным Г.М. Василевич, широкий отложной воротник на женском кафтане к забайкальским и конным эвенкам попал через даров еще до прихода в Сибирь русских (Василевич, 1969. С. 145–146). По свидетельству Е.Н. Боковой – эвенской мастерицы из Момского района РС(Я), праздничные ровдужные кафтаны (*аркымча*) эвены украшали полукруглой пелериной *аркалан* (у эвенов Якутии – *аркыпан*), к нижнему краю которого пришивали подвески в виде бляшек, низок бисера и бус³.

Сложный путь в потусторонний мир на лыжах *туут* или верхом на оленях отражается в ориентации умерших. Обычай оставлять на могиле нарты, седло и упряжь и вешать рядом череп жертвенного оленя был развит у туруханских эвенков, которые называли его «юрацкой привычкой», т. е. перенятой у ненцев (Семейная обрядность..., 1980. С. 171).

Положение умершего на спине вытянуто, головой на запад или север, иногда ногами к реке, характерно для многих народов северной Сибири, в т. ч. для долган и ненцев и отражает, по-видимому, горизонтальную модель мира, где в низовьях рек помещается «мир мертвых».

В отличие от взрослых, души детей возвращались к своим божествам-дарителям в верхний мир в виде птичек. Когда умирал ребенок, из дерева вырезались фигурки птиц и укладывались в берестяной сосуд *ого уйата* (якут. гнездо для души ребенка) (арангас Ётөхтөёх). Такое представление присуще всем группам якутов, которые, когда в семье появлялся новорожденный, говорили, что заново родилась кут – душа «ушедшего» ребенка (АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 44. Л. 352). Согласно И.С. Гурвичу, в традиционной духовной культуре населения бассейна р. Оленёк преобладают якутские воззрения и традиции, что связано с безраздельным господством в этом регионе якутского языка (Гурвич, 1977. С. 235). Но тем не менее в фольклоре вилюйских шаманов говорится, что они обучались и проходили обряд посвящения у эвенкийских шаманов. Спиридон Герасимов-Отчут уола Оноху ойуун в книге И.С. Гурвича представлен как оленёкский шаман (Гурвич, 1977. С. 214). На самом деле он родился и жил во 2-м Кулятском наслеге (ныне с. Таасагар) Вилюйского района. Спиридон оказался на Оленёке с родителями, куда они переехали «для пропитания охотой и оленями». По рассказам, он обучился шаманству у знаменитого тунгусского шамана Джадабыл, кочевавшего по р. Тюнгэ. Джадабыл пользовался среди населения северных улусов огромным авторитетом, как сильный шаман, который ездил на нарте без оленя. Спиридон был разносторонне талантливым человеком. В узких кругах слыл искусным кузнечным мастером – ковал котлы, топоры, пешню, ремонтировал самовары, ружье и т. д. (АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 16. Л. 42). Совмещение шаманской практики с кузнечным и столярным делом, как видно из материалов из шаманского арангаса Сэнке II, было характерно и для оленёкских шаманов. У Джадабыла посвящение в шаманы прошел и другой известный якутский шаман Ньыыкан – Н.А. Поскачин-Васильев. Оленёкский шаман ко времени их знакомства уже был стар и немощен. Старуха шамана Кёдел Майа усаживала его на качели и толкала-тянула, раскачивая туда-сюда. Видимо, этим она как бы подменяла его движения – прыжки и езду. Про Никона якуты-земляки между собой поговаривали: «Он обучался у тунгусского шамана, поэтому невозможно понять его язык. Все балакает и балакает». Обучение свое Никон продолжил у сыновей-

³ Бокова Е.Н. Эвенские узоры : метод. пособие. Магадан : Новая полиграфия, 2007. 39 с.

шаманов Джадабыла, с которыми он побывал у самодийцев и долган, дошел до озера Ессей в Красноярском крае. Вернулся на родину на Вилюю только через десять лет, прославившись как сильный шаман⁴.

В целом традиционная культура населения Северо-Запада Якутии, как показывает анализ материалов арангасных захоронений бассейна р. Оленёк, представляет собой результат сложных и длительных взаимодействий эвенкийской и якутской культур, наложившихся на древний аборигенный прото-самодийский или палеоазиатский субстрат. Сопроводительный инвентарь арангасных захоронений представлен орудиями охотничьего промыслового хозяйства и предметами кочевого быта, приспособленными к природной зоне лесотундры и тундры. При этом исключение составляли престижные вещи типа якутского свадебного/погребального кафтана *тангалай*, набора якутских металлических украшений, фиксируемых в женских захоронениях.

Заключение

Как свидетельствуют материалы надземных захоронений, в рассматриваемое время в основных чертах сформировалась культура этнической общности, вошедшей в науку под названием «северные якуты-оленевоеды», хотя в настоящее время местное население бассейна Оленёка идентифицирует себя как эвенки. Термин «якуты-оленевоеды» (як. *табалаах сахалар*) применяется преимущественно в отношении вилюйских наслегов, граничащих с Оленёкским районом. Жители некоторых из них ставят вопрос о возрождении истинной их национальности как эвенков на основании архивных документов. В 1994, 2004 и 2006 годах в Вилюйском народном суде рассматривались заявления жителей Югюлятского наслега Вилюйского улуса о признании их представителями коренных малочисленных народов Севера. В 2019 г. в наслеге состоялся Местный референдум по вопросу принятия национального статуса, который признан состоявшимся: «за» проголосовало более 90 процента его участников, хотя до настоящего времени решение не вступило в силу⁵.

⁴ Полевые материалы Н.Д. Архипова, собранные в с. Ботулинском наслеге Верхневиллюйского улуса в 2002 г.

⁵ В Югюлятском наслеге состоялся местный референдум // URL: <https://mr->

Несмотря на замечание И.С. Гурвича о значительной роли русских в процессе формирования коренного населения региона, в материалах арангасных захоронений русское влияние не просматривается. Сведения о русском населении в XVIII в. очень немногочисленны. На месте старинного Усть-Оленёкского зимовья, которое было когда-то поставлено на правом берегу устья Оленёка, существовало крестьянское поселение. Участники Второй Камчатской экспедиции отмечали: «На устье реки Оленёка, в зимовьях, живут русские промышленники издавна семей около 10, которые через жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычай схожи» (Берг, 1927. С. 32). От Оленёка до устья Анабара на расстоянии около 30 верст друг от друга располагались балаганы добывавших песка оленёкских промышленников, которые занимались теми же промыслами, что и коренное население: ловлей песка, рыболовством и охотой на дикого оленя. Браки между семьями русских старожилов и коренного населения нашли отражение в ревизских сказках, например, документ от 1795 г. отмечал, что усть-оленёкские старожилы находились в брачных отношениях с якутами. В одной только Туматской волости ревизией 1795 г. было отмечено 6 женщин, взятых якутами в жены из усть-оленёкского мещанского общества. В конце XVIII в. в устье Оленёка жило около 70 человек, причисленных к мещанскому сословию (Дьяченко, 2005. С. 36). Среди артефактов из археологических раскопок Оленёкского зимовья значатся так называемые «овечьи» ножницы, деревянная ложка якутской работы и железный наконечник стрелы (Старков, 2013. С. 295, 296. Рис. 4.7,3; рис. 5.3), которые встречаются и в рассматриваемых выше арангасных захоронениях. Г.В. Ксенофонтов в свое время писал, что полное объякучение русских поселенцев свидетельствует о значительной давности их проживания среди якутов (Ксенофонтов, 1992. С. 288).

Отсутствуют и элементы культуры юкагиров – *юнкээбил* из хосунных сказаний. По всей видимости, С.И. Вайнштейн был прав в своем предположении, что процесс сокращения обширного ареала, занятого юкагирами, и уменьшения их численности завершился под натиском оленных тунгусов задолго до

viljujskij.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3008672 (дата обращения 19.02.2023 г.).

прихода русских (Вайнштейн, 1967. С. 174). Древнейшим пластом Оленёкско-ленских хосунных сказаний (версия об Юнгкээбиле), вероятно, являются воспоминания о борьбе тунгусов с юкагирами за обладание богатыми охотничьими угодьями низовий Оленёка и Лены. Заметный след самодийской культуры в погребальном обряде объясняется скорее всего не столько стойкостью этногенетических проявлений самодийского компонента, сколько постоянными контактами местного населения с западными соседями. Однако некоторые современные исследования говорят о присутствии в геноме северных якутов 58,4% присущего нганасанам центральносибирского компонента (Осаковский, Сивцева, 2017). Архаизмы в погребальном обряде и языке оленёкских якутов косвенно свидетельствуют о проникновении их в этот регион задолго до прихода русских. Возможно, это были вилюйские или жиганские якуты, на территории расселения кото-

рых обнаружены так называемые «малые дома» – памятники раннеякутской культуры XIV–XVI вв. (История Якутии, 2020. С. 213–215).

В настоящее время в Оленёкском национальном районе ведется широкомасштабная и целенаправленная работа по возрождению и развитию традиционной культуры эвенков. Об этом, в частности, свидетельствует интерес к материалам рассмотренных выше погребений, хранящихся в Историко-этнографическом музее народов Севера (п. Оленёк), которые репрезентируются как экспонаты традиционной культуры эвенков (Сивцева, 2005. С. 352). Вместе с тем решение целого ряда открытых вопросов рассматриваемой тематики связано с необходимостью полевых исследований, дальнейшим комплексным изучением и интерпретацией имеющихся материалов, включая краниологические, хранящиеся в отделе археологии и этнографии ИГиПМНС СО РАН.

Список источников

Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Хунно-сяньбийский пласт в культуре якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2022. № 1 (56). С. 115–121. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-9.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 175 с.

Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1989. 188 с.

Архипов Н.Д. Шаманские захоронения Оленёка XVIII века // Проблемы средневековой археологии Сибири и сопредельных территорий: сб. ст. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. С. 124–138.

Архипов Н.Д. Шаманские захоронения Оленёка XVIII века // Оленёкский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2005. С. 49–58.

Берг Л.С. История географического ознакомления с Якутским краем. Л.: Изд-во Акад. наук, 1927. 38 с.

Бравина Р.И. Воздушные захоронения на реке Оленёк в Якутии (XVIII–XIX вв.) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: мат-лы XI междунар. науч. конф., (Абакан, 8–11 сентября 2021 г.). Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 362–366. DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.362-366

Бравина Р.И., Петров Д.М. «Оленёкская хосунная эпopeя» и легенды о туматах: этногенеалогия северных и вилюйских якутов // Северо-Восточный гуманитарный

References

Alekseev A.N., Bravina R.I. (2022) Xiongnu-Xianbei layer in the culture of the Yakuts. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 1 (56). P. 115-121. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-9.

Antonov N.K. (1971) Materials on the historical vocabulary of the Yakut language. Yakutsk: Yakutknigoizdat. 175 p. (In Russ.).

Arkipov N.D. (1989) Ancient cultures of Yakutia. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 188 p. (In Russ.).

Arkipov N.D. (1991) Shaman burials of the Deer Cub of the 18th century. *Problemy srednevekovoi arkheologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: sb. st. = Problems of medieval archeology of Siberia and adjacent territories: Collection of works*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. P. 124-138. (In Russ.).

Arkipov N.D. (2005) Shaman burials of the Deer Cub of the 18th century. *Olenekskii ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor = Oleneksky ulus: history, culture, folklore*. Yakutsk: Bichik. P. 49-58. (In Russ.).

Berg L.S. (1927) The history of geographical acquaintance with the Yakutsk territory. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 38 p. (In Russ.).

Bravina R.I. (2021) Air burials on the Olenyok River in Yakutia (XVIII-XIX centuries). *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoi Sibiri i Severnogo Kitaya: sb. mat-ly XI mezhdunar. nauch. konf., (Abakan, 8-11 sentyabrya 2021 g.) = Ancient cultures of Mongolia, South Siberia and North China: Proceedings of the XI International Scientific Conf., (Abakan, September 8-11, 2021)*. Abakan: IIMK RAN. P. 362-366. (In Russ.). DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4.362-366.

Bravina R.I., Petrov D.M. (2018) «Olenyok Khosun epic» and legends about Tumats: ethnogenealogy of northern and Vilyui Yakuts. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik =*

вестник, 2018. № 1. С. 26–35.

Вайнштейн С.И. Рец. на кн.: И. С. Гурвич. Этническая история Северо-Востока Сибири. М. : Наука, 1966. 269 с. // Советская этнография, 1967. № 1. С. 171–174.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л. : Наука, 1969. 304 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 220 с.

Грачева Г.Н. Погребальные сооружения ненцев устья Оби // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 27. Л. : Наука, 1971. С. 248–262.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М. : Наука, 1977. 244 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука, 1975. 164 с.

Дьяченко В.И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб. : Изд-во «Европейский Дом», 2005. 272 с.

Ефремов П.Е. Хосунный эпос северных якутов-оленьеводов и его место в якутском фольклоре (Опыт классификации) // Поэтика эпического повествования : сб. науч. тр. Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. С. 102–117.

История Якутии. В 3 т. Т. 1 / под общ. ред. А.Н. Алексеева. Новосибирск : Наука, 2020. 536 с.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск : Наука, 1978. 128 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Якутск : Бичик, 1992. Кн. 1. 416 с.

Маак Р.К. Виллюйский округ Якутской области. 2-е изд. М. : Яна, 1994. 592 с.

Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены // Сборник МАЭ. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 73–109.

Осаковский В.Л., Сивцева Т.М. Геном и генетическое здоровье якутского этноса // Якутский медицинский журнал. 2017. № 3 (59). С. 37–40.

Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1934. № 6. С. 116–139.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / отв. ред. И. С. Гурвич. М. : Наука, 1980. 240 с.

North-Eastern Humanitarian Bulletin. No. 1. P. 26-35. (In Russ.).

Vainshtein S.I. (1967) Review of the book by I.S. Gurvich Ethnic history of the North-East of Siberia. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. No. 1. P. 171-174. (In Russ.).

Vasilevich G.M. (1969) Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII - early XX century). Leningrad: Nauka. 304 p. (In Russ.).

Vasil'ev F.F. (1995) Military affairs of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 220 p. (In Russ.).

Gracheva G.N. (1971) Funeral structures of the Nenets at the mouth of the Ob' River. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX - nachale XX veka = Religious representations and rituals of the peoples of Siberia in the 19th - early 20th century*. Leningrad: Nauka. P. 248-262. (In Russ.).

Gurvich I.S. (1977) The culture of the northern Yakut reindeer herders. On the question of the late stages of the formation of the Yakut people. Moscow: Nauka. 244 p. (In Russ.).

Dolgikh B.O. (1960) Tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 622 p. (In Russ.).

D'yakonova V.P. (1975) Funeral rite of the Tuvans as a historical and ethnographic source. Leningrad: Nauka. 164 p. (In Russ.).

D'yachenko V.I. (2005) Hunters of high latitudes: Dolgans and Northern Yakuts. St. Petersburg: Evropeiskii Dom. 272 p. (In Russ.).

Efremov P.E. (1993) Khosun epic of the northern Yakut reindeer herders and its place in the Yakut folklore (Experience of classification). *Poetika epicheskogo povestvovaniya: sb. nauch. tr. = Poetics of the epic narrative: sat. scientific tr.* Yakutsk: YaNTs SO RAN. P. 102-117. (In Russ.).

Alekseev A.N. (2020) History of Yakutia. In 3 Vol. Novosibirsk: Nauka. Vol. 1. 536 p. (In Russ.).

Konstantinov I.V. (1978) Early Iron Age of Yakutia. Novosibirsk: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Ksenofontov G.V. (1992) Essays on the ancient history of the Yakuts. In 2 Book. Irkutsk: Bichik. Book 1. 416 p. (In Russ.).

Maak R.K. (1994) Vilyuysky district of the Yakutsk region. Moscow: Yana. 592 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1949) Historical stories and legends of the Lower Lena. *Sbornik MAE = MAE collection*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 11. P. 73-109. (In Russ.).

Osakovskii V.L., Sivtseva T.M. (2017) Genome and genetic health of the Yakut ethnos. *Yakutskii meditsinskii zhurnal = Yakut Medical Journal*. No. 3. P. 37-40. (In Russ.).

Popov A.A. (1934) Materials on the Dolgan tribal system. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. No. 6. P. 116-139. (In Russ.).

Gurvich I.S. (1980) Family rituals of the peoples of Siberia (the experience of a comparative study). Moscow: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Сивцева Н.Ф. Хранительница традиций предков // Оленёкский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2005. С. 352–355.

Старков В.Ф. Оленёкское зимовье – исторический памятник Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 289–298.

Хомич Л.В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.: Наука, 1984. С. 14–29.

Информация об авторах

Бравина Розалия Иннокентьевна,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия,
e-mail: bravinari@bk.ru,
orcid.org/0000-0002-4902-8288

Архипов Никита Деевич,
доктор исторических наук, зав. кафедрой культуры,
Верхневилуйский республиканский лицей-интернат
им. М.А. Алексева,
678230, с. Верхневилуйск, ул. Ленина, 69, Россия,
e-mail: gymnverv@yandex.ru

Вклад авторов

Бравина Р.И. выполнила исследовательскую работу, на основе полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Архипов Н.Д. собрал и подготовил материалы к печати.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 12 апреля 2023 г.; принята к публикации 3 мая 2023 г.

Sivtseva N.F. (2005) The keeper of ancestral traditions. *Olenekskii ulus: Istoriya. Kul'tura. Fol'klor = Oleneksky ulus: history, culture, folklore*. Yakutsk: Bichik. 463 p. P. 352-355. (In Russ.).

Starkov V.F. (2013) Olenek winter hut - a historical site of Eastern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. Story*. No. 3 (23). P. 289-298. (In Russ.).

Khomich L.V. (1984) On other ethnic elements in the traditional culture of the Nenets. *Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri = Ethnocultural contacts of the peoples of Siberia*. Leningrad: Nauka. P. 14-29. (In Russ.).

Information about the authors

Rosalia I. Bravina,
Dr. Sci. (History), full professor, director of Archaeology and
Ethnography Team,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of
the North,
1, Petrovsky St., Yakutsk 677027, Russia,
e-mail: bravinari@bk.ru,
orcid.org/0000-0002-4902-8288

Nikita D. Arhipov,
Dr. Sci. (History), head of the Department of Culture,
Verkhnevilyui Republican Lyceum-boarding school named
after M.A. Alekseev,
69, Lenin St., Verkhnevilyuisk 678230, Russia,
e-mail: gymnverv@yandex.ru

Contribution of the authors

Bravina R.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Arhipov N.D. collected and prepared materials for publication.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 23, 2023; approved after reviewing April 12, 2023; accepted for publication May 3, 2023.

Научная статья
УДК 904(=393.05.1)
EDN: FMEEEG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-66-78>

Улахан Арыы: погребальный памятник средневекового населения бассейна р. Вилюй (Западная Якутия)

Д.М. Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается погребальный памятник эпохи средневековья, открытый в 2019 г. Вилюйским отрядом археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в ходе разведочных работ в Кюкейском наслеге Сунтарского района Республики Саха (Якутия). Захоронение обнаружено в черте древней стоянки, приуроченной к озеру Кюкей. Радиоуглеродный анализ кости человека показал, что памятник датируется XV–XVII вв. Обряд захоронения не характерен для погребальной традиции якутов и тунгусов. Костяк был помещен в небольшую яму с нарушением анатомического порядка и укрыт настилом из лиственничных жердин. Нижние конечности и значительная часть костей рук отсутствовали. По анатомо-морфологическим и остеометрическим признакам, а также по степени стирания жевательных поверхностей зубов установлено, что обнаруженные останки принадлежат мужчине монголоидной расы, предположительный костный возраст которого составляет $40,5 \pm 4,5$ лет (36–45 лет). Медико-криминалистическое обследование останков выявило на левой лопатке и обеих плечевых костях повреждения, вероятно, нанесенные наконечниками стрел. На ключице было зафиксировано выраженное вдавление в месте прикрепления реберно-ключичной связки, что указывает на постоянное перенапряжение соединительной ткани в этом отделе. Данное обстоятельство говорит о том, что человек при жизни мог активно практиковать лучную стрельбу и греблю. Предполагается, что погребенный был казнен или принесен в жертву. Также выдвигается версия, что памятник Улахан Арыы может быть связан с древним населением бассейна р. Вилюй.

Ключевые слова: Сибирь, Западная Якутия, Вилюй, народы Сибири, средневековье, погребальный памятник, атипичный обряд, травматизм, этническая история, туматы, вилюйские якуты

Для цитирования: Петров Д.М. Улахан Арыы: погребальный памятник средневекового населения бассейна р. Вилюй (Западная Якутия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 66–78. EDN: FMEEEG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-66-78>.

Archaeology

Original article

Ulakhan Aryy: a burial site of the medieval population of the Vilyuy River basin (West Yakutia)

Denis M. Petrov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. The article discusses the medieval burial site discovered in 2019 by the Vilyuy archeological expedition team from the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, during exploration in Kyukyaisky Nasleg of the Suntarsky district, Republic of Sakha (Yakutia). The burial was found within the boundaries of an ancient site near Lake Kyukey. Radiocarbon dating of human bones revealed that the site dates back to the 15th-17th centuries. The burial rite is not typical for the Yakuts and Tungus. The skeleton, not arranged in anatomical order, was placed in a small pit and covered with a flooring of larch poles. The lower limbs and a significant part of the arm bones were absent. According to the anatomical-morphological and osteometric signs, as well as the degree of abrasion on chewing surfaces of the upper jaw teeth, the remains belong to a man of the Mongoloid race, whose estimated bone age is 40.5 ± 4.5 years (36-45 years). A forensic medical examination of the remains

revealed four injuries on the left shoulder blade and both humerus, probably caused by arrows. The depression at the place of attachment of the costoclavicular ligament were revealed, which may indicate a constant overstrain of the connective tissue in this section. This circumstance suggests that the person could be an archer or a rower during his lifetime. It is assumed that the buried person was executed or sacrificed. There is also a suggestion put forward that the Ulakhan Aryy site may be associated with the ancient population of the Vilyuy River basin, known from legends of the Vilyuy Yakuts.

Keywords: Siberia, West Yakutia, Vilyuy, peoples of Siberia, Middle Ages, burial site, atypical rite, traumatism, ethnic history, Tumats, Vilyuy Yakuts

For citation: Petrov D.M. (2023) Ulakhan Aryy: a burial site of the medieval population of the Vilyuy River basin (West Yakutia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 66-78. (In Russ.). EDN: FMEEEG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-66-78>.

Введение. На территории бассейна р. Вилюй в Западной Якутии за все время археологического изучения обнаружено крайне малое количество памятников историко-культурного наследия, датируемых эпохой средневековья. В связи с этим по-прежнему недостаточно изученной остается этническая история региона. Открытие любого памятника, относящегося к этому периоду, является важным источником для этнокультурных реконструкций.

В 2019 г. Вилюйским отрядом ИГИИПМНС СО РАН разведочные работы производились в районе термокарстового озера Кюкей (як. Күүкэй). Выбор

района разведки был обусловлен предположением, что данный водный объект, выдающийся своими размерами (рис. 1), во все исторические времена являлся одним из главных центров притяжения людей на Среднем Вилюе. Результатом разведки стало открытие стоянки эпохи неолита-палеометаллов и средневекового грунтового захоронения.

Описание памятника. Основные работы проводились на полуострове в северной части озера Кюкей. Местность называется Улахан Арыы, что в переводе с якутского означает «большой остров».

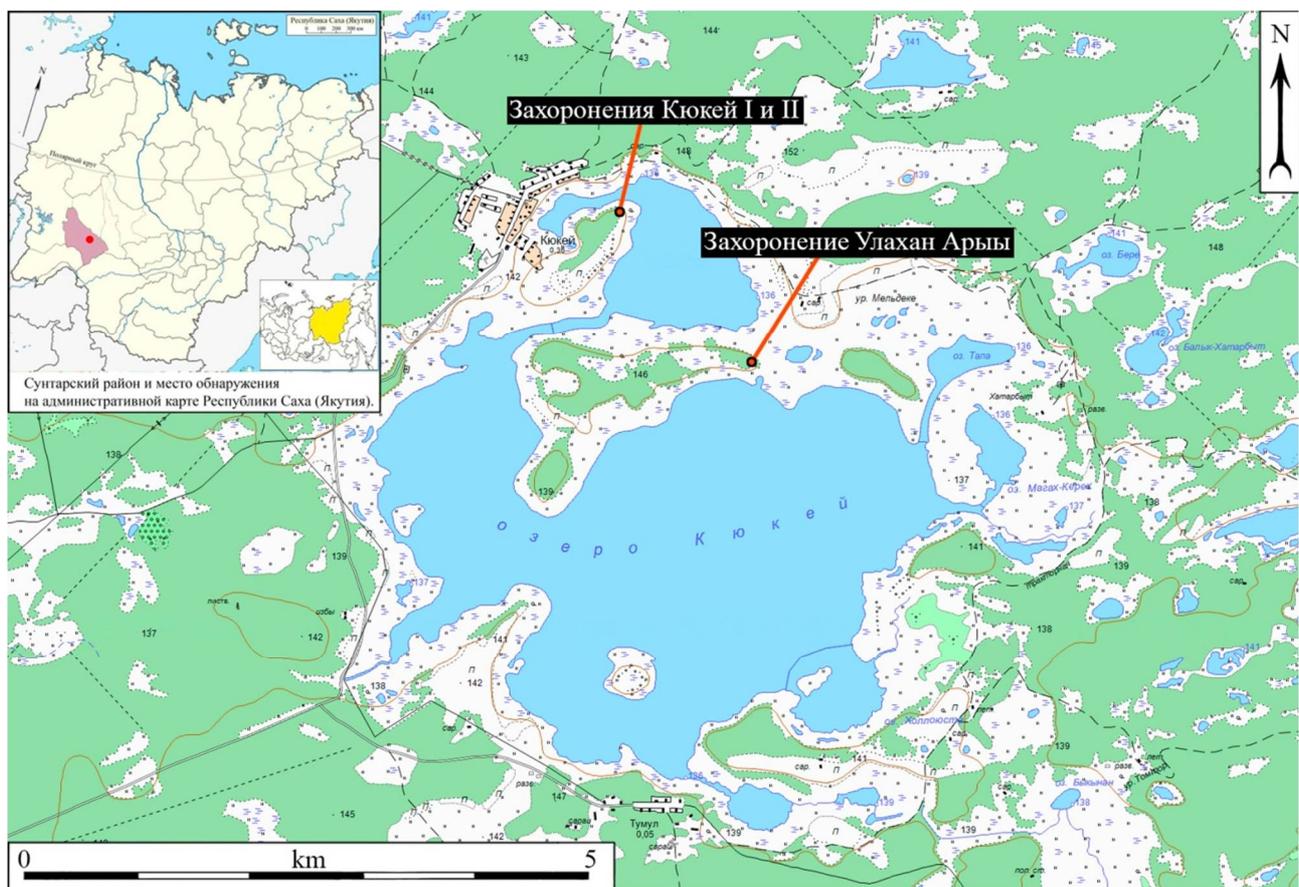

Рис. 1. Карта расположения погребальных памятников эпохи средневековья в районе озера Кюкей
Fig. 1. Map of the medieval burial sites location in the area of Lake Kukey

Полуостров соединяется на востоке с берегом озера широким заболоченным перешейком. Берега пологие и заболоченные, плавно переходят в невысокую террасу (3–4 м), покрыты луговой растительностью. Значительную часть местности занимает хвойный лесной массив. Протяженность возвышенной части полуострова с запада на восток составляет порядка 2 км, с севера на юг в самом широком месте – 1,3 км, в самом узком – 150 м. Стоянка и захоронение открыты в восточной ее оконечности, в месте, где терраса образует широкий мыс (рис. 2; рис. 3). В 2,4 км к северо-западу от места обнаружения стоянки расположено с. Кюкей – административный центр наслега.

В черте стоянки имеются окопы и огневые позиции времен Гражданской войны, а также современная противопожарная траншея, при осмотре которой были найдены отщепы и фрагменты тонкостенной керамики. Для определения границ стоянки было решено заложить 3 шурфа. Во всех из них был установлен культурный слой и зафиксирован керамический материал, соответствующий культурам эпохи неолита и палеометаллов.

В шурфе № 2 было найдено захоронение человека, хронологически не связанное со стоянкой. По-

сле снятия дернового слоя проявилось могильное пятно в форме неправильного овала, вытянутое по оси север-юг, с фрагментами дерева и скоплением корней по центру. Длина пятна равнялась 108 см, ширина – 92 см. После углубления на 20 см проступил настил из сильно истлевших лиственничных жердин (рис. 4; рис. 5.4). Пять жердин были уложены по оси север-юг, одна лежала поперек остальных с северной стороны. Жердина с западного края настила была длиннее других и равнялась примерно 95 см. Длина остальных продольных жердин составляла 70–85 см, поперечной – 31 см. Диаметр жердин примерно 10 см. Вторая с южной стороны жердина была разрушена в середине, образовавшийся провал обнажил теменную часть черепа. Жердины имели следы воздействия огня.

После удаления настила был обнаружен неполный скелет человека с нарушением анатомического порядка (рис. 5.1). Сверху лежали череп, позвоночный столб, ребра, тазовые кости (рис. 5.2). Под ними были найдены ключица, ребра, кости рук, нижняя челюсть (рис. 5.3). Местами имелись фрагменты полуистлевшей ровдуги. Размеры могильной ямы в днище составили 86 см в длину и 41 см в ширину.

Рис. 2. Захоронение Улахан Арыы. Вид на местность (съемка с востока)
Fig. 2. The Ulakhan Aryy grave. View of the area (photography from the east side)

Рис. 3. Захоронение Улахан Арыы. Место обнаружения (съемка с юго-востока)
Fig. 3. The Ulakhan Aryy grave. Site of discovery (photography from the southeast side)

Рис. 4. Захоронение Улахан Арыы. Настил из жердин
Fig. 4. The Ulakhan Aryy grave. Pole flooring

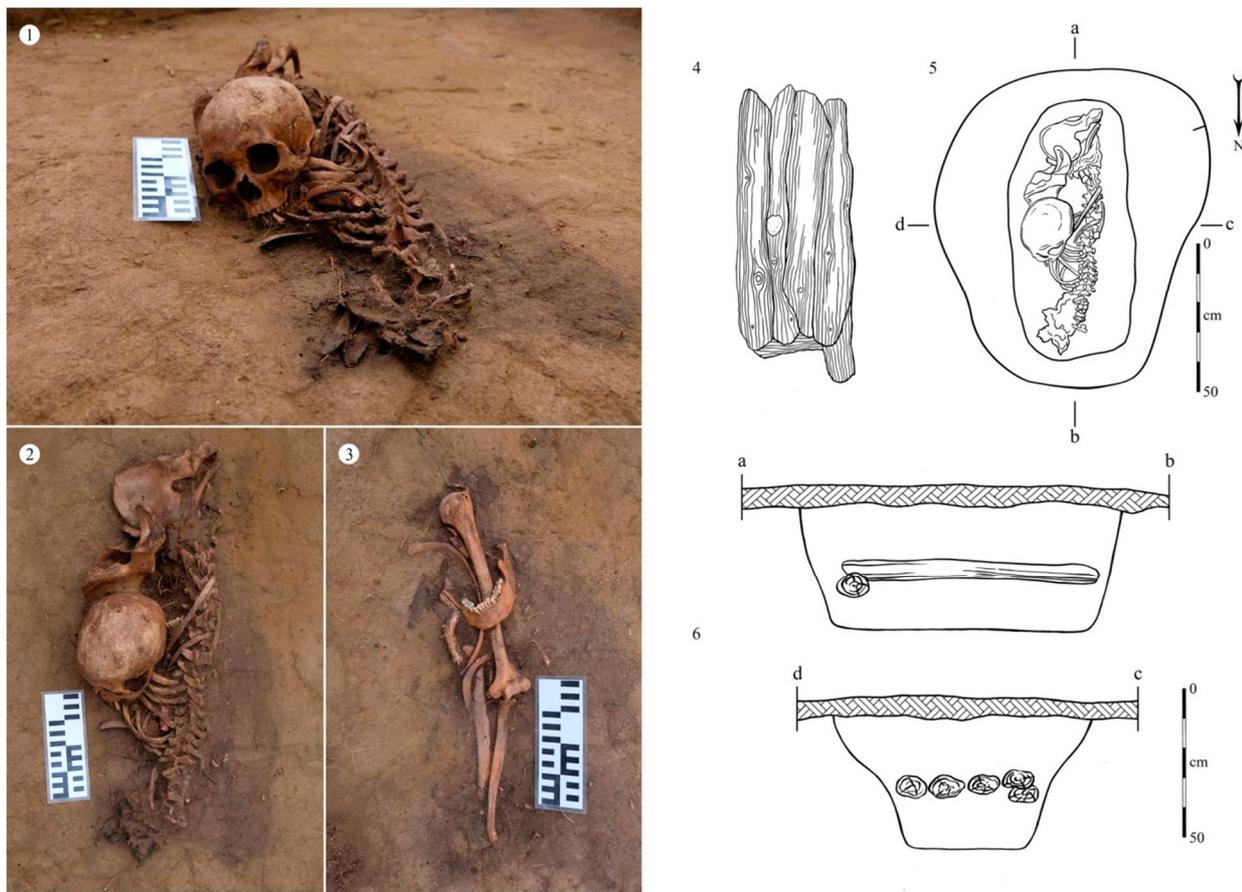

Рис. 5. Захоронение Улахан Арыы: 1 – общий вид на захоронение (съемка с северо-востока); 2 – костяк (вид сверху); 3 – группа костей на дне могильной ямы (вид сверху); 4 – настил из жердин; 5 – план захоронения; 6 – профили захоронения по оси a-b и c-d

Fig. 5. The Ulakhan Aryu grave: 1 – general view of the grave (photography from the northeast side); 2 – skeleton (top view); 3 – a group of bones at the bottom of the burial pit (top view); 4 – pole flooring; 5 – scheme of the grave; 6 – profiles of the grave along the a-b and c-d axes

Результаты исследования останков. Останки человека из захоронения Улахан Арыы были исследованы врачом судебно-медицинской экспертизы Ю.Л. Сафронеевой.

Анатомо-морфологические и остеометрические признаки, а также степень стирания жевательных поверхностей зубов верхней челюсти свидетельствуют о том, что череп мог принадлежать скелету лица мужского пола, монголоидной расы, предположительный костный возраст которого составляет $40,5 \pm 4,5$ лет (36–45 лет) (рис. 6.1).

На нижне-задней поверхности ключицы в 6 мм от грудинного конца определяется продольно ориентированный прерывистый участок, расположенный на участке размерами 25 x 7 мм, представленный неровными выемками компактного вещества, глубиной от 1,5 мм до 3,5 мм, с неровными утолщенными краями с шероховатой поверхно-

стью (выраженное вдавление реберно-ключичной связки) (рис. 6.2,3).

На ряде костей фиксируются повреждения, предположительно нанесенные холодным оружием:

Левая лопатка (рис. 6.4). В 43 мм сверху от нижнего угла и в 18 мм влево от медиального края определяется неправильно овальный участок истончения кости с образованием неправильно многоугольных дефектов «минус-ткань», размерами 6 x 4,5 мм и 14,5 x 11 мм, с мелковолнистыми острыми краями. Тотчас вправо от латерального края, в 98 мм сверху от нижнего угла, определяется **повреждение № 1** (рис. 6.5,6), центральная часть которого представлена неправильно овальным дефектом «минус-ткань», расположенным в 61 мм сверху от нижнего угла и в 9 мм вправо от латерального края, длинником ориентированный вер-

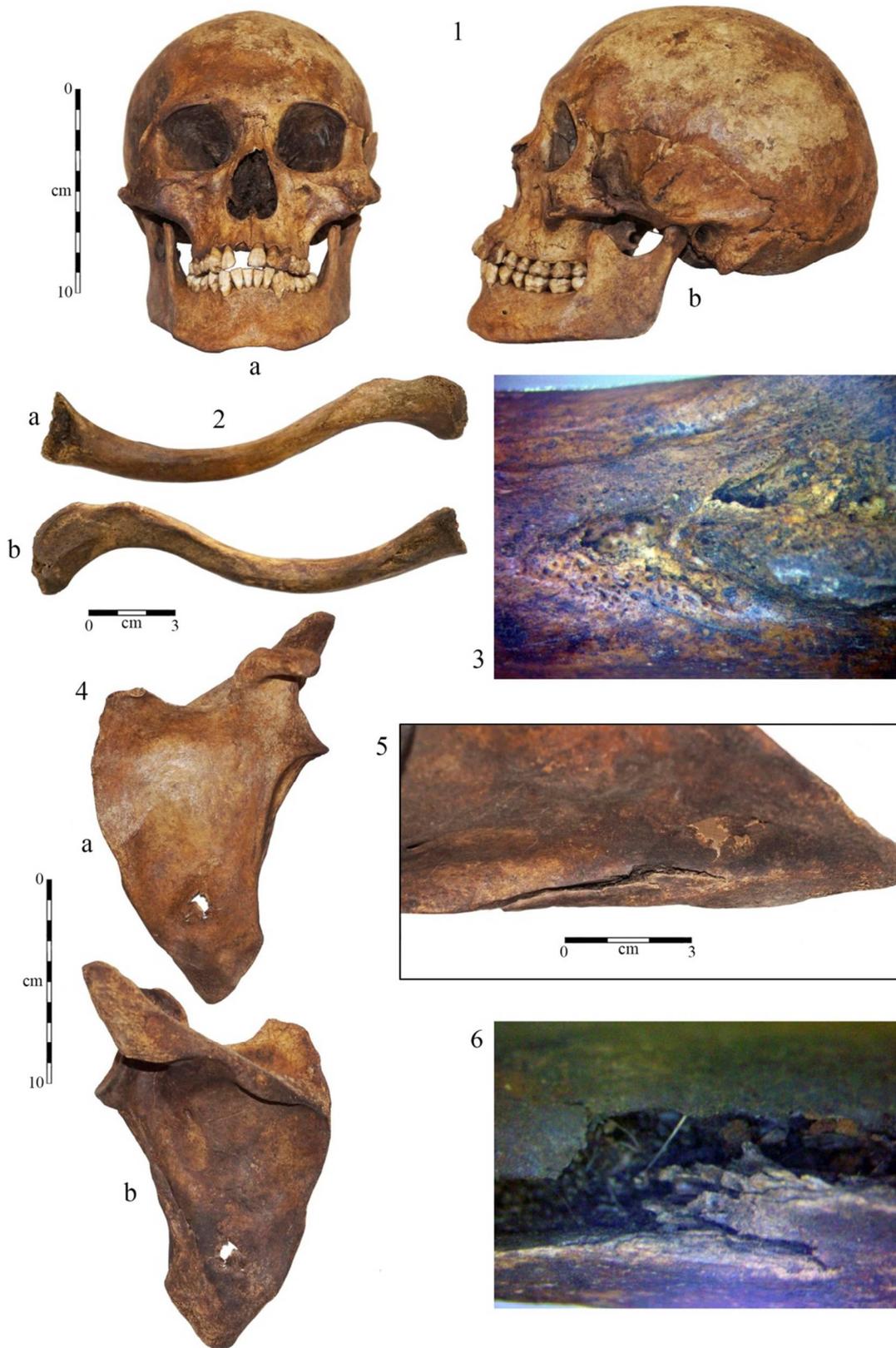

Рис. 6. Останки из захоронения Улахан Арыы: 1 – Череп с нижней челюстью: а – вид спереди, б – вид слева; 2 – левая ключица: а – вид сверху, б – вид снизу; 3 – участок вдавления на ниже-задней поверхности левой ключицы (микрофотография); 4 – левая лопатка: а – наружная поверхность, б – внутренняя поверхность; 5 – повреждение № 1 на лопатке; б – повреждение № 1 (микрофотография)

Fig. 6. Remains from the Ulakhan Aryy grave: 1 – skull with lower jaw: a – front view, b – left side view; 2 – left clavicle: a – top view, b – bottom view; 3 – area of indentation on the lower-posterior surface of the left clavicle (micrograph); 4 – left shoulder blade: a – outer surface, b – inner surface; 5 – damage No. 1 on the shoulder blade; 6 – damage No. 1 (micrograph)

тикально, длиной 5,5 мм и шириной 3,5 мм. На наружной компактной пластинке края повреждения острые, мелкозубчатые, с поверхностным сколом компактного вещества в области правого края, левый край нависающий. На цифрах 1, 6, 7, 11 условного циферблата часов тотчас от данного дефекта отходят линейные и извилистые поверхностные трещины, длиной 1,5 мм, 18,5 мм, 4 мм и 32,5 мм соответственно, с относительно ровными скошенными краями. По латеральному краю визуализируется извилисто-линейная трещина, расположенная на уровне повреждения № 1, длиной 47 мм, которая, соединяясь с верхним концом трещины, ориентированной на цифре 11 условного циферблата часов, образует продолговато-овальный отщеп.

Фрагмент правой плечевой кости (рис. 7.1). На границе нижней и средней трети диафиза, в 97 мм кверху от края нижнего излома определяется **повреждение № 2** (рис. 7.2,3) в виде веретенообразного дефекта «минус-ткань», длинником, ориентированным, на цифрах 6 и 11 условного циферблата часов, длиной 12,5 мм и шириной 4 мм. Края дефекта относительно ровные, со сколом компактного вещества по правому краю на ширину до 3,5 мм. Края дефекта воронкообразно сужаются в направлении снаружи вовнутрь. Левая стенка повреждения несколько пологая, правая нависающая. Тотчас кверху и книзу от данного дефекта отходят поверхностные линейные трещины, длиной 41 мм и 26 мм соответственно, с ровными отвесными краями.

Левая плечевая кость (рис. 7.4). В области верхней трети диафиза на задней поверхности плечевой кости, в 57 мм книзу от верхнего края головки имеется **повреждение № 3** (рис. 7.5,7), представленное веретенообразным дефектом «минус-ткань», длинником, ориентированным практически вертикально, длиной 10,5 мм и шириной 3,5 мм. Края дефекта относительно ровные, со сколом компактного вещества по правому, левому и верхнему краю на ширину от 1 мм до 3 мм, за счет которого края дефекта воронкообразно сужаются в направлении снаружи вовнутрь. Правая стенка повреждения несколько пологая, левая нависающая. Тотчас кверху и книзу от данного дефекта отходят поверхностные извилисто-линейные трещины, длиной 19 мм и 45 мм, местами с ров-

ными, местами с волнистыми, скошенными, гладкими краями. При этом нижняя трещина ориентирована на цифру 7 условного циферблата часов.

В области верхней трети диафиза по латеральной поверхности плечевой кости, в 66 мм книзу от верхнего края головки, определяется **повреждение № 4** (рис. 7.6,8,9) в виде неправильно многоугольного дефекта «минус-ткань», размерами 25 x 7,5 мм, длинником, ориентированным вертикально. Края передней половины повреждения неровные, зубчатые, задней половины – относительно ровные, отвесные. По периферии переднего и нижнего края повреждения № 4 определяется продолговатый участок полосовидного скола компактного вещества с неровной, бугристой поверхностью, длинником, ориентированным вертикально, общими размерами 48 x 10,5 мм. Тотчас от краев дефекта на цифрах 1 и 5 условного циферблата часов кверху и книзу отходят извилисто-линейные трещины, длиной 19,5 мм и 20,5 мм соответственно. При этом нижние трещины повреждений № 3 и № 4, соединяясь образуют неправильно треугольный отщеп. Тотчас спереди от дефекта повреждения № 4, на цифре 7 условного циферблата часов определяется линейный дефект, длиной 26 мм и шириной 1 мм, с ровными краями и гладкими, отвесными стенками, передний конец которого несколько остроугольной формы (надруб). Поверхность стенок надруба светло-желтого цвета.

Морфологическая картина повреждений (локализация, характер, форма, размеры, наличие и локализация трещин, строение краев, стенок) свидетельствуют о том, что они могли образоваться в результате не менее 3-кратного воздействия колющими предметами с веретенообразной формой в поперечном сечении (учитывая форму повреждений № 2 и № 3), при этом локализация и морфология повреждений № 3 и № 4 указывают на то, что они образовались в результате одного травмирующего воздействия. Данные повреждения без признаков консолидации (заживления). В области повреждения № 4 имеется надруб, причиненный посмертно, в результате воздействия предмета с рубящими свойствами, что подтверждается его формой, размерами, строением краев и цветом стенок.

Направление травмирующего воздействия в области повреждения № 1 на левой лопатке было

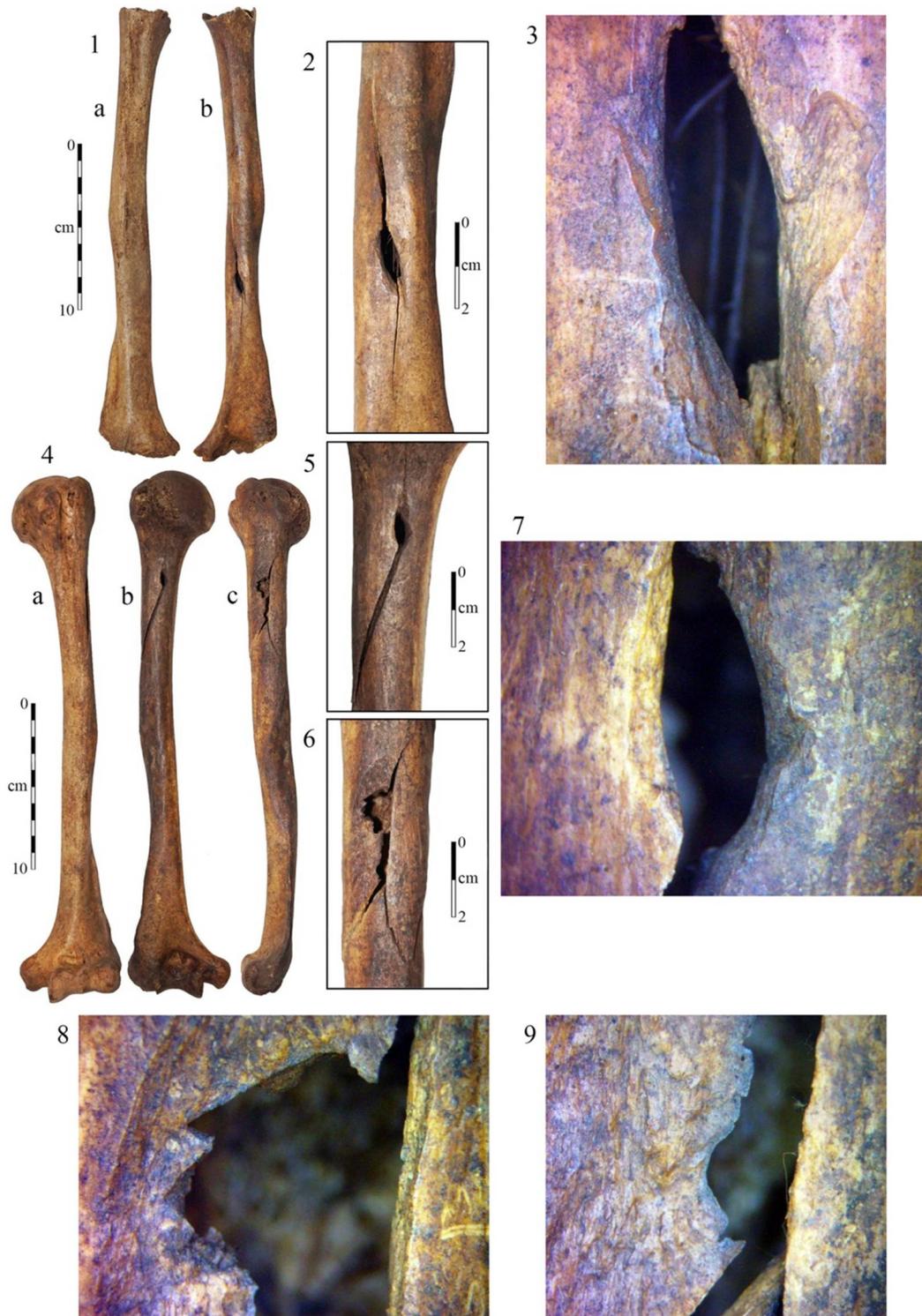

Рис. 7. Останки из захоронения Улахан Арыы: 1 – фрагмент правой плечевой кости: а – передняя поверхность, б – задняя поверхность; 2 – повреждение № 2 на фрагменте правой плечевой кости; 3 – повреждение № 2 (микрофотография); 4 – левая плечевая кость: а – передняя поверхность, б – задняя поверхность, с – латеральная поверхность; 5 – повреждение № 3 на задней поверхности левой плечевой кости; 6 – повреждение № 4 на латеральной поверхности левой плечевой кости; 7 – повреждение № 3 (микрофотография); 8 – верхняя половина повреждения № 4 (микрофотография); 9 – нижняя половина повреждения № 4 (микрофотография)

Fig. 7. Remains from the Ulakhan Aryy grave: 1 – fragment of the right humerus: а – anterior surface, б – posterior surface; 2 – damage No. 2 on a fragment of the right humerus; 3 – damage No. 2 (micrograph); 4 – left humerus: а – anterior surface, б – posterior surface, с – lateral surface; 5 – damage No. 3 on the posterior surface of the left humerus; 6 – damage No. 4 on the lateral surface of the left humerus; 7 – damage No. 3 (micrograph); 8 – upper half of damage No. 4 (micrograph); 9 – lower half of damage No. 4 (micrograph)

сзади наперед и справа налево, в области повреждения № 2 на правой плечевой кости – сзади наперед и несколько слева направо, в области повреждений № 3 и № 4 на левой плечевой кости – сзади наперед, справа налево и сверху вниз.

Обсуждение. Захоронение Улахан Арыы датировано по кости человека в лаборатории Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН. Радиоуглеродный возраст составил 403 ± 27 лет назад (NSKA-03467). Калибрование с точностью 95,4 % показало два допустимых интервала – 1438–1519 гг. (вероятность 79,7 %) и 1587–1622 гг. (вероятность 15,8 %).

Отсутствие предметного инвентаря и специфичность обряда погребения затрудняют определение культурной принадлежности Улахан Арыы, тем более что средневековое население Якутии отличалось этнокультурным разнообразием. Потомки степных кочевников сосуществовали на одной территории с таежными племенами, что постепенно приводило к межкультурному синтезу и смешиванию населения. Есть разные мнения насчет времени проникновения скотоводов в бассейн Вилюя (Николаев, 1957; Парникова, 1971; Алексеев, 2007; Гоголев, 2008). По нашим данным, наличие скотоводческого населения в районе озера Кюкей прослеживается с XIV–XV вв. В 2018 г. недалеко от Улахан Арыы нами было исследовано два мужских грунтовых погребения (Петров, 2019). По совокупности отличительных признаков (Бравина, Дьяконов, 2015) эти памятники можно охарактеризовать как классические раннеякутские захоронения. Кюкей также входил в ареал кочевков тунгусских родов.

Памятник Улахан Арыы сильно отличается от раннеякутских погребений по обряду ингумации, а тунгусы в этнографическое время в качестве основного практиковали воздушный метод захоронения. Но традиционная культура, как правило, чрезвычайно вариативна и богата на исключения. Как в якутской, так и в тунгусской погребальной обрядности допустимы самые различные нестандартные способы обращения с телом.

На ключице погребенного из Улахан Арыы имеется выраженное вдавление в месте прикрепления реберно-ключичной связки, что может указывать на постоянное перенапряжение соединительной ткани в этом отделе. Реберно-ключичная связка ограничивает подъем пояса верхних конеч-

ностей, действует как точка опоры для поднимания-опускания и протракции-ретракции, контролирует поднятие ключицы и ее верхнее скольжение. При протракции выполняется направленное вперед движение плеча, лопатки и ключицы, такое движение наблюдается во время выполнения фазы подъема при отжимании в упоре. Ретракция представляет собой направленное назад движение плеча, лопатки и ключицы, например, при гребле и стрельбе из лука (оттягивание тетивы).

Стрельба из лука у народов Сибири до XIX в. была одним из главных умений мужчины – в связи с охотничьей деятельностью. В эпоху средневековья лучная стрельба была неотъемлемой частью и военной сферы жизни. Тексты исторических преданий и казачьи документы XVII в. говорят в пользу того, что дистанционный бой у сибирских обществ являлся ведущим методом ведения боевых действий. В легендах часто именно лучники первыми вступают в бой и от их меткости во многом зависел исход сражения (Васильев, 1995. С. 146). Гребля в свою очередь была связана с рыболовством – одной из главных отраслей хозяйства населения Якутии как в древности, так и в этнографическое время, особенно в Вилюйском регионе, характеризующимся наличием значительного количества больших и малых озер. Озерным рыболовством занимались преимущественно якуты. На воду выходили в лодках-берестянках, ловля производилась сетями и мордами. Главными объектами ловли являлись карась и голяк, на долю которых приходилось до 70 % всего улова (Саввин, 2005. С. 116).

Характер, форма и размеры повреждений № 1, № 2, № 3, № 4 не исключают возможность их причинения наконечниками стрел. По всей видимости, мужчина был расстрелян из лука со спины. Трудно сказать, была ли это смерть в бою, казнь или жертвоприношение. Первый вариант менее вероятен: исходя из направления травмирующих воздействий, создается впечатление, что стрельба производилась по обездвиженной цели.

Заметна некоторая пренебрежительность по отношению к усопшему. Могильная яма отличается небольшими размерами, внутримогильная конструкция выполнена в виде примитивного настила из плохо обработанных жердин, полностью отсутствуют вещи. Все это говорит о низком статусе по-

гребенного, по крайней мере, в глазах тех, кто совершал погребение. После убийства тело некоторое время могло пролежать на открытом воздухе. Останки, по всей видимости, были помещены в яму как попало уже после частичного разложения мягких тканей.

В якутских преданиях имеются сведения об обрядах с человеческими жертвоприношениями. В одном из них говорится о поклонении предками вилюйских якутов божеству Алла Тангара, под вытесанное из дерева изображение которого приводили стариков и расстреливали из луков (Попов, 1949. С. 280). Упоминается в легендах и обряд *илбис тусэрии* для вселения духа кровопролития, заключающийся в том, что воины расстреливали или закалывали перед выступлением в боевой поход мальчика или старика (Васильев, 1995. С. 166–167). Такие же действия совершались в обряде посвящения в воины у тунгусов (Гвоздев, 2011. С. 140).

Надо полагать, что и убийство в качестве наказания совершалось посредством расстрела из лука. Примечательно, что в случае с Улахан Арыы у погребенного прострелены обе руки в плечевом отделе. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу версии об экзекуции, умышленном причинении боли. Истязания пленника перед казнью могли быть частью ритуальных практик, вероятно, бытовавших у народов Сибири (Петров, 2022. С. 119–120) и отмеченных у коренного населения Северной Америки (Табарев, 2003). Нанесенный посмертно надруб в районе повреждения № 4 может говорить о причинении увечий труп. Подобные действия, также обусловленные мифоритуальным мышлением средневекового человека, упоминаются в исторических преданиях и документальных источниках XVII в.

Другой случай убийства путем расстрела из лука был отмечен в атипичном захоронении Тымпы XVII в., исследованном в Кангаласском наслеге Нюрбинского района. Останки принадлежали пожилому мужчине. Стрельба велась по корпусу, два попадания зафиксированы сзади на лопатках, одно – спереди на втором правом ребре. Кроме этого, на костях человека из Тымпы было выявлено множество порезов, свидетельствующих о расчленении и изъятии внутренних органов, в том числе головного и спинного мозга (Мир древних якутов, 2012. С. 182–183).

В скелете погребенного из Улахан Арыы отсутствуют нижние конечности и многие кости рук. Неизвестно были ли ноги отчленены или утрачены уже после распада анатомической целостности ввиду разложения. Тем не менее отсутствие костей нижних конечностей может быть неслучайным. В якутском фольклоре есть сюжеты, в которых у убитых отсекают ноги, вероятно для того, чтобы «обездвижить» потенциального «опасного» мертвеца, способного вернуться в обличье мстительного зловредного духа *юёр*. Отсечение ног также могло быть обусловлено стремлением помешать душе убитого достичь загробного мира (Бравина, Дьяконов, Колбина, Петров, 2016. С. 92). Подобные представления характерны для широкого круга традиционных культур. По воззрениям шаманистов, отсутствие даже одной кости способствовало тому, что покойник оказывался в стадии незавершенного обряда и не мог возродиться в мире мертвых или воскреснуть в мире живых (Дмитриев, 2001). Поэтому расчленение, сожжение или нарушение анатомической целостности костяка могли являться частью самого сурового наказания.

Нарушение анатомического порядка в якутских грунтовых захоронениях XVII–XVIII вв. часто связано со вторичным погребением. После обрушения воздушного захоронения (як. *арангас*) костяк погребали в землю. По сведениям Н. Геккера, вторичное погребение производилось в тех же могильных конструкциях, что использовались для воздушного захоронения (Геккер, 1896. С. 193). Обряд перезахоронения отмечается, к примеру, в памятниках Тандинское I в Усть-Алданском районе и Сытыган Сисэ II в Хангаласском районе (Бравина, Дьяконов, Колбина, Петров, 2016. С. 87). В Сытыган Сисэ II частично сохранивший анатомическую целостность в верхней части костяк был сложен у западной стенки гроба, при этом кости ног располагались в районе туловища, вследствие чего значительная часть пространства гроба была пустой (Мир древних якутов, 2012. С. 76). Улахан Арыы отличается от данных памятников отсутствием полноценных внутримогильных конструкций.

Вполне допустимо, что захоронение Улахан Арыы связано с иными, нежели якуты или тунгусы, этническими группами, погребальный обряд которых нам неизвестен. Коренными обитателями озера Кюкей в исторических преданиях представляют

ся *туматы*. Племя тумат/туман занимает особое место в этногенеалогии вилюйских якутов (Бравина, Петров, 2018). «Сначала вся вилюйская страна принадлежала народу, известному под именем «туман» – рассказывается в легендах (Эллэйада, 1977. С. 198).

Чаще всего люди этого племени описываются как охотники и рыболовы, живущие в землянках на берегах озер и рек, имеющие жестокий нрав и практикующие антропофагию. Из-за традиции табуирования лиц их еще называли *тигиилээх сир-эйдэр*, т. е. «шитые лица». Образ легендарных туматов во многом совпадает с *чангитами* из тунгусского фольклора. По другим преданиям, по внешнему виду «...они не отличались от якутов и говорили они по-якутски» и что их «...впоследствии истребили тунгусы» (Бравина, 2017. С. 100).

Следы от их землянок, по рассказам местных жителей, еще виднелись до недавнего времени на Улахан Арыы. На полуострове действительно имеются большие впадины, напоминающие обрушившиеся землянки. Память о племени тумат сохранилась и в виде микропонима Тумат Етеге («жилище (пепелище) туматов»), относящегося к урочищу, расположенному в местности Очокуун Тумула (Федоров, Егоров, 1991. С. 16).

Согласно одной из легенд, однажды из тундры на Кюкей, следуя миграциям диких оленей, прикочевали тунгусы. Между ними и местными туматами возникла вражда из-за угодий и промысловой дичи, приведшая к войне. В ходе кровавой битвы тунгусам удалось окружить туматов и поджечь вокруг них сухостой. Большинство туматов погибло, лишь нескольким крепким парням удалось бежать, прорвавшись сквозь огонь. Туматские девушки попали в плен к тунгусам. Но победителям и самим пришлось позже откочевать из-за того, что огонь спалил весь олений корм. Только один из них, по имени Кюкей, решил остаться (Степанов, 1991. С. 95).

Список источников

Алексеев А.Н. О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилюя // Тюркский мир: Монголия и Якутия (сборник). Улан-Батор, 2007. С. 197–201.

Бравина Р.И. Новая старая гипотеза о происхождении якутов (к 100-летию этнографа, фольклориста и краеведа А.А. Саввина) // Вестник археологии, антропологии и

Туматы упоминаются не только в легендах, но и в документальных источниках. В XVII в. они числились в составе якутских волостей и уже не образовывали отдельного племени, но память об их ином происхождении сохранялась у якутов. Так, в ясачном списке подгородней Малягарской (Мальжегарской) волости значатся Тумат Гадюкоев, Тогурай Туматов, Даган Тумадин, Омук (як. «иноплеменник») Тумадин, Камыкай Туматов, Тыкан Туматов, Боя Камыкаев, Делекей Барканов (Материалы..., 1970. С. 638, 654, 655, 657)¹.

Заключение. Захоронение Улахан Арыы XV–XVII вв. пополняет скромный список археологических памятников эпохи средневековья, обнаруженных в Западной Якутии.

Медико-криминалистическое обследование костных останков позволило восстановить некоторые детали из жизни погребенного мужчины. По всей видимости, он занимался характерным для таежных обществ охотничье-рыболовческим хозяйством. Предполагается, что мужчина стал жертвой смертной казни или ритуального убийства. Распространенность на костяках из средневековых захоронений умышленных травм, нанесенных в бою или по ритуальным соображениям, является красноречивым отражением исторических реалий той эпохи.

Отсутствие сопроводительного инвентаря и специфичность обряда погребения затрудняют культурную привязку памятника Улахан Арыы. Дальнейшее изучение останков с привлечением генетики и физической антропологии позволит расширить комплекс знаний о средневековом населении Вилюйского региона.

¹ Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). В 3 т. / ред. Т.М. Швецова. М. : Наука, 1970. 1269 с.

References

Alekseev A.N. (2007) About the period of settlement of the Yakuts in the basin of the middle Vilyuy. *Tyurkskii mir: Mongoliya i Yakutiya = Turkic World: Yakutia and Mongolia*. Ulan-Bator. P. 197-201. (In Russ.).

Bravina R.I. (2017) A new old hypothesis of the origin of the Yakuts (on the occasion of the 100th anniversary of A.A. Savvin, a specialist in folklore, ethnographer, and local

этнографии. 2017. № 2 (37). С. 94–105. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 86–96. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096.

Бравина Р.И., Петров Д.М. «Оленекская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеология северных и вилюйских якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 1 (22). С. 26–35. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.003.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.

Гвоздев Р.В. Развитие военной организации тунгусо-маньчжуров (по материалам середины XIX–XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 138–143.

Геккер Н. Три якутские могилы // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Т. 26. № 4–5. С. 183–196.

Гоголев А.И. Обзорение этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. 2008. № 3. С. 66–72.

Дмитриев С.В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб. : Наука, 2001. С. 178–190.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилюйских якутов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Вып. 27. С. 90–98.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1971. 152 с.

Петров Д.М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 67–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80.

historian). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (37). P. 94-105. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105.

Bravina R.I., D'yakonov V.M. (2015) The Early Yakut medieval burials of the 14-17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = Northeast Humanitarian Bulletin*. No. 3 (12). P. 27-32. (In Russ.).

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Kolbina E. Yu., Petrov D.M. (2016) The ritually disturbed burials of Yakuts (XVII-XVIII centuries). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (33). P. 86-96. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-086-096.

Bravina R.I., Petrov D.M. (2018) "Khosun epic of Olenyok" and legends about the Tumats: ethnogenealogy of the Northern and Vilyuy Yakuts. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = Northeast Humanitarian Bulletin*. No. 1 (22). P. 26-35. (In Russ.). DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.003.

Vasil'ev F.F. (1995) Art of war of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 224 p. (In Russ.).

Gvozdev R.V. (2011) The development of the military organization of the Tungus-Manchurs (based on materials of the mid-19th - 20th century). *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. P. 138-143. (In Russ.).

Gekker N. (1896). Three Yakut graves. *Izvestiia VSOIRGO = Reports of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 26. No. 4-5. P. 183-196. (In Russ.).

Gogolev A.I. (2008) Review of the ethnic history of Western Yakutia (till the beginning of the 20th century). *Nauka i obrazovanie = Science and Education*. Yakutsk. No. 3. P. 66-72. (In Russ.).

Dmitriev S.V. (2001) The practice of ruining graves in the political culture of the Turkic-Mongolian nomads. *Antropologiya nasiliya = Anthropology of Violence*. St. Petersburg: Nauka. P. 178-190. (In Russ.).

Alekseev A.N., Kryubézi E. (2012) The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French Archaeological Expedition). Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU. 226 p. (In Russ.).

Nikolaev S.I. (1957) The main stages of ethnic history of Vilyuy Yakuts. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR = Brief Reports of the Institute of Ethnography of AS USSR*. Iss. 27. P. 90-98. (In Russ.).

Parnikova A.S. (1971) Settling of the Yakuts in the 17th - early 20th century. Yakutsk: Yakutian Publishing House. 152 p. (In Russ.).

Petrov D.M. (2019) Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV-XV centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 2. P. 67-80. (In Russ.). DOI:

Петров Д.М. Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 116–127. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-116-127.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. XI. С. 255–323.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / отв. ред. Е.Н. Романова. Якутск : Сахаполиграфиздат, 2005. 274 с.

Степанов Н.Т. Ньырбакаан удьурдара (былыргы сэхэннэр уонна кэпсээннэр). Якутск : Полиграфист ЯНЦ СО РАН СССР, 1991. 182 с.

Табарев А.В. Пленники и смерть (обращение с пленниками в рамках комплекса боевых традиций североамериканских индейцев) // VICTORIA. GLORIA. FAMA : материалы Межд. конф. СПб. : Изд. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2003. Ч. 3. С. 117–120.

Федоров Г.Е., Егоров Н.Ф. Сказы у коновязи: предания (на якут. яз.). Якутск : Книжное издательство, 1991. 160 с.

Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонтов (отв. ред. А.П. Окладников). М. : Наука, 1977. 247 с.

Информация об авторе

Петров Денис Михайлович,

младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия,
e-mail: dbyrkyngaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Вклад автора

Петров Д.М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2023 г.; одобрена после рецензирования 11 мая 2023 г.; принята к публикации 29 мая 2023 г.

10.21285/2415-8739-2019-2-67-80.

Petrov D.M. (2022) Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 116-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127>.

Popov A.A. (1949) Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii = Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 11. P. 255-323 (In Russ.).

Savvin A.A. (2005) Yakuts' food before agricultural development (the experience of a historical and ethnographic monograph). Yakutsk: Sakhapoligraphizdat. 274 p. (In Russ.).

Stepanov N.T. (1991) Descendants of Nyirbakaan (ancient legends and stories). Yakutsk: Polygraphist Yakut Scientific Centre SB RAS USSR. 182 p. (In Yakut).

Tabarev A.V. (2003) Captives and death (treatment of captives within the assemblage of martial traditions of North American Indians). *VICTORIA. GLORIA. FAMA. Materialy Mezhd. konf. = VICTORIA. GLORIA. FAMA. Proceedings of the International Conference*. St. Petersburg: Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi. Pt. 3. P. 117-120. (In Russ.).

Fedorov G.E., Egorov N.F. (1991) Narrations about hitching post: legends. Yakutsk: National Publishing House. 160 p. (In Yakut).

Ksenofontov G.V. (1977) Elleyada. Materials on mythology and the legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Information about the author

Denis M. Petrov,

Junior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS,
1, Petrovskogo St., Yakutsk 677027, Russia,
e-mail: dbyrkyngaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Contribution of the author

Petrov D.M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 6, 2023; approved after reviewing May 11, 2023; accepted for publication May 29, 2023.

Научная статья
УДК 902/904
EDN: DSMWNC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-79-90>

«Прекрасный дом Богородицы Влахернской» на «святых могилах» К дискуссии о мемориальном комплексе в Карантинной балке в окрестностях Херсонеса-Херсона

М.В. Фомин

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Аннотация. Позднеантичный Херсонес – Византийский Херсон является уникальным археологическим комплексом. На его территории и в его окрестностях сохранились памятники, которые позволяют проследить элементы процесса развития Христианской архитектуры. Одним из уникальных явлений стал комплекс Загородной крестообразной церкви, которая известна в литературе как монастырь Богородицы Влахернской. Его формирование происходило на территории позднеантичного некрополя, освоенного христианами для погребений мучеников, пострадавших за веру в период гонений в IV в. Не ранее второй половины V в. здесь была построена небольшая мемориальная церквушка. Она стала центром формирования сакрального пространства, упоминаемого в агиографических текстах как «святые могилы». В середине – второй половине VI в. на месте ранней церкви был возведен храм в форме равноконечного креста. Он имел центрическую структуру, богослужения в нем носили специфический характер. Спустя непродолжительное время храм был перестроен: в восточной ветви креста сформировано алтарное пространство, пол которого выложен мраморными плитками. Территория храма покрыта мозаикой. К зданию был пристроен баптистерий, рядом возведен хозяйственный или жилой комплекс, комплекс обнесен стеной, построенной в технике opus mixtum, в которую была встроена мемориальная часовня. Церковь пострадала в результате землетрясения середины XI в. и была перестроена, но не утратила своих мемориальных функций. После упадка и запустения византийского Херсона сакральное пространство, возникшее здесь, продолжало функционировать. Комплекс оставался местом притяжения христиан Таврики и в турецкое время.

Ключевые слова: Византийская империя, христианство, св. папа Мартин, Херсонес-Херсон, маририий, церковь, некрополь, кимитирий, баптистерий, часовня

Для цитирования: Фомин М.В. «Прекрасный дом Богородицы Влахернской» на «святых могилах». К дискуссии о мемориальном комплексе в Карантинной балке в окрестностях Херсонеса – Херсона // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 79–90. EDN: DSMWNC. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-79-90>.

Archaeology

Original article

“The beautiful house of the Mother of God of Blachernae” on the “holy tombs”: To the discussion about the memorial complex in Quarantine ravine in the vicinity of Chersonesos-Cherson

Mikhail V. Fomin

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Abstract. Late Antique Chersonese - Byzantine Cherson is an unique archaeological assemblage. On its territory and in its vicinity, have been preserved monuments, which allow us to trace the elements of the development of Christian architecture. One of the unique feature was the suburban cruciform church, which is known in literature as the monastery of the Mother of God of Blachernae. Its formation took place on the territory of the Late Antique necropolis which was mastered by Christians for the burial of martyrs who suffered for their faith in the period of persecution in the 4th century. In the second part of the 5th century in this

territory was built a small memorial church. It was became the center of the formation of the sacred space, referred to in hagiographic texts as "holy tombs". In the middle - second part of the 6th century on the site of an early church was built a temple in the form of an equal cross. It had a centric structure; worship services in it had memorial features. After a short time, the temple was rebuilt: in the eastern part of the cross was formed altar space, the floor was lined with marble tiles, and the territory of the temple is covered with mosaics. A baptistery was added to the building, a farm or residential complex was built nearby, the complex is surrounded by a wall built in opus mixtum technique, in which a memorial chapel was built. The church was damaged by an earthquake in the middle of the 11th century and was rebuilt, but didn't lose its memorial functions. After the decline and desolation of Byzantine Cherson, the sacred space continued to function. The complex remained a place of attraction for the Christians of Taurica in Turkish times.

Keywords: Byzantine Empire, Christianity, St. Pope Martin, Chersonesos-Cherson, martyrrium, church, necropolis, kymitirium, baptistery, chapel

For citation: Fomin M.V. (2023) "The beautiful house of the Mother of God of Blachernae" on the "holy tombs": To the discussion about the memorial complex in Quarantine ravine in the vicinity of Chersonesos-Cherson. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 79-90. (In Russ.). EDN: DSMWNC. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-79-90>.

Херсонес-Херсон (Севастополь, Крым) является уникальным Ромейским центром. На территории городища и его окрестностей в течение длительного времени продолжаются археологические исследования, открыто значительное количество памятников, накоплен обширный материал, позволяющий проследить процесс трансформации позднеантичного горда в византийский. Одним из ключевых элементов этого процесса было формирование сакрального ландшафта, как части урбанистической программы города христианского.

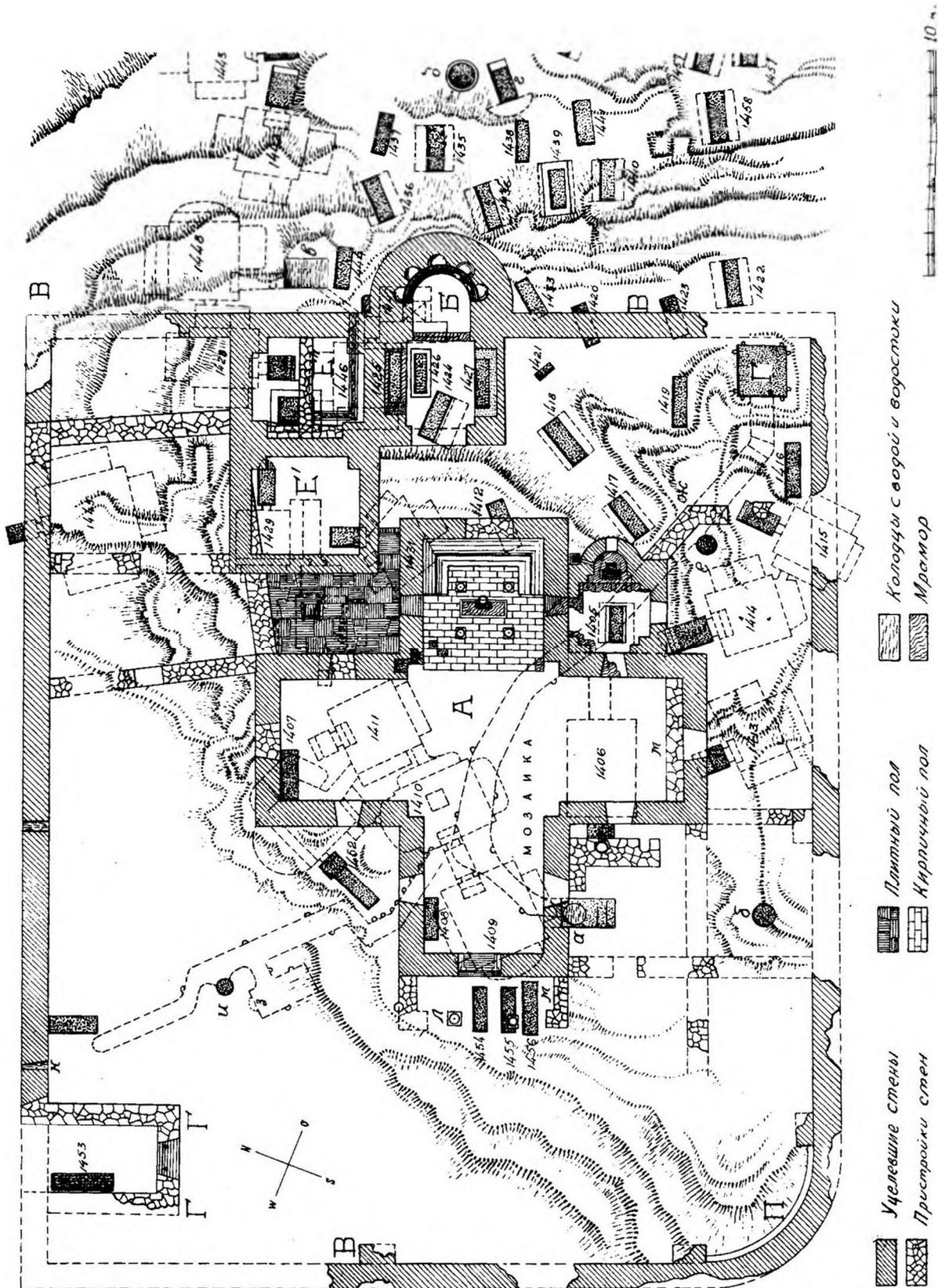
Примером такого пространствообразующего комплекса стал монастырь Богородицы Влахернской на территории раннехристианского кладбища в Карантинной балке. Этот участок некрополя был местом погребения первых христиан, о чем свидетельствуют археологические находки и агиографические источники. Здесь сформировался христианский центр, известный по письменным источникам как «святые могилы». Традиция его почитания пережила сам Херсонес. Так кардинал Чезаре Бароний (1538–1607) «сообщал о разговоре с одним католиком, который постоянно проживал на Востоке», и рассказывал, что «...и до сего дня почитается память св. папы Мартина греками, и большие толпы народа собираются к его могиле, чтобы получить благодать излечения» (Могаричев, 2017. С. 149–150¹; Сорочан, 2005. С. 1302–1307). Непосредственно раскопки здесь впервые были приняты графом А.С. Уваровым в 1853 г. Ему принадлежит открытие склепа № 2114/1904 г. (1853 г.),

содержавшего раннехристианские росписи (Фомин, 2014. С. 325–327). Но системные археологические исследования были начаты лишь в 1902 г. под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича (Косцюшко-Валюжинич, 1902. Л. 28–38)². Здесь были открыты стены крестообразной церкви, достигавшие в высоту до 3-х м, сохранившие фрагменты фресок, пол был покрыт мозаикой. В 1951–1953 гг. на территории храма проводились работы под руководством О.И. Домбровского. В результате были уточнены периоды формирования и особенности конструкции комплекса, открыты остатки более раннего строения (рис.) (Домбровский, 1993).

Уже сразу после открытия начался диспут между К.К. Косцюшко-Валюжиничем (Косцюшко-Валюжинич, 1905; Косцюшко-Валюжинич, 1904; Косцюшко-Валюжинич, 1906; Косцюшко-Валюжинич, 1909а; Косцюшко-Валюжинич, 1909b), А.Л. Бертье-Делагардом (Бертье-Делагард, 1906; Бертье-Делагард, 1907) и Д.В. Айналовым (Айналов, 1905. С. 103–104). Центром его стали особенности конструкции здания. Не менее важным остается вопрос датировки этапов формирования и развития комплекса. В последние годы дискуссия нашла отражение в трудах А.И. Романчук (Романчук, 2000. С. 229–230; Романчук, 2008. С. 284–296), С.Б. Сорочана (Сорочан, 2005. С. 787–827), Л.Г. Хрушковой (Хрушкова, 2005).

² Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Сайт «К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии». URL: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php?year=1902> (дата обращения 30.03.2023).

¹ Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь : Бизнес-Информ, 2017. 256 с.

План церкви Богородицы Влахернской (Домбровский, 1993. С. 403)
Plan of the Church of Mother of God of Blachernae (Dombrovskii, 1993. P. 403)

В данной работе делается попытка на основе доступного археологического материала и письменных источников реконструировать процесс формирования христианского мемориального комплекса, ставшего центром сакрального пространства.

Анализ результатов археологических исследований позволяет выделить этапы формирования комплекса.

Этап первый. На территории Карантинной балки располагался участок позднеантичного Херсонесского некрополя (Зубарь, 1982. С. 5–11). Он стал местом погребения первых херсонесских христиан, пострадавших во время репрессий IV в. (Фомин, 2015). Здесь было открыто 7 из 12 раннехристианских расписных склепов. Их живопись и архитектура указывают на особое отношение к погребенным. В первую очередь это склепы № 2014/1904 г. (1853 г.) и № 2086/1905 г. Упокоенные в них пользовались особым почитанием, возможно, представителями клира или местночтимыми святыми (Фомин, 2014. С. 323–342; Фомин, 2015).

Здесь также был открыт ряд надгробий, датированных IV–V вв. Среди них интерес представляют христианские памятники, содержащие списки погребенных («Господи, упокой души, здесь лежащие, аминь. Дамиана, Маргариты и детей их. Свет. Жизнь»; «Господи, упокой души, здесь лежащие, с праведными: Феодора, Константина, Асеники, Марии, Кирадии; Георгия, Анастасия, Иоанна, Анастасии, Никомида, Асеники(?), Мнимы, Кирадии, Идонии(?); «Альфа, омега. Господи, упокой раба Божьего Анастасия, (М)арию и (Т)а(и)с, супругу Симона» и др.) (Пищулина, Сорочан, Фомин, 2020. С. 24–47). Такие списки могут свидетельствовать об единовременном погребении умерших в следствии пандемии, но они могли быть и жертвами гонений против христиан, продолжавшихся в городе до конца 70-х годов IV в. Свидетельства о них сохранились в текстах «Житий епископов херсонесских» (Могаричев, Сазанов и др., 2012). Одним из первых это предположение выдвинул А.Ю. Виноградов (Виноградов, 2010. С. 135). Отдельного внимания заслуживает «памятник святой Анастасии». Скорее всего это надгробие местной мученице, пострадавшей за веру (Фомин, 2015; Виноградов, 2010. С. 129–131). Особое отношение было и к погребен-

ным в склепах № 1409, 1410, 1411, 1452, 1431, которые были соединены между собой в «катакомбу», над которой впоследствии была возведена крестообразная церковь. На стене склепа № 1431 сохранилась эпитафия «семи женщин» «Зузии, Мидилабады, и других» (Фомин, 2015; Виноградов, 2010. С. 123–124). Скорее всего на этом участке кладбища были погребены трое из семи епископов херсонесских. Агиографический текст сообщает, что «святых мужей Евгения, Агафодора и Елпидифора, влача их, побии посохами и жезлами и извлекли мертвые тела святых за Мертвые ворота, повергли их на восточной стороне ... христиане принесли (и) погребли их святые тела ...» (Могаричев, Сазанов и др., 2012. С. 60–61, 82–84).

Все это указывает на особое отношение к кладбищу вокруг которого возник топоним «святые могилы», упоминаемый в тексте мученика св. Мартина Исповедника (Сорочан, 2005. С. 787–827, Могаричев, 2017. С. 60–93³).

Этап второй. После создания Херсонесской епархии начал формироваться культ местных святых и особое отношение к местам, связанным с их жизнью, чудесами и погребением. В память о мучениках над «святими могилами» был возведен небольшой храм. Его остатки открыл О.И. Домбровский (Домбровский, 1993). В 1951–1953 гг. в крестообразной церкви были сняты мозаичные полы и проведены раскопки внутри сооружения. Под мозаикой был обнаружен слой подсыпки, под которым находился пол, относящийся к раннему периоду крестообразной церкви. Ниже – слой строительного мусора, скрывавший вымостку из мраморных плиток, относившуюся к небольшому мемориальному храму. Он был прямоугольной формы и имел два строительных периода, на что указывают разновременные полы и двухслойность фрагментов штукатурки. Верхний пол был составлен из мраморных плит, положенных на цемянку, сохранившую отпечатки плит. В центре алтаря прослеживались следы оттиска мраморной колонны, на которой располагался престол. Ниже цемянковой подложки мраморного пола был открыт слой строительного мусора, под которым находился ранний пол. Он также был цемянковым, положенным на

³ Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь : Бизнес-Информ, 2017. 256 с.

слои мелких камней. Стены содержали остатки штукатурки, ее фрагменты были и в слое засыпи между полами (Домбровский, 1993). Миниатюрность абсиды позволяет предположить небольшие размеры сооружения. Его ориентация отличалась от крестообразной церкви. Южная стена перекрывала собой могилу «Д», а апсида – могилу «Г».

Вокруг датировки сооружения возникла дискуссия. Так, Л.Г. Хрушкова относит церковь к середине – второй пол. IV в. (Хрушкова, 2005). Появление монет конца IV – начала V в. и материала более позднего времени она объясняет формированием засыпи при строительстве крестообразного мартырия. Но описание находок позволяет скорее утверждать, что они здесь оказались в период строительства раннего храма. И.А. Завадская относит храм к рубежу IV–V вв. (Завадская, 2000). С.Б. Сорочан датирует постройку второй половиной V–VI вв. (Сорочан, 2005. С. 803). Основанием стал материал из могилы «Д», в которой было найдено две монеты: императоров Феодосия (379–395) и Аркадия (396–408). Материал в засыпи могил содержал фрагменты краснолакового кувшина; светильников двух типов IV–V вв., светильников V–VI вв., светильников конца IV в. – конца VI – начала VII в., горло амфоры второй половины V в. – середины VII в., подставку стеклянной рюмки второй половины V в. (Сорочан, 2005. С. 787–827).

Все это позволяет предположить, что здание было построено не ранее середины – второй половины V в. Позднее храм пережил ремонт, его пол был выложен мраморными плитками, а стены повторно оштукатурены.

К раннему храму может быть отнесен также ряд находок. Так, в наружном северном углу восточной ветви креста М.И. Скубетов обнаружил закладной камень с изображением хрисмы в форме креста, заканчивающегося буквой «Ро» (Скубетов, 1910. С. 46–47). Такие изображения были широко распространены в V–VI вв. Также интерес представляет мраморная плита с надписью 129/130 г. н. э. в честь гражданина Гераклеи Понтийской. Она была переделана под порог, а в последующем использована для укрепления перекрытия входа в склеп № 1431 (Косцюшко-Валюжинич, 1906).

К раннему храму может быть отнесена «превосходно выполненная, полированная, мраморная,

профилированная, полукруглая, очень большая база, сзади срезанная для прислонения к стене, вырезанная надпись, на которой просила молиться за неведомого ктитора и всех сродников его» (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 40–41. Рис. 19). Еще одной находкой стали «фрагменты мраморного культового стола в форме сигмы (*mensa sacra*), второй половины IV – начала V в. с изображениями головы юноши, а также двух животных» (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 52. Рис. 31). Подобные столы, «похожие на большие мраморные блюда» в IV–VI вв., могли служить как професис («стол предложения»), на который клали приношения (Сорочан, 2005. С. 800–801; Хрушкова, 2005). Вблизи малого храма были найдены фрагменты большого беломраморного блюда (диаметр – 1,10 м, высота – 0,06 м), которое тоже могло служить менсой (Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 482). К элементам раннего храма может быть так же отнесен угол известнякового импоста (0,64 x 0,70 x 0,16 м), украшенный рельефной львиной головой с разинутой пастью, а снизу крестом с расширяющимися концами внутри медальона V–VI вв. (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 34. Рис. 14; Якобсон, 1959. С. 343–345).

Позднее храм был разобран. Все его фрагменты были собраны в центре новой, крестообразной церкви.

Этап третий. Возведенный крестообразный храм-мартырий (ширина ветвей креста – 7 м, длина – 6 м (Лосицкий, 1988)) первоначально имел двери в торцах креста. Об этом свидетельствуют следы закладов в стенах. Д.В. Айналов высказался против двери в восточной ветви креста (Айналов, 1905. С. 107). Комплекс был доследован в 1906 г., результаты работ подтвердили выводы первооткрывателя (Косцюшко-Валюжинич, 1909а; Бертье-Делагард, 1907. С. 2). Сооружение имело восемь окон, четыре из которых позднее были преобразованы в двери, соединявшие с пристройками (Косцюшко-Валюжинич, 1902. Л. 29)⁴. На момент открытия сохранились следы внутренней и наружной штукатурки. Фрагменты росписи были сняты и отправле-

⁴ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Сайт «К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии». URL: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php?year=1902> (дата обращения 30.03.2023).

ны в Императорскую Археологическую комиссию (Домбровский, 1993). Храм был сложен на «известково-цемянковом» растворе из бутового камня, с использованием архитектурных деталей более ранних построек (Домбровский, 1993).

Исследования 1951–1953 гг. позволили уточнить хронологию формирования комплекса и особенности его архитектурных трансформаций.

Под мозаикой во внутренних углах креста были открыты, связанные с фундаментом, каменные площадки – подставки под колонны, поддерживавшие паруса, на которые опирался барабан и купол (Домбровский, 1993). Толщина стен 0,9–1 м, присутствие широких заплечий и арочных тяг указывает на существование сводов над ветвями креста. Это подтверждается сообщением М.И. Скубетова об открытии в южном крыле фрагмента кирпичного свода, имевшего радиус внутреннего изгиба, равный половине ширины пролета между восточной и западной стенами крыла. Купол и своды были украшены мозаикой: множество кусков смальты было найдено под мозаичным полом. Первоначальный пол состоял из трех слоев известково-цемянкового раствора, положенных поверх слоя утрамбованной смеси глины и песка. Под ним находились остатки раннего храма (Домбровский, 1993).

Во время работ 1953 г. под полом храма была открыта могила «З», она имела трапециевидную форму, узкий конец был ориентирован на восток, северная стенка была прижата к западной стене и имела скругленные углы. Корытообразная форма усыпальницы, по мнению О.И. Домбровского, «походит на формы могил, вырубленных в скале эскикерменских храмов» (Домбровский, 1993). Внутри она была оштукатурена в два слоя (первый – грубым раствором извести с крупным песком, второй – слоем гладкой розовой цемянковой штукатурки). Южный и восточный края сложены из мелких отесанных камней. Западный и северный – выпущенными наружу крупными камнями нижних рядов кладки стен храма. Могила была создана одновременно с храмом и могла быть местом погребения особо почитаемого представителя клира или местной общины. Через некоторое время церковь была существенно перестроена.

Таким образом, можно констатировать, что на начальном этапе своего существования крестооб-

разный храм имел центрическую ориентацию. В ветвях креста были сделаны двери. В углах вписанного квадрата на каменных подставках были установлены колонны, служившие опорой барабана и купола. Потолок был сводчатый. Стены покрыты штукатуркой и расписаны. Купол и потолок украшены мозаиками. Сооружение подразумевало проведение здесь специфических богослужений со стечением значительного количества народа, возможно, храм выступал как составная часть маршрута шествий, традиция которых была широко распространена в Византии (Тафт, 2000. С. 34–39).

Вопрос даты возведения храма стал также причиной еще одной дискуссии. Н.П. Кондаков, С.П. Шестаков и К.К. Косцюшко-Валюжинич относили сооружение крестообразного храма к V в. (Шестаков, 1908. С. 29; Косцюшко-Валюжинич, 1902. Л. 5⁵; Сорочан, 2005. С. 798). А.Л. Бертье-Делагард датировал его к VI в. (около 530–540-х гг., времени активной строительной деятельности в Северном Причерноморье в правление императора Юстиниана) (Бертье-Делагард, 1907. С. 64–66). Д.В. Айналов указывал как время строительства вторую половину VI в., но до начала VII в. (Айналов, 1905. С. 18). А.Л. Якобсон относил его к концу V – первой половине VI в. (Якобсон, 1959. С. 202). А.Л. Романчук (Романчук, 2008. С. 285), И.А. Завадская (Завадская, 2003. С. 55) помещают между временем правления Юстиниана и 655 г. (погребение папы Мартина).

Л.Г. Хрушкова приводит во многом аналогичные постройки: мавзолей св. Вавилы в Антиохии (построен 381 г.); мавзолей над колодцем в Самарии, на месте встречи Христа и самарянки (около 380 г.) и относит строительство крестообразного храма к рубежу IV–V вв. (Хрушкова, 2005. С. 399).

Особенности конструкции, строительная техника, анализ общей ситуации в городе позволяют утверждать, что церковь была возведена в период активного строительства, связанного с политикой императора Юстиниана и его продолжателей в регионе. Здание было возведено не ранее середины

⁵ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Сайт «К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии». URL: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php?year=1902> (дата обращения 30.03.2023).

– второй половины VI в. но не позднее середины VII в.

«Мартирий папы Мартина I», датированный второй половиной VII – началом VIII в. утверждает, что умерший в Херсоне в 655 г. исповедник был похоронен рядом с «весьма ценным», «великолепно украшенном» храмом «Богоматери Влахернской» (Могаричев, 2017. С. 149–150⁶; Сорочан, 2005. С. 1302–1307). К этому времени храм уже был возведен и простоял некоторое время.

Этап четвертый. В скорости после строительства крестообразный мартирий был существенно перестроен. Купол был разрушен или разобран (остатки смальты оказались в засыпи между полами), паруса и колонны убраны. Здание было перекрыто стропильными конструкциями. На полу была сделана подсыпка, поверх которой на основу положен мозаичный пол. Под ним скрывался ряд погребальных сооружений и следы от конструкций раннего крестообразного храма (подставки под колонны).

Мозаичный пол имел форму буквы «Т». В восточной ветви креста был заложен вход и сложен синтрон. В скале под престолом сделано углубление для ковчежца с мощами, над престолом возвышался киворий. Пол выложен мраморными плитами, алтарь отделен преградой.

В закладе северного входа была обнаружена византийская капитель «основание трапециевидного импоста с византийско-ионической абакой и волютами». А.Л. Бертье-Делагард отметил соответствие капители базе колонны, найденной снаружи, возле западного входа в храм; капители и базе колонны, найденной в промежутке между основной и дополнительной южными стенами (Бертье-Делагард, 1907. С. 9). К.К. Косцюшко-Валюжинич приводит размеры колонны 2,40 м длины, диаметр 0,30 м; база 0,59 x 0,59 м, диаметр капители 0,30 м (Косцюшко-Валюжинич, 1902. Л. 30)⁷. Размер колонны полностью отвечает размерам каменных площадок в углах храма.

⁶ Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь : Бизнес-Информ, 2017. 256 с.

⁷ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Сайт «К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии». URL: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php?year=1902> (дата обращения 30.03.2023).

Во время раскопок здесь были открыты обломки от нижней части большого мраморного образа VI в. с рельефным изображением благословляющего Христа с большим крестом и св. Фоки Кипура, прославляемого агиографией за занятие делами благотворительности, устройство странноприимных домов. На гладкой рамке плиты снизу сохранилась часть надписи «...его же имя Бог знает» (Залесская, 1976. С. 35–36. Рис. 1; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000. С. 487–489).

Ко времени перестройки церкви стоит отнести и возведение ряда сооружений.

Крещальня. Между южной и восточной ветвями креста была пристроена крещальня сирийского типа (купель располагалась в апсиде). В Херсоне подобные баптистерии известны при комплексе Западной базилики и при Храме с ковчегом (Фомин, 2019). В помещение вели две двери, прорубленные из окон в южной и восточной ветвях креста. Т-образная купель наполнялась через трубу в стене из небольшого резервуара, вырубленного из цельного камня и накрытого сводом (Косцюшко-Валюжинич, 1902. Л. 3⁸; Сорочан, 2005. С. 815–820). В свою очередь резервуар наполнялся из колодца. Пол был вымощен мраморными плитами. Над купелью располагалось окно, еще одно было сделано в южной стене. Техника кладки храма и пристройки не отличается. В стенке купели был открыт заклад с монетами (2 – Феодосия I, 4 – Льва I, 2 – Анастасия, 13 – Юстиниана I и 5 – неопределенные) (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 33–34). Под полом в середине сооружения находилась могила с двумя подбоями (№ 1405). Она, в отличие от окружающих, была ориентирована в соответствии с храмом. Такое «привилегированное» погребение могло принадлежать особо почитаемому представителю клира или местной общины и отражать представление о связи крещения и воскрешения (Фомин, 2011. С. 86). Подобная практика была распространена в Херсонесе, погребения были в крещальне Западной и Уваровской базилик (Фомин, 2011. С. 149, 154).

⁸ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Сайт «К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии». URL: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php?year=1902> (дата обращения 30.03.2023).

Северная пристройка. С противоположной стороны, на небольшом удалении от храма было построено сооружение, состоявшее из двух соединенных между собой комнат. Из храма к ним вела дверь, прорубленная из окна в северной стене восточной ветви креста. Сооружение имело хозяйственное или жилое предназначение. Внутри дальнего помещения находилась прямоугольная яма, похожая на цистерну, со стенами, сложенными из плинфы, и два углубления, вероятно, хозяйственного назначения (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 44. Рис. 25). Угол помещения и дворик, вымощенный плитами перекрывали склеп № 1431. В нем были найдены пять глиняных ламп V–VI вв., монета Юстиниана I (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 24, 42–43).

Часовня в ограде. В нескольких метрах к востоку от храма находится еще одно сооружение с апсидой. Оно имело мощные стены, и было перекрыто сводом. Под полом находились две прямоугольные могилы, которые могли использоваться для традиционных в средневековом Херсоне «многорусных» ингумаций (Фомин, 2011. С. 192). Сооружение было включено в стену, ограждавшую комплекс, его полукруглая апсида «выдавалась, подобно башне» (Сорочан, 2005. С. 800). С внутренней стороны в стене апсиды было сделано пять полукруглых ниш с сидениями. Вход с западной стороны был почти на всю ширину сооружения – 2,3 м. А.Л. Бертье-Делагард обратил внимание, на то, что дверей такой ширины не было и в больших храмах. Нижний этаж был открыт для свободного доступа (Бертье-Делагард, 1907. С. 69).

Ограда. Комплекс был обнесен оградой, построенной в технике «opus mixtum» из притесанных квадр, которые чередовались с плинфой, на известковом растворе. Ограда имела прямоугольную форму со скругленным южным углом. Монументальность стен придавала комплексу вид «крепостцы» (Бертье-Делагард, 1906. С. 6). Техника кладки близка сооружениям, датируемым концом VI – началом VII в. (Сорочан, 2005. С. 820–827). Это может быть косвенным подтверждением датировки создания комплекса.

Катакомба-мартирий. Под храмом находилась группа склепов традиционной для Херсонеса архитектуры формы (№ 1409, 1410, 1411, 1452, 1431). Входы в склепы № 1409 и № 1410 были пе-

рекрыты при строительстве храма. Для проникновения внутрь был прорублен ход из склепа № 1452, имевший ниши для сидения. Таким образом получилась система соединенных между собой позднеантичных склепов, освоенных христианами под свои захоронения (Фомин, 2015). Фактически «катакомба» стала криптой храма.

Значительный интерес представляет также расположенный под южной ветвью храма склеп № 1406. В продольных стенах были устроены лежанки, в стене напротив входа сделана ниша с аркой, форму арки имел также вход, потолок – полукруглый (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 18–20; Косцюшко-Валюжинич, 1902. Л. 8⁹). Над входом в гробницу в свою очередь была построена крещальня. Склеп, вероятно, был построен сразу после храма (или одновременно с ним).

Здесь «среди святых могил» был погребен св. папа Мартин Исповедник, умерший в 655 г. Текст Мартирия приводит к возможным толкованиям, что святой был похоронен среди могил на кладбище или внутри самого храма (про это упоминал Д.В. Айналов (Айналов, 1916)). Учитывая положение св. Мартина в городе, о котором он пишет в посланиях, скорее он был погребен вне стен храма. Но, возможно, в дальнейшем мощи были перенесены внутрь церкви или в одно из сооружений. Позднее мощи святого были вывезены в Рим, но время и детали неизвестны¹⁰.

Гидротехническое сооружение. Одним из наиболее загадочных сооружений является вырубленная в скале галерея (около 1 м. высотой и 45 м длинной). П.С. Паллас принял галерею за «развалины подземного водопровода». К.И. Габлиц, описывая подземную галерею, упомянул о ее колодце «с чистою пресною водою» (Сорочан, 2005. С. 820). А.Л. Бертье-Делагард отмечал, что колодец и связанный с ним «подземный ход» использовались вплоть до Крымской войны, когда он был заложен,

⁹ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Сайт «К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии». URL: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php?year=1902> (дата обращения 30.03.2023).

¹⁰ Шевченко Э.В. Мартин I // Сайт «Православная энциклопедия». URL: https://www.pravenc.ru/text/2562416.html#part_9 (дата обращения 30.03.2023).

чтобы не дать противнику воспользоваться водой (Бертье-Делагард, 1906. С. 8). Анализ воды проводился в 1905 г. (вода не пригодна к употреблению по причине содержания солей и хлористых соединений, в 10 раз превышавших норму) (Годзишевский, 1907) и в 1953 г. (вода вполне пригодна для питья) (Домбровский, 1993). Химический состав воды мог иметь лечебные свойства, а источник почитаться как святой. Агиографические тексты сообщали о множестве случаев исцелений, происходивших в монастыре (Сорочан, 2005. С. 1306–1308), возможно, кроме «помощи св. Мартина», определенную роль могла играть и вода из источника.

Формирование комплекса скорее всего может быть отнесено ко времени до середины VII ст. и закончено до погребения здесь св. папы Мартина.

Этап пятый. Еще одна перестройка произошла во второй половине XI в. Ее связывают с разрушительными последствиями землетрясения (Антонова, Никонов, 2009; Антонова, 1999; Хапаев, Корженков и др., 2016). Для переделки вымостки и сооружения стены на мозаичном полу в правом крыле храма использовали остатки плитки (0,27 x 0,27 x 2 см и 25 x 14 x 4 см) прежнего коробового свода. Ее принято датировать по обнаруженной здесь монете Романа I с начертанием «Ро» и фрагментам поливной керамики (Косцюшко-Валюжинич, 1904. С. 35, 40, 42). К этому же времени может быть отнесена закладка дверей в северной и южной ветвях креста, сложенная из бутового

камня на глиняной основе. Церковь после реконструкции сохранила свое важное значение в городе. Комплекс монастыря Богородицы Влахернской пережил сам Херсонес-Херсон и продолжал оставаться местом почитания и паломничества даже в турецкое время, собирая христиан Таврики.

Таким образом, можно констатировать, что маририальный комплекс начал формироваться на территории позднеантичного участка херсонесского некрополя, ставшего местом погребения христиан, пострадавших от репрессий. Не ранее второй половины V в. здесь была построена небольшая церквушка, ставшая центром формирования сакрального пространства «святых могил», связанного с памятью об истории становления Церкви в городе. Не ранее середины – второй половины VI в. на месте ранней церкви был возведен крестообразный храм. Он имел центрическую структуру, богослужения в нем носили специфический характер. Спустя непродолжительное время храм был перестроен: в восточной ветви креста сформировано алтарное пространство, пол которого выложен мраморными плитками. Пространство храма покрыто мозаикой. Церковь пострадала в результате землетрясения середины XI в. и была перестроена, но не утратила своих функций. После упадка и запустения византийского Херсона сакральное пространство, возникшее здесь, продолжало функционировать, комплекс оставался местом притяжения христиан Таврики и в турецкое время.

Список источников

Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М. : Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1905. Вып. I. 50 с.

Айналов Д.В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды Московского археологического общества. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Т. 25. С. 67–88.

Антонова И.А. Следы сильных землетрясений в Херсонесе // Фундаментальные и прикладные проблемы мониторинга и прогноза стихийных бедствий : тезисы международного научно-технического семинара, г. Севастополь, 13-18 сентября 1999 г. Севастополь, 1999. С. 8–9.

Антонова И.А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское

References

Ainalov D.V. (1905) Ruins of temples. *Pamyatniki khristianskogo Khersonesa = Monuments of Christian Chersonesos*. Moscow: Association of printing house A.I. Mamontov. Iss. 1. 150 p. (In Russ.).

Ainalov D.V. (1916) Memorials of St. Clement and St. Martin in Chersonesos. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva = Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society*. Moscow: Publishing House of G. Lissner and D. Sobko. Vol. 25. P. 67-87. (In Russ.).

Antonova I.A. (1999) Traces of strong earthquakes in Chersonesos. *Fundamental'nye i prikladnye problemy monitoringa i prognoza stikhiinykh bedstvii. Tezisy mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo seminar, g. Sevastopol', 13-18 sentyabrya 1999 g. = Fundamental and applied problems of monitoring and forecasting natural disasters. Abstracts of the International Scientific and Technical Seminar. Sevastopol', September, 13-18 1999*. Sevastopol'. P. 8-9. (In Russ.).

Antonova I.A., Nikonov A.A. (2009) Traces of devastating earthquakes in the vicinity of Chersonesos in Roman times

время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса. СПб. : Алетея, 2009. Т. 1. Вып. 1. Херсонес христианский. С. 14–51.

Бертье-Делагард А.Л. По поводу последних раскопок в Херсонесе // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1906. Т. 26. С. 3–8.

Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1907. Вып. 21. 208 с.

Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...»: церковь и церкви Херсона в IV веке, по данным литературных источников и эпиграфики. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 224 с.

Годзишевский А. 1. Исследование воды из колодца, прилегающего к южной стене «крестного храма», открытого в 1902 г. 2. Исследование воды из 2-го колодца, открытого в 1905 г. при раскопках некрополя с южной стороны того же «крестного храма» // Известия Императорской Археологической Комиссии, 1907. Вып. 25. С. 170–171.

Домбровский О.И. Архитектурно-археологические исследования Загородного крестообразного храма Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 289–319.

Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, 2000. Вып. VII. С. 77–90.

Завадская И.А. Еще раз о датировке Загородного крестообразного храма и его мозаики // Восток-Запад: межконфессиональный диалог : сборник научных трудов по материалам IV Международной Крымской конференции по религиоведению, г. Севастополь, май 2002 г. Севастополь, 2003. С. 51–59.

Залеская В.Н. О сюжетах двух херсонесских рельефов с «выемчатым» фоном // Сообщения Государственно-го Эрмитажа. Л. : Аврора, 1976. Вып. XLI. С. 35–38.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев : Наукова думка, 1982. 144 с.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1904. Вып. 9. С. 1–62.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1905. Вып. 16. С. 111–113.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Второе дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // Известия Импе-

and in the early Middle Ages. *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa = Essays on the history of Christian Chersonesos*. St. Petersburg: Aleteiya. Vol. 1. Iss. 1. Khersones khristianskii. P. 14-51. (In Russ.).

Bert'e-Delagard A.L. (1906) On the latest excavations in Chersonesos. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa. Vol. 26. P. 3-8. (In Russ.).

Bert'e-Delagard A.L. (1907) On Chersonesos. *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission*. Iss. 21. 208 p. (In Russ.).

Vinogradov A.Yu. (2010) "The winter of pagan madness has already passed...": the church and churches of Chersonesos in the 4th century according to literary sources and epigraphy. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke. 224 p. (In Russ.).

Godzisheskii A. (1907) 1. Study of the water from a well adjacent to the southern wall of the "cross temple", discovered in 1902. 2. Study of water from the 2nd well, discovered in 1905 during excavations of a necropolis on the south side of the same "cross temple". *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission*. Iss. 25. P. 170-171. (In Russ.).

Dombrovskii O.I. (1993) Architectural and archaeological research of the Chersonesos Country Cross-shaped Church. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. Simferopol'. Iss. 3. P. 289-319. (In Russ.).

Zavadskaya I.A. (2000) Chronology of monuments of early medieval Christian architecture of Chersonesos (according to archaeological data). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials on archeology, history and ethnography of Tavria*. Iss. VII. P. 77-90. (In Russ.).

Zavadskaya I.A. (2003) Once again about the dating of the country cruciform temple and its mosaics. *Vostok-Zapad: mezhkonfessional'nyi dialog. Sbornik nauchnykh trudov po materialam IV Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniyu, g. Sevastopol', mai 2002 g. = East-West: interfaith dialogue. Proceedings of the IV International Crimea Conference on Religion Studies, Sevastopol, May 2002*. Sevastopol. P. 51-59. (In Russ.).

Zalenskaya V.N. (1976) Plots of two reliefs of Chersonesos with a "champlated" background. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha = Messages from the State Hermitage*. Leningrad: Avrora. Iss. XLI. P. 35-38. (In Russ.).

Zubar' V.M. (1982) Necropolis of Tauric Chersonesos in I-IV centuries AD. Kiev: Naukova dumka. 144 p. (In Russ.).

Kostyushko-Valyuzhinich K.K. (1904) Extract from the report of K.K. Kosciuszko-Valyuzhinich about excavations in Chersonesos in 1902. *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission*. Iss. 9. P. 1-62. (In Russ.).

Kostyushko-Valyuzhinich K.K. (1905) Supplement to the report on excavations in Chersonesos in 1902. *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission*. Iss. 16. P. 111-113. (In Russ.).

Kostyushko-Valyuzhinich K.K. (1906) The second addition to the report on excavations in Chersonesos in 1902.

раторской Археологической Комиссии. 1906. Вып. 20. С. 96–100.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1909а. Вып. 33. С. 50–67.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1909б. Вып. 33. С. 68–70.

Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев : Наукова думка, 1988. С. 27–36.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков : Антиква. 2012. Т. 1. 416 с.

Пищулина Н.О., Сорочан С.Б., Фомин М.В. Некрополь и кладбища Херсонеса – Херсона : материалы к исследованиям. Харьков : Майдан, 2020. 494 с. (Нартекс. Byzantina Ucrainensia. Том 7).

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета. 2000. 390 с.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы : Монография. В 2 т. Т. 2. Византийский город. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. 544 с.

Скубетов М.И. Закладные камни с крестами, встречающиеся в Херсоно-византийском церковном строительстве, общественных и частных зданиях // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1910. Т. 44. С. 45–49.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, Майдан, 2000. 828 с.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.) Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, Майдан, 2005. 1648 с.

Тафт Р. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб. : Алетейя. 2000. 160 с.

Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков : Коллегиум, 2011. 290 с.

Фомин М.В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 299–389.

Фомин М.В. О культе местночтимых святых в ранне-византийском Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Караїзна. Серія «Історія». Харків, 2015. № 1145. Вип. 50. С. 225–231.

Izvestiya Imperatorskoi Arheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission. Iss. 20. P. 96-100. (In Russ.).

Kostsyushko-Valyuzhinich K.K. (1909a) Extract from the report on excavations in Tauric Chersonesos in 1906). *Izvestiya Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission. Iss. 33. P. 50-67. (In Russ.).*

Kostsyushko-Valyuzhinich K.K. (1909b) Third addition to the report for 1902. *Izvestiya Imperatorskoi Arheologicheskoi Komissii = News of the Imperial Archaeological Commission. Iss. 33. P. 68-70. (In Russ.).*

Lositskii Yu.G. (1988) Experience in the reconstruction of the cruciform temples of Chersonesos. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya v Krymu = Architectural and archaeological research in the Crimea. Kiev: Naukova dumka. P. 27-36. (In Russ.).*

Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sargsyan T.E., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. (2012) Lives of the Bishops of Chersonesos in the context of the history of Tauric Chersonesos. *Narteks. Byzantina Ucrainensis. Khar'kov: Antikva. Vol.1. 416 p. (In Russ.).*

Pishchulina N. O., Sorochan S. B., Fomin M. V. (2020) Necropolis and cemeteries of Chersonesos-Kherson: materials for research. Khar'kov: Mайдan. Vol. 7. *Narteks. Byzantina Ucrainensia. 494 p. (In Russ.).*

Romanchuk A.I. (2000) Essays on the history and archeology of Byzantine Chersonesos. Ekaterinburg: Ural Federal University. 390 p. (In Russ.).

Romanchuk A.I. (2008) Explorations of Chersonesos-Kherson. Excavations. Hypotheses. Problems. Byzantine city. In 2 vol. Vol. 2. *Byzantine city. Tyumen': University of Tyumen. 544 p. (In Russ.).*

Skubetov M.I. (1910) Foundation stones with crosses found in Kherson-Byzantine church construction, public and private buildings. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii = News of the Tauride Scientific Archival Commission. Vol. 44. P. 45-49. (In Russ.).*

Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V. (2000) Life and death of Chersonese. Khar'kov: Mайдan. 828 p. (In Russ.).

Sorochan S.B. (2005) Byzantine Cherson (second half of the 6th - first half of the 10th centuries. Essays on history and culture. Khar'kov: Mайдan. Pt.1-2. 1648 p. (In Russ.).

Taft R. (2000) Byzantine church rite. St. Petersburg: Al-eteiya. 160 p. (In Russ.).

Fomin M.V. (2011) The burial traditions and ceremonies in Byzantine Cherson (4-10 centuries). Khar'kov: Kollegium. 290 p. (In Russ.).

Fomin M.V. (2014) Early Christian painting of late antique Chersonesos. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma = Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea. Iss. 6. P. 299-389. (In Russ.).*

Fomin M.V. (2015) On the cult of locally venerated saints in early Byzantine Kherson *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karaizna = Bulletin of V. N. Karaizn Kharkiv National University). Kharkiv. Iss. 50. No. 1145. Ser. History. P. 225-231. (In Russ.).*

Фомин М.В. Баптистерии ранневизантийского Херсона // Православие, наука, образование. Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2019. № 1 (7). С. 41–58.

Хапаев В.В., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Лар'ков А.С., Мараханов А.В. Археосейсмологические исследования в древнем городе Херсонесе (Севастополь, Крым) // География и геофизика Юга России. 2016. № 3. С. 119–128.

Хрушкова Л.Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: Крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2005. Вып. 2. С. 393–420.

Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М. : Тип. Общества распространения полезных книг, 1908. Вып. 3. 142 с.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры // Материалы по истории и археологии. М.-Л. : АН СССР. 1959. № 63. 364 с.

Информация об авторе

Фомин Михаил Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
всеобщей истории и мировой культуры,
Севастопольский государственный университет,
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, Россия,
e-mail: mike.v.fomin@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4092-2950>

Вклад автора

Фомин М.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2023 г.; одобрена после рецензирования 24 мая 2023 г.; принята к публикации 5 июня 2023 г.

Fomin M.V. (2019) Baptistery of Early Byzantine Cherson. *Pravoslavie, nauka, obrazovanie = Orthodoxy, Science, Education*. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. No. 1 (7). P. 41-58. (In Russ.).

Khapaev V.V., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. (2016) Archaeoseismological research in the ancient city of Khersonesos (Sebastopol, Crimea). *Geografiya i geofizika Yuga Rossii = Geography and Geophysics of the South of Russia*. No. 3. P. 119-128. (In Russ.).

Khrushkova L.G. (2005) About the beginning of the Christian Tauric Chersonesos: Cross-shaped church in the main cemetery. *Sugdeiskii sbornik = Sugdey collection*. Kiev-Sudak. Iss.2. P. 393-420. (In Russ.).

Shestakov S.P. (1908) Essays on the history of Chersonesos in the 6th-10th centuries AD. *Pamyatniki khristianskogo Khersonesa = Monuments of Christian Chersonesos*. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. Iss. III. 142 p. (In Russ.).

Yakobson A.L. (1959) Early Medieval Chersonese: Essays on the History of Material Culture. *Materialy po istorii i arheologii = Materials on History and Archeology*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. No. 63. 364 p. (In Russ.).

Information about the author

Mikhail V. Fomin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of General History and World Culture,
Sevastopol State University,
33, Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia,
e-mail: mike.v.fomin@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4092-2950>

Contribution of the author

Fomin M.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 8, 2023; approved after reviewing May 24, 2023; accepted for publication June 5, 2023.

История

Научная статья
УДК 165.9
EDN: HCGAIR
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-91-102>

История фундаментальных идей: детерминизм

А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются истоки, становление и проблематизация идеи детерминизма, понимаемой как утверждение о наличии в мире причинно-следственных отношений, составляющих основу всеобщей определенности вещей, событий и процессов. Идея детерминизма возникает как стремление объяснить все существующее через указание на причину существования. Дается уточнение, что детерминация и причинность не совпадают по объему, следует различать обусловленность (детерминацию) и порождение (причинность). Обращение к идее детерминации связано с тем, что в современной науке высказываются сомнения в универсальности принципа причинности, в философии предлагаются новые варианты понимания традиционных положений о том, что все в мире детерминировано. Основанием идеи детерминизма являются такие базовые понятия как «причина» и «следствие», «случайность» и «необходимость», «вероятность», имеющие свою историю. При этом отмечается роль Д. Юма в проблематизации понятия причинности, отношение к его взглядам в современной мысли. Также внимание уделяется и классическому учению о причинах Аристотеля в контексте актуализации положения о наличии целевой причины как определяющей возникновение и существование Вселенной. Кратко излагаются основные пункты понимания роли принципа детерминизма в неклассической и постнеклассической науке. Главнейшим пунктом рассмотрения идеи детерминизма и принятия детерминизма как онтологического принципа является прояснение онтологического статуса законов науки и законов природы, эти вопросы задают перспективу осмысления мира как детерминированного. Делается вывод, что развитие идеи детерминизма связано с расширением доступной человеку сферы реальности и с проблематизацией традиционных образов и понятий, используемых для детерминистского объяснения мира. Открываются и исследуются новые явления и события (нелинейность, самоорганизация), что ведет к возникновению новых вопросов о природе детерминизма, его принципах и границах. Критика детерминизма в современной философии и науке вполне обоснована, но оснований для отказа от детерминизма как методологического принципа научного исследования все-таки нет.

Ключевые слова: причинность, случайность, вероятность, неопределенность, Аристотель, Юм, самоорганизация, телеология, закон природы

Для цитирования: Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: детерминизм // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 91–102. EDN: HCGAIR. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-91-102>.

History

Original article

The history of fundamental ideas: Determinism

Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article considers the origins, formation and problematization of the idea of determinism, understood as a statement about the existence of cause-and-effect relations in the world that form the basis of the universal certainty of things, events and processes. The idea of determinism arises as a desire to explain everything that exists by pointing to the reason for existence. It is clarified that determination and causality do not coincide in volume, it is necessary to distinguish between conditionality (determination) and generation (causality). The appeal to the idea of determination is due to the fact that in modern science doubts are expressed about the universality of the principle of causality, in philosophy new ways of understanding the traditional propositions about whether everything in the world is deterministic are proposed. The basis of the idea of determinism

ism are such basic concepts as “cause” and “effect”, “randomness” and “necessity”, “probability”, which have their own history. At the same time, the role of D. Hume in the problematization of the concept of causality, the attitude to his views in modern thought is noted. Attention is also paid to the classical doctrine of Aristotle's causes in the context of updating the position of the presence of a target cause as determining the origin and existence of the Universe. The main points of understanding the role of the determinism principle in non-classical and post-non-classical science are briefly outlined. The main point of consideration of the idea of determinism and the acceptance of determinism as an ontological principle is to clarify the ontological status of the laws of science and the laws of nature, these questions set the perspective of understanding the world as deterministic. It is concluded that the development of the idea of determinism is connected with the expansion of the sphere of reality accessible to man and with the problematization of traditional images and concepts used for the deterministic explanation of the world. New phenomena and events (nonlinearity, self-organization) are discovered and investigated, which leads to new questions about the nature of determinism, its principles and boundaries. The criticism of determinism in modern philosophy and science is quite justified, but there are still no grounds for rejecting determinism as a methodological principle of scientific research.

Keywords: causality, randomness, probability, uncertainty, Aristotle, Hume, self-organization, teleology, law of nature

For citation: Shaforostov A.I. (2023) The history of fundamental ideas: Determinism. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 91-102. (In Russ.). EDN: HCGAIR. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-91-102>.

Представление о том, что у всего есть причина, возникает на самых первых стадиях формирования философии и науки. Само начало философствования, по замечанию Платона, начинается с удивления тому, что у привычных видимых событий нет видимых причин, и совершенно очевидно, что задача философии – искать эти причины: «Философствовать – значит отдавать себе отчет в причинах сущего...» (Платон, 1993. С. 480).

Представление о всеобщей причинности, возникшее в античности, становится фундаментом общей идеи детерминизма, заключающейся в том, что все существующее в принципе (если в достаточной мере известны условия существования) может быть объяснено, или, что все, что есть, имеет и причину своего существования, и причину того, почему оно существует так, а не иначе.

Обращаясь к рассмотрению истоков и содержанию такой фундаментальной философской идеи как детерминизм, прежде всего, следует учесть терминологическую и смысловую сложность, связанную с пониманием детерминизма.

Во-первых, детерминизм может пониматься как философское учение о всеобщей детерминации, согласно этому учению все в мире имеет причинную обусловленность, то есть можно говорить о *совпадении* понятий причинности и детерминированности.

Во-вторых, детерминизм понимается и как научный принцип, основанный на механике и утверждающий наличие однозначных причинно-следственных отношений в физическом мире.

В-третьих, понимание детерминизма как общего названия для всех возможных форм обусловливания и связанности событий и явлений. Такое понимание детерминизма характерно для современной философии, опирающейся на опыт и неклассической физики, и социальных наук. Здесь понятие «детерминизм» не сводится к понятию «причинность», так как в него включаются *непричинные* типы обусловливания, а именно – функциональная, системная, целевая детерминация.

Соответственно, следует различать понятие 1) детерминации как определённости и обусловленности и 2) причинности как более узкое понятие, выражающее генетическую, порождающую связь. Говоря кратко, выделяется: 1) обусловленность (детерминация) и 2) порождение (причинность).

Кроме наличия как минимум трех подходов к пониманию детерминизма, смысловая сложность идеи детерминизма связана с использованием таких фундаментальных и поэтому очень нечетких понятий как причина, необходимость, случайность. К этим базовым понятиям следует добавить как далекое от ясности понятие *закона*, так как принцип детерминизма фактически включает признание *закономерности* явлений и событий, и без использования понятия закона наука была бы просто невозможна.

Актуальность обращения к рассмотрению основных пунктов идеи детерминизма связана как с необходимостью постоянного пересмотра и переосмысления базовых понятий детерминизма, так и

с постоянно изменяющимся смыслом утверждений, что «все в мире детерминировано», «мир детерминирован», «у всего есть своя причина» и т. д. Речь идет не просто об уточнении смысла понятия «детерминированность», но и о сохранении этого принципа в качестве базового для современной философии и науки.

Идея детерминизма образует особое смысловое поле, главнейшими структурными элементами которого являются такие понятия как «причина» и «следствие», «случайность» и «необходимость», «вероятность». Без обращения к рассмотрению этих понятий идея детерминизма не может быть в должной мере осмыслена.

Утверждения о наличии в мире причин, их масштабах и роли начали формироваться еще в рамках античных представлений о природе, причем, эти представления были достаточно сложны. Это связано как с мифологическими основами первых натурфилософских учений, так и со сложностью рассматриваемых природных (космических) явлений. Мир не просто существует, но его существование имеет явный, наблюдаемый каждым человеком регулярный характер, и вопрос об упорядоченности мира-космоса стал одним из центральных для античной мысли. Мир не просто упорядочен, в нем также есть и случайность, и хаос, и представления о детерминированности должны это учесть.

Представления о детерминизме¹ в античности условно можно разделить на три подхода: 1) механистический вариант атомистов Левкиппа-Демокрита-Эпикура; 2) смысловую концепцию Платона; 3) целевое понимание причинности Аристотелем.

Атомисты понимали мир как громадный механизм, главный закон которого – механистическая причинность. Есть множество атомов, неравномерно рассеянных в пустоте, постоянно беспорядочно двигающихся и сталкивающихся. Сцепление атомов создает космогонический вихрь, который в итоге приводит к возникновению вещей (Маковельский, 1946. С. 35). И есть более тонкие и легкие

атомы, они шарообразные и наиболее подвижные, и именно эти атомы создают душу. И тело, и душа, и вещи – телесны, то есть состоят из атомов². В учении атомистов о причинности важнейшими моментами являются следующие положения.

Первое – беспричинных явлений нет. Подчеркнем, что речь идет именно о причинах явлений, так как в отношении причины появления атомов вопрос не возникает: атомы есть (были) всегда. «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» – говорит Левкипп (Лосев, 1977. С. 142). Вообще, по Демокриту, есть только атомы и пустота (пустое пространство). Демокрит фактически снимает вопрос о причине (начале) появления атомов, так как атомы – это не тела. А у сущности не может быть начала.

Второе – атомы отклоняются от своего изначального прямолинейного падения, и это отклонение – самопроизвольно. Об этом учил Эпикур, создавший теорию спонтанного отклонения атома от прямой линии (Лукреций называет такое отклонение *clinamen*) (Шахнович, 2008. С. 815)³. Благодаря привнесению аспекта самопроизвольности в изначально чисто механическое истолкование движения атомов, стало возможным говорить о свободе воли человека, оставаясь на позиции атомизма.

Третье – Демокрит в своем учении говорит о случайности и необходимости. Проблема в том, что, как отмечает Н. В. Мотрошилова (1934–2021 гг.), одна из крупнейших отечественных историков философии, существует «два прямо противоположных мнения: иногда о Демокрите говорят, что он измыслил «идол случая», иногда подчеркивают, что Демокритов мир – это мир жесткой, неотвратимой, строгой необходимости» (Мотрошилова, 1991. С. 164). У. Гатри также обращает внимание на то, что «Случайность как причина физических явлений в атомизме упоминается только

² Следует помнить, что атомы Демокрита – это не те атомы, представление о которых возникает в науке (химии, прежде всего) в XIX в. Для античного атомизма атомы – это, прежде всего, идеальная *сущность*, материальность же атома вторична.

³ Шахнович М.М. Эпикур // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 815–822.

¹ Понятия «детерминизм» не существовало в древнегреческой мысли, этот термин происходит от лат. *determino* – «определяю» и получает распространение в средневековой мысли

комментаторами и критиками» (Гатри, 2017. С. 683).

Необходимость связана с утверждением Демокрита о том, что есть только атомы и пустота, случайности здесь взяты неоткуда. Но в то же время даже случайные события можно объяснить определенными причинами. Случайность – это тоже своего рода необходимость, причины которой людям еще неизвестны, или они не хотят их понять: «Люди создали из случая идол судьбы в оправдание собственного неразумия» (Горан, 1984. С. 29).

Четвертое: атомисты развивают именно причинное объяснение мира, ставя вопрос не только «из чего» происходят вещи (то есть, выявляя «материю» вещи), но и указывая на основание и необходимость возникновения вещи. При этом они использовали классическое понятие вероятности: это понятие «следует вводить только потому, что мы всегда имеем дело с конечной и частной системой наблюдения, в которой, по определению, не могут быть учтены все причинные факторы» (Гаспарян, 2014. С. 62).

В итоге детерминизм атомистов носит механический характер и заключается в требовании выявлять причинное основание вещей с учетом осознания необходимости, случайности и вероятности. При этом сам мир, как и составляющие его атомы, не имеет причины.

Обращение к Платону в контексте рассмотрения истоков идеи детерминизма требует пояснений, так как в явном виде у Платона нет учения о причинности. Но, во-первых, «причинность в той или иной форме можно найти в самых традиционных онтологиях, не исключая онтологий Платона» (Бунге, 2010. С. 129), во-вторых, фактически идея в учении Платона понимается как причина вещи, но причина не как генезис (порождение) вещи, а как ее (вещи) смысловое порождение. Вполне очевидно, что материя у Платона не может быть порождающей причиной вещи, но только условием ее создания, так как любая вещь – это копия идеи. В определенной степени концепцию Платона об идеи как причине вещи можно считать предтечей современной концепции информационной причинности⁴.

⁴ В современной философии информационная причинность обычно рассматривается в контексте философии

Идеи Платона в целом и в интересующем нас аспекте детерминизма в частности были развиты Аристотелем. Учение Аристотеля о четырех причинах стало не просто очередным этапом развития идеи детерминизма, но целостной концепцией детерминизма, имевшей огромное и длительное влияние на философию, теологию и науку, и привлекающее внимание исследователей и в наши дни.

Важным этапом развития представления о детерминации и причинности стало разработанное Аристотелем учение о четырех причинах.

Первая – это определенная форма, или формальная причина, есть принцип организации материи. Вторая – наличие материала (из чего делается вещь). Третья – действующая, или энергийная, соответствует наличию мастера, умеющего и способного придать выбранному материалу необходимую форму. И последняя – целевая причина. Наличие первых трех причин (знание формы, наличие материала и наличие мастера) – недостаточно, если нет цели. Именно цель дает толчок к действию и ведет к исполнению остальных причин.

В отличие от своего учителя Платона, считавшего идею (форму – в терминологии Аристотеля) главной причиной возникновения вещей, Аристотель на первый план выдвигает целевую причину. Объясняется это, прежде всего, тем, что идея не может быть причиной *изменения* вещи. Для Платона изменчивость мира вещей и соответственно изменения вещей – вторичная тема. Для Аристотеля, отказавшего миру идей в самостоятельном существовании, изменяющиеся (природные) вещи – составляют главный предмет исследования. Аристотель распространил свое учение о причинности на весь космос, введя понятие первопричины космоса, или Перводвигателя. В качестве Перводвигателя выступает Нус (божественный разум).

Роль Перводвигателя в том, что он, оставаясь неподвижным (так как нет чего-то внешнего, начального по отношению к нему, способного задать ему движение), приводит в движение все существующее тем, что задает *целесообразность* всему. Э. Жильсон, известный религиозный фило-

сознания и понимается как управляющий фактор, определяющий состояние и развитие системы. Об информационной причинности см: Лекторский, Пружинин, Бодякин и др., 2010; Дубровский, 2008.

соф XX века, подчеркивает: «Но, будучи причиной того, что есть мир, Перводвигатель не является причиной того, что мир *есть*» (Жильсон, 2004. С. 364). То есть перводвигатель не создаёт мир, но только оформляет, приводит к существованию через конкретизацию формы. В любом случае важно то, что цель, целесообразность получают у Аристотеля статус фундаментальной причины всего существующего и изменяющегося.

В контексте учения о целевой причинности у Аристотеля появляется и такое важное понятие, как *энтелехия*. Это понятие отражает направленность каждой сущности к полной реализации своего бытия, т. е. содержит в себе цель своего бытия и выступает как осмысленная завершенность. Поэтому бытие каждой вещи (и природной, и искусственной) стремится к реализации своей энтелехии. С понятием энтелехии связано еще одно ключевое для детерминизма понятие – телеология (от греч. телос – цель), или учение о цели.

Телеология рассматривает категории возможности, деятельности и действительности в их противоречивом единстве и намечает связь этих категорий с понятиями «случайность» и «необходимость». Действительность есть осуществленная цель, энтелехия. Хотя Аристотель не был первым мыслителем, обратившимся к понятию телеологии (здесь ему предшествовали Сократ и Платон), но только у Аристотеля телеология впервые становится последовательно объективной. Предметы не наделяются какой-то внешней, предписываемой извне целью, но несут свою цель в себе, и цель эта состоит в необходимости реализации или осуществлении «формы», а «формой я называю суть бытия каждой вещи и ее первую сущность» (Аристотель, 1976. С. 302).

Картина мира, созданная классической наукой в Новое время, получила название механистической картины мира. Классическая наука полагала, что мир предсказуем и постижим, все процессы и явления носят закономерный, строго детерминированный характер и подчиняются законам механики, которым наука XVII и XVIII вв. придавала статус универсальных. Законы механики переносились и на живую природу. Этой модели мира соответствует графический образ направленного линейного развития с жестко однозначной детерминацией. Объекты существуют сами по себе в строго заданной системе координат.

Понятия «детерминизм» не существовало в XVII в. Р. Декарт, говоря о принципах, которыми руководствуется Бог, и тех законах, которые он на основании их устанавливает, использовал в своем словаре в равной мере понятия «начала» и «законы» (Категории «закон»..., 1987. С. 35).

Понимание детерминизма в Новое время включало три основополагающих пункта: 1) существуют естественные законы, определяющие существование и изменение всей природы; 2) эти законы представляют собой необходимые связи вещей, процессов и явлений объективного мира; 3) наука стремится открыть и сформулировать (на языке математики) законы природы. Говоря кратко, суть новоевропейского детерминизма – в утверждении полного господства законов природы, выражающих необходимость и определяющих все причинно-следственные связи. Важно то, что происхождение и сущность самих законов природы для новоевропейского мышления не ставились под вопрос, так как мир принимался как творение Бога. Законы природы – это не *чьи* законы (творца), а законы *чего* – природы, то есть сотворенного мира. Исаак Ньютон, безусловный гений и создатель не только новой физики, но и нового, механического мировоззрения, просто отказывался обсуждать вопрос о сущности силы, управляющей миром – притяжением, и считал, что для науки главное – исследовать *как* существует мир, а не *почему*.

Это – полное торжество механицизма, связанное с вытеснением из сферы университетского образования физики Аристотеля с ее телеологической составляющей и утверждением физики Ньютона. Одним из проявлений отказа от телеологизма стало рассмотрение мира как совокупности только изолированных вещей, не имеющих со-бытийности (совместного одновременного бытия) и процессуальности.

Вершиной классического детерминизма, оформлением его в строгую концепцию считается теория французского математика и астронома П. Лапласа (1749–1827). Детерминизм Лапласа основывался на идеях физики, астрономии и философии. Согласно теории Лапласа каждое последующее состояние системы является следствием предыдущего, и более того существует теоретическая возможность просчитать любой событие исхо-

дя из предыдущего состояния и законов механики. Случайность согласно такому подходу – это просто еще не познанное, или «проявление неведения». Если точно известно начальное состояние системы, то, по мысли Лапласа, опираясь на законы физики, можно строго определить все будущее.

Отсюда происходит так называемый «демон Лапласа», некое гипотетическое существо (так как у человека не хватит сил на подобные вычисления) – «Ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движением мельчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него не достоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором» (цит. по: Лебедев 2005. С. 4).

Отсылка к демону в концепции Лапласа связана именно с указанием на ограниченность человеческих возможностей вычисления, что вынуждает ученого вводить понятие вероятности классического типа. Такая вероятность присуща не поведению физической системы как таковой, а является результатом невозможности учесть все причинные факторы, определяющие ее существование.

Примерно, в то же время, когда Лаплас создает свою научную концепцию детерминизма, в европейской философии в понимании детерминизма происходит важное событие, сохраняющее свою актуальность и по сей день. Английский философ Давид Юм (1711–1776 гг.) проблематизирует само понятие причины, при этом под сомнение ставится научная значимость этого понятия. Основание для сомнения – неопределенность онтологического статуса причины, так как неясно, есть ли причина (причинная связь) сама по себе или это только «привычка» ума связывать совпадающие по времени события.

Анализ Юма обнаруживает три характеристики причинно-следственных отношений.

1. *Последовательность*. События, связанные причинно-следственными отношениями, близки друг другу в пространстве и времени.

2. *Регулярность*. События, связанные причинно-следственными отношениями, типически сход-

ны с парой события, наблюдавшихся в той же последовательности и ранее.

3. *Естественная необходимость*. Наблюдатель *верит* в то, что за причиную *должно* последовать следствие.

Юм замечает, что если первые две характеристики событий, связанных причинно-следственными отношениями, наблюдаемы, то есть, в его терминологии, человек обретает представление о них, то третья, утверждает он, означает свойство, о котором мы не можем составить представления. Причинность, по Юму, может быть лишь *психологическим явлением*, ожидаемым появлением события на основе ранее установленной регулярности между явлением причины и явлением следствия.

В итоге Юм заключает, что причинность субъективна: действия, которые мы связываем с конкретной причиной, являются делом согласованности опыта. Из привычки видеть то или иное явление повторяющимся рождается вера в причинную связь: причинность – это привычная связь ощущений. Юм «разоблачил основополагающий онтологический принцип – принцип причинности, показав, что наши общие суждения о мире, претендующие на универсальную значимость, суть не что иное как надстройки над индивидуальными впечатлениями» (Столярова, 2008. С. 99).

Главный вывод из юмовского понимания причинности прост: так как наше видение причинных связей основано на наших впечатлениях, то мы не можем утверждать, что причинность имеет всеобщий и необходимый характер. Важно то, что некоторые современные философы в споре Лапласа и Юма о причинности встают на сторону Юма. Так, Д. Деннет⁵ согласен с Юмом в том смысле, что в детерминистской Вселенной не все события являются следствием причин, в ней не исключается появление каких-то траекторий возможностей, когда детерминация не тождественна каузации (Юлина, 2010. С. 135).

Среди историков философии ведется оживленная дискуссия о том, что именно думал здесь Юм и действительно ли он считал, что причинами

⁵ Дэниел К. Деннет (род. в 1942 г.) – известный американский философ, работающий в области философии сознания, философии науки и философии биологии.

должны быть события, которые требуют своих последствий. Те философы, которые думают, что Юм придерживался этой позиции, назвали точку зрения о причинности, которой, по их мнению, он придерживался, – «скептический реализм». Согласно этой точке зрения, хотя причинно-следственные связи действительно существуют в нашем мире и они являются необходимыми связями между событиями, мы не можем по-настоящему понять это понятие причинности, и поэтому природа причинно-следственных связей всегда будет вне нашей когнитивной досягаемости. Мы можем только с вероятностью предсказать, какие события последуют за какими. Однако все-таки более распространенной позицией является та, что Юм в конечном итоге отверг идею о том, что причинно-следственная связь является необходимой связью между событиями. Вместо этого он нашел способ, с помощью которого наша концепция причинности может возникнуть из комбинации более простых идей, полученных из чувственных впечатлений (Ney, 2014. P. 221).

Понимание причинности Юмом привлекает внимание не только историков философии, но активно используется в современной философии науки, исследующей различные аспекты принципа причинности (подр. см.: Харре, 2012). Так, Е. Мамчур считает, что традиционное воспроизведение взглядов Юма на природу причинности не учитывает то, что в понимании Юмом причинности присутствуют не один, а два разных тезиса. Первый – это отрицание причинности как генетической (порождающей) связи и утверждение о том, что причинные связи основаны на человеческой привычке устанавливать связь (корреляцию) определенных повторяющихся явления как причину и следствие. Это положение Юма принимается далеко не всеми, так как в науке достаточно примеров действительно существующих причинно-следственных отношений. Ключевой момент, составляющий второй тезис, – то, что в концепции Юма указанная корреляция не является всеобщей и необходимой связью (Мамчур, 2004. С. 100). Соответственно, наука лишается своего основания – действия законов, так как закон по своей сути есть устойчивая, необходимая и повторяющаяся связь событий и явлений.

Очевидно, что ежедневно наблюдаемые в повседневном опыте, а также исследуемые наукой

многочисленные события включают в свое существование причинные (каузальные) связи и отношения. Но также очевидно, что Юм указал на действительно существующую проблему: аргумент Юма против идеи необходимой связи, содержал важную и все еще правдоподобную логическую предпосылку, указывающую на отсутствие у нас «прямого перцептивного доступа» к причинно-следственным связям (Carroll, 1994. P. 5). Это находит выражение в устойчивых формах как естественного, так и языка науки в виде указания на нечто в качестве причины: «причиной данного события *считается* то...», «причиной этого события *является* то...» – сама же причина (причинная связь) в своем объективном бытии остается скрытой от нашего сознания.

И Лаплас, и Юм, по-разному понимая природу и роль детерминизма, тем не менее оставались в рамках классической науки и классического понимания причины как *внешней* силы, внешнего воздействия.

Понимание причины как внешнего воздействия прочно укрепилось в физике и XX века. Д. Бом так формулирует принцип причинности: «общая характерная особенность мира может быть сформулирована в виде принципа ... все возникает из других вещей и дает начало другим вещам. Однако этот принцип не является утверждением о существовании причинности в природе. В самом деле, он является даже более фундаментальным, чем принцип причинности, так как лежит в основе нашей возможности рационального понимания природы» (Бом, 1959. С. 17). То есть причинность вторична по отношению к фундаментальному «все возникает из других вещей и дает начало другим вещам». Проблема однако в том, что в таком случае игнорируется *внутренняя* причинность. Обращение к внутренней причинности становится необходимым при исследовании самоорганизующихся систем, так как невозможно объяснить активность системы только за счет внешнего воздействия.

Неклассическая наука, формирующаяся в конце XIX века, закладывает основы для дальнейшего развития идеи детерминизма. Значительная роль в этом развитии принадлежит новому пониманию вероятности и случайности. «Возникает вопрос, что же нового вносит вероятность в мышление и науку, что более совершенного, по сравнению с моделя-

ми жесткой детерминации, она предлагает? Раскрытие природы вероятности и статистических закономерностей прямо зависит от того, как мы понимаем саму случайность» (Сачков, 2003. С. 106).

На смену механистической модели мироздания пришла вероятностная модель мира, в которой преобладает более гибкая схема детерминации, предполагающая неопределенность, случайность. Появляется новая форма детерминации – «статистическая закономерность». Случайности и вероятности начинают играть в этой модели все большую роль. Статистические законы – это форма научных законов, в которой связь начального и последующих состояний исследуемого предмета (процесса) фиксируется с определенной степенью вероятности.

Один из самых часто используемых примеров проявления вероятности в классическом смысле – подбрасывание монеты. Так как допускается выпадение только одного из двух вариантов – «орел» или «решка», и соответственно вероятность выпадения оценивается как 50 на 50, сама вероятность здесь понимается классически – как невозможность полного учета всех факторов броска монеты.

Неклассическая вероятность приходит в науку с появлением квантовой физики и представляет собой онтологическую интерпретацию вероятности. Онтологическая интерпретация вероятности связана с представлением о том, что невозможность точно определить (предсказать) поведение какой-либо системы является результатом неограниченности познавательных способностей наблюдателя, а соответствует неопределенности самого бытия системы, включающего набор возможных состояний⁶.

Онтологическая неопределенность имеет прямое отношение к возникшей еще в древности мысли о *спонтанности, случайности* в природе. Идея спонтанности и случайности получила поддержку в *квантовой парадигме* в XX в.

В 1927 г. В. Гейзенбергом был открыт «принцип неопределенности» в квантовой механике, доказывающий наличие в физической картине мира онтологической неопределенности. Согласно

этому принципу поведение микрочастиц описывается вероятностными законами. Измерение величины одного параметра приводит к изменению величины какого-то другого параметра, следовательно, появляется неопределенность этого параметра.

Чтобы отразить этот факт, принцип неопределенности можно сформулировать следующим образом – любое *измерение* состояния системы приводит к *изменению* этого состояния. Одно из следствий этого принципа – невозможность объективного измерения, так как любое измерение несет в себе субъективное влияние наблюдателя на исследуемый им предмет.

В целом же нельзя исключить принцип причинности из квантовой механики, но следует учитывать, что в физике микромира открывается новая форма причинности – вероятностная причинность. Вероятностная причинность сохраняет утверждение, что *состояние системы* в конкретный момент времени определяется состоянием системы в предшествующий момент, однако вероятностная причинность отказывается от однозначности лапласовского детерминизма.

Признание наличия в квантовой физике причинности связано с необходимостью переосмысления самого понимания причинности. Предлагается, что причинность – это не «производство одних явлений другими», а «связь состояний, описываемая законами в рамках универсальной теории» (Причинность и телеономизм..., 2002. С. 249).

Следствием нового понимания причинности является требование необходимости введения понятия «событие»: «События не могут быть выведены из детерминистического закона. Событие – это то, что может быть, а может и не быть» (Причинность и телеономизм..., 2002. С. 228). Стоит обратить внимание, что вероятностная причинность и порождаемое ею новое понимание причинности не сводимо к сфере квантовой физики. Наделение событий особым детерминистическим статусом имеет прямое отношение к социальным наукам, включая историю.

Классическое, восходящее к античности, – в частности, к атомистам, – понимание случайности исходит из того, что случайность все-таки имеет причину, только это непознанная человеком причина. Поэтому для классической философии и

⁶ Подробное рассмотрение вероятностной причинности на примере экспериментов с испусканием и поглощением электронов – см.: Carroll, 1994. P. 134–141.

науки случайность – нечто вторичное. Для теоретико-вероятностных методов, пришедших в науку в конце XIX века, случайность становится важнейшим элементом теории вероятности. Ключевым является утверждение, что вероятностные системы образованы из *независимых* сущностей (Сачков. 2003. С. 106), и случайность, таким образом, является следствием независимости.

Независимость предполагает как: 1) отрицательный аспект – то есть выпадение из внешних причинно-следственных связей, так и 2) положительный – или самостоятельность бытия. Самостоятельность бытия представлена такими понятиями, как самодетерминация, самоорганизация и саморазвитие. Эти понятия широко используются в современной науке и философии при исследовании сложных систем, для характеристики которых используется понятие *нелинейной* причинности. И если в *неклассической* картине мира изучаются *саморегулируемые* системы, то в *постнеклассических* речь идет о *самоорганизующихся* развивающихся системах.

Нелинейными являются открытые системы, чьи свойства зависят от их состояния, сама нелинейность предполагает непрерывность выбора альтернатив ее развития. Многовариантность, нелинейность – вот характерные черты процессов и явлений, изучаемых современной наукой. Нелинейность отражает реальность как поле сосуществующих возможностей. Особенностью открытых нелинейных систем является то, что будущее таких систем неопределенно.

И еще об одном элементе идеи детерминизма следует сказать особо. Это уже упоминавшееся в связи с учением Аристотеля о причинах понятие *цели*, или целевая причинность. Сегодня в философии и науке наблюдается заметный рост интереса к телеологической детерминации. Достаточно назвать обсуждение антропного принципа (например: Ненашев, 2012), один из вариантов которого – так называемая «сильная версия» – прямо утверждает возникновение жизни и человека как цели существования Вселенной.

Простое возвращение к телеологии аристотелевского типа в современной науке невозможно хотя бы потому, что для Аристотеля цели предметов определяются Богом. Кроме того, основным возражением против телеологии является понима-

ние цели как *сознательного* предвосхищения будущего результата действия. И если относительно действий человека, а также предметов, создаваемых человеком (в которые закладываются цели при изготовлении), допустимо использовать телеологический детерминизм, то для природных вещей, включая сам мир, – нет.

Тем не менее в современной отечественной философии науки нет однозначного понимания телеологии. Так, утверждается, что цель обладает онтологическим статусом, то есть не зависит от человека, так как «подлинный процесс, протекающий в природе, состоит в стремлении к цели, к достижению некоторого целевого состояния» (Панкратов, 2003. С. 82).

Для того чтобы избежать привнесения субъективизации и непропорционального расширения использования понятия цели в отношении неорганического мира, используют понятие *телеономии*. Телеономизм не тождествен телеологии. Телеономически являются процессы, которые также, как и телеологические, направлены к некоторой цели. Тем не менее в отличие от телеологических в случае с телеономическими процессами понятие цели берется в кавычки: «процессы в системе идут так, "как если бы" они стремились поддерживать нормальное функционирование системы. Это не телеологическое, а телеономическое объяснение» (Мамчур, 2004. С. 21). Телеономизм – это явление *повышения внутреннего порядка* сложных систем, например, биологических.

И еще один важный момент активно обсуждается в современной философии и науке, связанный с детерминизмом, хотя и прямо ему противоположный по своему смыслу – *индетерминизм*. Современный индетерминизм опирается на развитие исследований в атомной и квантовой физике и отражает привнесение принципа неопределенности в описание и объяснение систем микромира.

Вариантом индетерминизма (отрицания определенности поведения объекта и системы) может выступать и статистическая (вероятностная) причинность, если исходить из понимания детерминации как однозначной определенности.

Детерминистская картина мира видит физический мир как каузально замкнутый: «Каузальная замкнутость» означает, что поток причин и следствий, во-первых, должен быть непрерывен, а во-

вторых, должен быть однородным (Гаспарян, 2014. С. 63). Сторонники детерминизма исходят из двух простых принципов, составляющих **закон причинности**. Он состоит из двух основных положений:

1) ничего не происходит без причины;

2) одинаковые причины при одинаковых условиях приводят к одинаковым следствиям.

Второе положение является фундаментальным условием существования *экспериментальной* науки, так как без возможности воспроизведения эксперимент теряет свою значимость.

Главное возражение детерминизму как *всеобщему* принципу заключается, прежде всего, в наличии свободы воли у человека (поэтому детерминисты подчеркивают, что они говорят только о *физическом* мире), а также об открытии (в науке второй половине XX века) сложных саморазвивающихся систем. Индетерминизм не является полной противоположностью детерминизма, так как они не совпадают по объему. Индетерминизм выступает как отрицание не всего детерминизма, а его отдельных положений.

Известный английский философ науки К. Поппер подчеркивает возможность избежать крайностей детерминизма, вместе с тем не утверждая индетерминизм (Поппер, С. 213). Это возможно, если исходить из тезиса об открытости Вселенной к появлению новых качеств, то есть *эмерджентизма* (англ. emergent – внезапно возникающий). С помощью этого понятия стараются отобразить некие особенные свойства объектов («систем»), которые отсутствуют у более простых элементов, слагающих эти объекты. Чем сложнее и многокомпонентнее структура системы, тем объемнее сущностные свойства эмерджентности.

Но проблема сохраняется, так как детерминизм, кроме указанных выше двух положений, содержит третье, самое фундаментальное – это утверждение о том, что детерминированность мира определяется законами природы, которые «справедливы всегда и везде» (Хёфер)⁷. Собственно проблема заключается в постановке современными философами вопросов об универсальности и

неизменности законов природы. Так, «совершенно непонятно, почему в одних частях нашей Метагалактики совершенно такие же законы, как и в других частях» (Причинность и телеономизм..., 2002. С. 260) – фактически здесь ставится под сомнение постулат материального единства мира, во многом определяющий значимость детерминизма.

При этом обращается внимание на *парадоксальность*, необъяснимость однородности Вселенной, а именно – одинаковость действующих в ней законов, так как «в расширяющейся Вселенной есть области, слишком удаленные друг от друга, чтобы взаимодействовать физически. Они не укладываются в тот конус, о котором говорит СТО. Таким образом, мы должны были бы, по идее, получить стандартную модель Вселенной, в которой разные части не взаимодействуют друг с другом, т. е. не выполняется принцип причинности» (Причинность и телеономизм..., 2002. С. 266).

Ключевым же пунктом является невозможность утверждать, что само возникновение мира носит закономерный характер. Даже если ограничить философское понимание мира (мир – это все, что есть) научным пониманием мира как Вселенной, то *причина* расширения Вселенной (так называемый Большой взрыв) – неизвестна. Современные физика и космология очень подробно говорят о том, *как* этот взрыв произошел, но *что* взорвалось и *почему* – остается вне сферы научного исследования.

В итоге отметим, что идея детерминизма в своем возникновении опиралась на доступные опыту и осмыслению явления, позволяющие утверждать наличие в мире причинно-следственных отношений. Развитие идеи детерминизма связано с расширением доступной человеку сферы реальности и с проблематизацией традиционных образов и понятий, используемых для детерминистского объяснения мира. Идет не только переосмысление традиционных понятий (причина, следствие и т. п.), но открываются и исследуются новые явления и события (нелинейность, самоорганизация), что ведет к возникновению новых вопросов о природе детерминизма, его принципах и границах. Критика детерминизма в современной философии и науке, несомненно, есть, и она вполне обоснована, но оснований для отказа от детерминизма как методологического принципа научного исследования все-таки нет.

⁷ Хёфер К. Причинный детерминизм // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL: <http://philosophy.ru/determinism-causal/> (дата обращения 16.02.23 г.).

Список источников

- Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
- Бом Д. причинность и случайность в современной физике. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. 248 с.
- Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке. М.: Едиториал УРСС, 2010. 512 с.
- Гаспарян Д.Э. Детерминизм и индетерминизм в дуалистических и недуалистических онтологиях: от Канта к Сартру // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 4. С. 62–71.
- Горан В.П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск, 1984. 208 с.
- Гатри У. История греческой философии: в 6 т. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита. СПб.: Владимир Даль, 2017. 845 с.
- Дубровский Д.И. Основные категориальные планы проблемы сознания // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 59–75.
- Жильсон Э. Бытие и сущность // Избранное: Христианская философия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 321–582.
- Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Бодякин В.И., Дубровский Д.И., Колин К.К., Мелик-Гайказян И.В., Урсул А.Д. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84–112.
- Категории «закон» и «хаос». Киев: Наукова думка, 1987. 295 с.
- Лебедев С.А., Кудрявцев И.К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 6. С. 1–20.
- Лосев А. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.
- Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1946. 401 с.
- Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФРАН, 2004. 242 с.
- Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. 463 с.
- Ненашев М.И. Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 64–74.
- Панкратов А.В. Телеология и принцип необратимости // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 73–85.
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
- Причинность и телеонизм в современной естественно-научной парадигме / отв. ред. Е.Л. Мамчур, Ю.В. Сачков. М.: Наука, 2002. 288 с.

References

- Aristotle (1976) Essays. In 4 vol. Moscow: Mysl'. Vol. 1. 550 p. (In Russ.).
- Bom D. (1959) Causality and randomness in modern physics. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 248 p. (In Russ.).
- Bunge M. (2010) Causality: the place of the principle of causality in modern science. Moscow: Editorial URSS. 512 p. (In Russ.).
- Gasparyan D.E. (2014) Determinism and indeterminism in dualistic and non-dualistic ontologies: from Kant to Sartre. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. Vol. 1. No. 4. P. 62-71. (In Russ.).
- Goran V.P. (1984) Necessity and chance in the philosophy of Democritus. Novosibirsk. 208 p. (In Russ.).
- Guthrie W. (2017) The History of Greek Philosophy. In 6 vol. Vol. II. The Pre-Socratic tradition from Parmenides to Democritus. St. Petersburg: Vladimir Dal. 845 p. (In Russ.).
- Dubrovskii D.I. (2008) Basic categorical plans of the problem of consciousness. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No. 12. P. 59-75. (In Russ.).
- Gilson E. (2004) Being and essence. *Izbrannoe: Khristianskaya filosofiya = Favorites: Christian Philosophy*. Moscow: ROSSPEN. P. 321-582. (In Russ.).
- Lektorskii V.A., Pruzhinin B.I., Bodyakin V.I., Dubrovskii D.I., Kolin K.K., Melik-Gaikazyan I.V., Ursul A.D. (2010) Information approach in an interdisciplinary perspective (materials of the "round table"). *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No. 2. P. 84-112. (In Russ.).
- (1987) Categories "law" and "chaos". Kiev: Naukova dumka. 295 p. (In Russ.).
- Lebedev S.A., Kudryavtsev I.K. (2005) Determinism and indeterminism in the development of natural science. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 7. Philosophy = Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy*. No. 6. P. 1-20. (In Russ.).
- Losev A. (1977) Ancient philosophy of history. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Makovel'skii A.O. (1946) Ancient Greek atomists. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. 401 p. (In Russ.).
- Mamchur E.A. (2004) Objectivity of science and relativism (To discussions in modern epistemology). Moscow: IFRAN. 242 p. (In Russ.).
- Motroshilova N.V. (1991) The birth and development of philosophical ideas: Historical and philosophical essays and portraits. Moscow: Politizdat. 463 p. (In Russ.).
- Nenashev M.I. (2012) The anthropic principle and the observer problem. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No. 4. P. 64-74. (In Russ.).
- Pankratov A.V. (2003) Teleology and the principle of irreversibility. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No.8. P. 73-85. (In Russ.).
- Plato. (1993) Collected works. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl'. 528 p. (In Russ.).
- Mamchur E.L., Sachkov Yu.V. (2002) Causality and teleonism in the modern natural science paradigm. Moscow: Nauka. 288 p. (In Russ.).

Сачков Ю.В. Эволюция учения о причинности // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 101–118.

Столярова О.Е. Реляционная онтология А.Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 84–103.

Харре Р. Юм и физики // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 32. № 2. С. 16–33.

Юлина Н. Эмерджентизм: сознание, редукция, каузальность // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 127–143.

Carroll, J. (1994). *Laws of Nature* (Cambridge Studies in Philosophy). Cambridge: Cambridge University Press. i-xii, 200 p. DOI: 10.1017/CBO9780511619908.

Ney Alyssa. *Metaphysics: an introduction*. London and New York: Routledge, 2014. 328 p.

Информация об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Вклад автора

Шафоростов А.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 23 марта 2023 г.; принята к публикации 3 апреля 2023 г.

Sachkov Yu.V. (2003) Evolution of the doctrine of causality. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No. 4. P. 101-118. (In Russ.).

Stolyarova O.E. (2008) A.N. Whitehead's relational ontology and its constructivist interpretation. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No. 12. P. 84-103. (In Russ.).

Kharre R. (2012) Hume and physics. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and philosophy of Science*. Vol. XXXII. No. 2. P. 16-33. (In Russ.).

Yulina N. (2010) Emergentism: consciousness, reduction, causality. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. No. 12. P. 127-143. (In Russ.).

Carroll, J. (1994). *Laws of Nature* (Cambridge Studies in Philosophy). Cambridge: Cambridge University Press. i-xii, 200 p. DOI: 10.1017/CBO9780511619908.

Ney Alyssa. *Metaphysics: an introduction*. London and New York: Routledge, 2014. 328 p.

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Contribution of the author

Shaforostov A.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 14, 2023; approved after reviewing March 23, 2023; accepted for publication April 3, 2023.

Научная статья
УДК 94(47).048
EDN: HRXJJW
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-103-118>

Афанасий Пашков и Даурский полк в 1655–1657 гг.: от Енисейска до Братского острога

Е.А. Багрин¹, В.И. Трухин²

¹ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

² Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья на основе неопубликованных документов Российского государственного архива древних актов, объединенных в Стлб. 508 Фонда 214 (Сибирский приказ), рассказывает о начальном этапе присоединения к России территорий Забайкалья и Приамурья (Даурии), куда по приказу правительства отправился Даурский полк под командованием бывшего енисейского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова. Основное внимание в исследовании уделяется событиям, связанным с походом полка А.Ф. Пашкова в Даурию в 1655–1657 гг., начиная от времени его размещения в Енисейске и до момента вступления в Забайкалье. Рассмотрены такие вопросы как: конфликт даурского полка с енисейским воеводой И. Акинфовым; трудности в оснащении судов для похода; набор в полк новоприборных служилых людей; основные события на пути полка к Братскому острогу; стоянка в Братском остроге; гибель русских отрядов в Забайкалье и Приамурье; проблема обеспечения полка хлебными припасами, а также «измены» служилых людей Фильки Полетая, Сеньки Белоуса и др. Показана деятельность Пашкова как талантливого администратора, выдвинувшего ряд идей по эффективному обустройству путей сообщения Забайкалья с Енисейским уездом, а также снабжения его хлебом и вооружением. Часть задумок даурского воеводы была реализована. Например: строительство дороги между Братским и Илимским острогами. В рамках этой работы впервые в исторической литературе приведены именные списки людей, присоединившихся к походу Пашкова в Даурию, включая новоприборных людей из Енисейска, Братска и Илимска. Сделан вывод, что А. Пашков, несмотря на многочисленные трудности, проявил себя как успешный административный деятель, потенциал которого позволял рассчитывать на успех в деле присоединения Даурии к России.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, стрельцы, Афанасий Пашков, Енисейск, Забайкалье, Даурия, история, Сибирь, XVII век, генеалогия

Для цитирования: Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и Даурский полк в 1655–1657 гг.: от Енисейска до Братского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 103–118. EDN: HRXJJW. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-103-118>.

History

Original article

Afanasy Pashkov and Daurian regiment in 1655-1657: from Yeniseisk to Bratsk fortress

Egor A. Bagrin¹, Vladimir I. Trukhin²

¹ Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

² The Petropavlovsk Foundation for Socially-Oriented Projects and Programs Support, Moscow, Russia

Abstract. The article is based on unpublished documents of Russian State Archive of Ancient Acts (Siberian Order). It describes the initial stage of joining the territories of Transbaikalia and Amur Region (Dauria) to Russia with the help of the Daurian regiment went under the command of former Yeniseisk governor Afanasy Filippovich Pashkov. The study focuses on events related to the campaign of A.F. Pashkov's regiment to Dauria in 1655-1657 from the time of its placement in Yeniseisk to the moment of its entry into the Transbaikalia. The study issues: conflict of Daurian regiment with Yeniseisk governor I. Akinfov; difficulties in equip-

ping ships for the campaign; the recruitment of new warriors into the regiment; the main events on the way of the regiment to Bratsk fortress; stay in Bratsk fortress; death of Russian regiments in Transbaikalia and Amur region; problem of providing the regiment with grain supplies, as well as betrayal of warriors Fil'ka Poletai and Sen'ka Belous, etc. It was shown the activity of Pashkov as a talented administrator who put forward a number of ideas for the effective arrangement of transport routes between Transbaikalia and Yenisei district, as well as provision with bread and weapons. Some ideas of Daurian governor were implemented, for example, the construction of the road between Bratsk and Ilmsk fortress. As part of this work, for the first time in the historical literature are given the names of people who joined Pashkov's campaign in Dauria, including new-recruited people from Yenisei, Bratsk and Ilmsk. It was concluded that A. Pashkov, despite numerous difficulties, proved to be a successful administrative figure, whose potential allowed to hope for success in the accession of Dauria to Russia.

Keywords: troops, Cossacks, Streltsy, Afanasy Pashkov, Yeniseisk, Transbaikalia, Dauria, history, Siberia, XVII century, genealogy

For citation: Bagrin E.A., Trukhin V.I. (2023) Afanasy Pashkov and Daurian regiment in 1655-1657: from Yeniseisk to Bratsk fortress. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 103-118. (In Russ.). EDN: HRXJW. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-103-118>.

Данное исследование является продолжением ранее опубликованных нами материалов (Багрин, Трухин, 2023). В статье мы подробно отражаем события, связанные с походом полка Пашкова в Даурию, начиная от времени его размещения в Енисейске и до момента вступления в Забайкалье. Разные их аспекты уже затрагивались в историографии, связанной с присоединением Забайкалья к России, однако обозначались только в самых общих чертах. В то время как значительное количество важнейшей информации осталось за пределами исследований, имеющихся на данный момент (Фишер, 1774; Словоцов, 2006; Андриевич, 1887; Бороздин 1900; Васильев, 1916; Александров, 1984; Артемьев, 1999; Зуев, 2013; Барахович, 2016¹; Трухин, 2020 и др.). Основой работы стали документы из Российского государственного архива древних актов, объединенные в рамках Столбца 508 Фонда 214 (Сибирский приказ). В ней освещаются темы, которые мы позволили себе вынести в подзаголовки.

Конфликт Даурского полка² с енисейским воеводой И. Акинфовым. Осенью 1655 г. большинство служилых людей, отправленных в Даурию из 11 сибирских городов и острогов, прибыло в Енисейск в распоряжение Афанасия Филипповича Пашкова. Новый енисейский воевода Иван Павлович Акинфов распорядился «ответь» для них дворы для постоя

внутри Енисейского острога. Однако через некоторое время, видимо, из-за «недружбы» с Пашковым³ Акинфов приказал «всех (даурских служилых людей – Авт.) из острогу выбить вон за острог и поставить по порожным дворам». При этом для того, чтобы освободить дома, Акинфов приказал местным жителям переселиться в другие дворы, забрав с собой весь скарб, включая посуду. «Даурцы» жаловались, что «не в чим хлеба замесить и не чем бы воды принести с реки во двор». В своем обращении к царю они сообщали, что якобы на смотре Акинфов приказал енисейским служилым людям «побивать (даурских служилых людей – Авт.) на смерть напрасно ... хотя нас ... бедных всех из Енисейсково розгонить». Большой резонанс имела раздача хлебного жалования по окладам. Даурские служилые люди писали о том, что они получили «муку зеленую и гнилую которой есть ... немочно» из запасов, которые были предназначены «на корм» для пашенных крестьян Братского и Балаганского острогов. Запасы же, привезенные из Тобольска, были «зелены и худы и учели гнить и горконуть»⁴. Таким образом, не без осно-

¹ Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды) : дис... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.

² Всех служилых людей, направленных из сибирских городов в Даурию в составе полка А. Пашкова в документах обычно обозначали как «даурских служилых людей». В связи с этим фактом в статье полк А. Пашкова мы обозначаем и как «даурский полк».

³ Конфликт между прежним и новым енисейским воеводой начался почти сразу же с прибытием Акинфова в Енисейск. В ходе служебного расследования Акинфов выяснил, что Пашков, занимая воеводскую должность, присвоил себе около 1000 руб. казенных денег. Пашков хотел замаять это дело. К тому же значительную часть этих средств он использовал для оснащения отряда П. Бекетова и постройки судов для даурского похода. Он предлагал взятки, а когда Акинфов отказался, угрожал и пытался оказать на него давление с помощью Даурского полка (История Сибири..., 1968. С. 132; Бороздин, 1900. С. 69–71).

⁴ Кроме того, Пашков обвинял Акинфова в том, что он заранее взял от него опись о получении хлеба для амана-

вания, они подозревали Акинфова в том, что он хотел их «всякими нуждами изгнать» из Енисейского уезда⁵. Следует отметить, что почти все выданные даурским служилым людям хлебные запасы, закончились еще до начала похода. Они писали, что «идучи дорогою до Енисейского острогу и живучи в Енисейском осень и зиму и половину лета до походу ... все съели». Кроме того, Акинфов запретил отдавать запасы тем даурцам, которые «для своей бедности выработали свою силою запас и деньги», работая у енисейцев на постоянных дворах, «для того чтоб им своею работою не кормитца». Таким образом, служилым людям из сибирских городов оставалось надеяться только на получение хлебного жалованья на 7165 г. (1656/1657) в Енисейске. 29 июня 1656 г. енисейский воевода получил из Сибирского приказа предписание выдать причитающийся даурцам хлеб «тот час безо всякого мотчанья». Та же информация была сообщена и в грамоте для Пашкова, после чего он отправил к Акинфому десятника верхотурских казаков Оску Минина и еще 10 чел. узнать о получении припасов. Однако енисейский воевода оставил их просьбу без ответа «грамоту велел у них служилых людей принять через решетку и бросал ее по столу многожды и лаел их служилых людей матерно и грозил их бить кнутъем». На сле-

тов 80 четвертей муки ржаной, 20 четвертей круп и толокна, но сам хлеб так и не выдал (Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Стлб. 508. Л. 266, 311).

⁵ В свою очередь, представители Даурского полка обвиняли в ряде противоправных действий самого Акинфова, а также его «друзей и завоптиков». В их число входили «ведомые корчемщики» енисейские дети боярские Иван Похабов и Андрей Новокрещен, немец Вилим, Федор Посников, бывший таможенный голова Иван Сабуров и ссыльный «вор прежний» тобольский посадский человек Пятка Соколов. Последний «по челобитью гостей и гостинной сотни розных городов торговых людей да по челобитью ... Тобольска города всяких чинов жилецких людей» был «сослан ис Тобольска в Красноярской острог в посад на вечное житье». Кроме нарушений, указанных в основном тексте статьи, они писали, что Акинфов «острожные ворота велел запереть, а оставить одну калитку против воевоцкого двора и многим ... енисейским в остроге жилецким людям тем тесноту великую учинил». Кроме того, ссыльный Соколов посылался с отписками в Москву, тогда как должен был быть сослан в Красноярский острог на вечное житье в сопровождении пристава и провожатых (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 248–282, 285, 296, 300–301).

дующий день 30 июня 1656 г., по приказу Пашкова к Акинфому пришли снова, но уже 50 чел., представители всех 11 городов из Даурского полка. Акинфов приказал пропустить к себе в съезжую избу только 4 парламентаров: «Березовского города пятидесятника казачья Микифорка Свешникова, да десятников казачьих Томского города Данилка Андреева, Верхотурского города Ивашка Корташева, Ивашка Лапина». Последним в грубой форме в их прошении было отказано. Они были избиты палками и заперты в казенке. В это же время к Пашкову пришли енисейские казачьи десятники Мишка Москвитин и Федька Торопчанин. Они предложили Даурскому полку получить хлебные запасы не мукой, а рожью без мехов, которую предстояло перемолоть своими силами («тое рожь молоть самим на себя») (Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Стлб. 508. Л. 64, 252–254, 260–262, 290–291, 293–295, 302–304).

Акинфов не упускал случая обострить отношения с людьми из полка Пашкова. Однажды енисейский служилый человек Игнашка Федоров опознал на служилом человеке Томского города Гришке Щукине якобы сворованную шапку. Акинфов, не проведя разбирательства, приказал енисейскому сыну боярскому Федору Посникову схватить Щукина на площади, «бить и увечить», после чего привести в съезжую избу. Не избавило Щукина от наказания даже то, что Федоров в этот же день заявил енисейскому воеводе о том, что он обознался. Акинфов сообщал в Москву о бесчинствах, которые якобы делает Пашков со своим полком. В списке предъявляемых им обвинений было то, что люди Пашкова хотят «пограбить Енисейской острог», «побивают, грабят, чинят обиды и насильства» местным жителям. То же касалось и енисейских детей боярских, которых Пашков будто бы искал по всему уезду, а на дорогах поставил заставы, чтобы не пропускать в Москву обличающие отписки Акинфова. Таким образом, даурские служилые люди оказались вовлечены в личный конфликт («не дружбу») бывшего и действующего енисейских воевод (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 253–256, 292–293, 296–297).

Видимо, летом 1656 г. конфликт Пашкова и Акинфова достиг высшего напряжения. 30 мая 1656 г. от Пашкова из посадской части города сбежал его дворовый человек татарин Ондрюшка Салтанов. У него были обнаружены «заповедные воровские

зерни шездесят игор карт да дватцатеры кости зерновые». Чтобы избежать ареста и не быть «закованным в железо» Салтанов скрылся во дворе Акинфова, зная о его вражде с Пашковым. Под давлением енисейского воеводы он дал показания в съезжей избе о том, что Пашков заявлял «з даурскими служилыми людьми хочю Енисейской острог взять и пограбить». Полученная в результате допроса записка, была зачитана «всяких чинов людям», после чего они приложили к ней руки, подтверждая услышанное. Пашков жаловался в Сибирский приказ, что его оппонент хочет «составное воровское дело укрепить и меня холопа вашево видеть в ... г(о)с(у)д(а)р(е)ве опале бес сыску». Салтанов содержался в тюрьме, где опекался енисейским сыном боярским Иваном Похабовым, «тюремным целовальником и денщиком», а также, еще одним заключенным – «ссылным вором» Подрезом Плещеевым. Последнего привозили на двор Акинфова, где он участвовал в пирах воеводы и его друзей. Салтанова хорошо содержали, «беспрестанно» поили и кормили, присылая от Акинфова вино и «кормы большие», подговаривая писать новые обвинения в адрес Пашкова. Бывший воевода, в свою очередь, пытался добиться того, чтобы Салтанова допросили с пытками согласно Уложенной книги или выслали в Томск для независимого расследования (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 262–264, 305–309).

Напряженная ситуация продолжалась вплоть до приезда нового енисейского воеводы Ивана Ртищева, состоявшегося 2 июля 1656 г. Как только он занял свой пост, даурские служилые и Пашков доложили устно и подали ему челобитные с описанием ситуации, которая могла вылиться в реальное вооруженное противостояние. Они просили урегулировать конфликт, чтобы «промеж ваших людей напрасные невинные крови не пролились а им бы даурским служилым людем ... бес сыску в опале не быть». Ртищев не стал пытаться Салтанова, дожидаясь государственного указа. 18 июня 1656 г. даурские служилые люди подали на имя царя коллективную «заручную» челобитную о неправомерных действиях Акинфова, передав ее Пашкову для того, чтобы он отправил ее в Москву (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 264, 283, 304–305).

Трудности в оснащении судов для похода. Следуя царскому приказу, Даурский полк, размещенный в Енисейске, должен был выдвинуться в

поход весной 1656 г. как только на реках сойдет лед. Весной Пашков через служилых людей попросил Акинфова начать конопатить и готовить к плаванию корабли, необходимые для продвижения в Даурию. Однако Акинфов не спешил, нарушая приказ содействовать экспедиции «безо всякого мотчанья». Пашкову пришлось обращаться к енисейскому воеводе несколько раз. Наконец, Акинфов выделил 50 дощаников. Однако он не дал плотников «к дощаничному делу», выделив для работы ярыжек и ссыльных людей, для которых работа с кораблями была «не за обычай». В итоге даурские служилые люди в своей челобитной отметили, что «конопатили сами и худые места поделывали и были ... у тово твоево ... дела две недели без престани». Закончив работу, «даурцы» спустили корабли на воду. Затем Пашков через служилых людей несколько раз обратился к Акинфovu с просьбой выдать им паруса и снасти. Однако Акинфов снова тянул, даже несмотря на то, что часть из припасов была уже подготовлена Пашковым в период его управления Енисейском. Даурские служилые люди отметили, что полностью необходимые судовые снасти они не получили вплоть до 2 июля 1656 г., когда в Енисейск приехал новый воевода Максим Григорьевич Ртищев. По их сведениям, Акинфов добивался того, чтобы «даурцы» дали ему «отписи» о том, что они обязуются доставить выданные им корабли назад в Енисейск после того, как прибудут в Илимский острог. Естественно, эти действия были нежелательны для Пашкова, увеличивая нагрузку на его отряд. В обращение к царю даурские служилые люди отмечали, что прежде никто, направляясь из Енисейска в Илимский острог и Якутск, таких «отписей» не давал, а возвращением кораблей занимались енисейские служилые люди, специально отряжаемые «для приему и сплавки». Они специально обращали внимания на то, что такой практики не было и при отправке кораблей из других городов, таких как Тобольск и Верхотурье. В свою очередь, Акинфов обвинял «даурцев» в том, что они сами отказываются взять все необходимые снасти и «не радуют делу» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 249–251, 286–290).

Однако судовые снасти в полном объеме так и не были выданы. Частично их получили только на 40 дощаников. Даурские служилые люди писали, что получили: «по шти ног к дощанику худых пряден из отрепья чево ... преж сево не бывало ... а даетца ... в

Енисейском к дощаникам по осми ног а не по шти из добрыя пряжи, а не из отрепья, а шесма ... ногами на парусном погодые никакими мерами итти немочно и паруснова ... дере[ва] держа[ть] нечим, совсем тишиною сломит и ... казну и нас холопеи ... всех потопит и про то ... и на Москве ведают все торговые люди ... что бывають у дощаников ног по осми и по десяти, а не по шти а завозы ... давал покупая из редов самая худыя и короткия многих лет валявки, мимо твоих ... добрых снастей которые в ... енисейской казне. А короткими ... такими завозы на порогах и на шиверах никакими мерами поднятца немочно А добрых ... завозов, которые в тот отпуск готовлены, и якорей сполна не дал, а дал ... к тем твоим ... к сороку дощаником только десять якорешков каючных малых и такими ... малыми десятию якори всем сороку дощаником в тишину никакими мерами отстоятца немочно, а зделаны ... на всякой дощаник по якорю против прежних отпусков». При этом 10 дощаников вообще не получили никаких снастей. Все это дало повод даурскому полку обвинять Акинфова в том, что он хотел их «со всем в реках потопить». При этом дощаники енисейских служилых людей, посланных на оз. Байкал в Баргузинский острог с енисейским сыном боярским Евсеем Ортемьевым, Акинфов укомплектовал полностью, снабдив каждое судно якорем и нужным количеством ног. Кроме того, из 40 дощаников, которые Пашкову пришлось доукомплектовывать на свои средства, 4 дощаника пришлось отдать новому енисейскому воеводе М. Ртищеву. Проблема недостающих якорей частично была решена во время стоянки в Братском остроге зимой 1656/1657 гг. Пашков приказал взять из местной казны 60 сошников «и велел из них зделать пальцы и на садить на деревянные якори и взял с собою для тог(о), что ... в Енисейском остроге не дано на дощаники дватцать якорей а без якорей ... через Байкал ... итти не мочно» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 256–258, 298–301, 316).

Набор в полк новоприборных служилых людей. Пашков понимал, что для покорения Даурии необходимо гораздо больше людей, чем ему выделило правительство. По его расчетам, их должно было быть не менее 3000 ратников. Для того чтобы хоть как-то компенсировать нехватку служилых людей, он на свои средства приверстал 120 добровольцев в Енисейске. Новоприборных людей воз-

главил казачий пятидесятник Ивашко Лукьянов. Все они получили денежное и хлебное жалованье на 2 года из личных средств Пашкова (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63, 144а, 144б, 336).

Вторую партию новоприборных людей Пашков собрал в Братском остроге, поверстав в казачью службу 40 добровольцев из Братского и Илимского острогов. Они также получили денежное и хлебное жалованье на 2 года за счет даурского воеводы (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 144).

Таким образом, было набрано еще 160 чел., а общее число ратников Даурского полка увеличилось до 460 чел. Кроме того, следует учитывать, что с Пашковым были не менее 70 чел. дворовых людей, которые также могли принимать участие в боевых действиях (См. Приложение)⁶.

Основные события на пути Даурского полка к Братскому острогу. Из-за задержек, вызванных конфликтом с Акинфовым, Даурский полк смог выйти из Енисейска не ранее середины лета, но не позднее 18 июля 1656 г. В одной из отписок Пашков указал, что в этот день от него бежал толмач Тимофей Иванов с «Енисея реки» в Енисейск по подговору Акинфова, который увез Иванова в Москву как ценного свидетеля (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 348–349).

В 7163 г.⁷ Пашков заранее послал в Забайкалье енисейских детей боярских Василия Колесникова и Ивана Максимова. Они должны были поставить «острог на усть Хилка реки, где впала в Селенгу реку на мугальской стороне». Основной их задачей было устроить пашню, чтобы вырастить хлеб, необходимый для снабжения Даурского полка. Отряд повез «для пашенного заводу» 200 сошников для сох, 200 хомутов и 200 серпов, а также семена. Десятинную пашню предполагалось возделывать наемными охочими людьми и половниками, «чтоб ... служилым людем на великой реке Шилке и в Ыргенском

⁶ 160 новоприборных людей было также, по данным Леонтьевой и Александрова, тогда как А.Р. Артемьев, ссылаясь на данные В.И. Малышева, писал о том, что с Пашковым было 420 служилых людей и 200 охочих вольных людей. По свидетельству протопопа Аввакума, общее число людей, отправившихся в Даурию, видимо, включая работников, достигало 600 чел. (Александров, 1984. С. 32; Артемьев, 1999. С. 38; Леонтьева, 2012. С. 31; Аввакум, 2009. С. 46).

⁷ Сентябрь 1654 – август 1655 гг.

остроге давать ... хлебное жалованье бес присылки из Енисейского острога». По пути на оз. Байкал Колесников и Максимов остановились зимовать на реке Прорве. Енисейский воевода Акинфов, видимо, посчитал, что этот отряд, посланный Пашковым, нужно вернуть⁸. Он написал соответствующие наказные памяти и срочно послал гонцов с Любимкою Павловым нартами на подводах. Они должны были, пройдя через Илимский и Верхоленинский остроги, прибыть в Баргузинский острог и, найдя у Байкала место зимовки Колесникова и Максимова, забрать их в Енисейск. В это же время, на р. Прорву с наказной памятью от Акинфова приехал сын боярский Иван Галкин, который передал приказ детям боярским возвращаться в Енисейск «для государева дела», а служилым людям идти в Забайкалье самостоятельно (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 239, 267–274).

18 июля 1656 г. к Пашкову, который еще находился в Енисейске с р. Прорвы прибыл сын Василия Колесникова казачий атаман Иван Колесников. Он сообщил, что служилые люди, всего 53 чел., узнав о приказе Акинфова возвращаться в Енисейск, взбунтовались и, «ограбив запасы их и ружье и платье» убежали «в Дауры», бросив «пашенный завод». Колесникову пришлось оставить все оставшиеся грузы на р. Прорве под охраной 20-ти ратников (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 239, 267–274).

Весной 1656 г. «по первой полой воде» из Иргенского острога на р. Прорву самовольно вышел енисейский сын боярский Микифор Кольцов, бывший начальным человеком над острогами в Забайкалье с десятью служилыми людьми и двумя ссыльными крестьянами Порошкой Петуховым и Ларкой Дмитриевым. На р. Шилке и у озера Иргень остались всего 26 служилый людей, т. к. еще 20 чел. Кольцов прежде отпустил из Иргенского острога за взятки⁹ («посулы») и заемные кабалы (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 239, 267–274).

Пашков решил идти в Забайкалье через новый Братский острог, который он, будучи енисейским

воеводой, построил на устье реки Оки, впадающей в Ангару. Вероятно, на принятие этого решения повлияла возможность набрать здесь охотников (добровольцев) для службы в Даурии (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 237–238).

8 августа 1656 г. на р. Тунгуске¹⁰ Даурский полк встретил енисейских детей боярских Василия Колесникова, Ивана Максимова, Микифора Кольцова и 18 служилых людей. Вместе с пятидесятником казачим Олексеем Оленем¹¹ все они входили в состав отрядов, прежде направленных в Забайкалье Пашковым.¹² Колесников и Максимов сообщили даурскому воеводе об описанных выше событиях и предъявили наказные памяти Акинфова, сообщив, что: «не послушать ... ево Ивана Окинфова наказных паметей не смели для тово жены де их и дети и люди и кресяне живут в Енисейском остроге и что б де он Иван Окинфов их домишков за то не розорил». Пашков рассчитывал, что дойдя до Байкала, сможет забрать весь инвентарь, оставшийся на р. Прорве к себе в полк (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 271–273).

Пашков взял с собой в Даурию всех встреченных им служилых людей, чтобы было кому везти запасы, хранившиеся на р. Прорве: «для тово что ... и всяких ... пашенных заводов на Боикале озере на реке Прорве принять мне холопу вашему не у ково и ваши ... остроги на великую реку Шилку и на Иргень озеро весть со мною холопом вашим не кому». Однако вернуть их в Забайкалье не удалось. Вместе с Даурским полком в Братские остроги «на перемену» ехали енисейские казаки во главе с Федосейкою Поесницыным. Не доходя по р. Тунгуске до устья р. Илим, они «подговорили збежати» арестованных

¹⁰ Аввакум сообщает, что во время плавания по Тунгуске была буря, во время которой утонуло 2 чел., смытых водой с одного из дощаников (Аввакум, 2009. С. 47).

¹¹ Казачий пятидесятник Алексей (Олешка) Олень был начальным человеком острогов, построенных в Забайкалье на р. Шилке и оз. Иргень, следуя наказной памяти от Пашкова. Затем он передал свои полномочия енисейскому сыну боярскому Микифору Кольцову (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 277–278).

¹² Пашков считал, что казаки «которые взяли ... денежное и хлебное жалованье при мне холопе вашем в Енисейском остроге для ваши ... Шилской и Иргенского острога служб и для острожные поставки и не за служба ваша ... жалованья с ними детми боярскими вместе сплыли» обязаны были вернуться в Даурию, о чем он сообщил в своей отписке в Москву (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 272).

⁸ Пашков считал, что Акинфов таким образом хотел, «ненавидя мое службишка ... Шилской и Иргенского остроги запустошить» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 269, 273).

⁹ Можно предположить, что большая часть из этих 20 чел., прежде входили в число людей, оставленных П. Бекетовым в Иргенском остроге (Трухин, Багрин, 2023).

Пашковым людей, «и дав им суды ночью отпустили в Енисейской острог». Пятнадцати служилым людям во главе с Федкой Рятцыным удалось бежать, а трех беглецов, включая «ссылного безухова вора» Ивашку Турчанина схватили даурские служилые люди. Пойманных енисейцев били кнутом на козле. Кольцов был арестован по обвинению в незаконном приобретении соболей в Забайкалье и «за приставом» взят на р. Шилку (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63, 274–276).

15 сентября 1656 г. полк Пашкова достиг Долгого порога на р. Тунгуске, не доходя Братского острога. В это время Пашков выслал из полка в сибирские города трех служилых людей Фильку Помельцова, Микифорко Свешникова и Ивашку Тельного. Они симпатизировали ссылному протопопу Аввакуму, который «умысля воровски ... затеел ... учинить смуту писал своею рукою воровскую составную память глухую, безымянную буттось ... везде в начальных людех во всех чинех нет никакая правды. И иныя ... многия непристойныя свои воровския речи». Помельцов как «пущий вор и завогчик» был бит на козле кнутом «нещадно» и выслан в Томск. В места «воров» были прибраны и поверстаны в казачью службу охочие вольные люди (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 184, 186, 188–193).

В ходе продвижения к Байкалу Пашков не забывал и о государственной прибыли. В первую очередь он собирал десятинную пошлину с соболей и другой пушнины, которую добывали по пути служилые люди, в т. ч. из отряда Колесникова и Максимова. Последние передали «пятьдесят соболей беспупков да вынятых одинатцать пупков». Кроме того, «по извету» пятидесятника А. Оленя даурский воевода изъял 96 соболей у Кольцова, которые он незаконно поменял у тунгусов на р. Шилке и у оз. Иргень на казенные олово, сукна и медь (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 243).

Стоянка в Братском остроге. В Братском остроге Даурский полк остался на зимовку. Пашков писал в Москву, что построенный им Братский острог «от Илимского острогу поблиску а ездят ... из Брацково острогу в Ылимской острог всяких чинов люди летним и зимним путем верхами наскоро днем, а тихою ездою в два дни, а летом ... телегами а зимою санями от Брацково до Илимского острогу дороги не было, а водяным ... путем от Илимског(о) острогу вниз по Илимю и вверх по Ангаре реке до Брацково

острогу в дощаниках итти недель шесть и больши». Для того чтобы сократить время сообщения между острогами и иметь возможность быстрее доставлять грузы Пашков решил сделать дорогу. Он написал илимскому воеводе Петру Бунакову о своих планах и нашел у него поддержку. Не без гордости Пашков сообщал в Сибирский приказ: «меж ... Илимског(о) и Брацково острогов ... дорогу прямо через лес розсекли и розчистили наемными охочими пашенными кр(е)стьяны и гулящими людьми своими деньгами, я холоп ваш от Брацково острогу розчистил половину а Илимског(о) острогу воевода Петр Бунаков от Илимског(о) острогу к Брацкому острогу другую половину». Он обращал внимание на то, что эта дорога принесет государству большую прибыль, т. к. по ней будут двигаться торговые и другие люди для своих торгов и промыслов, пополняя таможенную казну обоих острогов (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 237–238, 317).

Пашков и его сын Еремей разместились в Братском остроге в хоромах, а ратники в зимовьях. Уезжая, даурский воевода распорядился использовать строительные материалы, из которых были сделаны зимовья, для возведения церкви Богородицы. Однако очередной приказчик Братского острога Иван Похабов распорядился построить из них новые просторные хоромы для себя, а также «избу и баню и поварни винные»¹³ (Окладников, 2013. С. 95).

Во время стоянки в Братском остроге экспедиция обзавелась артиллерией: двумя медными пушками. Одну из них Пашков, зная о том, что его отправляют в Даурию, послал из Енисейска впереди себя в Балаганский острог в 1655 г. Вторая была прежде прислана в Балаганский острог из Братского острога «на время», и она также поступила в распоряжение Даурского полка. Пашков обращал внимание на то, что в Якутске есть 6 пушек, которые можно относительно быстро перевести в Даурию. Он отмечал что, взамен для пополнения якутского арсенала можно послать из центра новые пушки без всякой спешки, т. к. «к Якутцкому ... острогу живут ... ясачные люди, а не мирных ... земель людей никаких нет». При этом перевозка пушек в даурские земли из других сибирских городов сопряжена с

¹³ Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 214–215.

очень большими трудностями. Пушки «медные» имели вес 12 и 28 пудов¹⁴ (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 315; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 182).

В это же время Пашков в своей отписке напомнил Сибирскому приказу о том, что его полк испытывает большую нехватку в огнестрельном оружии: нет запасных мушкетов, затинных пищалей, достаточного количества артиллерии, пороха и свинца. Она была получена в Москве 27 октября 1657 г. и имеет резолюцию: «Приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой писати в Тоболеск велел послати с Тобольска з Дмитрием Зиновьевым в Дауры сто пуд зелья ручног(о) восьмьдесят пуд а пушечнова дватцать пуд да сто пуд свинцу. А как в Даурех острог построитца и наряду на прибавку ручных пищалей изрядные всякие потребности по даурской отписке в тот даурской острог пошлют» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 313–316). В этой резолюции интересно упоминание Д. Зиновьева, бывшего прежде на Амуре для инспекции дел Е. Хабарова. В этот период в Москве предполагали «отставить» Пашкова от даурской службы, заменив его Зиновьевым. Но в 1658 г. ни он, ни оружие с боезапасом, в Даурию так и не прибыли (Бороздин, 1900; Приложения. С. 118).

Кроме пушки «медной» Пашков заранее послал в Балаганский острог «горячево Енисейсково вина сто дватцать ведр». Однако по прибытии оказалось, что 75 ведер из них израсходовано приказными людьми енисейскими детьми боярскими Максимом Перфирьевым и Микулаем Радунским. Оставшееся вино Пашков забрал в казну полка (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 314–315).

Во время зимовки в Братском остроге из даурского полка бежал березовский служилый человек Фалька Сидоров. Он унес с собой казенные пищаль, порох и свинец, а хлебные припасы роздал или продал. Пашков сообщил в об инциденте в Березов (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 340).

В 1656 г. из Братска в Даурию Афанасий Пашков взял с собой енисейского казака Г. Иванова «для

церковного строения». В Братске Иванов был главным строителем Братской острожной церкви, а до этого строил церкви в Енисейске «лет з десять и болши» (Андреева, 2021. С. 49; Леонтьева 2012, С. 168).

О разгроме русских отрядов в Забайкалье и Приамурье. 10 мая 1657 г. в Братский острог пришла отписка енисейского десятника Калинки Полтнина, руководившего острогом на р. Шилке¹⁵. Полтнин сообщал, что енисейский сын боярский Микифор Кольцов оставил его руководить Шилским острогом «без хлеба» и уехал с частью служилых людей 30 марта 1656 г. (См. выше о встрече Кольцова и Даурского полка).

Отписку Калинка составил 18 декабря 1656 г. Он писал, что 14 сентября 1656 г. к острогу приплыли «с Ынгоды реки беглыя воровския енисейския казаки» из отряда В. Колесникова. «Воровской отряд» состоял из 53 чел. во главе с Филькой Полтаем. Они сутки простояли у Шилского острога, намереваясь забрать с собой бывших в нем людей и казенные припасы. Казаки сумели уговорить бунтарей не делать этого: «от них де воров ... отплакались слезами». Тем не менее трое человек из гарнизона крепости ушли с Полтаем: казачий десятник Офоньку Казымин, служилый человек Володька Ши-

¹⁵ Несмотря на то, что острог, в котором находились казаки Калинки Полтнина, назывался Шилским, как и первый острог, поставленный казаками Петра Бекетова в устье р. Нерча, отождествлять два эти оборонительных сооружения нецелесообразно. В отписке К. Полтнина неоднократно подчеркивалось, что из Иргенского острога доплыть до Шилского острога, и вернуться из него назад, можно двигаясь по реке Ингода, а не по р. Шилка. Также К. Полтнин подчеркивал, что для того, чтобы попасть из Шилского острога к устью р. Нерча, надо плыть вниз по р. Шилка. Из чего можно сделать вывод, что р. Нерча, хоть и находилась относительно недалеко от Шилского острога, но все же это было обособленное место (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 342, 343). Причиной такого расположения Шилского острога К. Полтнина могло послужить отсутствие в устье р. Нерча пригодного для строительства острога леса. На это в своей работе указал и Г.Ф. Миллер, описывая Городищенскую слободу. Кроме того, он обратил внимание и на самоназвание слободы, связав его с местом расположения одного из острожков, поставленных Енисейским казаками до постройки Нерчинского острога (Элерт, 1990. С. 184–185). Поэтому вполне вероятно, что острожек К. Полтнина был поставлен в устье р. Ингода, в то время как М. Уразов поставил свой острог ниже устья р. Нерча.

¹⁴ Авторы благодарят к.и.н. П.Н. Бараховича за документ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 177–182 (Доклад о походе А. Пашкова в Даурию), позволивший уточнить информацию об артиллерии, находившейся в Даурском полку, а также ряд других вопросов. См. также: Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды) : дис... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 159–160.

тиков и казачий наемщик Ивашко Осипов Коваль. Кроме того, к «ворам» присоединился толмач Игнашка Бородин из Иргенского острога. В Шилкском остроге люди Полетая забрали барабан, три пики и новый струг шитик. Пашков дополнял, что по сведениям, присланным ему илимским воеводой Бунаковым, «тех ... изменников енисейских служилых людей в Доурской земле недопустя до моря гиляцкие мужики всех побили» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 337–338, 342).

Полтинин сообщал о том, что отряд Полетая, проходя по р. Ингоде к Шилке, разогнал ясачных людей, которые ушли «в даль» к вершинам «сторонних» рек. Полтинин успел через толмача Гришку предупредить ясачных людей, живших вниз по Шилке до устья Нерчи. Однако ниже ее на устье р. Куенги «воры» разгромили ясачных Нелюдских Гантимуровых людей, забрав у них скот и ясырь. После погрома в острог приехал нелюдский ясачный мужик Шеужин и не велел выходить из крепости пока он не подаст весть. Через 10 дней после его приезда 4 октября 1656 г. ночью неизвестные отогнали «с лугу» «от стада» от Шилкского острога 2 государевых и 2 казачьих лошадей. Затем все тунгусы откочевали от Шилкского острога и «в иноземцах стала смута большая и задор»¹⁶. Получение ясака на

¹⁶ До этого инцидента у служилых людей также были напряженные отношения с ясачными людьми. Полтинин жаловался, что 16 августа 1656 г. неизвестные угнали 4 государевых и 2 казачьи лошади. Когда выяснилось, что «отгонил Баргуцково князя Дааки да Руги брат ево родной» к нему в улус поехал казачий десятник Афонька Казымин с казаками. При себе у них были 6 вершков красного сукна в награду Дааки за поиск лошадей. Однако оказалось, что Дааки уехал к «Мунгальскому царю», а его жена забрала «сильно» все сукно, отдав взамен только одну лошадь. Остальных обещали прислать позже, однако этого не произошло. Баргуты и тунгусы запретили казакам приезжать в свои улусы и не платили, так же как и обещавшие платить по 2 соболя «люникелские, и баликагирские, и челкагирские». Гантимур князец нелюдов был наиболее лояльным. Полтинин писал: «И июня ... в 13 де(нь) я Калинин ... посылал служилых людей десятника казачья Ивана Болотова с товарищи к нему Гантимуру князю для ... ясачново соболиново збору и он Гантимур дал с себя и своих улусных людей ... ясаку дватцать три соболя а з достальных людей нелюцких он Гантимур сулил ... ясак хотел дать в н(ы)нешнем во 165 м году». Кроме того, Гантимур со своими улусными людьми прикочевал ближе к Шилкскому острогу на р. Нерчу (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 342).

7165 г. (1656/1657) стало под вопросом (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 337–338, 342).

10 октября 1656 г. изменили ясачные люди на оз. Иргень «шунниские и челкагирские Зярма да Зягара шаман с товарищи». Они сожгли Иргенский острог, перебив его гарнизон. Убили 7 человек: «Никиту Саратовского, Максима Филипова Кривошапкина, Стефана Иванова Патруша, да Семена Никитина Бакшиева, Дмитрея Кондратьева Стешина, да казачьих наемщиков Поздея Засорина, Василья Иванова Полтинина». Двое раненых Петрушка Офонасьев Новгородец и казачий наемщик Микитка Ситник бежали в Шилкский острог на плоту по Ингоде, «приплыли голодны и холодны октября в 23 де(нь)». Все запасы, порох и свинец, находившиеся в крепости, достались «изменникам». Шилкский острог также был осажден (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 338–339, 342–343).

С отпиской к Пашкову о произошедших событиях из Шилкского острога были тайно ночью отправлены 7 чел.: «енисейские десятник казачей Иван Болотов, Василей Микляев, Мирон Григорьев, Игнатей Соколов, Манылко Терентьев Болотов» и «Иргенского острогу остальцы Петрушка Афонасьев Новгородец да казачей наемщик Микигга Ситник». Шилкские служилые люди получили для похода по 2 фунта пороха и свинца, оставив записи о получении боеприпасов. Вышедшим из Иргенского острога выдали по 3 фунта пороха и 2 фунта свинца. Кроме того, Афонасьев получил казенный мушкет с условием сдать его в Енисейске. С Полтининим осталось всего 5 чел., в т. ч.: толмач Гришка Онтонов, Гришка Федоров Ус, Петрушка и Оска Харитоновы, Микитка Трофимов. Полтинин просил как можно быстрее прислать в Шилский острог помощь – людей и хлеб. В отписке он писал, что они находятся в осаде, питаясь «сосною и травкою и кореньем», помирая с голоду и могут протянуть только до весны. В случае если к этому времени помощь не придет, он собирался покинуть острог: «И как ... лед скроетца и мы ... из острогу взяв ... казну и в стругу пойдём в верх по Ингоде реке днем и ночью с великим береженьем до Иргенского волоку ... и дошед до волоку тое ... казны поднять не на чем за волок и носить голодным немощно и мы ... порох и свинец и медь и олово спрятав в яму и за волок попадать станем как мощно» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343).

Через 10 дней 20 мая 1657 г. Пашков получил очередные тревожные новости от илимского воеводы¹⁷. 14 мая 1657 г. илимский сотник Я. Анцыферов из зимовья на Олекме сообщил в Илимск о гибели в Приамурье нескольких русских отрядов. От голода умерли 44 и 73 казаков, вышедших с Амура к Тугирскому острогу с государственной соболиной казной¹⁸. 330 беглых илимских и верхоленских людей из отряда Михаила Сорокина, «все на Амуре реке побиты не ведома где в поле, а которые де были оставлены у коша и у лодей и те де з голоду друг друга ели да все померли нету де ни единого ч(е)л(о)в(е)ка живово». Еще 40 служилых людей, плывших с верховьев Шилки, были перебиты дючерами. И наконец, еще 30 чел. погибли от рук иноземцев пытаясь перейти из Ламы (Охотского моря) в Амур. По данным Анцыферова, полученным, скорее всего от Пущина, на Амуре оставалась 470 чел. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 238–240, 243–244).

В своих отписках Пашков обращал особое внимание правительства на наказание служилых людей, самовольно оставивших службу. Так, об ушедших в Приамурье енисейского сына боярского Петра Бекетова и 70 служилых людей его отряда¹⁹, воевода писал: «и которые ... изменники сами впредь объявлятца в ... сибирских городех на Лене в Якутском и в Ылимском и в Ени сейском и в Брацком острогах и в ыных ... сибирских городех и тех ... изменников Енисейсково сына боярсково Петрушку Бекетова с товарищи не укажете казнить смертью и та ... новая Даурская земля вперед не будет вам ... прочна и стоятельна». Семьи же их и имущество, что «остались в сибирских городех жены их и дети де-

ревни и животы и тех их изменничьих животов взять на себя ... и жен их и детей в тюрьмы пометать» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 240–241).

Важным в поступивших новостях было и то, что «с Амиуру де и Щингалу рек даурских и жучарских людей богдой свел к себе в поле, а по Амуру де и по Шингалу подле реки хлебные пахоты нигде нет». Это подтверждало, что на р. Амур по-прежнему невозможно получить хлебные припасы для большого числа людей (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 243).

Проблема обеспечения Даурского полка хлебными припасами и «измена» служилых людей Сеньки Белоуса. 24 мая 1656 г. илимский воевода Богдан Оладыин отправил для размещения у Даурского (Тугирского) волока 1000 чети ржаной муки (весом 4587 пудов 20 гривенков), и по 500 чети круп и толокна. Запасы на судах должны были переместить с Ленского волока с устья реки Муки по рекам Лена и Олекма к Тугиру и разместить их в крепких «плотных амбарах». Оладыин отрядил для этой экспедиции 30 чел. «старых» илимских и верхоленских служилых людей и 32 чел. «вновь прибравных» из гулящих людей в «убылые» казачьи места. Всего 62 чел. Руководили ими стрелецкий сотник Яков Анцыферов (Онцыферов) и «в товарищах» с ним пятидесятник Иван Павлов. Для обороны Тугирского острога из казны были выданы 10 пищалей «больших», пуд пороха и пуд свинца. Хлебные запасы и люди перевозились на 11 новых дощаниках. Оладыин отметил, что, снаряжая суда, он «варовые снасти завоз(ы) и подчалы и бичевы и дроги и ноги и всякие судовые запасы и парусы добрые дал же с верховой водяной ход сполна» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 223–228, 233–234, Красноштанов, 2008. С. 551–552).

После прибытия на Тугирь партия должна была разделиться. Одна ее часть возвращалась домой тем же «летом», забрав все дощаники, а другая под руководством сотника оставалась на годовую службу до прибытия на волок полка Пашкова. Жалованье служилым людям выделили из илимских денежных доходов. Полностью расходы они не покрыли и Оладыин занял еще 300 руб. у «гостиной сотни» Мелентья Крестьянинова. Годовальщики получили оклады за 1655/1656 и 1656/1657 гг., а те, кто возвращался домой – жалованье за текущий год и половину за службу в следующем (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 223–230).

¹⁷ Отписку принес илимский служилый человек Сенька Безпалой (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 242 об. – 243 об.).

¹⁸ Приказным человеком у казны был енисейский служилый человек Михаил Кашинец, руководил отрядом якутский сын боярский Федор Пущин. О голоде, постигшем отряд амурских служилых людей в отписке написано: «Амурских служилых людей де идучи через Даурской волок и по Тугиру померло голодною смертью сорок четьре ч(е)л(о)в(е)ка да из них же де из умерших служилые люди идучи души свои сквернили ч(е)л(о)вечину ели а иные де служилые люди живые всякую скверность бобровые и выдряные и соболи и нерпечи кожи ели и всякую скверность» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 243).

¹⁹ Подробнее о причинах ухода отряда П. Бекетова из Забайкалья в статьях Е.В. Вершинина, В.И. Трухина, Е.А. Багина (Вершинин, 2003; Зуев, 2013; Трухин, Багрин, 2023).

9 июля 1656 г. сотник Анцыферов сообщил Оладьину, что илимский пятидесятник казак Сенька Белоус «своей дуростью» на усть р. Куты оставили 249 пуд. 30 гривенок ржаной муки²⁰. Затем проплыв более 500 верст вниз по р. Лене оставили на Чечуйском волоке еще 2 дощеника с хлебом. В этом месте суда должны были «проводить вверх по воде», по 6 чел. на судно, к которым в помощь Анцыферов нанял еще по 1 чел. «работных бродящих людей». Однако Белоус с казаками отпустили этих «податочных» людей, не воспользовавшись их услугами, и ушли к Даурскому волоку на 9 дощаниках. В Москву эти сведения поступили только 5 февраля 1657 г. вместе с илимским атаманом Микифором Качиным (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 225–227, 234).

8 сентября 1656 г. Белоус вместе с другим пятидесятником Ивашкой Павловым и 40 казаками (т. е. 2/3 участников экспедиции) кинули большую часть перевозимых ими припасов и, взяв 600 пуд. ржаной муки в 120 мехах, а также, все возможное оружие и боеприпасы, пошли в Даурию. Произошло это на р. Олекма «за камнем, выше Розлазные реки» за 1 день маршрута до р. Нюкзи. Из-за осеннего времени им пришлось зимовать на р. Олекма, не доходя до Тугирского острога. В этот период они занимались грабежом промышленных и торговых людей, отнимая у них оружие, снаряжение и продовольственные припасы. На Олекме же расположился на зиму и сотник Анцыферов с верными ему людьми. Воспользовавшись этим обстоятельством, 8 января 1657 г. якутский сын боярский Курбат Иванов²¹, присоединив к своему отряду торговых и промышленных людей (всего 38 чел.), решил напасть на зимовье илимских беглецов. В это же время он написал в зимовье Анцыферова, попросив помощи людьми. Отряд Иванова атаковал зимовье беглых людей 13 января 1657 г., схватив в нем 18 чел. Последние отстреливались, ранив двух человек. Спустя несколько дней, 17 января 1657 г. подошли казаки Анцыферова 11 чел. во главе с Данилкой Березовским. С ними были якутский сын боярский Федор Пуцин с 5 даурскими казаками, вернувшимися с

Амура.²² Вместе они переловили оставшихся «воров» по зимовьям. Из них 16 чел. забрал с собой Анцыферов. Белоуса и Павлова отвезли в зимовье Иванова, а оставшихся «раздали за приставы»²³ остальным участникам похода. Отбитые оружие и снаряжение, а также, хлебные запасы не были отданы илимским служилым людям. По решению Иванова и Пуцина, их распределили «без меру и без весу» между якутскими и даурскими служилыми людьми, чтобы «им впредь повадно было ходить за такими ворами». Узнавший об инциденте илимский воевода, известил о нем якутского воеводу и Пашкова (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 245–246; Красноштанов, 2008. С. 551–553).

В августе 1657 г. правительство²⁴ приказало узнать у Пашкова нужны ли ему запасы, размещенные в Тугирском остроге, и есть ли у него возможность их перевести в Даурию²⁵. При положительном ответе илимцы должны были оставаться на Даурском волоке, оберегая хлеб, чтобы он «не погнил не слежался». В противном случае муку, крупы и толокно следовало перевести в Якутск в распоряжение воеводы Михаила Лодыженского и дьяка Федора Тонково и использовать для раздачи жалованья служилым людям и на всякие другие «розходы». К этому времени Илимский острог возглавил стряпчий и воевода Петр Бунаков. Ему предписывалось больше не отправлять в Тугирский острог никаких запасов, не получив от Пашкова сведения об их необходимости. Предполагалось, что если Пашков сообщит о том, что он не будет забирать тугирский хлеб, нужно было немедленно сообщить об этом в Якутск. Кроме того, илимские

²² Ф. Пуцин и П. Бекетов вместе с даурскими служилыми людьми вышли с Амура по Тугирскому волоку. Часть его отряда 44 чел. из 73 чел. умерла с голоду в пути. В остроге хлебных запасов не оказалось т. к. отряд Анцыферова остался зимовать на р. Олекма, не дойдя до Тугири. Пуцин нашел зимовье Анцыферова и просил его дать хлеб, но Анцыферов, имея приказ хранить хлеб до прихода Пашкова, отказал ему в этой просьбе (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 242–243; Красноштанов, 2008. С. 550–554; Багрин, 2021; Трухин, Багрин, 2023).

²³ Т.е. оставили под присмотром (охраной).

²⁴ В начале 1657 г. (не позднее 5 февраля) в Сибирском приказе действия Пашкова курировали князь Алексей Никитич Трубецкой и дьяки Григорий Протопопов и Федор Иванов (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 227).

²⁵ В адрес Пашкова и илимского воеводы Бунакова грамоты с этими вопросами были написана 21 августа 1657 г.

²⁰ Расследование по этому делу было приказано начать гораздо позднее самих событий – 21 августа 1657 г. (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 232).

²¹ К. Иванов и якутские служилые люди, занимались сбором ясака в зимовье на р. Нюкше (приток р. Олекмы).

служилые люди должны были помочь якутским в транспортировке запасов. Наоборот, если Пашков наладит доставку хлеба из Тугирского острога в Даурию, Бунаков должен был бы посылать ему по запросу хлебные припасы из числа тобольской присылки и собственной пашни (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 225–232, 235–236).

Таким образом, к концу лета Сибирский приказ имел только один маршрут снабжения Пашкова в Даурии – из Илимска через Тугирский (Даурский) волок. При этом чиновники не знали насколько этот способ реалистичен, целиком полагаясь на возможности даурского воеводы. Альтернативного варианта снабжения служилых людей в Забайкалье и Приамурье к этому моменту не было.

Кроме того, правительство надеялось на то, что хлеб и вовсе не придется посылать, т. к. Пашков сможет завести в Даурии десятинную пашню, «чтоб давать ... жалованье даурским служилым людям без присылки из Сибирских городов». Однако семян в Енисейске он не получил. В октябре 1656 г. Пашков узнал от Оладына, что на Тугирь еще не отправлены 225 четвертей 1,5 осмины ржаной муки из запасов, отведенных для его полка. Находясь в Братском остроге, Пашков попросил у нового енисейского воеводы Петра Бунакова, чтобы тот «вместо ... недовозных даурских запасов ... прислал ко мне холопу вашему в Брацкой острог на завод на ... десятинную пашню на семена в новую ... Даурскую землю ржи илимские пахоты», а муку отправил на жалованье служилым людям в Якутск. Зимой илимский воевода на санях с казачьим пятидесятником Федотком Бораном и пашенными крестьянами привез на семена 141 четверть 1,5 осмины ржи, достаточных для посева на 100 десятинах. Кроме того, Пашков купил в Илимском остроге «всяких яровых семян на пятьдесят десятин собою и перевез в Братской острог наемными охочими и своево полку служилыми людьми на санях и на нартах», а также «занял» из казны Брацкого острога «на запасенку тритцать четвертей ячмени четверопудных». Все этот семенной ржаной и яровой хлеб Пашков повез в Даурию (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 237–239).

В период, предшествующий получению урожая с пашни у даурских острогов, Пашков просил Сибирский приказ отправить ранней весной 1657 г. на легких стругах из Енисейска 50 служилых людей

с хлебным жалованьем на 7166 и 7167 гг.²⁶ Запасы он предлагал взять в Балаганском и Братском острогах, где, будучи енисейским воеводой, Пашков разместил на пашне 120 крестьянских семей. Здесь же следовало приготовить суда и судовые снасти. По замыслу даурского воеводы, енисейцы должны были успеть дойти до Братска и Балаганска к середине лета, а затем, в течение этого же лета, – до Иргенского острога. Этот маршрут мог быть реальной альтернативой идее снабжения Даурии через Илимский острог и Тугирский волок (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 278–279).

Кроме того, чтобы сделать эту схему более эффективной, Пашков предлагал установить в Братске и Балаганске воеводское управление, присоединив к ним и Баргузинский острог. Эти удаленные от Енисейска остроги находились под руководством енисейских детей боярских, основной задачей которых был сбор ясака. Снабжение их жалованьем и транспортом до места службы наносило енисейской казне большие убытки. В то же время, они не имели средств для ссуд и другой материальной помощи братским и балаганским крестьянам. Более того Пашков предлагал перевести всех енисейских служилых людей в эти остроги, оставив в Енисейске только 50 чел.: «и Енисейския ... служилые люди учнут служить ... ближняя около городныя службы, а дальних ... служеб им не будет». Свои идеи о реорганизации Пашков посылал в Москву еще в 7163 г. (1654/1655) и продублировал их уже во время Даурского похода. Он отмечал, что из Братского и Балаганского острогов можно дойти до Иргенского острога и вернуться назад одним летом. До Баргузинского же из них идти 3 недели и меньше, тогда как из Енисейска отряды сюда идут с весны и лета и не всегда успевают дойти до морозов, вынужденно зимую по пути (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 279–280).

Таким образом, можно отметить, что А. Пашков, в период предшествовавший его появлению в Забайкалье, несмотря на многочисленные трудности, проявил себя как успешный административный деятель, потенциал которого позволял рассчитывать на успех в деле присоединения Даурии к России.

²⁶ Сентябрь 1657/ август 1658, сентябрь 1658/ август 1659.

Приложение

Именные списки служилых людей Енисейского острога, новоприборных служилых людей, даурских служилых людей и служилых людей прежней даурской службы, участвовавших в походе в Даурию

1. Енисейские служилые люди, казахи наемщики и пашенные крестьяне из отряда сына боярского Василья Колесникова

Дети боярские

Колесников Василий²⁷

Кольцов Микифор²⁸

Максимов Иван²⁹

Пятидесятники

Олень Олешка³⁰

Поключенок Онтонко³¹

Десятники

Болотов Иван³²

Казымин Афонька³³

Полтинин Калинка Иванов³⁴

Сербенев Микитка³⁵

Служилые люди

Бакшиев Семен Никитин³⁶

Болотов Маньлко Терентьев³⁷

Григорьев Мирон³⁸

Иванов Кузка³⁹

Кривошапкин Максим Филипов⁴⁰

Микляев Василий⁴¹

Никитин Ивашко⁴²

Никитин Логинко⁴³

Новгородец Петрушка Афонасьев⁴⁴

Парфенов Обрашко⁴⁵

Патруш Стефан Иванов⁴⁶

Полетай Филька⁴⁷

Саратовский Никита⁴⁸

Соколов Игнатей⁴⁹

Шешин Дмитрий Кондратьев⁵⁰

Трофимов Микитка⁵¹

Турчанин Ивашка⁵²

Ус Гришка Федоров⁵³

Филипов Кузка⁵⁴

Харитонов Оска⁵⁵

Харитонов Петрушка⁵⁶

Шитиков Володька⁵⁷

Толмачи

Бородин Ягнушка (Игнашка)⁵⁸

Онтонов Гришка⁵⁹

Казахи наемщики

Засорин Поздей⁶⁰

Коваль Ивашка Осипов⁶¹

Полтинин Василий Иванов⁶²

Ситник Микитка⁶³

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63, 185, 200, 239–240, 267–278, 337, Дополнения к актам историческим (ДАИ), 1851. Т. 4. Спб. С. 262.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 200, 268, 271, 274, 277–278, 341.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 200, 267–273, 276, 278.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 200, 273, 277.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63.

³² РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 341 об, 342, 343.

³³ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 341, 342.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 337, 338, 341, 342.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 335.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

³⁹ Прежней даурской службы служилый человек (ДАИ, Т. 4. С. 261–262).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁴² Прежней даурской службы служилый человек (ДАИ, 1851. Т. 4. С. 261–262).

⁴³ Прежней даурской службы служилый человек (ДАИ, 1851. Т. 4. С. 261–262).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 338, 343, 344.

⁴⁵ Прежней даурской службы служилый человек (ДАИ, 1851. Т. 4. С. 261–262).

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63, 185, 337, 338, 342, (ДАИ, 1851. Т. 4. С. 261–262).

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 344.

⁵² РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 276.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 344.

⁵⁴ Прежней даурской службы служилый человек (ДАИ, 1851. Т. 4. С. 261–262).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 344.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 344.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 337, 342.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 338, 342.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 344.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 337, 342.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

⁶³ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 343.

Ссылные пашенные крестьяне

Петухов Порошка⁶⁴
Дмитреева Ларка⁶⁵

2. Новоприборные служилые люди, поверстанные для участия в даурском походе А.Ф. Пашковым

Пятидесятник

Лукьянов Ивашко⁶⁶

Служилые люди

Дорофиев Ивашко⁶⁷

Кошельков Пашко Терентьев сын⁶⁸

Ларионов Дмитрейко Иванов⁶⁹

Стефанов Прохорко⁷⁰

Таратин Ивашко Созонтов⁷¹

Яковлев Якимко⁷²

3. Даурские служилые люди⁷³

Пятидесятники

Иванов Евтифейко⁷⁴

Потапов Ондрюшка⁷⁵

Фомин Вавилко⁷⁶

Служилые люди

Голубцов Петрушка⁷⁷

Григорьев Ивашко⁷⁸

Казанец Ывашко⁷⁹

Колмак Мишка⁸⁰

Михайлов Ярафейко⁸¹

Титов Зотька⁸²

Южак Ивашко Иванов⁸³

Толмач

Колча Ондрюшка⁸⁴

4. Прежней даурской службы служилые люди

Пятидесятник

Васильев Ондрюшка⁸⁵

Служилые люди

Булуй Левка Ярофеев⁸⁶

Ивашка Иванов⁸⁷

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 268

⁶⁵ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 268.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 192 об.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 65 об., 191 об.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 192 об.

⁷⁰ В «Челобитной даурских служилых людей о присылке денежного и хлебного жалованья и перемене их на Даурской службе» он подписался как новоприборный служилый человек, а в «Челобитной даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума» оставил рукоприкладство как служилый человек Березова города (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 62–67, 188–193).

⁷¹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 64 об., 191 об.

⁷² РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 69.

⁷³ К этой категории отнесены служилые люди, принадлежность которых к какой-либо корпорации установить не удалось. Они могут относиться как к служилым людям

Енисейского острога, так и к новоприборным людям, поверстанным для участия в даурском походе А.Ф. Пашковым.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 324.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 69, 318, 333; ДАИ, 1851. Т. 4. С. 260–261.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 333.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 66 об.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 249.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 249.

⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 68 об.

⁸² РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 64 об.

⁸³ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 191 об.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319, 329.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 63; ДАИ, 1851. Т. 4. С. 261.

⁸⁶ ДАИ, 1841. Т. 4. С. 261.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 508. Л. 319.

Список источников

Аввакум (Петров). Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Чита : Экспресс-издательство, 2009. 144 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Андреева Л.В. К вопросу о проекте реконструкции иконостаса Братско-острожной церкви XVII века // Музеи в культурном пространстве молодых промышленных городов : материалы II научно-практической конференции. Братск, 05–06 апреля 2021 г. Братск : Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары. С. 49–52.

References

Avvakum (Petrov). (2009) Life of Archpriest Avvakum, written by him. Chita: Ekspress izdatel'stvo. 144 p. (In Russ.).

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Andreeva L.V. (2021) On the issue of the reconstruction project of the iconostasis of the Bratsko-Ostrozhnaya Church of the 17th century. *Muzei v kul'turnom prostranstve molodykh industrial'nykh gorodov. Materialy II nauchno-prakticheskoi konferentsii. Bratsk, 05-06 aprelya 2021 g.* = *Museums in the cultural space of young industrial cities. Proceedings of the II scientific and practical conference. Bratsk, April 05-06, 2021.* Bratsk: Bratskii gorodskoi ob"edinennyi

Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб. : Военная типография, 1887. 249 с.

Артемов А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Дальнаука, 1999. 336 с.

Багрин Е.А. Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4 (41). С. 103–118.

Багрин Е.А., Трухин В.И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 91–114.

Бороздин А.К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд. СПб. : А.С. Суворин, 1900. 518 с.

Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита : Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. 232 с.

Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.

Зуев А.С. Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. : сб. науч. статей. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 134–152.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. 540 с.

Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование. Хабаровск : Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии. 2008. 752 с.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М. : Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2012. 321 с.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. 390 с.

Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.

Трухин В.И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 150–161.

Трухин В.И., Багрин Е.А., Походу Петра Бекетова в Забайкалье 370 лет: новые штрихи к известным событиям // Ученые записки Крымского федерального университета

музеи истории освоения Ангары. Р. 49–52. (In Russ.).

Andrievich V. K. (1887) Brief essay on the history of Transbaikalia from ancient times to 1762. St. Petersburg. 249 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalia and Amur region in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2021) O. Stepanov's regiment: composition and number of Amur army in 1653-1658. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 103-118. (In Russ.).

Bagrin E.A., Trukhin V.I. (2023) Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 91-114. (In Russ.).

Borozdin A.K. (1900) Protopop Avvakum: Essay from the history of the mental life of Russian society in the 17th century. St. Petersburg. 518 p. (In Russ.).

Vasil'ev A.P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Chita: Publishing House of the Military Economic Board of the Transbaikal Cossack Army. Vol. 1. 232 p. (In Russ.).

Vershinin E.V. (2003) Explorer Petr Ivanovich Beketov. *Otechestvennaya istoriya = National History*. No. 5. P. 35-49. (In Russ.).

Zuev A.S. (2013) Gantimur and Russian explorers: from the history of Russian-Tungus relations in Transbaikalia in the middle of the 17th century. *Sibir' v imperii - imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVIII - nachale XX v. sb. nauch. Statei = Siberia in the empire - an empire in Siberia: imperial processes on the outskirts of Russia in the 18th - early 20th century. Collection of scientific articles*. Irkutsk: Ottisk. P. 134-152. (In Russ.).

(1968) History of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 2. Siberia as part of feudal Russia. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 538 p. (In Russ.).

Krasnoshtanov G.B. (2008) Yerofey Pavlovich Khabarov: Documentary narration. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo; izd-vo "RIOTIP" kraevoi tipografii. 752 p. (In Russ.).

Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII - first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University. 321 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (2013) Essays from the history of the Western Buryat-Mongols (XVII-XVIII centuries). Ulan-Ude: Bureat State University. 390 p. (In Russ.).

Slovstov P.A. (2006) History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche. 512 p. (In Russ.).

Trukhin V.I. (2020) Administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian state in the 17th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 150-161. (In Russ.).

Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2023) 370 years of Peter Beketov's campaign in Transbaikalia: new details to known events. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta*

имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 118–151.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на Немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской Академии наук и Профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Еберггардом Фишером. СПб. : При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 247 с.

Информация об авторах

Багрин Егор Андреевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы, Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Трухин Владимир Ильич,

научный консультант, Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск», 105082, г. Москва, пер. Рубцов, 13, Россия, e-mail: tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 апреля 2023 г.; одобрена после рецензирования 30 мая 2023 г.; принята к публикации 5 июня 2023 г.

imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science. Vol. 9. No. 1. P. 118-151. (In Russ.).

Fischer I.E. (1774) Siberian History from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons, composed in German and read in the Academic Collection by a member of the St. Petersburg Academy of Sciences and Professor of Antiquities and History, as well as a member of the historical Göttingen Collection Johann Eberggard Fischer. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk. 631 p. (In Russ.).

Elert A.X. (1990) G.F. Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. 247 p. (In Russ.).

Information about the authors

Egor A. Bagrin,

Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department, Boris Yeltsin Presidential Library, 3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Vladimir I. Trukhin,

scientific consultant, The Petropavlovsk Foundation for Socially-Oriented Projects and Programmes Support, 13, Rubtsov Lane, Moscow 105082, Russia, e-mail: tru_vi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 26, 2023; approved after reviewing May 30, 2023; accepted for publication June 5, 2023.

Научная статья
УДК 94(570)
EDN: ICBQKS
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-119-127>

Музеи Енисейской губернии начала XX века: по воспоминаниям британского путешественника М.Ф. Прайса

С.В. Бершадская

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация. Предлагаемые вниманию читателей воспоминания британского предпринимателя, журналиста и политического деятеля Моргана Филиппса Прайса, посетившего Сибирь в 1910 г., представляют собой редкое свидетельство впечатлений иностранного путешественника от пребывания в «малоизвестной и активно развивающейся стране». Автор провёл на территории Сибири почти год, который произвел на него настолько неизгладимое впечатление, что по возвращению на родину путешественник написал и опубликовал книгу воспоминаний, которую он так и озаглавил – «Сибирь». Книга не издавалась в России, не была переведена на русский язык. Ценность данного источника состоит в том, что, с одной стороны, в нем содержится достаточно объективное описание социокультурной реальности удаленной от центра провинциальной территории, с другой, позволяет взглянуть на нее глазами представителя иного культурного кода. В статье предпринята попытка сравнения стереотипов представителя англоязычной цивилизации о Сибири и сибиряках, бытовавших в начале XX в., с отмеченными исследователями начала XXI в. Описанные в воспоминаниях картины провинциальной жизни, характеристики встреченных во время путешествия представителей местного населения, подробно переданные на страницах воспоминаний разговоры с ними британского путешественника позволяют верифицировать сложившиеся в историографии представления о ценностных ориентирах и настроениях сибирского социума. Несомненный интерес представляют уникальные свидетельства мемуариста о культурных трансформациях, развитии идей просвещения на территории сибирского региона, посещении провинциальных музеев – Красноярского городского музея, расположенного в административном центре губернии, и Минусинского музея, старейшего музея Енисейской губернии, их организации, управлении, финансировании и отношении жителей к вопросам образования и просвещения в целом. Данные воспоминания не использовались ранее историками и впервые вводятся в научный оборот. Перспективой исследования является продолжение изучения особенностей повседневной жизни провинциального населения, формирования публичного культурного пространства в начале XX в.

Ключевые слова: провинциальные музеи, Енисейская губерния, начало XX в., Морган Ф. Прайс, источники личного происхождения, воспоминания, Красноярский городской музей, Минусинский музей, научная интеллигенция

Для цитирования: Бершадская С.В. Музеи Енисейской губернии начала XX века: по воспоминаниям британского путешественника М.Ф. Прайса // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 119–127. EDN: ICBQKS. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-119-127>.

History

Original article

Museums of the Yenisei Governorate of the early XX century: according to the memoirs of the British traveler M.F. Price

Svetlana V. Bershadskaya

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The trip to Siberia by Morgan Philips Price, which he undertook in 1910, resulted in his travel accounts “Siberia” published in London in 1912. In his memoirs, M.F. Price tells about his almost a yearlong living in the midst of Siberian society. Unpublished in Russia and never translated in Russian, the work provides some fresh insight into social and economic situation of the

provincial territory. The paper seeks to compare the stereotypes of the representative of the English-speaking country about Siberia and Siberians, which prevailed at the beginning of the 20th century, with those outlined by the English-speaking researchers of the early 21st century. Meetings with the local people meticulously reproduced by Mr. Price allow verifying the ideas that have developed in historiography about the values and moods of Siberian society. The paper focuses primarily on Mr. Price's accounts on cultural transformations of Siberia, development of the ideas about education, visits to provincial museums – the Krasnoyarsk City Museum, located in the administrative center of the province, and the Minusinsk Museum, the oldest museum of the Yenisei province. Particular attention is given to the way the museums were organized, managed, financed and met the needs of the local population. This paper thus provides detailed examination of the travel accounts "Siberia" written by M.F. Price. The prospect for further research is to continue reconstructing features of everyday life and the evolution of attitudes towards cultural space of the provincial territory at the beginning of the 20th century.

Keywords: provincial museums, Yenisei Province, beginning of XX century, Morgan Philips Price, ego-documents, memoirs, Krasnoyarsk Museum, Minusinsk museum, scientific community

For citation: Bershadskaia S.V. (2023) Museums of the Yenisei Governorate of the early XX century: according to the memoirs of the British traveler M.F. Price. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 119-127. (In Russ.). EDN: ICBQKS. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-119-127>.

Введение. Воспоминания иностранных путешественников, попавших в Россию в самом начале XX в., особенно тех, кто сумел добраться до Сибири, источник редко попадающий в поле зрения российских исследователей. Во-первых, немногие из путешественников по возвращению домой брались за перо. Во-вторых, далеко не все литературное наследие оказалось переведенным на русский язык или изданным в России. В этой связи определенный интерес представляют воспоминания британского предпринимателя, журналиста и политического деятеля Моргана Филиппа Прайса (Morgan Philips Price), в 1910 г. оказавшегося в Восточной Сибири и описавшего свои впечатления о путешествии, которое длилось почти год, в «малоизвестную и активно развивающуюся страну» (Price, 1912). Рассматриваемые воспоминания не издавались в России и не были переведены на русский язык; и в целом необходимо отметить, что до сих пор не выявлено все литературное наследие М.Ф. Прайса о Сибири и России в целом. Несмотря на более чем солидный фундамент научных исследований, посвященных культурной жизни горожан Енисейской губернии начала XX в., работ, в которых используются зарубежные эго-документы, не много.

Методология и методы исследования. Основой статьи послужило изучение воспоминаний М.Ф. Прайса «Сибирь», опубликованных одним из лондонских издательств в 1912 г. (Price, 1912).

В антропологически ориентированных исследованиях, использующих микроанализ и контент-анализ, многие ученые обращают внимание на

перспективность использования эго-документов в качестве особого источника информации для изучения социальных процессов в обществе, преобладавших общественных нравов и ценностей, частной жизни, и рассматривают их в качестве альтернативы традиционной историографии, основанной на официальных документах (Пушкарева 2004; Комлева, 2015; Кискидосова, 2018; Климова, 2019).

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания содержат не встречающуюся более нигде подробную информацию о повседневной бытовой стороне поездки иностранного путешественника по «малоизвестной и активно развивающейся стране», начиная от решения непростых транспортных проблем, организации проживания, питания и до описания впечатлений от осмотра местных достопримечательностей, встреч с представителями начавшегося формироваться музейного сообщества и общения с местными жителями. В рассматриваемый период мемуары, в том числе, травелоги, являлись популярным литературным жанром, прибегая к которому, авторы фиксировали в текстах информацию о событиях, участниками или свидетелями которых они являлись, и которые отражали понимание авторов окружающей социальной действительности (Георгиева, 2012). Несмотря на определенные ограничения, значение воспоминаний как особого исторического источника сложно переоценить. В статье использованы аналитический, дедуктивный, индуктивный и сопоставительный методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. По признанию самого Моргана Филиппа Прайса,

причинами, по которым была предпринята поездка в Сибирь в 1910 г., были «вопросы социально-экономического порядка». Кроме того, интерес был «простимулирован», по словам автора, предпринятым несколькими годами ранее путешествием в Канаду, к сравнению с пребыванием в которой Прайс прибегает неоднократно на протяжении всей книги. Также необходимо отметить, что значительное место в воспоминаниях занимают наблюдения автора об особенностях городских и сельских жителей сибирского региона, описания способов проведения свободного времени. Таким образом, рассматриваемые воспоминания британского общественного деятеля, предпринимателя и журналиста начала XX века могут представлять определенный интерес для ученых, опирающихся в своих исследованиях на возможности компаративного анализа.

«Поэтому счастливая возможность совершить экспедицию в малоизвестную и активно развивающуюся страну не могла быть мною упущена. В своих ожиданиях я несколько не был разочарован», – напишет в своих воспоминаниях Морган Филипс Прайс.

Пожалуй, ни один регион России не вызывал у иностранных путешественников настолько «опасливых» ожиданий, которые до такой степени оказывались противоположными увиденной реальности, как Сибирь. О своих предубеждениях, живший в начале XX в. Прайс написал: «Когда я был еще ребенком, я представлял себе Сибирь как страну, населенную одетыми в меховую одежду охотниками, жившими в заснеженных деревянных домах, и каторжниками, работавшими на золотых приисках, до тех пор, пока они не умирали от холода и голода» (Price, 1912. P. 14). И практически 100 лет спустя, схожая формулировка встречается в научных трудах некоторых представителей англоязычной культуры (Collins, 1991; Naywood, 2010; Wood, 2011; Hartley, 2014). Так, например, Дж. Хартли (Janet M. Hartley) указывала, что среди причин, побудивших ее взяться за исследование истории Сибири и населявших и населяющих ее людей, было в том числе желание «преодолеть существующие предрассудки» (Hartley, 2014. P. xii–xiii). Таким образом, данный аспект воспоминаний Прайса продолжает оставаться актуальным и может представлять интерес для

исследователей, интересующихся темой трансформации или, как в случае с сибирским регионом, устойчивости некоторых исторически сложившихся культурных стереотипов. По признанию самого автора рассматриваемых воспоминаний, именно год, который он провел в Сибири, встречи и общение с местными жителями способствовали разрушению сложившихся предрассудков.

Другой темой, отчетливо выраженной в воспоминаниях английского путешественника в Сибири начала XX века и продолжающей оставаться актуальной для современных исследователей, являются процессы формирования регионально-локальной идентичности (Савоскул, 2011; Косс, Плотникова, 2015; Назукина, Петрова, 2015; Плотникова, 2015; Самаркина, Башмаков, 2021). Характеризуя новое для себя окружение, в своих воспоминаниях Прайс называет стадию развития сибирского общества «удивительной» и «интересной». По мнению автора, местное общество, в период знакомства с его отдельными представителями, переживало тот же период, который канадское пережило несколько десятилетий тому назад. Много общего находит английский путешественник в процессах становления регионально-локальной идентичности двух формирующихся сообществ и отмечает факт того, что со временем британский поселенец в Канаде становится канадцем: «... так и русский поселенец в Сибири становится сибиряком» (Price, 1912. P. vii–viii). В качестве подтверждения своей мысли, автор отмечает начало процесса формирования локальным обществом своих собственных «сибирских» потребностей, общественного мнения и политики, «которые, однако, редко противоречат принятым в европейской части России» (Price, 1912. P. vii–viii). Упоминает также Прайс о своей встрече в одном из местных ресторанов с «джентльменом», поразившим его рассуждениями о перспективах развития западной и центральной Сибири, недовольством политикой столичного правительства, отправляющего ссыльных в Сибирь. По мнению собеседника Прайса, тем самым столичное правительство наносило значительный вред местной общественной жизни. «Мы хотим, чтобы Сибирь развивалась для сибиряков», – цитирует мемуарист жителя Красноярска (Price, 1912. P. 20). Тем не менее необходимо отметить, что не всегда если не отрицательное, то, во всяком

случае, не самое позитивное отношение сибиряков к центральной власти, неоднократно отмечается автором на протяжении всей книги – раскрывает ли он социокультурные характеристики горожан или рассказывает об истории становления музейного дела Енисейской губернии в начале XX в.

Первая глава книги британского путешественника посвящена описанию путешествия из Москвы в Сибирь. Глава вторая целиком посвящена «Сибирскому торговому городу (Красноярску)», куда англичанин прибыл по Транссибу летом 1910 г. Описывая условия жизни жителей губернского города, автор называет их «примитивными» и отмечает «имитацию» западной культуры, которая была для него заметна – «на каждом шагу». Самого представителя западной культуры поразила «незначительность» различий между представителями разных слоев городского населения (Price, 1912. P. 25). Интересны наблюдения автора о жителях города¹. Характеризуя общий тон взаимоотношений горожан с властью, Прайс отмечает, что большинство людей, которых он встречал, «предпочитали большую часть дня просиживать на пороге своего дома, щелкая орешки или напиваясь по воскресеньям и праздникам». Тем не менее празднично проводящие свое время люди жаловались на недостаточность «просвещенности» и «прогрессивности» представителей органов власти, а также факт того, что правительство не учитывало «местные потребности» (Price, 1912. P. 22). В целом, для того чтобы понять особенности местного городского социума, автор рекомендовал сходить в любой наиболее популярный ресторан Красноярска, в котором можно было встретить и купцов из европейской части России, «торгующих всем от мятных леденцов до пианино», и золотоискателей с низовьев Енисея, и еврейских торговцев мехами, и продавцов соленой рыбы. О торговых успехах, по мнению автора, свидетельствовали объемы потребляемых в ресторанах продуктов и алкогольных напитков (Price, 1912. P. 17–18).

Четвертая глава книги называется «Сибирский провинциальный город (Минусинск)», в ко-

торой содержатся некоторые оценки системы сибирского образования как среднего, так и высшего (Price, 1912. P. 60). Рассуждая по поводу системы школьного обучения в Сибири, Прайс отмечает, что правительство на самом деле не очень-то поощряло преподавание современных научных знаний в школах. Приветствуя внедрение идей классического образования в умы подрастающей сибирской буржуазии, правительство настаивало на обучении школьников основам истории, географии, а также немецкого, латинского и французского языков. И в этом отношении симпатии английского путешественника были полностью на стороне правительства. Однако проблему автор видел в другом, а именно, в том, что в Сибири для местных жителей не было никакой возможности изучения «практической науки». Так, например, автор отметил отсутствие в Сибири технических училищ, университетов: «На всем огромном континенте есть только один единственный университет и расположен он в Томске. Все попытки открыть университет в Иркутске, несмотря на то что деньги были собраны самими сибиряками, натолкнулись на резкое противодействие со стороны правительства». И несколькими страницами далее подмечает негативный эмоциональный фон в сибирском обществе, который был связан с тем, что жителям сибирского региона было «специально» и «полностью» отказано официальной Россией в получении современного высшего образования (Price, 1912. P. 72–75).

Тем не менее, несмотря на указанные негативные факторы, аргументом в пользу «наступления в Сибири эпохи образования и просвещения» автор считает организацию музеев на территории региона.

В фокусе данного исследования провинциальные музеи губернского Красноярска и уездного Минусинска такими, какими их увидел Морган Филипс Прайс летом 1910 г., и его общение с представителями местного музейного сообщества, которое начало формироваться в 1877 г. с создания первого музея Енисейской губернии в г. Минусинске (Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. ФР-1. Оп. 1. Д. 2. Годовой отчет о работе музея и общественной библиотеки) и продолжило развитие в 1889 г. организацией Красноярского городского музея (Красноярский

¹ Впечатления М.Ф. Прайса о сельских жителях сибирского региона рассмотрены автором в работе «Потехе время: досуг сельской молодежи глазами английского путешественника в 1910 году» (Бершадская, 2021).

краевой краеведческий музей. Оп. 01. Д. 356. Отчет по Красноярскому городскому музею).

По истории музейного дела Енисейской губернии написано достаточно много (Равикович, 1960; Век подвижничества, 1989; Шелегина, 1989; Хорина, 2011, Второй век подвижничества, 2011; Век подвижничества–3, 2018; Хорина, 2019; Милевский, 2019; Майзик, 2019; Поздеева, 2022). В своих исследованиях сибирские ученые широко используют источники личного происхождения, однако историография преимущественно фокусируется на эго-документах местных жителей рассматриваемого периода (Век подвижничества, 1989; Хорина, 2011, Век подвижничества–3, 2018; Хорина, 2019; Милевский, 2019; Майзик, 2019; Поздеева, 2022). Таким образом, тема еще достаточно далека от исчерпания, представляемый материал обладает значительной степенью новизны.

Красноярский городской музей оказался не первой местной достопримечательностью, которую посетил английский путешественник, однако занял значительное место в воспоминаниях и стал поводом для размышлений автора о роли государства и городского сообщества в формировании культурного пространства. Прайс отмечает, что многие сибирские города могли похвастаться наличием музеев, но практически все они, как в случае с Красноярским музеем, были созданы волею чиновников.

Указывая на расположение Красноярского городского музея, Прайс отмечает его нахождение в северной части города; описывая внешний вид здания музея в 1910 году, сравнивает его с амбаром, построенным из потемневшего дерева. Сама «идея» музея в Сибири показалась представителю Британской империи «поначалу более чем странной». Однако, войдя в здание музея Прайс увидел «замечательные» «интересные» коллекции, отметив их нахождение «в полном беспорядке» и отсутствие систематизации. Так, например, в воспоминаниях Прайса чучела птиц, выставленные в местном музее, были «в разной степени побитые моллю» и были «втиснуты» между прекрасными экземплярами местных минералов и несколькими очень интересными картами. Далее Прайс рассказывает о своей встрече с одним из сотрудников, которого он называет «смотрителем музея», политическим ссыльным из Польши, продемонстриро-

вавшим «прекрасные поверхностные знания обо всем», но оказавшимся не в состоянии дать «конкретные» сведения о выставленных экземплярах (Price, 1912. P. 24-25).

Экскурсия в музей административного центра губернии заставляет Прайса изложить свои впечатления о роли органов государственной власти в деле создания местных музеев, их развития и финансирования. У английского путешественника сложилось впечатление, что власть, ощущая необходимость идти в ногу со временем, копировала западноевропейские образцы и «втискивала» их в сибирские рамки, вне зависимости от того, подходили ли эти образцы для воспроизведения их в Сибири или нет. Используя помощь деятельных граждан, которые собирали коллекции за свой собственный счет, бюрократическая машина делала «все остальное». Для удовлетворения бюрократических умов, сотрудники местного музея были вынуждены «скрупулезно» подсчитывать ежегодное количество посетителей. Кроме того, автор воспоминаний отметил и недостаточное финансирование музея со стороны органов власти, указав, что на нужды музея не тратилось «ни одного пени». Прайс отмечал, что на первый поверхностный взгляд, русские государственные мужи показались ему более прогрессивными, чем простые обычные люди. Однако весь энтузиазм правительственных чиновников был более сосредоточен на составлении просветительных программ, чем на претворении их в жизнь. Таким образом, приходит к выводу автор, для того чтобы придуманные чиновниками программы работали, имелся «необходимый наличный материал», затрачивались колоссальные усилия, но одного момента точно не хватало, а именно людей, которые заставили бы все эти программы работать (Price, 1912. P. 76).

Как раз таким людям, которые «заставляют все программы работать» и не ждут помощи от государства, посвящена часть четвертой «минусинской» главы воспоминаний. Так, Н.М. Мартыанова, создателя Минусинского музея, Прайс называет «образованным сибирским джентльменом», энтузиастом и знатоком многих научных дисциплин, большую часть своей жизни посвятившим созданию музея, который должен был давать «полное представление» о богатствах южной части Енисейской губернии. Самым интересным в музее уездно-

го города Минусинска для Прайса оказалось то, что музей был создан одним человеком, безусловно, «с помощью своих друзей», однако безо всякой помощи со стороны правительства. Сам этот факт свидетельствовал, по мнению Прайса, об особенностях русского характера, о том, насколько характер русского человека отличался от общепринятого на тот момент мнения. Английский путешественник пишет: «Сложно найти более просвещенных людей, чем славяне, если они проникаются западными идеями, но количество людей, по-настоящему воспринявших эти идеи, не так уж и большое» (Price, 1912. P. 76).

Как и во второй главе, в которой автор описывает Красноярский городской музей, в четвертой главе также содержится описание внешнего вида Минусинского музея, здание которого автор, явно ссылаясь на мнение местных жителей, называет самым красивым в городе «наряду со зданиями фабрики по производству водки и местной тюрьмы»; отмечает разнообразие коллекций музея. Особого упоминания жителя Англии заслужили «прекрасные» коллекции по геологии, ботанике, археологии и истории, а также «замечательный» отдел, иллюстрировавший экономические возможности южной Сибири (Price, 1912. P. 74-75).

Продолжить размышления об «особенности русского характера» Прайса заставила встреча в городе «с неким господином М.», очень образованным, и обеспеченным человеком, который специально поселился в Минусинске для того, чтобы иметь возможность изучать археологические древности, «коих в окрестностях было огромное количество». Автор отметил, что в обществе «господина М.» он провел много времени и узнал много для себя интересного.

Будучи абсолютно чуждым «варварскому краю и окружающим его социальным условиям», «господин М.» был настолько поглощен своими исследованиями, что едва ли замечал то, что творится вокруг. В то утро, когда состоялся визит Прайса, «Господин М.» был занят написанием статьи на какую-то научную тему. Людей «такого типа» автору показалось более естественным встретить где-нибудь в Оксфорде или Кембридже, но никак не в глухой сибирской тайге. «Господин М.» встретил англичанина с типично русским гостеприимством, но начав светский разговор на общие

темы, очень быстро перешел «на любезные его сердцу» темы научные. Почти час с фанатичным энтузиазмом, «характерным для настоящих русских эрудитов», он рассказывал Прайсу о коренных обитателях юга Енисейской губернии. Автора воспоминаний поразила точное знание предмета. «...такую точность, – пишет Прайс, – я встречал, как правило, среди немцев» (Price, 1912. P. 75–76). Уездный Минусинск стал последним форпостом городской цивилизации на пути следования Моргана Филиппа Прайса к монгольской границе.

Заключение. Таким образом, воспоминания британского путешественника, предпринимателя, журналиста и политического деятеля Моргана Филиппа Прайса о Сибири и сибиряках, в том числе о посещении провинциальных музеев – Красноярского городского музея, расположенного в административном центре губернии, и Минусинского музея, старейшего музея Енисейской губернии, и представителях начавшегося формироваться музейного сообщества, изложенные в книге воспоминаний «Сибирь», написанной им по возвращению из «экспедиции в малоизвестную и активно развивающуюся страну» в 1910 году, являются уникальным источником личного происхождения. Социокультурная реальность удаленной от центра провинциальной территории реконструирована представителем культурного кода, эталон которого в рассматриваемый период не подвергался сомнению. Многие наблюдения и выводы автора как в отношении сложившихся стереотипов, так и формирования регионально-локальной идентичности не потеряли и на сегодняшний день своей актуальности. Редчайшие свидетельства мемуариста о культурных трансформациях, развитии идей просвещения на территории сибирского региона, зафиксированные на страницах воспоминаний разговоры с местными жителями и выводы, возникшие у английского путешественника в результате бесед, заставляют с определенной долей уверенности предположить, что вопросы просвещения уже в начале XX в. стали частью языковой картины мира жителей Енисейской губернии, а проведение научных исследований и организация музеев – одними из гуманитарных технологий местного городского социума. Рассмотренный источник личного происхождения можно рассматривать в качестве дополнительного источника верификации имеющейся в

распоряжении историков информации о социальных и эмоциональных условиях жизни сибирских горожан, представителей научной интеллигенции,

Список источников

Бершадская С.В. Потехе время: досуг сельской молодежи глазами английского путешественника в 1910 году // Проблемы современной аграрной науки : материалы Международной научной конференции. Красноярск, 2021. С. 444–446.

Век подвижничества. Красноярск : Красноярское кн. изд-во, 1989. 285 с.

Век подвижничества-3. Красноярск : Литера-принт, 2018. 246 с.

Второй век подвижничества. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. 282 с.

Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2012. № 1. С. 126–138.

Кискидосова Т. А. Енисейск XIX – начала XX века глазами местных жителей: дневник М.П. Миндаровского // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 79–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-79-84

Климова О. Г. Повседневность сибирского купечества XIX – начала XX века в мемуарах современников в работах сибирских историков // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 87–94. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-87-94.

Комлева Е. В. Источники личного происхождения по истории сибирского купечества конца XVIII – первой половины XIX в.: введение в научный оборот и информационные возможности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 12. С. 94–103.

Косс Р.А., Плотникова М.М. Великий чайный путь и формирование локальной идентичности на примере городов Иркутска и Ханькоу // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 128–134.

Маизик Е.И. Международные коммуникации музеев Енисейской губернии в конце XIX в. // Вопросы музеологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 112–122. DOI: 10.21638/11701/spbu27.2019.110.

Милевский О.А. Преодолевая расстояния: история дружбы Н.М. Мартыанова и Д.А. Клеменца // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 61–71. DOI: 10.17223/19988613/62/8

Назукина М.В., Петрова Р.И. Локальный уровень в матрице территориальной идентичности жителей Пермского края // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 4. С. 127–142.

ее функциях в городском культурном публичном пространстве в локальных условиях Енисейской губернии в самом начале XX в.

References

Bershadskaya S.V. (2021) Leisure and pleasure of rural youth through the eyes of an Englishman (1910). *Problemy sovremennoi agrarnoi nauki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Problems of Modern Agrarian Science. Proceedings of the International Scientific Conference*. Krasnoyarsk. P. 444-446. (In Russ.).

(1989) Age of Selfless Devotion. Krasnoyarsk: Book publishing house. 285 p. (In Russ.).

(2018) Age of Selfless Devotion -3. Krasnoyarsk: Litera-print. 246 p. (In Russ.).

(2011) Second Age of Selfless Devotion. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. 282 p. (In Russ.).

Georgieva N.G. (2012) Memoirs as a Phenomenon of Culture and a Historical Source. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. History of Russia*. No. 1. P. 126-138. (In Russ.).

Kiskidosova T.A. (2018) Yeniseysk XIX - early XX century through the eyes of local residents: diary of M.P. Mindarovsky. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*. Vol. 13. No. 4. P. 79-84. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-79-84. (In Russ.).

Klimova O.G. (2019) Everyday life of the Siberian merchants of the 19th - early 20th century in the memoirs of contemporaries in the works of Siberian historians. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*. Vol. 14. No. 6. P. 87-94. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-87-94. (In Russ.).

Komleva E.V. (2015) Sources of personal origin on the history of the Siberian merchants of the late 18th - first half of the 19th century: an introduction to scientific circulation and information opportunities. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya = Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. History*. Vol. 12. P. 94-103. (In Russ.).

Koss R.A., Plotnikova M.M. (2015) The Great Tea Road and the formation of local identity by the example of the cities of Irkutsk and Hankou. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Perm University. Story*. No. 3 (30). P. 128-134. (In Russ.).

Maizik E.I. (2019) International communications of the museums of the Yenisei province at the end of the 19th century. *Voprosy muzeologii = Questions of Museology*. Vol. 10. No. 1. P. 112-122. DOI: 10.21638/11701/spbu27.2019.110 (In Russ.).

Milevskii O.A. (2019) Overcoming distances: The story of friendship between N.M. Martyanov and D.A. Klemenets. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. Story*. No. 62. P. 61-71. DOI: 10.17223/19988613/62/8. (In Russ.).

Nazukina M.V., Petrova R.I. (2015) Local level in the matrix of territorial identity of the inhabitants of the Perm region. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of the Perm University. Political Science*. No. 4. P. 127-142. (In Russ.).

Плотникова М.М. Локальная и региональная идентичность сибирских городов в XXI в. // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № 5. С. 245–252.

Поздеева Н.В. Кытмановы: истории из жизни Енисейского купеческого рода // IX Краеведческие чтения : «Енисейская губерния: лица истории» (г. Красноярск, 1–2 декабря 2021 года). Красноярск : Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, 2022. С. 256–262.

Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «Истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.

Равикович Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX – начала XX века (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Москва : Советская Россия, 1960. Вып. II. С. 145–223.

Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83–99.

Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 159–171.

Хорина В.В. О роли купечества в научном изучении Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 4 (18). С. 285–291.

Хорина В.В. О роли городских музеев и местных добровольных научных обществ в развитии экономики Енисейской губернии в последней четверти XIX – начале XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2019. № 2 (12). С. 166–179.

Шелегина О.Н. Музеи Сибири в периодической печати второй половины XIX в. // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1989. С. 24–27.

Collins D.N. *Siberia and the Soviet Far East* // World bibliographical series ; Vol. 127. Oxford, England ; Santa Barbara, Calif.: Clio Press, 1991. xx, 217 p. (in English).

Hartley J.M., *Siberia. A History of the People*. London, New Haven, CT: Yale University Press, 2014. 312 p. (in English).

Haywood A.J. *Siberia. A Cultural History*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. xx, 297 p. (in English).

Plotnikova M.M. (2015) Local and regional identity of Siberian cities in the XXI century. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki = Journal of the Siberian Federal University. Ser. Humanities*. Vol. 8. No. 5. P. 245-252. (In Russ.).

Pozdeeva N.V. (2022) The Kytmanovs: Stories from the life of the Yenisei merchant family. *IX Kraevedcheskie chteniya: «Eniseiskaya guberniya: litsa istorii» (Krasnoyarsk, 1-2 dekabrja 2021 goda) = IX Regional Studies Readings: Yenisei province: faces of history. (Krasnoyarsk, December, 1-2, 2021)*. Krasnoyarsk: State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory. P. 256-262. (In Russ.).

Pushkareva N.L. (2004) The subject and methods of studying the history of everyday life. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. No. 5. P. 3-19. (In Russ.).

Ravikovich D.A. (1960) Local museums at the second half of the 19th - early 20th century (1861-1917). *Ocherki istorii muzeinogo dela v Rossii = Essays on History of Museums in Russia*. Moscow: Soviet Russia. Iss. II. P. 145-223. (In Russ.).

Savoskul S.S. (2011) Regional studies and local identity (on the example of small towns in Central Russia). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. No. 6. P. 83-99. (In Russ.).

Samarkina I.V., Bashmakov I.S. (2021) Local identity of urban youth: main components and place in the system of social identities (on the materials of an empirical study of urban youth in the Krasnodar Territory). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Political Science*. Vol. 23. No. 1. P. 159-171. (In Russ.).

Khorina V.V. (2011) The role of merchants in scientific study of the Yenisei Province (the second half of the 19th - early 20th century). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*. No. 4 (18). P. 285-291. (In Russ.).

Khorina V.V. (2019) The role of urban museums and local voluntary scientific societies in the development of the economy of the Yenisei Province at the last quarter of the 19th - early 20th century. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal = Socio-Economic and Humanitarian Journal*. No. 2 (12). P. 166-179. (In Russ.).

Shelegina O.N. (1989) *Muzei Sibiri v periodicheskoi pechati vtoroi poloviny XIX v. Museums of Siberia in the periodical press of the second half of the 19th century. Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoy rabote muzeyev = Problems of Studying Siberia through Research Activities of Museums*. Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk University. P. 24-27. (In Russ.).

Collins D.N. *Siberia and the Soviet Far East* // World bibliographical series ; Vol. 127. Oxford, England ; Santa Barbara, Calif.: Clio Press, 1991. xx, 217 p. (in English).

Hartley J.M., *Siberia. A History of the People*. London, New Haven, CT: Yale University Press, 2014. 312 p. (in English).

Haywood A.J. *Siberia. A Cultural History*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. xx, 297 p. (in English).

Price M.P. *Siberia*. London: Methuen and Co. Ltd. 36 Essex Street W.C., 1912. xviii, 308 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.173173> (in English).

Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581-1991*. Bloomsbury Academic, 2011. xvi, 272 p. (in English).

Информация об авторе

Бершадская Светлана Вячеславовна, старший преподаватель, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Красноярский государственный аграрный университет, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90, Россия, e-mail: bsv97@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>

Вклад автора

Бершадская С.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 7 апреля 2023 г.; принята к публикации 17 апреля 2023 г.

Price M.P. *Siberia*. London: Methuen and Co. Ltd. 36 Essex Street W.C., 1912. xviii, 308 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.173173> (in English).

Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581-1991*. Bloomsbury Academic, 2011. xvi, 272 p. (in English).

Information about the author

Svetlana V. Bershadskaia, senior lecturer, Foreign Languages and Professional Communication Department, Krasnoyarsk State Agrarian University, 90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia, e-mail: bsv97@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>

Contribution of the author

Bershadskaia S.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 10, 2023; approved after reviewing April 7, 2023; accepted for publication April 17, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(47).083
EDN: IFFPEO
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-128-136>

Роль Японии в снабжении вооружением армии Российской империи в годы Первой мировой войны

В.В. Синиченко

Академия управления МВД России, г. Москва, Россия

Аннотация. В историографии русско-японских отношений в годы Первой мировой войны существует дискуссия о роли Японии в снабжении русской армии вооружением. Одни историки настаивают, что Япония в отличие от других союзников выполняла контракты в срок и качественно. Другие указывают на низкие технические качества поставляемого Японией вооружения. Представленный в статье материал показывает, что японское правительство в годы Первой мировой войны с энтузиазмом взялось за снабжение российской армии и флота необходимым вооружением и снаряжением. В сфере вооружения японская армия уступила российской почти половину своего арсенального запаса стрелкового оружия (винтовок) и значительную часть артиллерии. Кроме того, японские власти взяли на себя обязательство изготовить для русской армии 2 млн винтовок. Но слабость промышленности Японии начала XX в. не позволяла выполнить этот военный заказ ранее 1917–1920 гг. Вместе с тем, поставленные в Россию сотни тысяч японских винтовок требовали соответствующих патронов и российские военные власти постоянно просили японские военные и хозяйственные элиты оказать им содействие в снабжении как патронами, так и снарядами. Именно изготовление боеприпасов для японского вооружения русской армии составляло основную часть дипломатической переписки Токио и Петербурга. По вопросу о состоянии японской артиллерии, хотелось бы отметить, что часть поставленной тяжелой артиллерии, а именно орудия калибром в 203, 240 и 305 мм были изношены, так как ранее употреблялись японцами в Русско-японской войне и при осаде Циндао. Новую тяжелую артиллерию в то время японская сторона поставить России не могла по техническим причинам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Япония, вооружение, военное снаряжение, военно-техническое сотрудничество, артиллерия, снаряды, винтовки, патроны, военные заводы

Для цитирования: Синиченко В.В. Роль Японии в снабжении вооружением армии Российской империи в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 128–136. EDN: IFFPEO. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-128-136>.

History

Original article

The role of Japan in supplying weapons to the army of the Russian Empire during the First World War

Vladimir V. Sinichenko

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. In the historiography of Russian-Japanese relations during the First World War, there is a discussion about the role of Japan in supplying the Russian army with weapons. Some historians insist that Japan, unlike other allies, fulfilled contracts on time and efficiently. Others point to the poor technical qualities of the weapons supplied by Japan. The material presented in the article shows that the Japanese government during the First World War enthusiastically took up the supply of the Russian army and Navy with the necessary weapons and equipment. In the field of armaments, the Japanese army ceded to the Russian almost half of its arsenal stock of small arms (rifles) and a significant part of its artillery. In addition, the Japanese authorities undertook to produce 2 million rifles for the Russian army. But the weakness of Japan's industry at the beginning of the twentieth century did not allow to fulfill this military order earlier than 1917-1920. At the same time, the hundreds of thousands of Japanese rifles delivered

to Russia demanded appropriate ammunition and the Russian military authorities constantly asked the Japanese military and economic elites to assist them in supplying both ammunition and shells. It was the manufacture of ammunition for the Japanese armament of the Russian army that formed the bulk of the diplomatic correspondence between Tokyo and St. Petersburg. On the question of the state of Japanese artillery I would like to note that part of the delivered heavy artillery, namely guns with a caliber of 203, 240 and 305 mm, were worn out, as previously used by the Japanese in the Russian-Japanese war and during the siege of Qingdao. At that time, the Japanese side could not supply Russia with new heavy artillery for technical reasons.

Keywords: The First World War, Japan, weapons, military equipment, military-technical cooperation, artillery, shells, rifles, cartridges, military factories

For citation: Sinichenko V.V. (2023) The role of Japan in supplying weapons to the army of the Russian Empire during the First World War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 128-136. (In Russ.). EDN: IFFPEO. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-128-136>.

Первая мировая война в истории японо-русских отношений – это период, когда Россия и Япония являлись союзниками, активно помогавшими друг другу как в дипломатической, так и военно-технической сферах.

В отечественной историографии исследование вопроса началось с монографии С.С. Григорцевича «Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг.». В этом исследовании автор считает, что Россия пошла на заключение в 1916 г. оборонительного союза именно в надежде на дополнительные поставки вооружения (Григорцевич, 1965).

Спустя более двадцати лет, Л.Н. Кутаков в монографии «Россия и Япония» также исследовал взаимоотношения Японии и России в годы Первой мировой войны. Л.Н. Кутаков, равно как и его предшественник, полагал, что Россию к заключению русско-японского соглашения от 3 июля 1916 г. подталкивала потребность в увеличении объема японских военных поставок (Кутаков, 1988).

Таким образом, советскими учеными в 60–80-х гг. XX в. было выявлено, что русская армия очень зависела от японского вооружения, что и подтолкнуло Россию к союзному договору 1916 г. Однако отметим, что ни С.С. Григорцевич, ни Л.Н. Кутаков, делая выводы о фактах дипломатической истории русско-японских отношений, не подкрепили тезис о зависимости русской армии от японских поставок конкретными статистическими данными из архивов СССР или Японии.

В конце XX – начале XXI в. исследованию русско-японских дипломатических и союзнических военных отношений в годы Первой мировой войны посвящены работы Ю.С. Пестушко (Пестушко, 2007а; Пестушко, 2007b), А.Б. Широкограда (Широкоград, 2008) и американского ученого Питера Бертона (Berton,

1993). Оригинальной стороной этих трудов стало то, что авторы полагали базовым элементом японской дипломатии, в свою очередь склонившей ее к оборонительному союзу с Россией, опасение, что поражение русской армии подтолкнет Россию к сепаратному миру с Германией. Поэтому Япония оказывала поддержку ровно в той степени, чтобы Россия не вышла из войны. Победа России над Германией не являлось для Токио приоритетной.

Небольшие разделы, в которых исследуются японо-русские отношения в годы Первой мировой войны, имеются в статьях Куросавы Фумитаки, Ю.С. Пестушко и Я.А. Шулатова, вышедших в рамках коллективной монографии под общей редакцией академика А.В. Торкунова (Куросава, 2015; Пестушко, Шулатов, 2015), работах А.Л. Гальперина (Гальперин, 1947), Мариносукэ Каджимо (Kajima, 1968), Д.Б. Павлова (Павлов, 2014), С.В. Гришачева (Гришачев, 2015)¹ и в соответствующем разделе, посвященном Первой мировой войне, коллективной монографии сотрудников кафедры востоковедения МГИМО (Панов, Саркисов, Стрельцов, 2019).

Отдельные эпизоды русско-японского военно-технического сотрудничества в годы Первой мировой войны рассматривались в монографических трудах по военной и экономической мобилизации Российской империи (Барсуков, 1928; Бокарев, 2009; Головин, 2014; Седов, 2009).

Также тема русско-японского военно-технического сотрудничества находила отражение на страницах российских научных журналов (Синиченко, 2021; Синиченко, 2022; Барышев, 2011; Базин, 2014; Саркисов, 2014. и др.).

¹ Гришачев С.В. (ред.) История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2015. 336 с.

Анализируя все вышеперечисленные работы, следует признать, что, несмотря на наличие в отечественной исторической науке обстоятельных исследований военно-технического состояния русской армии и японо-российских дипломатических отношений в период Первой мировой войны, вопросы поставок в Россию японского вооружения изучены недостаточно полно и всесторонне.

В результате недостаточно полного рассмотрения темы возникли научные дискуссии.

Так, оценивая вопрос поставок японского вооружения, профессор Д.Б. Павлов считает, что в отличие от других зарубежных поставщиков «...японцы выполняли русские заказы строго в срок и с высоким качеством» (Павлов, 2019)².

В то же время существует и другое мнение о качестве японского оружия. Так, один из современных исследователей А.Б. Широкоград пишет: «Наряду с новыми артсистемами царское правительство скупало за большие деньги за границей заведомую рухлядь... 20-см, 24-см и 28-см японские гаубицы, 15-см и 24-см японские пушки. Причем японские орудия были столь стары и находились в таком ужасном состоянии, что все их отправили в крепости. Впрочем, и там от них проку было мало. Исключение составляли несколько 20-см японских гаубиц, которые безуспешно пытались использовать на фронте. Зато Россия только Англии и Японии за военные поставки уплатила 505,3 тонн золота» (Широкоград, 2019)³.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть реальное состояние дел с поставками вооружения из Японии.

Как свидетельствуют материалы архива внешней политики Российской империи, первый крупный заказ был размещен российским правительством в Токио сразу после начала войны 1 августа 1914 г. Это было предложение России выкупить у Японии русские винтовки, которые достались ей в качестве тро-

феев войны 1904–1905 гг. и карабины, которые Японии заказала Мексика. Япония осенью 1914 г. заключила контракт на поставку России 35 000 винтовок и карабинов и 216 орудий (Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 1).

Как свидетельствует секретная телеграмма русского посла в Токио Н.А. Малевского-Малевича от 4 января 1915 № 3, военный министр Японии Кухара прислал через министра иностранных дел Японии Накаси в МИД России письменное согласие изготовить и поставить в Россию 600 тыс. винтовок и к ним 600 млн патронов». В связи с этим российский посол интересовался у министра иностранных дел России, может ли он официально ответить, что российское военное министерство согласно принять это предложение «...при условии получения нами немедленно 100 000 винтовок 38 года и 100 млн к ним заряженных патронов».

Российский посол Н.А. Малевский-Малевич в этом же донесении поднял достаточно щекотливую тему о комиссии Накаси в 2,5 % от суммы винтовок, «поставляемых немедленно». По сути, российские дипломаты занялись коррумпированием японских властей (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 134. Л. 19).

Однако в вопросе поставок винтовок возникли трудности.

В секретной телеграмме посла в Токио от 17 марта 1915 г. № 101 говорилось, что генерал Осима указал военному агенту России в Японии генерал-майору В.К. Самойлову, что выполнение какого-либо заказа оружия возможно только при расширении японских арсеналов, увеличении числа рабочих, приобретении новых машин. Япония, по мнению японского генерала, могла предоставить России 800 000 винтовок японского образца и 600 млн патронов к ним, но только со сроком исполнения в 1917–1919 гг. Генерал В.К. Самойлов, получив это предложение, назвал его абсолютно неприемлемым (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 10).

Японская сторона, несмотря на предложенные некоторым чиновникам откаты, затягивала и вопрос с немедленными поставками винтовок в Россию из своих арсеналов, ссылаясь на то, что винтовки обещаны Великобритании.

Поэтому российский посол в Лондоне обратился к британскому фельдмаршалу лорду Китченеру с

² Павлов Д.Б. Япония в годы Первой мировой войны. Оборонительный союз с Россией // Российское историческое общество. 15 января 2019. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/yaponiya-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny-oboronitelnyj-soyuz-s-rossiej.html> (дата обращения 23.10.2021).

³ Широкоград А.Б. Трагедия русской тяжелой артиллерии. С чем отечественная армия воевала в Первую мировую войну // Независимое военное обозрение. 05.04.2019. URL: https://nvo.ng.ru/history/2019-04-05/12_1040_tragedy.html (дата обращения 22.10.2021).

просьбой об уступке России приоритета в приобретении вооружения на японском рынке (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 64. Л. 19).

Британский фельдмаршал ответил послу, что в течение осени 1914 г. английское правительство купило 130 000 японских ружей и 20 000 карабинов, которые были уже получены и розданы в войска. Лорд Китченер действительно вел переговоры о покупке только 100 000 винтовок у Японского правительства, но заявил, что откажется от требований на них в пользу России (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 64. Л. 20).

Как свидетельствует секретная телеграмма посла в Токио от 7 апреля 1915 г. № 117, русский дипломат пытался убедить японского военного министра отпустить России немедленно винтовки и патроны из военных запасов, а именно 300 000 винтовок с патронами. За это Россия брала на себя обязательства взять расходы по расширению японских arsenалов и военных производств (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 19).

В депеше от 10 апреля 1915 г. МИД России уведомлял посла в Токио, что деньги для инвестирования в японскую промышленность заказаны и будут переданы Токио после заключения контракта (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 21).

9 мая 1915 г. русский посол в Токио информировал в Петербург, что японское правительство согласилось передать России немедленно 100 000 винтовок системы Арисака (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 28).

25 мая 1915 г. российский дипломат сообщал в Петроград, что японский МИД его официально уведомил о согласии отпустить России из неприкосновенного запаса японской армии 100 000 винтовок нового образца с 20 млн патронов. Винтовки могли быть переданы российской стороне в течение месяца по цене около 40 иен за один ствол (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 39).

На протяжении 1915 г. поставки японского военного снаряжения и вооружения в Россию нарастали.

Японский посол в Петербурге барон Мотоно 12 июля 1915 г. сообщал министерству иностранных дел России: «На запрос от 4 июля 1915 г. Мы можем уступить в будущем 10 000 снарядов, 6000 шрапнелей и 3000 шрапнельных стаканов для скорострельных орудий 1899 г.; 80 000 русских 76 мм шрапнелей бу-

дут переданы до середины октября, а затем в течение года еще 120 000; 15 – 280 мм гаубиц с 4500 снарядами, так как 6 пушек 240 мм ранее переданных России признаны негодными. Но мы не можем поставить России, немедленно, просимые 200 000 винтовок «Арисаки» с патронами. До марта 1916 г. сможем поставить только 60 000 винтовок, а затем в течение года еще 130 000» (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 50).

После этого Россия и Япония заключили контракт на поставку 190 000 японских винтовок нового образца и 84 млн патронов.

Как видно из секретной телеграммы русского посла в Токио от 6 августа 1915 г. № 258, для выполнения этого заказа было необходимо выплатить Японии сумму в 15 млн иен. «Япония, – отмечал российский дипломат, – уже предоставила России, – 430 000 винтовок, в то время как Англия и Франция поставили около 200 000. При 1 млн мобилизованного резерва японской армии, поставка 430 000 винтовок составила почти половину ее арсенала, поэтому дальнейшие поставки стрелкового оружия были возможны только с заводов Японии» (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 57).

Товарищ военного министра Японии Одагири в зашифрованной телеграмме от 29 августа 1915 г. информировал японского посла в Петрограде, что России помимо винтовок было поставлено 16 тяжелых орудий с 400 снарядами на каждое орудие, 500 легких орудий, а к ним 1 млн 600 тыс. снарядов. По заключенным контрактам Япония была должна до февраля 1917 г. также поставить в Россию еще 150 000 винтовок, 10 млн патронов и 2 млн снарядов (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 66).

Одагири также просил посла повлиять на российских правительственных лиц, чтобы они оказали воздействие на военную приемку в Японии с целью снизить ее «строгий осмотр», замедляющий процесс приемки и отправки вооружений в Россию (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Д. 73. Л. 66–67).

Поставляли винтовки в Россию не только официальные лица и представители японского правительства, но и японские юридические лица, расположенные за пределами Японии, например, в Китае. Так, 21 августа 1915 г. японская фирма из Южной Маньчжурии предложила русскому послу в Токио 550 винтовок и 11 пулеметов (Российский государствен-

ный военно-исторический архив (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 84. Л. 6), другая торговая японская организация – 12210 винтовок и 678 000 патронов с поставкой их в Россию из Мукдена (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 84. Л. 7).

Российский посол в Токио в донесении от 14 ноября 1915 г. сообщал, что представители фирмы «Окура» в Дайрене (бывший город Дальний) согласны уступить России 500 русских винтовок по цене 27 иен за винтовку и 300 000 патронов по 11 сен за штуку. Сдача винтовок российским приемщикам должны была проходить в Дайрене и Порт-Артуре, а патронов в Мукдене и с уплатой денег после приемки. Если российская сторона пожелала бы, фирма готова была доставить винтовки в Харбин с уплатой за транспортировку в рублях по курсу иены (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Д. 73. Л. 160).

Таким образом, как правительственные, так и частные коммерческие японские учреждения занимались военными поставками в Россию вооружения (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 85. Л. 5; АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 89).

Чтобы выполнить и не допустить срыва многочисленных военных заказов, японское правительство объявило о мобилизации своей частной промышленности с 24 августа 1915 г. (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 90).

3 сентября 1915 г. в телеграмме за № 303 российский посол в Токио сообщал, что генерал Ока обещал предоставить русскому военному ведомству 10 млн патронов и 20 000 винтовок 38 года (системы Арисака) в течение месяца. Об этом был поставлен в известность военный агент Российской империи в Японии В.К. Самойлов и ревизор военной миссии – полковник Подтягин (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Д. 73. Л. 96).

Предложили японские военные власти и пулеметы со своих складов по цене 1100 японских иен за пулемет. Однако состояние этих пулеметов, участвовавших еще в русско-японской войне, было плохое (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Л. 3).

Орудия крупных калибров японское правительство поставлять в Россию не захотело, но японцы согласились изготавливать на своих заводах орудия малых и средних калибров по российским чертежам (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Л. 4).

Действительно, 18 сентября 1915 г. товарищ военного министра Одагири информировал В.К. Самойлова, что японская сторона не в состоянии

удовлетворить запрос России по тяжелым орудиям и новым пулеметам, но может срочно поставить 4 млн метров телеграфных проводов, 20 тыс. полевых телефонных аппаратов, 100 000 верст проводов для телефонной связи, 200 000 верст телеграфных проводов и несколько десятков пудов жидкого хлора (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 102).

Как видно из секретной телеграммы российского посла в Токио от 5 сентября 1915 г. № 308, японское правительство рассчитывало в течение 5 лет изготовить для русской армии 2 млн винтовок и 1,5 млрд патронов. Для этого им было нужно закупить новое оборудование в США на сумму в 20 млн. руб. золотом. Поэтому перед подписанием нового контракта Токио просил российскую сторону внести золотом залог в 10 млн руб. (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 101).

7 сентября 1915 г. в депеше № 317 российский посол в Токио сообщал министру иностранных дел России, что японское военное министерство до конца года поставит в Россию 60 000 ружей и 30 млн патронов к ним, кроме того, России будет отпущено 10 млн патронов без пороха, уступленных России Англией из их заказа в 20 млн патронов, из которых 3 млн уже были отправлены в Англию (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Д. 73. Заказы Дальний Восток. Л. 109).

Однако несмотря на обещания японцы передали России до конца 1915 г. всего 10 000 пехотных и 10 000 кавалерийских винтовок, затем в январе – феврале 1916 г. еще 10 000 пехотных винтовок, т. е. 30 000 вместо обещанных 60 000 (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Л. 52).

В депеше от 18 сентября 1915 г. № 331 российский посол в Токио рассказывал о контрактах на поставку в Россию проволоки, телефонов и хлора, а также 150 000 винтовок с завершением срока их поставок до 31 декабря 1916 г. (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Д. 73. Л. 117).

6 октября 1915 г. полковник М.П. Подтягин сообщал об отправке в Россию 12 гаубиц и 120 полевых пушек образца 31 года (Это японские 75-мм полевые и горные пушки «Арисака» 1898 года (Тип 31) и 122 мм германские гаубицы «Круппа» (также доставлены из Японии. – В.С.). Цена контракта составила сумму 1 млн 133 тысячи 910 иен (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Л. 67).

Однако потребности Главного артиллерийского управления русской армии были гораздо больше.

Начальник ГАУ генерал А.А. Маниковский в телеграмме от 7 сентября 1915 г. сообщал военному агенту в Токио, что российской стороне необходимы млн патронов и снарядов; 5000 пулеметов и более тысячи орудий, значительная часть которых должна быть представлена тяжелой артиллерией – гаубичной (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Л. 79).

В ответе военного агента в Токио говорилось, что японская промышленность не в состоянии изготовить снаряды «в готовом виде» и предлагает поставки отдельных ее элементов – корпуса, артиллерийские трубки дистанционные, капсюльные втулки и пр.

Японская сторона брала на себя обязательства по поставке порохов к снарядам и патронам. Пулеметы и мелкокалиберную артиллерию японцы для русской армии производить на своих заводах отказались. Что касается тяжелых артиллерийских орудий, то японские военные власти предложили только пушки из японского арсенала, использовавшиеся японской армией во время штурма немецкой военно-морской базы Циндао в ноябре 1914 г. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Л. 190).

Тем временем военный агент в Китае Морель заменил в Токио заболевшего генерала В.К. Самойлова. Новый военный агент 21 октября 1915 г. сделал коммерческое предложение японской стороне – отпустить русской армии срочно 200 000 винтовок, обещая за это предоставить Японии большой заказ еще на изготовление 2 млн винтовок (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 139).

Как видно из секретной телеграммы русского посла в Токио от 23 ноября 1915 г. за № 6029, в виду отказа японского правительства немедленно уступить русской армии 200 000 винтовок военный министр России признал невозможным принять предложение о заказе в Японии 1,9 млн винтовок в отдаленные сроки (1917–1919 гг.) (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 165).

6 декабря 1915 г. российский посол сообщал, что фирма «Кухара» пожертвовала 100 000 руб. «в пользу наших воинов». Вместе с тем японская фирма сделала коммерческое предложение российскому правительству. Оно предложило поставить 600 000 ружей с патронами по 100 штук на ружье. 60 000 винтовок должны были быть поставлены в Россию в 1917 г., 140 000 в 1918 г.; 200 000 в 1919 г. и 200 000 в 1920 г.

Однако это предложение было отклонено по тем же обстоятельствам – слишком поздний срок изготовления винтовок (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Д. 73. Заказы Дальний Восток. Л. 175).

Как видно из секретной телеграммы русского посла в Токио от 2 декабря 1915 г. № 465, в ответ на очередное требование российской стороны о немедленном отпуске России оружия из японского арсенала маршал Ямагато предложил России только 6 тыс. ружей Арисака без патронов; 100 горных орудий и по 900 снарядов на каждое, 24 мортиры калибром 150 мм с 500 выстрелами на каждое орудие, 24 мортиры калибра 240 мм с 500 снарядами на каждое, 24–305 мм гаубицы с 400 снарядами на каждое тяжелое орудие и 250 000 кг бездымного пороха. Все это японское должностное лицо обещало поставить в течение 9 месяцев до сентября 1916 г. (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 173).

21 декабря 1915 г. российский посол был уведомлен своим военным министерством, что в русской армии на вооружении состоит 600 000 японских винтовок к которым патроны заканчиваются, поэтому необходимы поставки 10 млн патронов в неделю. Японское правительство уже отдало 110 млн патронов, а до сентября 1916 г. у ней было заказано еще 100 млн патронов. Поэтому через год понадобится заказать еще 200 млн патронов к ранее поставленным японским винтовкам (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 73. Л. 178).

19 января 1916 г. военное министерство России информировало посла в Токио, что до сих пор японские винтовки употреблялись в войсках второй линии, а с недавнего времени вся 12-я армия, которая принадлежала войскам 1-й линии, была снабжена японскими винтовками. Ввиду того, что войска участвовали в боях, ощущался недостаток в патронах. Военные власти России просили дипломатов настоять об отпуске 50 млн патронов из арсеналов Японии (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 134. Л. 20).

Как видно из секретной телеграммы МИД России по 4-му Политическому отделу (страны Дальнего Востока. В.С.) от 10 января 1916 г., начальник японского Генерального штаба генерал Тераучи сообщил о согласии японского правительства немедленно в течение трех недель отпустить России 20 млн патронов к имеющимся в русской армии японским винтовкам (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 134. Л. 22).

18 мая 1916 г. в депеше № 236 военно-морской агент России, ведущий переговоры о заказе тяжелых орудий на заводах Японии, сообщил, что такой заказ невозможен, равно как и выпуск снарядов для тяжелых артиллерийских систем (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 152. Л. 30).

22 мая 1916 г. в секретной телеграмме № 245 новый русский посол в Японии В.Н. Крупенский, сменивший Малевского-Малевица, сообщил, что барон Исии информировал его, что Японское правительство готово передать русской армии еще 120 000 винтовок и 80 млн патронов к ним (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 134. Л. 24).

8 июля 1916 г. японские военные власти предложили уже передать России 150 000 винтовок (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 134. Л. 26).

4 июня 1916 в телеграмме № 2603 МИД России информировал В.Н. Крупенского, что ему нужно напомнить японскому правительству о долге союзников и просить предоставить кредит на сумму в 315 млн иен для закупки в Японии самого современного оружия, изготавливаемого на заводах этой страны (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 152. Л. 31).

29 ноября 1916 г. японская сторона на союзнической конференции в ответ на претензии России на недостаточность военной помощи указала, что она не только уже передала России 600 000 винтовок, 200 млн патронов, 800 пулемётов и млн снарядов и патронов, но и планирует в ближайшие полгода направить еще 50 000 винтовок, 2 тяжелых орудия, 2 млн 560 тыс. снарядов. Отметили представители японской армии, что в русскую армию ими были направлены 25 инструкторов-добровольцев, которые в основном обслуживали тяжелую японскую артиллерию (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 152. Л. 47).

1 декабря 1916 г. в депеше № 5289 российское военное министерство снова попросило японское военное ведомство передать им тяжелые орудия для русской и румынской армий с тем, чтобы в зависимости от стратегической обстановки распределить на фронте для наступления весной (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 152. Л. 55).

В ответе от 5 декабря 1916 г. № 509 российский министр иностранных дел сообщал: «На мой вопрос о тяжелой артиллерии виконт Мотоно ответил, что

прилагает усилия к благоприятному разрешению, но встречает значительные затруднения со стороны военных кругов» (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 152. Л. 58).

31 декабря 1916 г. и 2 января 1917 г. министерство иностранных дел Российской империи в депешах № 5717 и № 5718 просило русского посла в Токио передать японской стороне о том, какие выгоды получит Япония, приобретая участок КВЖД до Сунгары. Таким образом, японская Южно-Маньчжурская железная дорога должна была достигнуть пограничной с России реки Сунгары. Этой уступкой, – отмечал министр, изменяется в пользу Японии существующее в силу Портсмутского мира положение России и Японии в Маньчжурии. Мы, – подчеркивал МИД России, – ожидаем от Японского правительства снабжение русской армии в размерах, превосходящих обычные коммерческие сделки, получения тяжелой артиллерии и японской валюты, которая бы позволила использовать японский рынок для заказов, необходимых нашей армии (АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 152. Л. 62).

Однако случившаяся в феврале 1917 г. революция и последовавшее затем ослабление русской армии сделало японскую сторону более неуступчивой в ее переговорах о военных поставках в Россию тяжелой артиллерии и предоставления ей кредита. Поэтому основным военно-техническим партнером на 1917 г. для России стала не Япония, а противостоящие ей в тихоокеанском регионе США.

Таким образом, за годы Первой мировой войны 1914–1915 г. Япония поставила России значительное количество винтовок современного на тот период магазинного образца. Это выгодно отличало ее от других союзников, которые поставляли устаревшие виды винтовок («Гра» – Франция, «Веттерли» – Италия). Расход боеприпасов в годы войны был велик, и Япония достаточно своевременно отправляла к своим винтовкам патроны. Япония поставила в Россию значительное количество легкой и некоторое количество устаревшей тяжелой артиллерии. Поставленные тяжелые орудия, как правило, не изготавливались на заводах страны, а списывалась из ее arsenалов, что вызывало недовольство военных властей в Петрограде, требовавших вплоть до конца падения монархии в России поставок новых образцов тяжелой артиллерии с заводов Японии.

Список источников

Базин О.А. Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 58–62.

Барсуков Е.З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. 230 с.

Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914–1917 гг.): малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Ежегодник Японии. 2011. Т. 40. С. 238–254.

Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 9–22.

Гальперин А.Л. Англо-японский союз. 1902–1921 гг. М. : Государственное издательство политической литературы, 1947. 448 с.

Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2014. 544 с.

Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 1965. 602 с.

Куросава Фумитака. Японо-русские отношения после Портсмутского мира: между дружбой и недоверием // Российско-японские отношения в формате параллельной истории : коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ; [науч. ред.: проф. Д.В. Стрельцов и доц. С.В. Гришачев]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; Ассоциация японоведов. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 191–217.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония / Л.Н. Кутаков; АН СССР, Ин-т востоковедения. Москва : Наука, 1988. 381 с.

Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 261 с.

Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. Москва : Международные отношения, 2019. 456 с.

Пестушко Ю.С. Недолгий альянс русско-японский союзный договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007b. № 1. С. 92–106.

Пестушко Ю.С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Ежегодник Японии. 2007a. Т. 36. С. 266–275.

Пестушко Ю.С., Шулатов Я.А. Русско-японские отношения в 1905–1916 гг. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ; [науч. ред.: проф. Д.В. Стрельцов и доц. С.В. Гришачев]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений

References

Bazin O.A. (2014) Japan's position on participation in the First World War. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*. No. 8 (143). P. 58-62. (In Russ.).

Barsukov E.Z. (1928) The work of industry on the combat supply of the Russian army in the World War. Moscow. 230 p. (In Russ.).

Baryshev E.A. (2011) Japanese rifles on Russian battlefield during World War I (1914-1917): Obscure Pages of Bilateral Cooperation. *Ezhegodnik Yaponiya. 2011 = Yearbook Japan*. 2011. Vol. 40. P. 238-254. (In Russ.).

Bokarev Yu.P. (2009) Mobilization economy in Russia and Germany during the First World War. Comparative Research Experience. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka»: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk, 28-29 noyabrya 2009 g. = Mobilization Model of Economics: Historical Experience of Russia of the Twentieth Century. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Chelyabinsk, November 28-29, 2009*. Chelyabinsk: Entsiklopediya. P. 9-22. (In Russ.).

Gal'perin A.L. (1947) Anglo-Japanese alliance. 1902-1921. Moscow: State politic literature print. 448 p. (In Russ.).

Golovin N.N. (2014) Russia in the First World War. Moscow: Veche. 544 p. (In Russ.).

Grigortsevich S.S. (1965) Far Eastern politics of imperialist powers in 1906-1917. Tomsk: Tomsk State University. 602 p. (In Russ.).

Kurosava Fumitaka (2015) Japan-Russian relations after the Portsmouth World: between friendship and mistrust. *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii: kollektivnaya monografiya = Russian-Japanese relations in the format of a parallel history. collective monograph*. Moscow: MGIMO-Universitet. P. 191-217. (In Russ.).

Kutakov L.N. (1988) Russia and Japan. Moscow: Nauka. 381 p. (In Russ.).

Pavlov D.B. (2014) Russian-Japanese relations during the First World War. Moscow: Politic encyclopedia. 261 p. (In Russ.).

Panov A.N., Sarkisov K.O., Strel'tsov D.V. (2019) History of Japan's Foreign Policy 1868-2018. Moscow: International Relations print. 456 p. (In Russ.).

Pestushko Yu.S. (2007b) A short-lived alliance of the Russian-Japanese union treaty of 1916. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 1. P. 92-106. (In Russ.).

Pestushko Yu.S. (2007a) Why did the Japanese troops never get to the European front. *Ezhegodnik Yaponiya. 2007 = Yearbook Japan*. 2007. Vol. 36. P. 266-275. (In Russ.).

Pestushko Yu.S., Shulatov Ya.A. (2015) Russo-Japanese Relations in 1905-1916. *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii: kollektivnaya monografiya = Russian-Japanese relations in the format of a parallel history. A collective monograph*. Moscow: MGIMO-University. P. 218-248. (In Russ.).

(ун-т) МИД России; Ассоциация японоведов. М. : МГИМО–
Университет, 2015. С. 218–248.

Саркисов К.О. Японское оружие и добровольцы в
российской армии в первую мировую войну // Ежегодник
Япония. 2014. Т. 43. С. 210–223.

Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практи-
ки к теории // Мобилизационная модель экономики: ис-
торический опыт России XX века : сборник материалов
Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29
ноября 2009 г. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова.
Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 7–9.

Синиченко В.В. К вопросу о поставках в Россию во-
оружения и снаряжения из-за границы в 1914–1916 гг. //
Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17.
№ 1. С. 214–225.

Синиченко В.В. Военные поставки в Российскую им-
перию из стран Тихоокеанского региона в годы Первой
мировой войны // Восточный архив. № 1 (45). 2022.
С. 58–65.

Широкоград А.Б. Япония. Незавершенное соперниче-
ство. М. : Вече, 2008. 448 с.

Berton P. A New Russo-Japanese Alliance?: Diplomacy
in the Far East during World War I // Acta slavica iaponica.
1993. № 11. P. 57-78.

Kajima M. The Emergence of Japan as a World Power,
1895–1925. Rutland/Tokyo, 1968. 403 p.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович,

доктор исторических наук, профессор, главный научный
сотрудник научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
125130, г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, 8, Россия,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9384-2175>,
Web of Science Researcher ID AAZ-1100-2020

Вклад автора

Синиченко В.В. выполнил исследовательскую рабо-
ту, на основании полученных результатов провел обоб-
щение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2023 г.;
одобрена после рецензирования 6 марта 2023 г.; принята
к публикации 20 марта 2023 г.

Sarkisov K.O. (2014) Japanese weapons and volunteers
in the Russian army in the First World War. *Ezhegodnik Ya-
poniya. 2014 = Yearbook Japan. 2014: Yearbook.* Vol. 43.
P. 210-223. (In Russ.).

Sedov V.V. (2009) Mobilization economics: from prac-
tice to theory. *Mobilizatsionnaya model' ehkonomiki: is-
toricheskii opyt Rossii XX veka: sbornik materialov vserossiis-
koi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk, 28-29 noyabrya
2009 g. = Mobilization model of economics: historical experi-
ence of Russia of the twentieth century ". Proceedings of the
All-Russian Scientific Conference. Chelyabinsk, November 28-
29, 2009.* Chelyabinsk: Entsiklopediya. P. 7-9. (In Russ.).

Sinichenko V.V. (2021) To the question of deliveries to
Russia of weapons and equipment from abroad in 1914-1916.
*Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the
Laboratory of Ancient technologies.* Vol. 17. No. 1. P. 214-225.
(In Russ.).

Sinichenko V.V. (2022) Military supplies to the Russian
Empire from the countries of the Pacific region during the
First World War. *Vostochnyi arkhiv = Eastern Archive.*
No. 1 (45). P.58-65. (In Russ.).

Shirokorad A.B. (2008) Japan. An unfinished rivalry.
Moscow: Veche. 448 p. (In Russ.).

Berton P. A New Russo-Japanese alliance?: Diplomacy in
the Far East during World War I // Acta Slavica Iaponica.
1993. № 11. P. 57-78.

Kajima M. The Emergence of Japan as a world power,
1895-1925. Rutland/Tokyo, 1968. 403 p.

Information about the author

Vladimir V. Sinichenko,

Dr. Sci. (History), Professor, Chief Researcher at the Research
Center,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of
Russia,
8, Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow
125130, Russia,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9384-2175>,
Web of Science Researcher ID AAZ-1100-2020

Contribution of the author

Sinichenko V.V. carried out a research work, based on
the obtained results made the generalization and prepared
the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted February 8, 2023; approved
after reviewing March 6, 2023; accepted for publication
March 20, 2023.

Научная статья
УДК 351.741
EDN: IMIERB
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-137-148>

Кадровая политика и профессиональная подготовка советской милиции в 30–50-е гг. XX в. (по материалам Иркутской области)

А.В. Игумнов¹, А.П. Санников²

¹ Главное управление МВД России по Иркутской области, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. 10 июля 1934 г. было учреждено НКВД СССР. Оно формировалось как «сверхведомство», охватывавшее многие сферы деятельности государства и жестко централизованное по системе управления. Возлагавшиеся на ведомство задачи требовали особого внимания к подбору сотрудников. Особенно это касалось милиции. В ней большое значение имел социальный состав. Предпочтение отдавалось рабочим и крестьянам, доля которых к началу войны достигла 28,67 % и 30 % соответственно. При этом высшее образование имели 0,5 %, среднее – 11,2 %, но большинство личного состава имело лишь начальное образование. Обучение многих сотрудников проводилось без отрыва от службы. В 1940–1941 учебном году за школьными партами находилось почти 53 тысячи работников милиции. Но главная роль отводилась профессиональной подготовке, которая осуществлялась на курсах, в училищах и школах системы НКВД. В Иркутской области были организованы «Оперативные курсы управления НКВД Восточно-Сибирского края», на которых за 4 месяца изучались правовые и общественные дисциплины. Была организована система служебной, боевой, спортивной и технической подготовки. Опыт работы курсов позволил открыть в 1939 г. Иркутскую школу среднего и начальствующего состава милиции, которая стала центром подготовки кадров для органов внутренних дел восточносибирских регионов. Активизация деятельности этого учебного заведения пришлось на период с 1947 по 1956 гг. Срок обучения курсантов составил 2 года, а набор составил 100 человек. Позднее было открыто заочное отделение. Благодаря Школе удалось сформировать квалифицированный средний и начальствующий состав милиции Иркутской области. В 1958 г. ее деятельность прекращается, но на ее базе был создан учебный пункт при УВД Иркутской области.

Ключевые слова: милиция, реорганизации НКВД, кадровая политика, подготовка кадров, Иркутская область, служебная и боевая подготовка, учебные заведения МВД, предвоенные годы, послевоенные годы, курсанты МВД, спортивное общество «Динамо»

Для цитирования: Игумнов А.В., Санников А.П. Кадровая политика и профессиональная подготовка советской милиции в 30–50-е гг. XX в. (по материалам Иркутской области) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 137–148. EDN: IMIERB. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-137-148>.

History

Original article

Personnel policy and professional training of the Soviet militia in the 30-50s of the twentieth century (based on the materials of the Irkutsk region)

Alexander V. Igumnov¹, Alexander P. Sannikov²

¹ Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. On July 10, 1934, the NKVD of the USSR was established. It was formed as a “super-agency” that covered many areas of state activity and was rigidly centralized according to the management system. The tasks assigned to the department required special attention to the selection of employees. This was especially true of the police. The social composition was of great importance in it. Preference was given to workers and peasants, whose part by the beginning of the war reached 28.67 % and 30 %,

respectively. At the same time, 0.5 % had higher education, 11.2 % had secondary education, but most of the personnel had only primary education. Many employees were trained on-the-job. In the 1940-1941 academic year, there were almost 53 thousand police officers at school desks. But the main role was given to professional training, which was carried out at courses, in colleges and schools of the NKVD system. In the Irkutsk Region, "Operational management courses of the NKVD of the East Siberian Region" were organized, where legal and social disciplines were studied for 4 months. A system of service, combat, sports and technical training was organized. The experience of the courses made it possible to open in 1939 the Irkutsk School of Secondary and Commanding Police Personnel, which became a training center for the internal affairs bodies of the East Siberian regions. The reinforcing of the activity of this educational institution occurred in the period from 1947 to 1956. The training period of the cadets was 2 years, and the recruitment was 100 people. Later, a distance learning department was opened. Due to the School, it was possible to form a qualified middle and commanding police of the Irkutsk region. In 1958, its activities ceased, but a training center was established on its basis at the Department of Internal Affairs of the Irkutsk region.

Keywords: militia, NKVD reorganizations, personnel policy, personnel training, Irkutsk region, service and combat training, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs, pre-war years, post-war years, cadets of the Ministry of Internal Affairs, Dynamo sports society

For citation: Igumnov A.V., Sannikov A.P. (2023) Personnel policy and professional training of the Soviet militia in the 30-50s of the twentieth century (based on the materials of the Irkutsk region). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 137-148. (In Russ.). EDN: IMIERB. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-137-148>.

20 февраля 1934 г., обсуждая положение дел в стране, на заседании политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос о реорганизации силовых структур и формировании Наркомата внутренних дел СССР. По мнению И.В. Сталина, ведомство должно было стать «ведущим подразделением нашей партии». Его реализация состоялась 10 июля 1934 г., после принятия ЦИК СССР Постановления «Об образовании НКВД СССР».

Его структура определялась приказом Наркома внутренних дел Генрихом Григорьевичем Ягодой № 0044 от 21 августа 1934 г. Со временем в него вошли: 13 главных управлений (государственной безопасности, экономическое, пограничной и внутренней охраны, тюремное, рабоче-крестьянской милиции, транспортное, пожарной охраны, военнопленных и интернированных, шоссейных дорог, лагерей и колоний, железных дорог, финансовое, архивное), секретариат, центральный отдел актов гражданского состояния, отдел связи, управление коменданта Московского Кремля, административно-хозяйственное управление (Министерство внутренних дел..., 2004. С. 421). Изменения в структуре НКВД закреплялись постановлениями ЦИК и СНК СССР.

В результате сформировалось «сверхведомство», занимавшееся не только охраной советского правопорядка, но и внутренними вопросами жизни страны в самом широком смысле слова. Создание настолько централизованного наркомата не имело аналогов в советской истории ни до, ни после. Общая численность сотрудников НКВД СССР прибли-

жалась к 1 млн человек. Только в войсках НКВД проходили службу 280 026 человек (Органы и войска..., 1996. С. 269–297). Штатная численность милиции также увеличилась с 160 495 человек в 1938 г. до 227 650 – к 1941 г. (Там же).

Возлагавшиеся на ведомство задачи требовали особого внимания к подбору сотрудников. За ведущим Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) Павлом Петровичем Постышевым была подписана инструкция о работе политических органов в милиции. Они должны были организовать работу «по дальнейшей коммунизации и обработке личного состава, а также по очищению органов милиции от классово-чуждого и преступного элемента» (Шишулина, 2022. С. 15). Результатом проводимых мероприятий стало изменение социального состава милиции (табл. 1).

Таблица 1. Социальный состав милиции в предвоенные годы (Полиция и милиция..., 1995. С. 141)

Table 1. The social composition of the police in the pre-War years (Police and militia ..., 1995. P. 141)

Категории населения	1934	1938
Рабочие	24 %	29 %
Крестьяне	18 %	30 %
Служащие	25 %	18 %
Бывшие помещики, торговцы, мелкие предприниматели и кустари	28 %	12 %
Прочие	6 %	11 %

Однако образовательный уровень ее сотрудников был недостаточным (табл. 2).

Таблица 2. Образовательный уровень сотрудников милиции (Кизилов, 1969. С. 102; Николаев, 1969. С. 78)

Table 2. Educational level of militia officers (Kizilov, 1969. P. 102; Nikolaev, 1969. P. 78)

Сотрудники милиции имевшие:	1924 г.	1940 г.
Высшее образование	0,3 %	0,5 %
Среднее образование	9,8 %	11,2 %
Начальное образование	80,5 %	83,9 %
Малограмотные и неграмотные	9,4 %	4,4 %

Руководством наркомата 8 октября 1932 г. был разработан циркуляр, предусматривавший повышение образовательного уровня сотрудников рабоче-крестьянской милиции. За 1940–1941 учебный год планировалось направить на обучение 53 000 сотрудников милиции (Органы и войска..., 1996. С. 255). Это требовало организации профессиональной подготовки, которая осуществлялась на курсах, в училищах и школах НКВД.

Осложняли процесс профессиональной подготовки сотрудников НКВД постоянно проводимые «чистки». В результате проводившихся мероприятий по наведению порядка в органах НКВД в 1935 г. было привлечено к уголовной ответственности 13 715 работников милиции, в 1936 г. – 4 568 человек, в 1937 г. – 8 905 человек. Из них осуждено в 1935 г. – 5 284, в 1936 г. – 2 621, в 1937 г. – 3 057 человек (Некрасов, 1995. С. 174–175).

Затронули систему НКВД и репрессии. В 1933 г. было арестовано – 738 человек; в 1934 г. – 2 860; в 1935 г. – 6 249; в 1936 г. – 1 945; в 1937 г. – 3 837; в 1938 г. – 5 625; в 1939 г. – 1 364. Всего подверглось репрессиям 22 618 сотрудников НКВД (Перестройка и работа чекистов. Член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР В.М. Чебриков отвечает на вопросы «Правды» // Правда. 2 сентября 1988. № 246).

Назначенный 25 ноября 1938 г. наркомом внутренних дел Лаврентий Павлович Берия организовал последнюю предвоенную «чистку» ведомства. Ставилась новая задача – «восстановление социалистической законности». К высшей мере

наказания было приговорено 937 сотрудников, а уволено 7 372 человека. (Богданов, 2015. С. 44).

Восполнение этих потерь требовало усиления системы подготовки кадров. 18 марта 1941 г. было образовано Управление учебных заведений НКВД СССР. В него вошли по Главному управлению шоссейных дорог – 4 автодорожных института (Москва, Харьков, Саратов, Омск) и 6 техникумов; по Главному управлению пожарной охраны – 5 школ среднего начсостава, Ленинградский пожарный техникум, Харьковские курсы усовершенствования комсостава, факультет инженеров пожарной охраны при Ленинградском институте коммунального хозяйства; по Главному архивному управлению – Московский историко-архивный институт, Ленинградский историко-архивный техникум; по Главному управлению милиции – Центральная школа в Москве, Ленинградская школа политработников, 21 межобластная школа, 7 школ с годичным сроком обучения, 5 школ служебного собаководства, 27 милицейских курсов; по Главному управлению лагерей и колоний – курсы ГУЛАГа в городах Люблино, Киеве, Куйбышеве, Вязьме, 3 школы ВОХР, школа служебного собаководства, курсы ВОХР в г. Тайшете (Горбатенко, 2011. С. 184).

Реорганизация ведомства привела к изменению и его региональных управлений. 13 июля 1934 г. было сформировано Управление НКВД по Восточно-Сибирскому краю. Начальником управления был назначен Иван (Ян) Петрович Зирнис (участник революционного движения, боец Латышского стрелкового полка, почетный работник ВЧК-ГПУ, репрессирован) (Кузнецов, 2006. С. 173–174). При нем начала складываться система подготовки кадров для милиции и органов государственной безопасности в Восточно-Сибирском крае.

В 1923 г. в Иркутске открылась школа резерва для вновь прибывших в органы милиции, а в 1925 г. – школа подготовки младшего командного состава милиции (Синиченко, Карнович, Кузнецов, 2016. С. 57). Тем самым были заложены основы профессиональной подготовки для сотрудников органов внутренних дел.

В Иркутске при Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в 1933 г. были образованы «Курсы переподготовки оперативного состава». Целью этих курсов являлась подготовка сотрудников непосредственно на месте.

Продолжительность обучения составляла 4 месяца. На период обучения курсанты освобождались от службы с сохранением денежного, продовольственного и вещевого обеспечения. Вопрос с проживанием также решался за счет казарменного размещения. Учебный план согласовывался не только региональным руководством силовых ведомств, но и руководством ОГПУ СССР. Он предусматривал теоретическую, практическую и самостоятельную работу. Особое внимание уделялось оперативно-чекистской подготовке, а также общественно-политическому блоку: марксистско-ленинско-сталинское революционное учение. На курсы набирали одну группу в составе 25–30 человек. До образования НКВД СССР успели провести один набор и выпуск (Наумов, 2007. С. 250).

Реорганизация наркомата замедлила оформление системы подготовки специалистов в регионе. Возобновление работы курсов произошло в 1935 г. Они получили новое наименование «Оперативные курсы управления НКВД Восточно-Сибирского края». Срок обучения остался прежним – 4 месяца. В 1935 г. было набрано для обучения 40 человек (Наумов, 2007. С. 251). Предпочтение при наборе отдавалось сотрудникам НКВД из отдаленных сел, городов и районов. Их численность должна была составлять более половины слушателей. Учебная программа была значительно расширена. Изучались такие дисциплины как «Основы марксизма-ленинизма» (после 1938 г. – «История ВКП(б)»), «История ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Организационное устройство органов НКВД», «Советское уголовное право», «Уголовно-процессуальный кодекс и следственное дело», «Оперативно-чекистская подготовка», «Агентурно-оперативная работа НКВД», «Шпионаж, террор, диверсия», «Работа рабоче-крестьянской милиции» и др. Постоянного штата преподавателей на курсах не было. Приглашались руководители ведущих отделов регионального управления НКВД, а также преподаватели иркутских вузов (на почасовой основе). Курсы предусматривали прохождение стажировки в отделах управления НКВД и местных отделах. По итогам обучения курсанты сдавали зачеты и экзамены как по блоку профессиональных дисциплин, так и «марксистско-ленинской учебе». От курсантов требовалось соблюдение строжайшей дисциплины. О пропуске занятий или нарушении дисциплины со-

общалось на место службы и объявлялось дисциплинарное взыскание.

С 1931 г. в Иркутске функционировала окружная радишкола ОГПУ. Она готовила электромехаников и радиотелеграфистов. К 1934 г. было подготовлено более 100 специалистов. 17 выпускников в последствие получили звание старший радиотелеграфист.

Одновременно с этим проводилась работа по ликвидации безграмотности и повышению образовательного уровня сотрудников НКВД. Еще в 20-е годы в Иркутске была организована вечерняя средняя школа для сотрудников милиции. С началом Великой Отечественной войны в ее программу был включен немецкий язык. Школа оказалась чрезвычайно востребованной. Она проработала в Иркутске до 1968 г.

Для сотрудников милиции, проходивших службу в районах, проводились выездные занятия. С 1935 г. два раза в неделю в рамках служебной подготовки проводились занятия с постоянным составом по изучению русского языка и математики, с обязательной сдачей зачетов.

С 20-х гг. в системе НКВД вводилась система служебной подготовки. Изначально она посвящалась политической и оперативно-чекистской работе. Занятия проводились не реже двух раз в месяц. В последующем программа служебной подготовки заметно расширилась. С 1938 г. стало обязательным изучение истории партии по учебнику «История ВКП(б). Краткий курс». Учебный процесс контролировался начальниками отделов.

Еще одним направлением в системе подготовки сотрудников НКВД стала спортивная и физическая подготовка. Для координации этой работы в Москве в 1923 г. было сформировано спортивное общество (ПСО) «Динамо». Его иркутское отделение удалось организовать 11 июня 1925 г. на базе кружков физической культуры ОГПУ. Его возглавил и руководил им Фриц Мартынович Крумин – начальник управления милиции Восточно-Сибирского края. Ядром спортивного общества стали сотрудники ОГПУ, милиции и пограничники (Ширшиков, 2013. С. 67). Окружной Совет физической культуры, расположенный в Новосибирске, оказывал лишь скромную методическую помощь.

За два года работы удалось создать кружки по легкой атлетике, борьбе, гимнастике, конькам, лы-

жам, поднятию тяжестей (Тигунцев, Шохирев, 2022. С. 149). Особенно популярным стал футбол. «Динамовцы» сумели потеснить доминировавших в Иркутске спортсменов из «Свердловского транспортника». В дальнейшем их соперничество стало еще более ярко выраженным, и даже имела место групповая драка спортсменов этих клубов после окончания соревнования по футболу.

Призыв всем динамовцам встать на лыжи вдохновил работников городского отделения милиции г. Усожья-Сибирского. Они почти полным составом совершили ночной лыжный переход в Иркутск. Женщины, сотрудницы НКВД, проходили подготовку по программе медицинских сестер и обучались стрельбе (Шохирев, 2007. С. 85).

В 1930-е гг. при спортивном обществе «Динамо» для сотрудников милиции и государственной безопасности начали действовать автокурсы, обучение на которых проходило под лозунгом: «Каждый чекист должен овладеть мотором».

Большое внимание в 1930-е гг. уделялось военной подготовке сотрудников НКВД. Это было связано с нарастанием военной угрозы и с прокатившейся по стране волной крестьянских восстаний в период коллективизации. С января 1931 г. для всех сотрудников милиции и ОГПУ вводилось обязательное обучение стрельбе из нагана и трехлинейной винтовки по 2 часа в неделю.

С 1932 г. военная подготовка становится обязательной. Лица, имевшие таковую, привлекались в качестве инструкторов. Программа предусматривала подготовку по курсу «Командир взвода Красной Армии». Она проводилась один раз в неделю, в предвыходной день по 4 часа (с 17 до 21 часа). По окончании подготовки предусматривался итоговый экзамен на звание командира взвода. В программу входило изучение строевой подготовки; стрелковая подготовка; изучение материальной части стрелкового оружия (револьвера «Наган», трехлинейной винтовки, ручного пулемета Дегтярева, ручной гранаты), средств связи; химическое дело (противогаз); подрывное дело; автодело; тактическая подготовка.

Военную подготовку стремились максимально приблизить к практической деятельности. Об этом убедительно свидетельствует тематика тактических занятий, на которых изучались: «Борьба с бандитизмом в городе», «Уличный бой», «Опыт опера-

ций ОГПУ по ликвидации банд-групп и контрреволюционных выступлений в Восточно-Сибирском крае», «Изучение местности» (окрестностей Иркутска, Кругобайкальского участка железной дороги и берегов р. Ангары от истока до с. Буреть) (Наумов, 2007. С. 252).

В апреле 1939 г. в Иркутске на базе «Оперативных курсов» была создана Иркутская школа среднего и начальствующего состава милиции (Архив ГУВД Иркутской области. Ф. 18. Оп. 2. Д. 620. Л. 10). Она задумывалась как самостоятельное учебное заведение для подготовки лиц начальствующего состава для органов внутренних дел Иркутской области и соседних регионов. По статусу она относилась к межобластным школам милиции, которых в системе НКВД СССР было учреждено 21. Программа обучения во многом объединяла программы ранее существовавших курсов. Обучение включало в себя несколько блоков: общеобразовательный (русский язык и математика), социально-политический, специальный (оперативно-чекистский) и военно-технический. В Школе проходили обучение сотрудники НКВД, направленные по разнарядке. Срок обучения предусматривался 2 года. Первый набор из 100 курсантов состоялся осенью 1939 г.

Начальником Иркутской школы начальствующего состава милиции был назначен Яков Ефимович Ивашов. Его судьба оказалась тесно связанной с этим учебным заведением. Яков Ефимович родился 11 марта 1900 г. на хуторе Больше-Казинское Донской области (сейчас Краснодарский край). В 12 лет начал работать батраком «у богачей Медведевых и Калистратовых». В 1913 г. устроился учеником и помощником машиниста на мельнице у богача Симокина, с 1916 г. работал подмастерьем плотника и чернорабочим.

1 июня 1918 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Воевал в составе 2-й батареи Таманской армии на Дону, Кубанской конной дивизии на Юго-Западном фронте. В ноябре 1921 г. вступил в ряды РКП(б). В составе кубанского конного полка как политрук эскадрона был переброшен на Урал и в Сибирь. На службу в милицию поступил 9 февраля 1923 г. в 1-е отделение милиции г. Улан-Удэ. Служил простым милиционером, участковым. В 1927 г. в составе оперативных групп ОГПУ по Бурят-Монгольской АССР занимался ликвидацией

бандитских групп. В 1931 г., как член партии, переведен в политический отдел ОГПУ г. Улан-Удэ. В 1933 г. стал начальником городского отдела милиции г. Улан-Удэ. Именно в этом городе он встретил свою будущую супругу – Екатерину Михайловну, на которой женился в 1924 г. 20 февраля 1926 г. в его семье родилась дочь Евгения.

С апреля 1939 по 22 мая 1950 гг. Яков Ефимович Ивашов руководил Иркутской школой начальствующего состава милиции. С подчиненными имел ровные отношения. Руководством характеризовался как исполнительный и «надежный» работник. Однако организаторскими способностями не обладал. В 1950 г. подал рапорт об уходе на пенсию. За годы службы был награжден именованным оружием, медалями «За трудовое отличие», «За победу над Германией», орденами «Красного Знамени», «Знак почета» и др. Умер 2 октября 1976 г. (Гафькин, Санников, 2018).

Первый выпуск Иркутской школы начальствующего состава милиции совпал с началом Великой Отечественной войны. Почти все выпускники ушли на поля сражений. Школа подверглась реорганизации.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы в систему подготовки кадров для НКВД. Уже 26 июня 1941 г., спустя 4 дня после начала войны, деятельность учебных заведений переводилась на режим военного времени. Значительную часть учебных заведений расформировали. Их личный состав пополнил ряды Красной Армии. В системе НКВД осталось лишь 18 учебных заведений. Наборы в оставшиеся сократились в 2,5 раза. Период обучения также сжимался и составил 6 месяцев (Советская милиция..., 1987. С. 216). Если на 1 января 1941 г. в образовательных учреждениях системы НКВД СССР обучалось 8 270 курсантов, то на 1 января 1942 г. осталось 3 304 человека (Горбатенко, 2011. С. 186).

Ситуация начала изменяться в 1943 г. Пойти на это заставила криминогенная обстановка, складывавшаяся в стране. Проявился рост преступности. В 1942 г. количество совершенных преступлений увеличилось на 22 %. В следующем 1943 г. рост правонарушений продолжился и увеличился еще на 20,9 %. В этой ситуации правительство пошло на увеличение набора до 4 175 человек в 1944 г., и 5 475 курсантов – в 1945 г. (Исаков, Мельник, 2015.

С. 16). Срок обучения продлялся до 1 года, а числе учебных заведений достигло 26 (Кожевина, 2004. С. 134).

В военное время Иркутская школа среднего и начальствующего состава милиции получила совершенно иной статус: из межобластного учебного заведения она превратилась в региональные курсы подготовки младшего и среднего начальствующего состава. Срок обучения был сокращен до 3 месяцев 20 дней (Степанов, 2010. С. 30). Деятельность данного учебного заведения свелась к переподготовке сотрудников милиции, вновь принятых на службу вместо ушедших на фронт. В 1941 г. набор составил 58 курсантов и не увеличивался во все военные годы. Другие учебные курсы НКВД в Восточной Сибири: в Чите, Бурятии и Якутии – вообще прекратили свою деятельность, как например Якутские курсы переподготовки начальствующего состава милиции. Иркутск стал региональным центром по подготовке кадров.

15 марта 1946 г. в СССР началась министерская реформа. НКВД СССР был преобразован в Министерство внутренних дел СССР (Колпакиди, Север, 2010. С. 504). К этому времени на 1 января 1946 г. в органах НКВД СССР трудилось 993 072 сотрудника, дополнительно в войсках НКВД проходило службу 680 280 сотрудников (Исаков, Мельник, 2015. С. 16). Личный состав милиции включал 202 191 человека. Кадровый состав органов внутренних дел за годы Великой Отечественной войны обновился на две трети. Большинство сотрудников (85,7 %) сумели получить только начальное образование. Сотрудников милиции со специализированным образованием осталось только 19 101 человек, что составляло чуть больше 9,4 % личного состава (Горбатенко, 2011. С. 188). Вновь был поднят вопрос о повышении профессионализма сотрудников милиции.

Не лучшим было и положение на местах. В 1946 г. заместитель Управления внутренних дел Иркутской области подполковник Тамман в докладе Иркутскому областному Совету депутатов трудящихся сообщил, что более половины начальствующего состава милиции не обладает средним образованием, не говоря уже о рядовом. Выход из такой ситуации виделся в возобновлении деятельности Иркутской школы начальствующего состава милиции в полном объеме.

8 февраля 1947 г. был подписан приказ МВД СССР «О мероприятиях по подготовке и переподготовке руководящих и оперативных кадров милиции». Он предписывал: 1) восстановить учебные заведения, ранее входившие в систему профессиональной подготовки; 2) для каждого учебного заведения определялась специализация и регионы комплектования обучающимися; 3) срок обучения определялся в 2 года. Разрешалось вводить систему заочного обучения, а с 1948 г. – очно-заочную.

Для восстановления работы Иркутской школы начальствующего состава потребовалось решить ряд вопросов. Главным из них являлся вопрос помещения. Ранее занятия проводились в приспособленных помещениях комплекса НКВД на ул. Литвинова. Но с разделением ведомства на два министерства: МВД и МГБ свободных площадей не оказалось. Было принято решение ходатайствовать о передаче «под классы школы милиции МВД СССР дома по ул. Урицкого № 22» (сейчас ДК Дзержинского).

Согласно принятому Иркутским городским советом решения указанный дом был исключен из жилого фонда и передан УВД Иркутской области. Однако здесь размещались коммунальные квартиры сотрудников МВД и МГБ. Требовалось срочно провести расселение. Оно продолжалось в течение двух лет. В 1946 – начале 1947 г. большая часть помещений была освобождена. Последний жилец – сотрудник УИТЛК Шумаков, проживавший в классе оперативно-чекистской подготовки, был переселен только в 1948 г. после комплексной проверки школы, хотя приказы о переселении подписывались руководством УВД Иркутской области неоднократно.

Освобождавшиеся помещения перестраивались под учебные классы и оснащались мебелью. Последнее также оказалось непростым делом, поскольку соответствующего инвентаря местная промышленность не выпускала в достаточном объеме. Для решения этого вопроса пришлось пойти на нестандартные меры. Начальнику школы разрешалось приобретать необходимый инвентарь не только в государственных учреждениях, но и у частных лиц. К концу 1946 г. удалось оборудовать часть учебных классов. На втором этаже здания были подготовлены комнаты для проживания кур-

сантов. Таким образом, вопрос с помещением был решен.

Решение вопроса с помещением позволило руководству Иркутского управления МВД обратиться в министерство о проведении набора и начале обучения курсантов. Начальнику школы было приказано подготовить смету и финансовое обоснование необходимых расходов по учебному заведению на 1947 г. Курировал деятельность этого учебного заведения начальник учебной части отдела кадров УМВД Иркутской области капитан милиции Иван Екимович Русов.

Контроль за финансово-хозяйственной деятельностью школы проводился постоянно. В ходе проведенной в июне 1947 г. проверки было установлено: «недостача денежных средств на 30.04.47 – 216 руб., 04.05.47 г. – 1066 руб., 14.06.47 г. – 305 руб.; незаконных переплат денежных средств – 2196 руб. 46 коп., неуплата с сотрудников школы налогов на 3096 руб. 10 коп.; и приобретение у частных лиц материальных ценностей на 1250 руб. У повара Топорковой и работника кухни Сеньковой обнаружены похищенные продукты». Нарушители были уволены, начальник школы – предупрежден (Гафыкин, Санников, 2018. С. 102).

11 апреля 1947 г. был подписан приказ № 0210 МВД СССР об организации отбора кандидатов в школы и курсы милиции МВД СССР на 1947 г. Набор составил 100 человек. Если ранее он проводился по разнарядке от местных подразделений, то теперь объявлялся конкурс. К нему допускались сотрудники милиции, имевшие семилетнее образование.

В соответствии с приказом была организована комиссия по отбору кандидатов. В нее вошли: председатель – зам. начальника УМВД полковник милиции Сергеев, члены – зам. начальника отдела кадров УМВД майор милиции Съемщиков, начальник УБХСС УМ майор милиции Белоусов, начальник ОУР УМ майор милиции Кувалкин. В 1948 г. набор был подтвержден.

Учебная программа Иркутской школы начальствующего состава милиции была достаточно насыщенной. Она предусматривала изучение четырех циклов: юридического, социально-экономического, специального и общеобразовательных дисциплин. Факультативно изучались: русский язык, литература, фотография и автодело.

По предложению руководства УМВД в программу были дополнительно включены немецкий язык и экономическая география. В качестве выпускных экзаменов устанавливались следующие дисциплины: 1. История ВКП(б). 2. Оперативно-следственная работа. 3. Советское уголовное и процессуальное законодательство. 4. Организация работы милиции.

Выполнение учебной программы контролировалось достаточно жестко. За неделю до проведения занятия каждый из преподавателей был обязан текст лекций и методическую разработку сдать в учебную часть на проверку и проводить занятие только после получения одобрения. Срыв занятий рассматривался как чрезвычайное происшествие, виновные привлекались к дисциплинарным взысканиям.

14 ноября 1947 г. во все учебные заведения системы МВД поступила директива зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Обручкова № 197. В ней указывалось: «Считать качество специальной подготовки одним из приоритетных показателей в работе школ милиции. Это качество определяется: высоким уровнем преподавания теоретического курса, теснейшей увязкой его с практической работой наших органов, правильной, прогрессивно-улучшающейся методикой преподавания, рассчитанной на то, чтобы курсанты-слушатели не только четко знали те или иные нормы, но и обладали необходимыми практическими навыками и умением их применять».

Для реализации директивы руководство УМВД предприняло ряд шагов: 1. Преподавателей спецдисциплин и оперативно-чекистской работы направили на стажировку, «знакомя их с задачами и практической работой оперативных отделов». 2. Начальника школы подполковника милиции Ивашова и руководителя цикла спецдисциплин майора милиции Шеметова привлечь к участию в совещаниях руководящего состава УМВД по вопросам оперативной работы. 3. Своевременно знакомить руководителя школы и преподавателей спецдисциплин не только с руководящими документами, но и характерными поучительными оперативно-следственными материалами. 4. По заявкам начальника школы выделять в качестве преподавателей по отдельным темам руководящих работников УМВД и Управления милиции.

5. Оперативным отделам УМВД и милиции оказать помощь в пополнении кабинетов учебно-оперативными материалами. 6. Заместителям начальника УМВД организовать контрольно-проверочные занятия по спецдисциплинам и т. д. Тогда же был полностью оборудован кабинет спецдисциплин.

В результате серьезно была скорректирована программа обучения. На спецдисциплины отводилось 45,7 % учебного времени, юридические дисциплины занимали 11 %, политической, военной и физической подготовке отдавалось 23,4 % и общеобразовательным предметам – 19,9 % (Кожевина, 2004. С. 125).

Первые выпускные экзамены, состоявшиеся в 1948 г., показали, что курсанты школы освоили учебный материал, обладают всеми необходимыми теоретическими и практическими навыками. На экзаменах присутствовал начальник УМВД полковник Дошлов. Лучшие курсанты были награждены, а преподавательскому составу была объявлена благодарность.

В 1948 г. деятельность Иркутской школы начальствующего состава милиции расширилась. Открылось отделение заочного обучения. В штатное расписание дополнительно включили 6 ставок (зам. начальника школы по заочному обучению, 3 старших преподавателя-методиста, секретаря и машинистку). Первый набор на отделение заочного обучения состоялся в 1948 г. Число слушателей составило 37 человек (Гафыкин, Санников, 2018. С. 103). В планах школы было привлечение к обучению не только работников органов внутренних дел Иркутской области, но и Читинской области, Бурятии и Якутии, о чем были направлены соответствующие обращения в Москву. В 1949 г. на обучение в Иркутскую школу начальствующего состава милиции на заочное отделение были направлены сотрудники органов внутренних дел из Читинской области и Бурятии (Шацкая, 2020. С. 50).

Кроме образовательной деятельности курсанты привлекались к практической работе: участвовали в патрулировании Иркутска, привлекались к рейдам и спецоперациям. На 7 ноября 1948 г. начальнику школы было приказано «подготовить 100 курсантов для участия в демонстрации, посвященной празднованию 31 годовщины

Великой Октябрьской социалистической революции» (Архив ГУВД Иркутской области. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 34). Кроме того, часть курсантов находилась в оцеплении. В весеннее и летнее время часть курсантов направлялась на прополочные работы в совхоз имени 1 Мая, определенный как подшефный для Иркутского управления МВД, а также на посадку и уборку картофеля.

С 1 июня по 20 июля курсанты проходили практику. Местами проведения практики определялись: районные отделы Иркутского управления МВД, спецкомендатуры по работе со спецпереселенцами, исправительно-трудовые лагеря и другие подразделения. Практика должна была дополнить теоретические знания, полученные в ходе обучения.

Свой быт курсанты обеспечивали сами. Отряжался наряд на кухню. В тире Иркутского управления МВД шли занятия по огневой подготовке. На базе добровольного спортивного общества «Динамо» были организованы занятия по физподготовке. Многие из курсантов занимались в секциях по борьбе, боксу и поднятию тяжестей, была организована своя футбольная команда. С 1939 г. в Иркутске, в рамках подготовки к празднованию 1 Мая, проводился ежегодный Всесоюзный массовый кросс спортивного общества «Динамо» имени Л.П. Берия. Иркутские курсанты стали победителями 12-го кросса в 1952 г.

Особые требования предъявлялись к дисциплине у курсантов и их поведению. За пропуск занятий или неудовлетворительный уровень подготовки следовало отчисление. Один из курсантов был отчислен за то, что во время несения наряда по кухне съел 200 гр. сала.

Очередная волна реорганизаций в силовых ведомствах началась в 50-е гг. XX в. 22 июня 1950 г. в Иркутское управление МВД поступил приказ № 3101 МГБ СССР, подписанный зам. министра генерал-майором Свинелуповым, о передаче из МВД в МГБ управления милиции, подразделений уголовного розыска и Иркутской школы милиции. Непосредственно реорганизация проводилась в 1951 г. В результате в системе МВД остался надзор за тюрьмами, лагерями и пожарной безопасностью. В 1953 г. вновь произошло объединение МВД и МГБ.

Деятельность Иркутской школы начальствующего состава милиции продолжалась до 1958 г. Однако поставленные в послевоенные годы задачи во многом были решены. Снижался уровень преступности. Заметно улучшился уровень подготовки командных кадров милиции. К этому времени системой командирской подготовки было охвачено около 77 % начсостава. Увеличилось число сотрудников с полным и неполным средним образованием. Сокращалась потребность в начальствующих кадрах.

Это сказалось на деятельности Иркутской школы. Приоритет стал отдаваться заочной форме обучения. Наборы по дневной форме обучения сократились до 50 человек, затем – до 25-ти. По заочной форме, наоборот, наборы увеличились с 37 до 52, потом до 78.

6 июня 1956 г. постановлением Совета Министров СССР была отменена плата за обучение в старших классах средних школ, что повысило образовательный уровень в целом. Страна постепенно переходила на всеобщее среднее образование. Повышались требования к образовательному уровню кандидатов, приходящих на службу в органы внутренних дел. В результате на первый план выходила юридическая и оперативная подготовка рядового и сержантского состава милиции.

В этой связи с 1956 г. прекращаются наборы в Иркутскую школу начальствующего состава милиции, а в 1958 г. ее деятельность прекращается. В том же году на ее базе был создан учебный пункт при УВД Иркутской области для подготовки рядового и сержантского состава милиции. Базовыми центрами подготовки командного состава органов внутренних были определены Омск и Хабаровск.

Таким образом, в 30–50-е гг. XX века в СССР была создана система подготовки кадров для органов внутренних дел. Созданные учебные заведения позволили заполнить должности начальствующего и среднего состава милиции подготовленными сотрудниками. Огромный вклад в решение этой задачи внесли региональные образовательные учреждения системы НКВД-МВД СССР. Это позволило реализовать основные направления кадровой политики ведомства и повысить уровень профессионализма.

Список источников

Богданов Ю.Н. Сергей Круглов. Два десятилетия в руководстве органов госбезопасности и внутренних дел СССР / Ю.Н. Богданов. М. : ТД Алгоритм, 2015. 624 с.

Гафыкин С.А., Санников А.П. Из истории подготовки кадров для органов внутренних дел: Иркутская школа начальствующего состава милиции // Становление и развитие полиции Восточной Сибири в XVIII и начале XX в. : сборник материалов межвузовского научно-практического семинара (Посвящается 300-летию российской полиции) (Иркутск, 21 декабря 2018 г.). Иркутск, 2018. С. 100–104.

Горбатенко Г.В. Профессиональное образование сотрудников ОВД СССР во второй половине 30-х – начале 50-х годов XX века // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 183–188.

Исаков В.М., Мельник Е.В. НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 14–17.

Кизилов И.И. НКВД РСФСР (1917–1930). М. : Научно-исследовательское и редакционное издательство, 1969. 159 с.

Кожевина М.А. История милицейского образования в Советской России: организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.). Омск : Омская академия МВД России, 2004. 203 с.

Колпакиди А.И., Север А. КГБ. М. : Эксмо, 2010. 784 с.

Кузнецов С.И. Руководство ВЧК-ОГПУ-КГБ Иркутской области (1917–1953 гг.) // Силовые структуры России: страницы истории : сборник научных статей. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2006. С. 164–178.

Министерство внутренних дел, 1902–2002 : исторический очерк / ред. Р.Г. Нурғалиев. М. : Объединенная редакция МВД России, 2004. 648 с.

Наумов И.В. Организация органов государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936 годы) // Силовые структуры России: страницы истории : сборник научных статей. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2007. С. 242–254.

Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов: История НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова, 1917–1982. М. : Версты; Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1995. 416 с.

Николаев П.Ф. Омская высшая школа милиции МВД СССР: к 50-летию со дня основания (1920–1970). Омск : Зап.-Сиб. кн. изд., 1969. 214 с.

References

Bogdanov Yu.N. (2015) Sergey Kruglov. Two decades in the leadership of the bodies of state security and internal affairs of the USSR. Moscow: TD Algorithm. 624 p. (In Russ.).

Gafykin S.A., Sannikov A.P. (2018) From the history of personnel training for internal affairs bodies: Irkutsk School of the Commanding Police. *Stanovlenie i razvitie politzii Vostochnoi Sibiri v XVIII i nachale XX v. Sbornik materialov mezhu-zovskogo nauchno-prakticheskogo seminara (Posvyashchaetsya 300-letiyu rossiiskoi politzii) (Irkutsk, 21 dekabrya 2018 g.) = Formation and development of the police of Eastern Siberia in the XVIII and early XX centuries. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Seminar (Dedicated to the 300th anniversary of the Russian police) (Irkutsk, December 21, 2018)*. Irkutsk. P. 100-104. (In Russ.).

Gorbatenko G.V. (2011) Professional education of employees of the USSR Department of Internal Affairs in the second half of the 30s - early 50s of the twentieth century. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. P. 183-188. (In Russ.).

Isakov V.M., Mel'nik E.V. (2015) The NKVD and the militia of the Soviet state in the conditions of war and post-war time (1941-1950). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 9. 3. 14-17. (In Russ.).

Kizilov I.I. (1969) NKVD of the RSFSR (1917-1930). Moscow: Scientific Research and Editorial Publishing House. 159 p. (In Russ.).

Kozhevina M.A. (2004) History of police education in Soviet Russia: organization and legal regulation (1918-1991). Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 203 p. (In Russ.).

Kolpakidi A.I., Sever A. (2010) KGB. Moscow: Eksmo. 784 p. (In Russ.).

Kuznetsov S.I. (2006) The leadership of the CHEKA-OGPU-KGB of the Irkutsk region (1917-1953). *Silovye struktury Rossii: stranitsy istorii: sbornik nauchnykh statei = Power structures of Russia: pages of history. Collection of scientific articles*. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 164-178. (In Russ.).

Nurgaliev R.G. (2004) Ministry of Internal Affairs, 1902-2002: historical essay. Moscow: United Edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 648 p. (In Russ.).

Naumov I.V. (2007) Organization of state security bodies of the East Siberian Region (1930-1936). *Silovye struktury Rossii: stranitsy istorii. Sbornik nauchnykh statei = Power structures of Russia: pages of history. Collection of scientific articles*. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 242-254. (In Russ.).

Nekrasov V.F. (1995) Thirteen "iron" People's Commissars: The History of the NKVD-Ministry of Internal Affairs from A.I. Rykov to N.A. Shchelokov, 1917-1982. Moscow: Versts: State Firm "Polygraph Resources". 416 p. (In Russ.).

Nikolaev P.F. (1969) Omsk Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of the USSR: to the 50th anniversary of its foundation (1920-1970). Omsk: West-Siberian Publishing House. 214 p. (In Russ.).

Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / Некрасов В.Ф., Борисов А.В., Детков М.Г. и др. М. : Объединенная редакция МВД России, 1996. 462 с.

Полиция и милиция России: Страницы истории / Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. М. : Наука, 1995. 316 с.

Синиченко В.В., Карнович С.А., Кузнецов А.А. Система профессионального образования советской милиции в Восточной Сибири в 20-х гг. XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3. С. 53–63.

Советская милиция: история и современность, 1917–1987 гг. / А.П. Косицын, Р.С. Мулукаев, С.В. Биленко и др.; под ред. А.В. Власова. М. : Юридическая литература, 1987. 335 с.

Степанов А.Г. Подготовка кадров для правоохранительных органов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Юридическое образование и наука. 2010. № 2. С. 27–32.

Тигунцев С.А., Шохирев В.В. Организация добровольных спортивных обществ в Иркутской области в предвоенные годы // Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития; Сибирь в XVII–XXI века: история, география, музеология, культурология, архивоведение. Иркутск, 08-23 апреля 2022 г. : материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием; материалы Всероссийской социально-гуманитарной конференции. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 148–154.

Шацкая Е.А. Учреждения для подготовки сотрудников милиции в 20-е гг. XX века – начале XXI века (на материалах Забайкальского края, Республики Бурятия и Иркутской области) // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 3. С. 48–51.

Ширшиков А.Г. Под флагом иркутского «Динамо». Иркутск : Принт Лайн, 2013. 335 с.

Шишулина Т.П. Влияние политики государства на формирование кадрового состава региональной милиции в 1930-е гг. (на примере милиции Мордовии) // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 12–26.

Шохирев В.В. Становление и развитие спортивных организаций Иркутской области в конце XIX – середине XX веков. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. 162 с.

Nekrasov V.F. (1996) Organs and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief historical sketch. Moscow: United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 462 p. (In Russ.).

Borisov A.V. (1995) Police and militia of Russia: Pages of history. Moscow: Nauka. 316 p. (In Russ.).

Sinichenko V.V., Karnovich S.A., Kuznetsov A.A. (2016) The system of professional education of the Soviet militia in Eastern Siberia in the 20s of the XX century. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3. P. 53-63. (In Russ.).

Kositsyn A.P. (1987) The Soviet militia: history and modernity (1917-1987). Moscow: Legal Literature. 335 p. (In Russ.).

Stepanov A.G. (2010) Training of personnel for law enforcement agencies during the Great Patriotic War of 1941-1945. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*. No. 2. P. 27-32. (In Russ.).

Tiguntsev S.A., Shokhirev V.V. (2022) Organization of voluntary sports societies in the Irkutsk region in the pre-war years. *Pyatnadsatye Baikal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya. Region v strane i mire - tendentsii i dinamika politicheskogo razvitiya; Sibir' v XVII-XXI vekakh: istoriya, geografiya, muzeologiya, kul'turologiya, arkhivovedenie. Irkutsk, 08-23 aprelya 2022 g.: materialy Vserossiiskoi politologicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; materialy Vserossiiskoi sotsial'no-gumanitarnoi konferentsii = Fifteenth Baikal Socio-Humanitarian Readings. Region in the country and in the world - trends and dynamics of political development; Siberia in the 17th-21st centuries: history, geography, museology, cultural studies, archiving. Irkutsk, April 08-23, 2022: Proceedings of the All-Russian Political Science Conference with International Participation; Proceedings of the All-Russian Social and Humanitarian Conference*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 148-154. (In Russ.).

Shatskaya E.A. (2020) Institutions for the training of police officers in the 20s of the XX - the beginning of the XXI centuries (based on the materials of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Buryatia and the Irkutsk region). *Manuscript = Manuscript*. Vol. 13. No. 3. P. 48-51. (In Russ.).

Shirshikov A.G. (2013) Under the flag of the Irkutsk Dynamo. Irkutsk: Print Line. 335 p. (In Russ.).

Shishulina T.P. (2022) The influence of state policy on the formation of the personnel of the regional militia in the 1930s. (on the example of the police of Mordovia). *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*. No. 8. P.12-26. (In Russ.).

Shokhirev V.V. (2007) Formation and development of sports organizations of the Irkutsk region in the late XIX - mid. XX century. Irkutsk: Publishing House of BSUEP. 162 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Игумнов Александр Владимирович,
начальник отдела Управления по работе с личным
составом,
Главное управление МВД России по Иркутской области,
664003, г. Иркутск, ул. Литвинова, 15, Россия,
e-mail: aigumnov@mvd.ru
Санников Александр Павлович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
России,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: aps.72@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Igumnov,
Head of the Department for Work with Personnel,
Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Irkutsk region,
15, Litvinov St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: aigumnov@mvd.ru
Alexander P. Sannikov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of
Russian History,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: aps.72@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 20 апреля 2023 г.; принята к публикации 3 мая 2023 г.

Article info

The article was submitted March 13, 2023; approved after reviewing April 20, 2023; accepted for publication May 3, 2023.

История

Научная статья
УДК 94.327.81
EDN: JKKRFP
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-149-157>

К вопросу об интерпретации программы помощи США Советскому Союзу в период Второй мировой войны (ленд-лиза) в современной российской историографии

В.А. Волков

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. Программа ленд-лиз в части помощи США Советскому Союзу всегда была в центре политических и научных дискуссий. Крайняя политизация этого явления с момента зарождения влияла на его освещение как в СМИ, так и в исторической науке. Изменения в отношениях между СССР и Соединенными Штатами, политические изменения внутри этих стран приводили к появлению в историографии различных, иногда взаимоисключающих интерпретаций этой программы американской помощи. Крайними вариантами трактовки этой программы стали, с одной стороны, то, что ленд-лиз не является причиной Победы Советского Союза над гитлеровской Германией, СССР смог бы победить и без этой помощи. С другой – ленд-лиз практически спас Советский Союз от поражения и стал решающим фактором Победы СССР над нацистской Германией. Проведенный автором анализ историографии ленд-лиза показывает, что при таком антагонизме интерпретаций практически все исследователи исходят из концепции рассмотрения ленд-лиза как одного из элементов равноправного сотрудничества стран антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны в борьбе с «мировым злом» – германским нацизмом. Именно в ракурсе этой концепции исследователи, рассматривая количественно-качественные характеристики программы ленд-лиз, приходят к вышеуказанным выводам. В предлагаемой статье на основе анализа современной российской историографии и исторических фактов делается вывод о несостоятельности данной концепции. По мнению автора, рассмотрение и оценка всего комплекса взаимоотношений коллективного Запада и России целесообразно проводить только с учетом фундаментальной основы этих отношений – перманентного, цивилизационного противостояния. При таком подходе определение количественно-качественных характеристик программы ленд-лиз как основного содержания его интерпретации в историографии не может рассматриваться в качестве определяющего фактора для понимания исторического процесса.

Ключевые слова: ленд-лиз, СССР, США, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, противостояние Запада и России, концепция сотрудничества, война цивилизаций, «холодная война», антигитлеровская коалиция, цивилизационное противостояние, фальсификация истории

Для цитирования: Волков В.А. К вопросу об интерпретации программы помощи США Советскому Союзу в период Второй мировой войны (ленд-лиза) в современной российской историографии // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 149–157. EDN: JKKRFP. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-149-157>.

History

Original article

On the question of the interpretation of the US assistance program to the Soviet Union during the Second World War (Lend-Lease) in modern Russian historiography

Vladimir A. Volkov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The lend-lease program, in terms of US assistance to the Soviet Union, has always been at the center of political and scientific discussions. The extreme politicization of this phenomenon from the moment of its inception influenced its coverage both

© Волков В.А., 2023

in the media and in historical science. Changes in relations between the USSR and the United States, political changes within these countries led to the appearance in historiography of various, sometimes mutually exclusive interpretations of this American aid program. The extreme interpretations of this program were, on the one hand, lend-lease is not the reason for the victory of the Soviet Union over Nazi Germany, the USSR could have won without this help. On the other hand, lend-lease practically saved the Soviet Union from defeat, and became the decisive factor in the USSR's victory over Nazi Germany. The author's analysis of Lend-Lease historiography shows that with such an antagonism of interpretations almost all researchers proceed from the concept of considering Lend-Lease as one of the elements of equal cooperation between the countries of the anti-Hitler coalition in the fight against the "world evil" - German Nazism. It is from the perspective of this concept that researchers considering the quantitative and qualitative characteristics of the Lend-Lease program come to the above conclusions. In the proposed article, based on the analysis of modern Russian historiography, a conclusion is made about the inconsistency of this concept. In the author's opinion, consideration and evaluation of the whole complex of relations between the collective West and Russia is possible only taking into account the fundamental basis of these relations - the permanent, civilizational confrontation. With this approach, the definition of the quantitative and qualitative characteristics of the Lend-Lease program as the main content of its interpretation in historiography cannot be considered as a determining factor for understanding the historical process.

Keywords: Lend-Lease, USSR, USA, World War II, Great Patriotic War, confrontation between the West and Russia, concept of cooperation, war of civilizations, "Cold War", anti-Hitler coalition, civilizational confrontation, falsification of history

For citation: Volkov V.A. (2023) On the question of the interpretation of the US assistance program to the Soviet Union during the Second World War (Lend-Lease) in modern Russian historiography. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 149-157. (In Russ.). EDN: JKKRFP. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-149-157>.

В истории Второй мировой войны, несмотря на активную и многолетнюю работу множества исследователей разных стран, по-прежнему остается много спорных вопросов, неразработанных тем и даже белых пятен. Одним из таких вопросов является сюжет, связанный с оказанием Советскому Союзу материальной и военно-технической помощи Соединенными Штатами Америки (Военно-экономическое..., 2014). Российский историк, известный исследователь программы ленд-лиза С.М. Монин (Монин, 2015; Монин, 2018), замечает по этому поводу, что: «Многие проблемы и события, связанные с мировой войной 1939–1945 гг., оказались объектом ожесточенных споров, дискуссий, а то и злонамеренных искажений. Что, в свою очередь, порождало то, что называется мифами о войне. Не избежал этой участи и ленд-лиз» (Монин, 2019).

Для понимания сути рассматриваемой проблемы необходимо предпринять краткий экскурс в историю возникновения программы ленд-лиз. После начала Второй мировой войны США продолжали сохранять нейтралитет, который строился на «Законе США о нейтралитете» (Мир между войнами..., 1997. С. 74–75)¹, принятом в 1935 г. Этот закон принимался как временный, но в феврале 1936 г.

он был продлен. А 1 мая 1937 г. конгресс США принял новый, теперь уже бессрочный, «Закон США о нейтралитете» (Мир между войнами..., 1997. С. 197–198)², который, как и прежние редакции, запрещал оказание какой-либо помощи любому из государств, находящемуся в состоянии войны. Поставки оружия или военных материалов такому государству могли осуществляться только за наличный расчёт.

Однако в условиях начавшейся войны и стремительных побед нацистской Германии на европейском континенте президент США Ф. Рузвельт сумел убедить большую часть конгрессменов в необходимости оказания экономической помощи государствам, ведущим борьбу против агрессора. В результате 11 марта 1941 года палата представителей конгресса США большинством голосов («За» – 260, «Против» – 160) приняла «Закон по обеспечению защиты Соединённых Штатов» (Мировые войны XX века..., 2005. С. 118–119)³, оставшийся в истории под названием – «Закон о ленд-лизе».

В соответствии с этим законом страна, чья оборона признавалась жизненно важной для США, могла получать от США оружие и стратегическое сырьё на весьма льготных условиях. В частности,

¹ Мир между войнами : Избр. док. по истории междунар. отношений 1910–1940-х годов / сост. А.В. Мальгин. М. : Б. и., 1997. 308 с.

² Там же.

³ Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы / отв. ред. М.Ю. Мягков. 2-е изд. М.: Наука, 2005. 677 с.

закон гласил, что президент имеет право «продавать, обменивать, а также сдавать внаем (lease) и одалживать (lend) военную технику по собственному усмотрению». После принятия закона первым государством-получателем помощи стала Великобритания, за ней действие закона было распространено на сражающийся против японской агрессии Китай.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз радикальным образом изменило и военную, и общеполитическую ситуацию в мире. В частности, начало масштабной военной кампании германских войск на Востоке в буквальном смысле спасло от их вторжения Англию. Тем не менее власти США довольно долго воздерживались от включения в действие программы советского государства. Причина этого была очевидна и объяснялась доминировавшим в общественном сознании американцев антикоммунизмом. В результате «Секретный протокол Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании» (Мировые войны XX века..., 2005. С. 370–372)⁴ о начале поставок оружия и ряда стратегических материалов на условиях программы был подписан между странами только 1 октября 1941 г., а формальное включение Советского Союза в программу ленд-лиза было осуществлено американской стороной еще позже – 11 июня 1942 года.

Все дальнейшие события, связанные с действием этой программы в отношении Советского Союза, породили растущий интерес исследователей. Содержанию программы и ее значению для борьбы СССР против агрессора посвящаются многочисленные международные конференции, реализуются совместные исследовательские проекты, проходят общественные мероприятия, снимаются документальные и художественные фильмы, проходят дискуссии на радио и в телевизионных программах. В свою очередь российская и зарубежная историографии⁵ продолжают пополняться работами, посвященными исследованиям отдельных деталей и вопросам практической реализации программы.

Подтверждением актуальности обозначенной темы является также тот факт, что посвященная ленд-лизу историография включает в себя работы не только историков, но и экономистов, политологов, публицистов. При этом анализ показывает, что в российской историографии по этой проблематике в последние десятилетия сложились и сравнительно четко обозначились два противоположных направления. Для понимания позиций этих направлений и обозначенных в них оценочных суждений относительно значения программы для победы СССР над фашистской Германией представляется необходимым познакомиться с некоторыми работами.

Так, Н.В. Бутенина в своей монографии «Ленд-лиз: сделка века» характеризует изучаемую программу следующим образом: «Поставки 1941–1942 гг. отчасти помогли спасти положение в производстве в самый критический период, когда большинство отечественных заводов не работали, перебазировавшись на Урал и в Сибирь» (Бутенина, 2004. С. 117). В продолжение характеристики ленд-лиза автор приводит довод: «Проведенный анализ показывает, что по некоторым важным позициям советские Вооруженные Силы и народное хозяйство не могли обойтись без поставок по ленд-лизу, с их помощью были существенно снижены людские потери» (Бутенина, 2004. С. 118). В итоге своих рассуждений автор приходит к выводу, что «...за счет высвободившихся из производства людей в результате поставок по ленд-лизу можно было бы полностью укомплектовать 39–46 стрелковых дивизий или 10–12 общевойсковых армий» (Бутенина, 2004. С. 150). Из вышеприведенных данных мы можем сделать вывод, что, по мнению Н.В. Бутениной, ленд-лиз стал важнейшим фактором победы союзников во Второй мировой войне, и без этой программы СССР мог потерпеть поражение.

Филолог и историк Б.В. Соколов, уделивший рассматриваемому вопросу в ряде своих работ серьезное внимание, еще более категоричен в рассуждениях и оценках. Он утверждает, что «Без поставок по ленд-лизу Советский Союз произвел бы в 2–3 раза меньше танков, самолетов и боеприпасов и вряд ли бы смог достичь победы на своем фронте и удержать Москву, Ленинград и Сталинград» (Соколов, 2000. С. 27). «Без поставок по ленд-лизу, – заявляет этот автор, – советская экономика не

⁴ Там же.

⁵ Книги по истории России. URL: https://vk.com/wall-56611080_138963 (дата обращения 10.12.2022).

смогла бы обеспечить Красной армии победу» (Соколов, 2000. С. 35), поскольку, например, «...только поставки по ленд-лизу предотвратили паралич железнодорожного транспорта в Советском Союзе» (Соколов, 2000. С. 197). Эту точку зрения разделяет и поддерживает доктор экономических наук и бывший мэр Москвы Г.Х. Попов, который считает, что «Осенью 1941 года мы все потеряли и, если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие и теплые вещи для армии, – еще вопрос, как обернулось бы дело» (Попов, 2005. С. 139).

Однако с такими оценками значения программы категорически не согласен профессор МГУ и МГИМО В.Л. Мальков. Он утверждает, что «Поставки в СССР в рамках ленд-лиза, налаженные только в начале 1942 г., не покрывали и малой доли тех безмерных затрат человеческих и материальных ресурсов, которые ежедневно и ежечасно приносил в жертву народ СССР во имя общей победы над фашизмом. ...Одновременно изыскивались «моральные предлоги» для проволок и оттяжек в деле оказания помощи Советскому Союзу по программе ленд-лиза» (Мальков, 2004. С. 393). В доказательство В.А. Мальков приводит выдержку из подготовленного в начале марта 1944 г. генералом и будущим государственным секретарем США Дж. Маршаллом меморандума для президента США, озаглавленного «Анализ ситуации на русском фронте». В нем особое внимание уделялось наступлению советских войск на юго-западном направлении, которое называлось «стремительным и впечатляющим», но одновременно ставился вопрос о «сдерживании» продвижения Красной Армии путем сокращения поставок по ленд-лизу (Мальков, 2004. С. 440).

С профессором В.Л. Мальковым солидарен доктор технических наук, профессор В.В. Литвиненко, который считает, что «Спасения от голода за счет ленд-лиза, как ни считай калории, не получается. В действительности именно колхозы и совхозы кормили страну во время войны. И благодаря им после войны СССР первым в Европе уже в 1947 году отменил продовольственные карточки»⁶. Касаясь поставок по программе паровозов и ваго-

нов, этот автор опровергает утверждения Б.В. Соколова и заявляет, что «Поставки по ленд-лизу составляли мизерные 1,5 и 6,9 процента и не могли сколь-нибудь влиять на функционирование советского железнодорожного транспорта»⁷.

Мнение о преувеличении значения программы ленд-лиз разделяет в своей работе «Как перевирают историю» историк и публицист Ю.А. Нерсесов. Он с очевидным сарказмом подчеркивает: «...из 42951 миллионов долларов, в которые обошлась американцам вся ленд-лизовская помощь, для разгромившей три четверти вооружённых сил Германии и её европейских союзников Красной Армии добрый вашингтонский дядюшка выделил всего 9119 миллионов, то есть чуть больше одной пятой» (Нерсесов, 2012. С. 160). При этом: «Качество отправляемого вооружения поначалу частенько тоже оставляло желать много лучшего» (Нерсесов, 2012. С. 160). Этот автор отмечает также, что «Поставки в первые месяцы войны осуществлялись куда в меньшем количестве, чем было обещано» (Нерсесов, 2012. С. 162). «Наконец, не стоит забывать, – заявляет Ю.А. Нерсесов, – что за некоторые союзные поставки мы расплачивались золотом – и в немалых количествах» (Нерсесов, 2012. С. 162). Здесь стоит отметить, что автор путает ленд-лиз и военно-экономическую помощь Великобритании СССР, за которую последний частично производил оплату золотом.

Кандидат экономических наук, преподаватель РГУ Г.Г. Попов в своей статье «Военно-экономическое значение ленд-лиза для СССР» старается уходить от категорических определений и подчеркивает, что «В целом военно-экономическое значение «ленд-лиза» на начальном этапе Великой Отечественной войны можно назвать высоким для экономики СССР, хотя и не для всех периодов войны. «Ленд-лиз», несомненно, усиливал потенциал СССР за счет ослабления военного потенциала союзников. Это особенно относится к Британской империи в 1942 г. Однако надо принять во внимание, что британские войска сражались все-таки на второстепенных театрах военных действий, поэтому обмен «теряем Сингапур, выигрываем Сталинград» был для них вполне выгодным» (Попов, 2016; Попов, 2019).

⁶ Литвиненко В.В. Ленд-лиз без прикрас. URL: <https://tehnovar.ru/141174-Lend-liz-bez-prikras.html> (дата обращения 15.12.2022).

⁷ Там же.

Приведенные цитаты позволяют констатировать серьезные расхождения в научном сообществе по вопросу значимости помощи, оказанной Соединенными Штатами Америки Советскому Союзу. Это дает основание лишней раз убедиться в справедливости известного тезиса советского историка Н.В. Покровского, утверждающего, что «История – это политика, опрокинутая в прошлое». Очевидно, что многие современные российские авторы, приверженцы либерально-западной концепции, стоят на позициях своих западных коллег времен «холодной войны» и доказывают на основе «фактов» и «цифр», что без англо-американской помощи Россия не одержала бы победы в войне и главная заслуга в разгроме нацистской Германии принадлежит США и Великобритании.

В свою очередь российские исследователи, придерживающиеся советской концепции, очевидно, принижают значение ленд-лиза. При этом они также опираются в своих выводах на статистические данные указанной программы. Они доказывают, в частности, что, американские поставки при их несомненной пользе были тем не менее незначительны и не могли сыграть сколько-нибудь заметную роль в ходе и конечных итогах войны. Кроме того, приходили они не вовремя, а поставляемая техника часто была некомплектной, устаревшей и т. п.

Известный исследователь рассматриваемого вопроса С. Луговской, замечает по этому поводу, что «в работах большинства современных наших и зарубежных авторов настойчиво проходит мысль о том, что, чтобы оценить ленд-лиз, надо все посчитать: кто, кому, сколько. Но никто не знает – зачем это, в сущности» (Стеттиниус, 2000. С. 7). Эту точку зрения разделяют в своих работах П.М. Головатина, В.Д. Камынин (Головатина, Камынин, 2000; Головатина, Камынин, 2005), О.И. Гапонов, Н.А. Строева (Гапонов, Строева, 2015) и целый ряд других историков. При этом необходимо отметить, что большая часть специалистов, занимающихся вопросом американских поставок по ленд-лизу, исходят из концепции сотрудничества, согласно которой СССР, Великобритания и США были равноправными союзниками в борьбе со «всемирным злом» – гитлеровской Германией. Все разногласия при таком отношении к проблеме

ленд-лиза рассматриваются только в парадигме количественно-качественного вклада союзников в разгром Германии.

Представляется, что такой подход к изучению рассматриваемой темы нарушает один из главных принципов исторического исследования – принцип историзма. Этот принцип предполагает изучение всех исторических фактов, явлений, событий в развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности. Исходя из этого принципа, программа ленд-лиза не может рассматриваться отдельно от предыдущих и последующих взаимоотношений СССР и его западных союзников периода Второй мировой войны. «Вырывание» из контекста истории только американской помощи по ленд-лизу вызывает определенный когнитивный диссонанс, непонимание как вчерашние союзники сразу после совместного разгрома фашистской Германии вошли в полосу жесткой конфронтации в рамках «холодной войны». А сегодня СССР – Россия рассматривается на Западе как «мировое зло».

Для понимания этого исторического парадокса приведем слова немецкого философа и культуролога О. Шпенглера: «Я до сих пор умалчивал о России, намеренно, так как здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир» (Шпенглер, 2002. С. 147–148).

Для интерпретации отношений Запада и России (Российской империи, СССР) следует привести характерные цитаты. Политолог В. Никонов – внук В.М. Молотова, отмечал: «признаки «холодной войны» можно обнаружить еще до Первой мировой войны. Американское общественное мнение считало царскую Россию цитаделью деспотизма, пресса о нашей стране была отвратительной. Николая II преподносили за океаном как символ тирании» (Дэвис, Трани, 2002. С. 7). Н.А. Нарочницкая: «Но что бы ни писали о русском империализме и отечественные, и зарубежные авторы, общим итогом последних десяти веков средневеко-

вой и Новой истории остается неоспоримый факт, что с XI до XXI столетия именно Запад с острием из восточноевропейских католиков постоянно продвигался на Восток, а рубежи колыбели русской государственности едва удерживались, да и то с переменным успехом» (Нарочницкая, 2004. С. 506). Швейцарский политолог Ги Меттана в труде «Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса» характеризует противостояние Запада и России следующим образом: «Речь идет о своего рода войне, развязанной Западом и длящейся более тысячелетия, которую подогревают энергичные ответные меры России» (Меттан, 2016. С. 10).

Поэтому, на наш взгляд, союзнические отношения США и Англии с Советским государством, существовавшие в условиях борьбы с общим врагом – фашистской Германией – являлись для стран запада вынужденным шагом и, разумеется, не предполагали их сохранения после завершения войны. После ликвидации непосредственной угрозы собственным государствам, на первый план в странах Запада вновь вышла задача уничтожение СССР, а с конца XX века – России.

Представляется, что в контексте именно этих рассуждений необходимо рассматривать и программу ленд-лиза – американской помощи СССР в годы Великой Отечественной войны. Далее рассмотрим изучаемую проблему немного в другом ракурсе. В сущности, ленд-лиз – это программа поставки союзникам боеприпасов, техники, продовольствия, медицинского оборудования и лекарств, стратегического сырья. Представляет интерес предшествовавший опыт стран запада в организации таких поставок.

В период Советско-польской войны (1919–1921 гг.). «С февраля по август 1919 года Польша получила от США 260 000 тонн продовольствия на сумму 51 млн долларов. В 1919 году – только из военных складов США в Европе Польша получила военного имущества на 60 млн долларов, в 1920 – на 100 млн долларов. К весне 1920 года Англия, Франция и США поставили Польше 1494 орудия, 2800 пулемётов, около 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 576 млн. патронов, 10 млн снарядов, 4,5 тыс. повозок, 3 млн ком-

плектов обмундирования, 4 млн пар обуви, средства связи и медикаменты»⁸.

В период Советско-финской войны (1939–1940 гг.). Помощь Финляндии в разном масштабе оказывали Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Италия, Норвегия, Польша, США, Франция, Швеция и иные страны. Финляндия получила 350 самолётов, 500 орудий, более 6 тысяч пулемётов, около 100 тысяч винтовок и другое вооружение, а также 650 тысяч ручных гранат, 2,5 миллиона снарядов и 160 миллионов патронов. Из 26 стран прибыло около 11,5 тысяч добровольцев (Семиряга, 1999. С. 47)⁹. Кроме этого: «тогда на Западе уже приступили к составлению расчета сил и сроки высадки десантов в Скандинавии» (Барышников, 2008. С. 427). Только успешное наступление РККА и основанное на этом желание заключения скорейшего мира со стороны Финского правительства, остановило подготовку прямого вступления в войну западных стран.

Как видно из этих фактов, Запад неоднократно оказывал помощь, аналогичную ленд-лизу, противникам СССР и готов был вступить в прямой вооруженный конфликт с Советским Союзом. Особенно характерно для понимания характера взаимоотношений западных держав, приведенный выше факт о материальной помощи Финляндии в войне с Советским Союзом как со стороны Великобритании, Франции, США, так и со стороны Германии, в период, де-юре ведущейся между ними войны.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что перманентное противостояние является основополагающим фактором всего комплекса взаимоотношений между коллективным Западом и Россией. Поэтому анализ любого события, произошедшего во взаимоотношениях указанных сторон не возможен без учета этого фактора. Это заключение определяет тот вывод, что попытки оценивания программы ленд-лиза с позиций, господствующих сегодня как в значительной части российской, так и в зарубежной историографии

⁸ Советско-польская война 1919–1921 годов. URL: https://studwood.net/508517/istoriya/pomosch_antanty#32 (дата обращения 10.12.2022).

⁹ Семиряга М.И. Политическая подоплёка «зимней войны» // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн.: Харвест, 1999. С. 34–48.

весьма уязвимы. Вступая в союз с Россией, западные страны преследовали свои интересы, далекие от интересов СССР. Именно поэтому сразу после победы над Германией началось осуществление следующего этапа плана по установлению мировой гегемонии западной цивилизации под эгидой США – плана по уничтожению СССР – России. Операция «Немыслимое» (Unthinkable)¹⁰, Фултонская речь У. Черчилля (Кутепов, Рыбаков, 2013), «холодная война», многолетняя подрывная деятельность против советского государства¹¹, распад СССР и сегодняшний ленд-лиз для Украины¹² – являются этапами осуществления этого плана.

В рамках этой концепции правомерными представляются следующие выводы:

– Для России – СССР, а в более широком смысле, для Русского мира, нацизм был и остается смертельным врагом, в то время как для Западной цивилизации – это не только ее порождение, но и органичная, неотъемлемая, но маскируемая базовая часть идеологии.

– Цели стран – участников антигитлеровской коалиции – были несопоставимы. Западные страны оказались заложниками империалистических противоречий и боролись за гегемонию в мире, Советский Союз стоял перед выбором: победить или быть уничтоженным.

– В силу сложившихся обстоятельств СССР, США и Великобритания в период Второй мировой войны встали перед необходимостью выступить единым фронтом против общего врага. Это обстоятельство определило их военно-политический союз в годы войны. Однако такой союз полностью исчерпал себя вместе с исчезновением общего врага.

¹⁰ Корнилов В. Операция «Немыслимое». Как союзники хотели бомбить нас сразу после Победы. URL: <https://ria.ru/20200425/1570527645.html> (дата обращения 16.12.2022).

¹¹ Хлобустов О. Американская стратегия «тайной войны» против СССР. URL: <https://istoriki.su/istoricheskiy-temy/poslevoennyj-period-sssr/708-amerikanskaya-strategiya-taynoy-voyny-protiv-sssr.html> (дата обращения 15.12.2022).

¹² Левинский А. Байден подписал закон о ленд-лизе для Украины: что это значит. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/464519-kongress-ssa-odobril-zakon-o-lend-lize-dla-ukrainy-cto-eto-znacit> (дата обращения 15.12.2022).

Таким образом, оценка программы американской помощи – ленд-лиза в ракурсе только количественно-качественных характеристик, антиисторична и представляется нам неполной. Материальная помощь США и самоотверженность, жертвы советского народа, внесшего главный вклад в Победу над нацистской Германией – это несравнимые величины. В ракурсе стратегических целей США ленд-лиз был более выгоден властям самой Америки, нежели Советскому государству, и целью США никак не могло быть становление СССР как сверхдержавы, чему косвенно способствовала программа ленд-лиза.

Исходя из этого, мы можем сделать однозначные выводы: очевидно, что американская программа ленд-лиза, в рамках которой Советский Союз в годы Великой Отечественной войны получил значительные объемы оружия, расходных материалов, продуктов питания и медикаментов, сыграла заметную роль в деле приближения разгрома и победы над общим врагом. Однако столь же очевидно и то, что Советский Союз одержал бы победу над фашистской Германией и без этой программы. Бесспорно, что было бы больше жертв, отодвинулись бы сроки полного разгрома Германии и освобождения Европы, но финал этой битвы в любом случае был предопределен боевым, трудовым героизмом и стойкостью советского народа. Аналогичные выводы делает доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД РФ С.М. Монин: «Да, помощь была очень существенной, но она не была решающим фактором нашей победы. Воевали мы, и это важно подчеркнуть. Побеждает не тот, кто тушенку делает, а тот, кто ходит в атаку! Мы воевали, а они нам помогали. Поэтому тут никаких сомнений быть не должно»¹³.

¹³ «Существенная, но не решающая». Вся правда о военной помощи американцев СССР в годы Войны. URL: <https://subscribe.ru/group/svobodnyj-mikrofon-2/17774825/> (дата обращения 10.02.2023).

Список источников

Барышников В.Н. К проблеме участия Англии и Франции в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Мир прошлого в современном освещении. Сб. научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб. : СПбУ, 2008. С. 427–455.

Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М. : ГУ ВШЭ, 2004. 311 с.

Военно-экономическое сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М. : Кучково поле, 2014. С. 575–603.

Гапонов О.И., Строева Н.А. Современные оценки значения ленд-лиза в истории Второй мировой войны // Территория науки. 2015. № 4. С. 7–11.

Головатина П.М., Камынин В.Д. Перспективы изучения ленд-лиза как особой формы экономического сотрудничества // 55-летие Великой Победы над фашизмом: история и уроки. Материалы студенч. науч. конф. 26 апреля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 45–47.

Головатина П.М., Камынин В.Д. Англо-американская помощь Советскому Союзу по ленд-лизу: взгляд зарубежной историографии // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. Вып. 4. С. 19–28.

Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / пер. Е.В. Нетесовой. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 479 с.

Кутепов В.А., Рыбаков С.В. Фултонская речь Черчилля: суть и подтексты // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 17–20.

Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М. : Наука, 2004. 603 с.

Меттан Ги. Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. с фр. М. Аннинская, С. Булгакова. М. : Paulsen, 2016. 462 с.

Монин С.М. Налаживание военно-экономического сотрудничества СССР с США и Великобританией в 1941 году // Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) МИД России, Центр военно-политических исследований. Т. 15. Великая Победа и современный мир. М. : МГИМО-Университет, 2015. С. 107–120.

Монин С.М. Антигитлеровская коалиция: от триумфа к распаду заката // Страна в огне: В 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945. В 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А.М. Лит-

References

Baryshnikov V.N. (2008) On the problem of the participation of England and France in the Soviet-Finnish war of 1939-1940. *Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sb. nauchnykh statei k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora E.D. Frolova = The World of the Past in Modern Coverage. Collection of articles*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. P. 427-455. (In Russ.).

Butenina N.V. (2004) *Lend-Lease: Deal of the Century*. Moscow: GU VSHE. 311 p. (In Russ.).

(2014) Military-economic cooperation of allies in the anti-Hitler coalition. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941-1945 godov = Great Patriotic War of 1941-1945*. In 12 vol. Vol. 9. Allies of the USSR in the anti-Hitler coalition. Moscow: Kuchkovo field. P. 575-603. (In Russ.).

Gaponov O.I., Stroeveva N.A. (2015) Modern assessments of the significance of Lend-Lease in the history of the Second World War. *Territoriya nauki =Territory of Science*. No. 4. P. 7-11. (In Russ.).

Golovatina P.M., Kamynin V.D. (2000) Prospects for studying lend-lease as a special form of economic cooperation. *55-letie Velikoi Pobedy nad fashizmom: istoriya i uroki. Mat. studench. nauch. konf. 26 aprelya 2000 g. = 55th Anniversary of the Great Victory over Fascism: History and Lessons. Proceedings of Student Scientific Conf. April 26, 2000*. Yekaterinburg. P. 45-47. (In Russ.).

Golovatina P.M., Kamynin V.D. (2005) Anglo-American assistance to the Soviet Union under Lend-Lease: a view of foreign historiography. *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy = Ural Bulletin of International Studies*. Yekaterinburg: Publishing House of Ural State University. Iss. 4. P. 19-28. (In Russ.).

Devis D.E., Trani Yu.P. (2002) *First Cold War. Woodrow Wilson's legacy in Soviet-American relations*. Moscow: OLMA-PRESS. 479 p. (In Russ.).

Kutepov V.A., Rybakov S.V. (2013) Churchill's Fulton speech: essence and implications. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. No. 3. P. 17-20. (In Russ.).

Mal'kov V.L. (2004) *The path to empire: America in the first half of the twentieth century*. Moscow: Nauka. 603 p. (In Russ.).

Mettan Gi. (2016) *West - Russia: a thousand-year war: the history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis*. Moscow: Paulsen. 462 p. (In Russ.).

Monin S.M. (2015) Establishing military-economic cooperation between the USSR and the USA and Great Britain in 1941. *Velikaya Pobeda: v 15 t. T. 15. Velikaya Pobeda i sovremennyy mir = Great Victory: in 15 vol. Vol. 15. Great Victory and the Modern World*. Moscow: MGIMO-University. P. 107-120. (In Russ.).

Monin S.M. (2018) *Anti-Hitler coalition: from triumph to sunset. Strana v ogne: V 3 t. = Country on fire: In 3 vol. Vol. 3. Liberation. 1944-1945: In 2 books. Book. 1. Essays*. Moscow:

вин, М.Ю. Мягков ; ред.-сост. Д.В. Суржик. М. : Абрис, 2018. С. 235–251.

Монин С.М. Вторая мировая война. Мифы о ленд-лизе // Люди и тексты. Исторический альманах. 2019. № 12. С. 146–164.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. : Междунар. отношения, 2004. 535 с.

Нерсесов Ю.А. Как перевирают историю. М. : Яуза-пресс, 2012. 318 с.

Попов Г.Х. Война и правда: цена победы. Нью Йорк : Liberty publ. house, cop., 2005. 171 с.

Попов Г.Г. Военно-экономическое значение ленд-лиза для СССР // Journal of economic regulation. 2016. Т. 7. № 1. С. 34–53.

Попов Г.Г. СССР и Второй фронт. М. : Вече, 2019. 509 с.

Соколов Б.В. Тайны второй мировой. М. : Вече, 2000. 478 с.

Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М. : Вече, 2000. 400 с.

Шпенглер О. Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М. : Праксис, 2002. 240 с.

Abri. P. 235-251. (In Russ.).

Monin S.M. (2019) The Second World War. Myths about lend-lease. *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh = People and Texts. Historical Almanac*. No. 12. P. 146-164. (In Russ.).

Narochnitskaya N.A. (2004) Russia and Russians in world history. Moscow: International relations. 533 p. (In Russ.).

Nersesov Yu.A. (2012) How history is twisted. Moscow: Yauza-press. 318 p. (In Russ.).

Popov G.Kh. (2005) War and Truth: The Price of Victory. New York: Liberty publ. house, cop.171 p. (In Russ.).

Popov G.G. (2016) Military and economic significance of lend-lease for the USSR. *Journal of economic regulation = Economic history*. Vol. 7. No. 1. P. 34-53. (In Russ.).

Popov G.G. (2019) USSR and the Second Front. Moscow: Veche. 509 p. (In Russ.).

Sokolov B.V. (2000) Secrets of the Second World War. Moscow: Veche. 478 p. (In Russ.).

Stettinius E. (2000) Lend-Lease is a weapon of victory. Moscow: Veche. 400 p. (In Russ.).

Shpengler O. (2002) Prussianism and Socialism. Moscow: Praxis. 240 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Волков Владимир Анатольевич,
аспирант кафедры отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический университет,
656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, Россия,
e-mail: DYVSPK-BARS@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-8713-6030>

Information about the author

Vladimir A. Volkov,
Graduate Student of the Department of National History,
Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia,
e-mail: DYVSPK-BARS@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-8713-6030>

Вклад автора

Волков В.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Volkov V.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 4 июня 2023 г.; принята к публикации 19 июня 2023 г.

Article info

The article was submitted March 15, 2023; approved after reviewing June 4, 2023; accepted for publication June 19, 2023.

История

Научная статья
УДК 94(47).084.8
EDN: LKJSQA
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-158-169>

Штурм Хутоуского укрепрайона 9–25 августа 1945 г.

Р.В. Кулепанов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматривается история одного из наиболее ожесточенных сражений Советско-японской войны 1945 г. – штурм Хутоуского укрепрайона частями 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Прорыв линии мощных укрепленных районов на восточной границе марионеточного государства Маньчжоу-го стал одной из наиболее сложных задач, которые пришлось решать советскому командованию. Японцы начали строительство укрепленных позиций в Хутоу в 1933 г. с целью прикрытия развертывания войск, предназначенных для нападения на СССР. Хутоу был стратегически важным звеном в японской обороне в восточной Маньчжурии. Артиллерийские орудия крупного калибра угрожали перевозкам по транссибирской магистрали. На протяжении 17 дней подразделения 35-й армии – 109-й укрепрайон, 1056 стрелковый полк и 155-й запасной полк – вели бои по уничтожению укрепрайона Хутоу. Наступательные действия потребовали реорганизации подразделений 109-го укрепрайона в сводные штурмовые отряды. Ключевое значение для успеха советских войск имела артиллерийская поддержка. В силу особенностей морально-идеологической обработки военнослужащих японской Императорской армии, ими был проигнорирован приказ императора о капитуляции и ультиматум советского командования. Гарнизон Хутоуского укрепрайона был полностью уничтожен. Значительная часть военнослужащих, а также гражданские жители – члены семей военнослужащих – покончили жизнь самоубийством. В ходе ожесточенных боев за Хутоуский укрепрайон, советские войска потеряли свыше 500 человек личного состава, что составило свыше 70 % от безвозвратных потерь всей 35-й армии. Причинами высоких потерь были недооценка сил противника, ошибки в планировании операции, высокий уровень морально-идеологической обработки японских войск. Анализ документов позволяет скорректировать сформировавшиеся стереотипы об абсолютном превосходстве советских войск и низкой боеспособности Квантунской армии.

Ключевые слова: Советско-японская война, Маньчжурская стратегическая наступательная операция, Квантунская армия, фортификация, артиллерия, Хутоуский укрепрайон, 1-й Дальневосточный фронт, 35-я армия, 109-й укрепрайон

Для цитирования: Кулепанов Р.В. Штурм Хутоуского укрепрайона 9–25 августа 1945 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 158–169. EDN: LKJSQA. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-158-169>.

History

Original article

Assault of Hutou fortress 9-25 August 1945

Ruslan V. Kulepanov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. The article explores the fierce battle of Hutou fortress 9-25 august 1945. One of the difficult tasks that faced the troops of soviet 1st Far Eastern front - the assault of the fortification line of the Kwantung Army which aimed to protect Manchukuo. Hutou Fortified Region was one of the strongest Japanese fortresses in Manchuria. Just over 7 kilometers long and 10 kilometers deep, the region consisted of 19 reinforced concrete fortifications and eight log forts, numerous armored firing positions and minefields. Armament of the region consisted of one 410 mm howitzer, two 305 mm howitzers, two 240 mm guns, several 155 mm guns, and many machineguns. Soviet soldiers of 109th fortified region and 1056th rifle regiment within 17 days fought with Japanese garrison. Offensive actions required the reorganization of the units of the 109th fortified area into consolidated assault detachments. Artillery support was a key to the success of the Soviet troops. Japanese national ideology, mistakes of operational

preparation soviet forces and intense combat with heavy weapons led to the deaths of more than 500 soldiers of Red Army and more than a thousand Japanese soldiers and civilians. Analyses of new materials from Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation provides a more detailed and accurate picture of Manchurian strategic offensive operation.

Keywords: Soviet-Japanese War, Manchurian strategic offensive operation, Kwantung army, Fortification, Artillery, Hutou fortress, 1st Far Eastern Front, 35th army, 109th fortified area

For citation: Kulepanov R.V. (2023) Assault of Hutou fortress 9-25 August 1945. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 158-169. (In Russ.). EDN: LKJSA. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-158-169>.

Скоротечный характер Советско-японской войны 1945 г., продолжавшейся менее месяца, обусловил современное состояние разработки проблематики в отечественной и зарубежной историографии. В крупных обобщающих работах Советско-японская война рассматривалась как составная часть Второй мировой войны, Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане. В рамках данного подхода давался лишь общий обзор событий, а основной акцент делался на дипломатической подготовке и геополитических последствиях конфликта в рамках создания новой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В 1970–80-е гг. в отечественной и зарубежной историографии были опубликованы фундаментальные монографии по истории Советско-японской войны – работы И.В. Шикина и Б.Г. Сапожникова «Подвиг на Дальневосточных рубежах» (Шикин, Сапожников, 1975), В.Л. Внотченко «Победа на Дальнем Востоке» (Внотченко, 1966; Внотченко, 1971) и Д. Гланца «August Storm: The Soviet strategic offensive in Manchuria» (Glantz, 1983). В данных работах дан общий анализ хода боевых действий, однако они создавались в условиях идеологического противостояния Холодной войны, что серьезно сужало источниковую базу авторов. Отдельные вопросы, в том числе проблемы прорыва укрепленных районов, затрагивались в мемуарах советских военачальников (Мерецков, 1970; Хренов, 1982; Чистяков, 1985). Особый методологический интерес представляют публикации (Свечин, 2000; Бои в Маньчжурии и Корее, 1945; Вооружённые силы Японии..., 1985), затрагивающие вопросы тактики японских и советских войск. Также важно учитывать советский опыт оборонительного строительства (Калинин, Воробьев, 2005).

В настоящее время имеется возможность рассмотреть вопросы Советско-японской войны,

используя новые, ранее не использовавшиеся источники, в первую очередь документы и материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) – журналы боевых действий, оперативные карты, отчеты и донесения частей и соединений. В сочетании с масштабным использованием источников с противоположной стороны конфликта, данный подход позволит рассмотреть события августа 1945 г. значительно более детально, чем это делалось в предшествовавшей историографии (Краснознаменный Дальневосточный, 1985; Краснознаменный Дальневосточный, 2003; 75 лет победы, 2020).

Исследование вопросов, связанных с потерями РККА в Великой Отечественной войне, проведенное сотрудниками Генерального штаба и Военно-мемориального центра ВС РФ под руководством Г.Ф. Кривошеева, показало, что в ходе боевых действий с Японией в августе 1945 г. общие потери РККА, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии составили 36 456 солдат и офицеров, безвозвратные – 12 031 военнослужащих. Наибольший процент потерь имели войска 1-го Дальневосточного фронта – 6324 солдата и офицера убитыми (порядка 52,5 % от общего числа погибших) и 14 745 ранеными (порядка 60,3 % от общего числа раненых) (Россия и СССР в войнах..., 2010. С. 353). Одной из причин является необходимость прорыва и последующей нейтрализации японских укрепрайонов, построенных вдоль границы Приморья в 1930–1940-х гг. Наличие мощных оборонительных сооружений, в сочетании с особенностями идеологической обработки солдат Японской Императорской армии, привели к тому, что боевые действия за укрепрайоны носили особо ожесточенный характер и сопровождались высокими потерями с обеих сторон (Внотченко, 1971. С. 51–56). В рамках данной статьи рассматриваются действия подразделений

35-й армии 1-го Дальневосточного фронта по про-
рыву, изоляции и ликвидации одного из наиболее
мощных японских укрепрайонов – Хутоуского в
период с 8 по 19 августа 1945 г.

Хутоуский укрепрайон был построен в конце
1930 начале 1940-х гг. для обеспечения разверты-
вания войск Квантунской армии в соответствии с
планами наступательных операций «Хати-го»
(«Оперативный план № 8») 1938–1939 гг. и пла-
ном «Кантокуэн» 1941 г. (Соох, 1990. Р. 91). В ходе
мероприятий по реализации плана «Кантокуэн» в
августе 1941 г. в районе севернее оз. Ханка, под
прикрытием Хутоуского укрепрайона были раз-
вернуты части 5-й армии Квантунской группиров-
ки войск, в том числе 11-я, 24-я и 25-я пехотные
дивизии в г. Дунань, Хулинь, Боли (Центральный
архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 369.
Оп. 6725. Д. 21. Л. 190) (Из обзора положения в
Маньчжурии..., 2008. С. 371–372¹; Japanese prepara-
tions..., 1954. Р. 26).

По состоянию на весну – лето 1945 г. участок
советско-японской границы в районе Хутоу нахо-
дился в зоне ответственности 5-й армии 1-го
фронта Квантунской группировки войск. Под ко-
мандованием генерал-лейтенанта Норицунэ Си-
мицу находились следующие части и соединения:

- 3 пехотные дивизии (124-я, 126-я, 135-я);
- 15-й пограничный гарнизон;
- 9-й рейдовый отряд;
- 31-й отдельный противотанковый батальон;
- 20-й тяжелый полевой артиллерийский полк;
- 5-й отдельный тяжелый артдивизион (300-мм гаубицы);
- 8-й отдельный тяжелый артдивизион (300-мм гаубицы);
- 1-я отдельная тяжелая артбатарея (150-мм орудия);
- 13-й гаубичный дивизион;
- 1-е инженерное подразделение;
- 18-й отдельный инженерный полк;
- 3-е полевое фортификационное подразделе-
ние.

¹ Из обзора положения в Маньчжурии за февраль –
первую половину марта 1940 г. Разведотдела штаба чи-
тинской фронтовой группы от 21 марта 1940 г. // Военная
разведка информирует. Документы Разведуправления
Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / сост. В. Гав-
рилов. М.: МФД, 2008. С. 368–372.

Вспомогательные, транспортные части, поле-
вые госпитали, 4 специальные охранные роты
(№ 628, 629, 630, 641) (Record of operations...,
1954. Р. 154).

Укомплектованность японских подразделе-
ний личным составом была недостаточной. 124-я
пехотная дивизия имела в своем составе 14 442
солдата и офицера, 126-я пехотная дивизия –
16 613 солдат и офицеров, 135-я пехотная дивизия
– 14 228 военнослужащих (Ibid. Р. 170). Тогда как
штатная численность стандартной пехотной диви-
зии японской императорской армии составляла
20 000 человек личного состава (Handbook of Jap-
anese military force, 1944. Р. 22)². Согласно подсче-
там исследователя Д. Гланца, с учетом уровня
подготовки и обеспеченности штатным тяжелым
вооружением, боевые возможности 124-й пехот-
ной дивизии составляли 35 %, 126-й пехотной ди-
визии – 20 % и 135-й дивизии – 15 % от уровня
японской пехотной дивизии, развернутой по шта-
ту военного времени (Glantz, 1983. Р. 187). Общая
численность 5-й армии по состоянию на начало
августа 1945 г. составляла порядка 55 тыс. человек
личного состава (Record of operations..., 1954.
Р. 44). 15-й пограничный гарнизон, составлявший
основу гарнизона Хутоуского укрепрайона, по
численности соответствовал пехотному батальону.
В состав 15-го пограничного гарнизона входили 4
пехотные роты, две артбатареи и инженерное
подразделение (Ibid. Р. 176). Общая численность
составляла порядка 1400 солдат и офицеров
(Drea, 1981. Р. 106). По другим данным, в Хуто-
уском укрепрайоне держали оборону от 1000 до
1200 солдат противника (ЦАМО. Ф. 2343.
Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 230).

Хутоуский укрепрайон, точные характери-
сти которого советской разведке известны не бы-
ли, включал в себя три узла сопротивления – Юж-
ный, Северный и Тыловой. Южный узел сопротив-
ления – опорные пункты (высота Бородавка,
г. Хутоу и Южный городок), насчитывающие 70
оборонительных сооружений. Тыловой узел со-
противления состоял из трех опорных пунктов –
высота Штабная, высота Вулкан, высота Северная

² Handbook of Japanese military force. War Department
technical manual TM-E 30-480 / Washington D.C.: United
States Government Printing Office, 1944. 401 p.

и насчитывал 84 сооружения. Наиболее мощным был Северный узел сопротивления, включавший в себя опорные пункты: высоты Лесная, Острая, Гроб, Каменная и безымянная высота в квадрате 9697, и насчитывавший 139 оборонительных сооружений различного типа. Оборонительные были представлены артиллерийскими и пулеметными дотами, в том числе 3–4 ярусными, с количеством амбразур до 13, наблюдательными пунктами, оснащенные бронеколпаками толщиной до 100–150 мм. Амбразуры дотов были закрыты броневыми заслонками толщиной до 20 мм. Толщина железобетона на сооружениях составляла от 60 см до 3,5 м. Оборонительные сооружения были соединены подземными ходами и потернами, глубиной до 15 м. Расположение огневых точек обеспечивало взаимное прикрытие подходов и взаимную огневую связь между сооружениями. Артиллерийская группировка Хутоуского укрепрайона была самой мощной из всех японских укрепрайонов и включала в себя одно 410-мм орудие, два 305-мм орудия, два 240-мм орудия, два 150-мм орудия (в казематах), два 150-мм орудия и два 155-мм орудия, двенадцать 75-мм орудий (в бронешашенных установках) (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 341–343, 363 об., 365).

Прорыв японской обороны в районе Хутоу, уничтожение Хутоуско-Хулинской группировки противника по частям и дальнейшее наступление по направлению на г. Мишань с целью уничтожения Мишаньской группировки противника были возложены на 35 армию 1-го Дальневосточного фронта (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 20). В состав 35-й армии вошли следующие части и соединения:

- 3 стрелковые дивизии (66-я, 264-я, 363-я);
- 8-й укрепрайон;
- 109-й укрепрайон;
- 215-я пушечная артбригада;
- 224-я гаубичная артбригада большой мощности;
- 62-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада;
- 54-я минометная бригада;
- 67-й гвардейский минометный полк;
- 1647-й зенитный артполк;
- 43-й, 110-й, 355-й отдельные зенитные артиллерийские дивизионы;

- 125-я танковая бригада;
- 209-я танковая бригада;
- 9-й, 13-й отдельные дивизионы бронепоездов;

- 280-й отдельный инженерный батальон (ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 234. Л. 10, 11).

Следует отметить, что подразделения, входившие в состав 35-й армии, также не были укомплектованы по штату. 264-я стрелковая дивизия имела 7796 человек личного состава, 66-я стрелковая дивизия – 8568 военнослужащих, 363-я стрелковая дивизия – 7972 солдата и офицера (ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 234. Л. 10, 11), тогда как полностью укомплектованная по штату № 05/40 стрелковая дивизия РККА должна была иметь в своем составе 11780 военнослужащих (ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 366-1. Л. 380).

Основываясь на данных разведки, командование предполагало, что в полосе наступления 35-й армии в первой линии обороны противник имел до 10 тыс. человек личного состава, а во второй линии – порядка 16 тыс. военнослужащих (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 6, 6 об.). В полосе наступления соседней 5-й армии армейская разведка предполагала наличие до 21 тыс. солдат противника в 1-й линии и до 39 тыс. военнослужащих во второй линии (ЦАМО. Ф. 460. Оп. 5047. Д. 703. Л. 5). Исходя из этого, а также из того, что 5-й армии предстояло прорывать Волынский, Пограниченский и Дуннинский укрепрайоны, ей было придано значительное число частей усиления, в том числе 6 тяжелых самоходных артполков, 3 гаубичные артиллерийские бригады большой мощности, 2 отдельных артдивизиона большой мощности, 4 инженерно-саперные бригады (ЦАМО. Ф. 460. Оп. 5047. Д. 703. Л. 15). Поскольку к началу операции разведка не смогла дать точные данные о Хутоуском укрепрайоне – «Хутоуский укрепрайон был недооценен, он оказался гораздо сильнее чем мы имели данные о нем» – 35-я армия получила меньше частей усиления, чем 5-я армия (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 33 об.). Не имея в своем распоряжении специальных штурмовых частей, командование 35-й армии было вынуждено использовать для штурма укрепрайона подразделения 109-го укрепрайона при поддержке артиллерии. Артиллерийская группировка 35-й армии насчитывала свыше 500

орудий и минометов, в том числе свыше 130 – крупного калибра (122 мм и более) (ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 234. Л. 10, 11).

8 августа 1945 г. в 22:00 командование 35-й армии издало боевое распоряжение № 00250, согласно которому утром 9 августа 1945 г. 109-й укрепрайон во взаимодействии с 264-й стрелковой дивизией должен уничтожить силы противника в Хутоуском укрепрайоне. Части 109 укрепрайона, 264-й стрелковой дивизии и разведывательные группы 57-го погранотряда под прикрытием артиллерийского огня форсировали р. Уссури, уничтожили пограничные посты противника (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 235, 238, 239). Советские войска захватили плацдарм южнее г. Хутоу и в течение дня расширили его до 8 км в глубину и 12 км по фронту, перерезав железную дорогу и шоссе Хутоу-Хулинь. К 15:00 9 августа крупнокалиберная артиллерия Хутоуского укрепрайона предприняла первую попытку обстрела железнодорожных мостов через р. Иман (р. Бол. Уссурка) и Вака (р. Малиновка) (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 346).

10 августа советские войска продолжали форсирование р. Уссури. По укреплениям Хутоуского укрепрайона в период с 9:00 по 10:00 был нанесен мощный авиационный удар силами 108 бомбардировщиков Ил-4 и Пе-2 9-й воздушной армии. С 10:00 японская артиллерия Хутоуского укрепрайона вела огонь по району переправы через р. Уссури и ж/д мосту через р. Иман (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 19). Для обнаружения и уничтожения японских батарей на позициях был развернут 804-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион. В первые два дня боев 9 и 10 августа советская артиллерийская разведка установила основную группировку артиллерии Хутоуского укрепрайона, в том числе 6 батарей, 3 дота, 5 наблюдательных и командных пунктов. По разведанным целям вели огонь орудия 224-й гаубичной артбригады и 109-го укрепрайона (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 351, 352).

Наибольшим успехом частей 35-й армии за 10 августа стало занятие г. Хутоу и полное блокирование Хутоуского укрепрайона. Первоначальное распоряжение командарма предполагало полную ликвидацию «разрозненных групп противника» в Хутоуском укрепрайоне к 3:00 11 авгу-

ста. Части 109 УР должны были сменить подразделения 264 стрелковой дивизии в Хутоуском укрепрайоне и дать дивизии возможность дальнейшего наступления на Хулинь (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 243). Однако уже первые попытки наступления на Хутоуский укрепрайон встретили ожесточенное сопротивление противника. 10 августа наступление на опорный пункт противника на г. Каменная силами сводной роты 105-го отдельного пулеметного батальона привело к тому, что советские бойцы были прижаты к земле пулеметным огнем из дотов и накрыты огнем минометов и артиллерии. Батальон понес большие потери, командир батальона капитан Луганец был тяжело ранен (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 242). 11 августа 105-й отдельный пулеметный батальон попытался провести разведку боем в районе высот Острая и Лесная, попал под сильный пулеметный и артиллерийский огонь и был контратакован противником численностью до роты. Потери составили 22 человека убитыми и 27 ранеными (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 246).

К концу дня 11 августа стало ясно, что противник занимает мощные оборонительные сооружения на высотах Лесная, Гроб, Острая, Штабная, Вулкан, Северная. Попытки штурма наталкиваются на сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Подразделения 109-го укрепрайона сменили или готовы сменить части 264-й стрелковой дивизии, однако их сил было не достаточно для уничтожения Хутоуского укрепрайона (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 247).

Согласно приказу командующего 35-й армии №2239/ш/ штурм Хутоуского укрепрайона поручалось вести 109 укрепрайону при поддержке 1056-го стрелкового полка и 155-го запасного стрелкового полка. К началу боевых действий в составе 109-го укрепрайона находилось 4983 военнослужащих, 85 минометов и 433 пулемета. В составе 1056-го стрелкового полка по состоянию на 9 августа находилось 1937 военнослужащих, 141 пулемет, 18 противотанковых ружей, двенадцать 45-мм и четыре 76-мм орудия, 34 миномета (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 131 об., 132 об., 233). Артиллерийскую поддержку обеспечивали 224-я гаубичная артбригада большой мощности (24 гаубицы калибра 203 мм) и артил-

лерия 109 УР (8 107-мм орудий, 8 122-мм орудий, 20 152-мм орудий, 4 305-мм орудия) (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 308, 309; ЦАМО. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 234. Л. 10, 11).

Следует особо отметить, что 109-й укрепрайон по своей организационно-штатной структуре не предназначался для наступательных действий против долговременной обороны противника. В период подготовки операции на основе 105-го отдельного пулеметного батальона и 255-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона были сформированы две стрелковые роты, численностью 75 человек, оснащенные 12 пулеметами Дегтярева каждая. На основе 211-го отдельного пулеметного батальона были сформированы две стрелково-пулеметные роты. В первой роте – 90 человек личного состава, 6 станковых и 12 ручных пулеметов. Во второй – 60 солдат и офицеров, 4 станковых и 6 ручных пулеметов (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 306). После получения приказа о том, что штурм Хутоуского укрепрайона возложен на 109-й укрепрайон, комендант принял решение: «срочно произвести реформирование пульбатов УУР в стрелковые части...». На основании этого решения 105-й и 211-й отдельные пулеметные батальоны и 255-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон, были реформированы в сводные стрелковые батальоны. Безусловно, данное решение было вынужденным. Как отмечено в журнале боевых действий 105-го отдельного пулеметного батальона: «... подразделения не достаточно обучены ведению наступательного боя, боевые порядки рот в бою часто не выдерживались, взаимодействие между ними и артподразделениями нарушалось, недостаточно четко было организовано управление боем, ввиду создания штурмовых групп наспех, слабой натренированности к условиям действий снижало их активность. Личный состав неумело применялся к местности, отсутствовала маскировка и самоокапывание, в результате батальон имел излишние потери» (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 320).

На протяжении дня 12 августа подразделения 109-го укрепрайона проводили перегруппировку сил. Стрелковые роты 105-го пулеметного батальона вели разведку боем. Поскольку противник пользовался отсутствием сплошного фронта, ис-

пользуя тактику снайперов-одиночек и малых групп, скрывавшихся в складках местности и разрушенных сооружениях, было очевидно, что необходимо организованное наступление всеми силами с последовательным подавлением огневых точек и уничтожением личного состава противника (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 250, 251).

Главной проблемой была сложность с обеспечением артиллерийской поддержки. Крупнокалиберная артиллерия вела огонь с закрытых огневых позиций на основе данных оптической, топографической и звуковой разведки. Эффективность стрельбы была различной в зависимости от характера цели. Согласно отчетам 804-го отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона, точность артиллерийского огня была достаточно высокой. Зафиксированы многократные накрытия, снаряды разрывались на дистанции от 4 до 15 м. от цели. Отмечены 2 прямых попадания в бетонированное укрытие 410-мм батареи, прямое попадание в каземат 150-мм орудия, прямые попадания в оба орудия 240-мм батареи, два прямых попадания в одно из орудий 305-мм батареи (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 377–381). Однако полностью подавить японскую артиллерию огнем с закрытых огневых позиции было невозможно. Значительная часть долговременных сооружений могла быть уничтожена только огнем прямой наводкой. Для этого требовалось перебросить часть орудий на западный берег р. Уссури, что было невозможно из-за отсутствия переправочного парка вплоть до 14 августа (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 347).

Попытки продвижения вперед без артиллерийской поддержки наталкивались на ожесточенное сопротивление японцев и сопровождались потерями. Так, в ходе боя за опорные пункты в районе высоты Лесная 13 августа потери понесла рота лейтенанта Аникеева 105-го отдельного пулеметного батальона и рота лейтенанта Сегеды 211-го отдельного пульбата. Повторная атака позиций японцев, проведенная ротой 105-го отдельного пульбата ночью 14 августа, также была неудачной. Рота попала под сильный пулеметный огонь из дотов на высоте Лесная, понесла высокие потери и утратила боеспособность. Командир роты лейтенант Аникеев погиб. В 23:30 японцы, ис-

пользуя траншеи и потерны для скрытного сосредоточения, произвели контратаку позиций 211-го отдельного пульбата. Батальон понес большие потери и был вынужден отойти на исходные позиции. Смертельное ранение получил командир роты Цыганков (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 252–254).

Переброска артиллерии на западный берег р. Уссури началась после получения переправочных средств 6-го мото-понтонного полка только к 14:00 14 августа. В течение дня 14 августа были переправлены и заняли огневые позиции для ведения огня прямой наводкой 8 107-мм орудий 357-го отдельного артдивизиона и 8 152-мм орудий 97-го отдельного артдивизиона (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 255).

В течение дня 15 августа части 109-го укрепрайона при поддержке 1056-го стрелкового полка вели активные наступательные действия. Артиллерийская поддержка позволила добиться определенных успехов. Были уничтожены или блокированы несколько долговременных огневых точек, что нарушило систему огня противника. Артиллерийская поддержка советских войск вынудила японский гарнизон опорного пункта на г. Лесная отказаться от активных действий, но полностью подавить сопротивление и зачистить его советским войскам не удалось. Попытки 1056-го стрелкового полка захватить опорный пункт японцев в районе Северного городка натолкнулись на плотный огонь противника и не увенчались успехом (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 257). 16 августа основные усилия советских войск были направлены на уничтожение северного узла сопротивления Хутоуского укрепрайона. 1056-й стрелковый полк и 255-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон вели разведку боем и уничтожали огневые точки противника в районе г. Острая. Достаточно успешно действовал 105-й батальон, атаковавший опорный пункт восточнее г. Лесная. Бойцам батальона удалось подорвать 4 ДОТа и уничтожить до 40 солдат противника (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 258, 259). Для уничтожения наиболее мощных укреплений, за 16–17 августа на западный берег р. Уссури были переправлены и развернуты для ведения огня прямой наводкой два дивизиона 224-й гаубичной артбригады большой мощности –

10 орудий калибра 203-мм. Всего для ведения огня прямой наводкой было развернуто 34 орудия крупного калибра (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 347).

В ночь на 17 августа 109-й укрепрайон и 1056-й стрелковый полк провели перегруппировку сил. Пулеметные батальоны 109-го укрепрайона, расположенные на позициях на восточном берегу р. Уссури, были сокращены до 80–90 бойцов, что позволило высвободить до 300 человек для восполнения потерь. В течение дня 17 августа советские войска продолжали наступление под прикрытием артиллерийского огня. Удалось добиться определенных успехов на отдельных участках. 105-й батальон занял г. Каменная и вел разведку боем северного склона г. Гроб. 211-й батальон и 1056-й стрелковый полк продвинуться вперед не смогли. Отмечены характерные для японской тактики попытки провести ночные контратаки. 255-й батальон в течение ночи трижды отражал контратаки противника численностью до роты (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 259, 260).

18 августа планировалось продолжать наступление, однако начавшаяся в 9:00 артподготовка была прекращена после получения шифровки от начальника штаба 35-й армии со сведениями о том, что император Хирохито отдал приказ всем японским военнослужащим прекратить сопротивление и сложить оружие. Была поставлена задача – через пленных и другими способами довести до сведения командования Хутоуского укрепрайона, что войска Квантунской армии начали капитуляцию и что они также должны сложить оружие или в противном случае будут уничтожены. Был подготовлен ультиматум следующего содержания:

«Всем японским офицерам и солдатам Хутоуского УР! 17.08.45 года император Японии приказал всем японским войскам прекратить сопротивление Красной Армии и сложить оружие. На всех фронтах началась массовая сдача Японской Армии в плен.

ПРИКАЗЫВАЮ: Немедленно прекратить сопротивление, сложить оружие и добровольно выйти из сооружений. Разъясняю, что при добровольном выводе гарнизонов и сдаче оружия гарантирую сохранение жизни и отправку в Японию.

В случае неповиновения гарнизон будет немедленно и полностью уничтожен. Срок вывода гарнизона во исполнение настоящего приказа 14 часов дня. Гарнизон вывести на северную окраину Центральный городок. Командир Хутоуской Группы войск полковник Вавин» (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 261).

Из пленных и местных жителей была сформирована группа парламентаров, которые выдвинулась к японским позициям, были встречены группой японских солдат с белыми флагами и приведены к входу в потерну на восточном склоне г. Острая. Из потерны вышел японский офицер, заявил что «ничего общего с Красной Армией мы иметь не хотим», после чего отрубил голову парламентару, передававшему послание (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 261).

После фактического отказа в капитуляции, в 14:00 штурм Хутоуского укрепрайона возобновился. К 19:00 штурмовая группа 255-го батальона вышла на высоту Острая и приступила к уничтожению подземных коммуникаций противника с использованием подрывных зарядов и горючего вещества. Попытки противника контратаковать были отбиты, однако командир штурмовой группы лейтенант Васильченко погиб в бою. К концу дня 18 августа г. Острая находилась под контролем советских войск. Также успешно действовал 105-й батальон, занявший северную часть г. Гроб и отбивший контратаку противника численностью до 60 человек (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 262).

Подавление огневых точек и занятие высот позволило уничтожать японские оборонительные сооружения путем заливки горючего вещества в вентиляционные шахты и последующего подрыва с помощью зарядов или ручных гранат. В ходе штурма г. Лесная в вентиляционные шахты было залито 700 кг керосина. Последующий подрыв вызвал пожар внутри потерны, уничтоживший до 65 японских солдат. При штурме г. Острая в центральном наблюдательном пункте был произведен подрыв заряда взрывчатого вещества весом 1,5 тонны, что вызвало обширные разрушения подземных сооружений. Окончательно японский гарнизон в укреплениях на г. Острая был уничтожен в результате заливки в подземные сооружения 2 тонн бензина с последующим подрывом

противотанковой гранатой. Всего в ходе зачистки Хутоуского укрепрайона было уничтожено 100 сооружений различных типов, для чего израсходовано 43,5 тонны взрывчатки и 5 тонн горючесмазочных материалов (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 277, 278).

В течение 19 августа продолжалась зачистка и уничтожение укреплений Хутоуского укрепрайона. Для подавления оставшихся дотов был задействован самоходный артдивизион 264-й стрелковой дивизии. Противник организованного сопротивления не оказывал. В результате к 18:00 19 августа Хутоуский укрепрайон был полностью ликвидирован (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 190). 20–21 августа части 109-го укрепрайона проводили перегруппировку сил. 22–24 августа было организовано сплошное прочесывание местности для обнаружения и уничтожения одиночных солдат противника. В результате прочесывания было выявлено, что опорный пункт на высоте Вулкан продолжает оставаться под контролем противника. 25 августа в результате атаки 255-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона при поддержке артиллерии было уничтожено до 85 солдат и офицеров противника (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 215). После 26 августа части 109-го укрепрайона были выведены на места постоянной дислокации. На территории Хутоуского укрепрайона была оставлена 20-я отдельная саперная рота, которая за период с 25 августа по 5 сентября проводила окончательное разрушение японских оборонительных сооружений. Всего было разрушено 132 огневые точки, в том числе казематированные и бронебашенные батареи, доты и дзоты, а также 114 сооружений, в том числе 25 командных и наблюдательных пунктов, для чего была использована 51 тонна взрывчатки (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 265).

Ключевое значение в уничтожении Хутоуского укрепрайона имела артиллерийская поддержка. За период операции артиллерия 109-го укрепрайона израсходовала свыше 19 900 снарядов крупного калибра (107-мм и более) (табл. 1).

Советские войска, участвовавшие в штурме Хутоуского укрепрайона, понесли серьезные потери. Подразделения 109-го укрепрайона потеряли 271 человека убитыми и 743 ранеными (ЦАМО.

Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 266). По неполным данным, 1056-й стрелковый полк потерял 175 человек убитыми и 424 ранеными, 155-й запасной стрелковый полк – 83 убитыми и 210 – ранеными (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 1. Д. 2. Л. 7) (табл. 2).

Таблица 1. Расход боеприпасов в ходе операции по ликвидации Хутоуского укрепрайона
Table 1. Ammunition consumption during the operation to liquidate the Hutou fortress

Подразделение	Калибр, мм	Количество (шт.)
224 Габр Бм	203 мм	5852
109-й Ур	305 мм	866
	152 мм	6192
	122 мм	3472
	107 мм	3591
	76 мм	3283
	45 мм	10157
	120 мм мины	1900
	82 мм	4225
	Ручные противотанковые гранаты	1535
	Ручные гранаты	26852

Источник: ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 65; Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 291.

Таблица 2. Потери частей 35-й армии, задействованных в операции по ликвидации Хутоуского укрепрайона
Table 2. Losses of units of the 35th Army involved in the operation to liquidate the Hutou fortress

Подразделение	Убитые и пропавшие без вести	Раненые	Всего
109-й укрепрайон	279	743	1022
1056-й стрелковый полк	174	424	598
155-й запасной стрелковый полк	83	210	293
224-я Габр Бм	1	8	9
Итого	537	1385	1922

Источник: ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 266; Ф. 2343. Оп. 1. Д. 2. Л. 7; Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 64.

С учетом того, что за весь период операции 35-я армия потеряла 702 человека убитыми и

2861 ранеными, потери, понесенные в ходе штурма Хутоуского укрепрайона, составили 76,4 % безвозвратных и 48,4 % санитарных потерь всей армии (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 8785. Д. 47. Л. 33 об.).

Одной из причин достаточно высоких потерь частей 35-й армии стали особенности японской тактики. В условиях количественного и качественного превосходства советских войск основой тактики японской армии являлась ставка на боевой дух, сформировавшаяся к концу 1930-х гг. в том числе на основе опыта противостояния с РККА в ходе локального конфликта на р. Халхин-Гол (O’Neil, 2003. P. 87; Drea, 1981. P. 90). Действия окруженного гарнизона были продиктованы стремлением нанести максимальный урон наступающим советским частям. Вопрос выживания изначально не ставился. Согласно отчетам советского командования, гарнизон Хутоуского укрепрайона действовал достаточно эффективно. В краткой сводке обобщенного боевого опыта 35-й армии отмечено, что противник «открывает огонь с дистанции 50–100 метров по подразделениям наших войск, идущих в атаку. Не открывая огня, противник притупляет бдительность наших бойцов, и, открывая внезапный огонь с ближних дистанций, наносит чувствительные потери, особенно для необстрелянных бойцов». Распространенным тактическим приемом японцев было скрытое выдвижение в тыл советских войск небольших групп солдат и снайперов, «которые тщательно маскировались и стреляли по одиночно идущим красноармейцам и офицерам с коротких дистанций, отчего наши подразделения несли значительные потери...» (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 8785. Д. 46. Л. 108).

Уровень подготовки личного состава Хутоуского укрепрайона советским командованием оценивался достаточно высоко. В отчете управления командующего артиллерией 35-й армии отмечено: «Оборона самого УР Хутоу была тщательно продумана; оборонявшие подразделения очень умело использовали систему инженерных сооружений. Хорошо развитая сеть траншей, подземных ходов сообщений позволяла противнику хорошо маневрировать наличными силами, – их активность и живучесть была очень высокой. Для борьбы с нашими атакующими войсками противник применял главным образом ружейно-

пулеметный и минометный огонь. Особенно эффективно противник использовал минометы. ... В процессе уничтожения УР Хутоу оборонявшиеся подразделения при угрозе захвата военных объектов предпринимали контратаки силами до роты, поддерживаемые минометным огнем. Контратакующие японские солдаты очень умело пользовались ручными гранатами» (ЦАМО. Ф. 390. Оп. 0008801. Д. 0011. Л. 271). В отчете 109-го укрепрайона отмечалось: «Японский солдат в оборонительном бою проявляет стойкость и упорство, в контратаке действует смело, энергично и дерзко. Из стрелкового оружия стреляет метко. В оборонительном и наступательном боях широко применяет ручные гранаты. Воспитанный в духе фанатизма в плен не сдается, сопротивляется до последней возможности, после чего уничтожает себя подрывом гранаты или вспарыванием живота» (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 230).

Согласно отчетам советского командования, в ходе боев за Хутоуский укрепрайон было уничтожено 1147 солдат и офицеров противника, взято в плен 12 человек (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 230). По приказу коменданта 109-го укрепрайона 25 августа была сформирована специальная комиссия для обследования японских укреплений. В ходе осмотра подземных сооружений на высотах Острая и Безымянная было обнаружено свыше 500 трупов японских военнослужащих. Порядка 75 % японцев погибли вследствие подрыва укреплений с использованием взрывчатки и горючих веществ. Часть солдат и офицеров покончили с собой, совершив харакири. Бои за Хутоуский укрепрайон являются ярким примером идеологической обработки японского населения в рамках концепции «Кокутай» и идеи абсолютной преданности императору. В подземных сооружениях советской комиссией были обнаружены тела

80 женщин – членов семей офицерского состава и медицинский персонал. Часть из них была вооружена винтовками, штыками и гранатами. Кроме того, жертвами японского фанатизма стали около 80 детей и подростков в возрасте от года до 12 лет (ЦАМО. Ф. 2343. Оп. 0000001. Д. 0009. Л. 212, 212 об, 219, 221).

Операция по ликвидации Хутоуского укрепрайона стала одним из наиболее ожесточенных сражений кратковременной Советско-японской войны 1945 г. Причинами высоких потерь частей 35-й армии стали недооценка Хутоуского укрепрайона, недостаточный уровень подготовки советских частей, задействованных в операции, характерные особенности тактики и морально-идеологической обработки японских военнослужащих. Исследование документов о штурме Хутоуского укрепрайона, продолжавшегося до 25 августа, дает основания утверждать, что сложившийся стереотип о легкой победе в Маньчжурской операции не вполне соответствует действительности. В этой связи будет уместным привести цитату участника боевых действий, командующего 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта генерал-полковника А.П. Белобородова: «Сравнивая потери сторон, можно убедиться в том, что превосходство наше над противником по всем компонентам боевого мастерства было полным. Однако вынужден еще и еще раз повторить, что быстрая победа далеко не всегда равнозначна победе легкой» (Белобородов, 1982. С. 175–176). Дальнейшее изучение истории Советско-японской войны с привлечением новых источников, в том числе освещающих действия советских войск в ходе прорыва линии приграничных укрепрайонов и боев за г. Муданьцзян представляется достаточно перспективным.

Список источников

75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке / отв. ред. Ю.А. Никифоров. СПб. : Нестор-История, 2020. 696 с.

Белобородов А.П. Прорыв на Харбин / литературная запись Н.С. Винокурова. М. : Воениздат, 1982. 208 с.

Бои в Маньчжурии и Корее : сборник материалов о боевых действиях 1-го Дальневосточного фронта / отв. редактор Кирьянов С.Л. Владивосток : Приморское краевое управление издательств и полиграфии, 1945. 112 с.

References

Nikiforov Yu.A. (2020) 75 Years of Victory: The Soviet Union and the End of World War II in the Far East. St. Petersburg: Nestor History. 696 p. (In Russ.).

Beloborodov A.P. (1982) Breakthrough to Harbin. *Literaturnaya zapis N.S. Vinokurova = Literary record of N.S. Vinokurov*. Moscow: Voениzdat. 208 p. (In Russ.).

Kir'yanov S.L. (1945) Fights in Manchuria and Korea. Collection of materials on the military operations of the 1st Far Eastern Front. Vladivostok: Primorsky Regional Department of Publishing and Printing. 112 p. (In Russ.).

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке : военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе – сентябре 1945 г. М. : Воениздат, 1966. 325 с.

Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке : военно-ист. очерк о боевых действиях сов. войск в авг.-сент. 1945 г. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Воениздат, 1971. 392 с.

Вооружённые силы Японии. История и современность (К 40-летию разгрома милитаристской Японии во Второй мировой войне) / А.С. Савин, А.М. Носков, В.П. Зимонин и др.; отв. ред. А.И. Иванов. М. : Наука, 1985. 326 с.

Калинин В.И., Воробьев С.А. Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 // Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. Владивосток : Дальнаука, 2005. Вып. 2. С. 76–167.

Краснознаменный Дальневосточный: военно-исторический очерк о Дальневосточном военном округе. 4-е изд., испр. и доп. Хабаровск : Хехцир, 2003. 397 с.

Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа / Н.П. Сунцов, М.П. Хвостиков, Ю.Л. Яхнин и др.; редкол. И.М. Третьяк и др. 3-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1985. 348 с.

Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М. : Политиздат, 1970. 464 с.

Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков и др. М. : Вече, 2010. 624 с.

Свечин А.А. Основы современной японской стратегии и тактики // Постижение военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. 2-е изд. М. : Русский путь, 2000. С. 447–471.

Хренов А.Ф. Мосты к победе. М. : Воениздат, 1982. 349 с.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. 2-е изд. М. : Воениздат, 1985. 288 с.

Шикин И.В., Сапожников Б.Г. Подвиг на дальневосточных рубежах. М. : Воениздат, 1975. 215 с.

Coox A.D. Nomonhan: Japan against Russia. 1939. Stanford: Stanford University Press, 1990. xvi, 1253 p.

Drea J.E. Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939 // Leavenworth papers ; no. 2. Fort Leavenworth: Combat Studies Institute. U.S. Army Command and General Staff College, 1981. xi, 114 p.

Glantz D.M. August Storm: The Soviet strategic offensive in Manchuria // Leavenworth Papers № 7. Fort Leavenworth, Kan. : Combat Studies Institute, U.S. Army Command and General Staff College, 1983. xix, 243 p.

Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior to 1943) // Japanese monograph № 77. 1954. 67 p.

Vnotchenko V.L. (1966) Victory on Far East. *Voenno-istoricheskii ocherk o boevykh deistviyakh sovetskikh voisk v avguste - sentyabre 1945 g.* = *Military-historical essay on the combat operations of the Soviet troops in August - September 1945.* Moscow: Voenizdat. 325 p. (In Russ.).

Vnotchenko V.L. (1971) Victory on Far East. *Voenno-istoricheskii ocherk o boevykh deistviyakh sovetskikh voisk v avguste - sentyabre 1945 g.* = *Military-historical essay on the combat operations of the Soviet troops in August - September 1945.* Moscow: Voenizdat. 392 p. (In Russ.).

Savin A.S., Ivanov A.I. (1985) Military forces of Japan. History and Modernity (To the 40th Anniversary of the Defeat of Militaristic Japan in World War II). Moscow: Nauka. 326 p. (In Russ.).

Kalinin V.I., Vorob'ev S.A. (2005) Steel and concrete against the Mikado. Coastal defense and fortified areas of the land border in the Far East of the USSR. 1932-1945. *Krepost' Rossiya: Istoriko-fortifikatsionnyi sbornik = Fortress Russia: Historical and fortification collection.* Vladivostok: Dal'nauka. Iss. 2. P. 76-167. (In Russ.).

(2003) Red Banner Far East: military-historical essay on the Far East Military District. Khabarovsk: Khekhtsir. 397 p. (In Russ.).

(1985) Red Banner Far East. History of the Red Banner Far Eastern Military District. Moscow: Voenizdat. 348 p. (In Russ.).

Meretskov K.A. (1970) In the service of the people. Memory Pages. Moscow: Politizdat. 464 p. (In Russ.).

Krivosheev G.F., Andronnikov V.M., Burikov P.D. (2010) Russia and the USSR in the wars of the 20th century: a book of losses: a reference book. Moscow: Vechе. 624 p. (In Russ.).

Svechin A.A. (2000) Fundamentals of modern Japanese strategy and tactics. *Postizhenie voennogo iskusstva: Ideinoe nasledie A.Svechina = Comprehension of military art. The ideological legacy of A. Svechin.* Moscow: Russkii put'. P. 447-471. (In Russ.).

Khrenov A.F. (1982) Bridges to victory. Moscow: Voenizdat. 349 p. (In Russ.).

Chistyakov I.M. (1985) We serve the Motherland. Moscow: Voenizdat. 288 p. (In Russ.).

Shikin I.V., Sapozhnikov B.G. (1975) Feat on the Far Eastern borders. Moscow: Voenizdat. 215 p. (In Russ.).

Coox A.D. Nomonhan: Japan against Russia. 1939. Stanford: Stanford University Press, 1990. xvi, 1253 p.

Drea J.E. Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939 // Leavenworth papers ; no. 2. Fort Leavenworth: Combat Studies Institute. U.S. Army Command and General Staff College, 1981. xi, 114 p.

Glantz D.M. August Storm: The Soviet strategic offensive in Manchuria // Leavenworth Papers № 7. Fort Leavenworth, Kan. : Combat Studies Institute, U.S. Army Command and General Staff College, 1983. xix, 243 p.

Japanese preparations for operations in Manchuria (Prior to 1943) // Japanese monograph № 77. 1954. 67 p.

O'Neil W.D. Military Transformation as a Competitive Systemic Process: The Case of Japan and the United States Between the World Wars. Alexandria: Center for Naval Analyses (CNA), 2003. 236 p.

Record of operations against Soviet Russia, Eastern Front (August 1945) // Japanese monograph № 154. 1954. 180 p.

Информация об авторе

Кулепанов Руслан Владимирович,
старший лаборант, отдел истории Дальнего Востока России,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: csword@yandex.ru

Вклад автора

Кулепанов Р.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 10 апреля 2023 г.; принята к публикации 3 мая 2023 г.

O'Neil W.D. Military Transformation as a Competitive Systemic Process: The Case of Japan and the United States Between the World Wars. Alexandria: Center for Naval Analyses (CNA), 2003. 236 p.

Record of operations against Soviet Russia, Eastern Front (August 1945) // Japanese monograph № 154. 1954. 180 p.

Information about the author

Ruslan V. Kulepanov,
Senior Assistant, Department of History of the Russian Far East,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: csword@yandex.ru

Contribution of the author

Kulepanov R.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 12, 2023; approved after reviewing April 10, 2023; accepted for publication May 3, 2023.

История

Научная статья
УДК 357.1
EDN: OQKVAU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-170-183>

Без походов и боев: 7-я Хинганская кавалерийская дивизия в 1946–1953 гг.

В.Н. Воронцов

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В историографии обобщен значительный массив информации, но пока не представлена детальная картина реорганизации 1945–1953 гг. на уровне воинских соединений. Задачи статьи показать изменения в 7-й (ранее 59-й) Хинганской кавалерийской дивизии, рассмотреть вопросы комплектования личным составом, боевой подготовки, показать роль проверок и инспекций. Это позволит составить представление об адапционных возможностях советской военной системы. В качестве вводных замечаний указано, что накануне и во время Второй мировой войны советская кавалерия развивалась весьма непоследовательно, пережив этапы сокращения, увеличения и нового сокращения. Тем не менее конные соединения сыграли важнейшую роль в оборонительных и наступательных операциях 1941–1942 гг., компенсируя нехватку крупных танковых формирований, в последующий период кавалерийские корпуса (менее зависящие от снабжения топливом) специализировались на образовании внешних фронтов при окружении противника и глубоких прорывах. Основная часть статьи посвящена рассмотрению послевоенных будней одного из сохраненных в составе Советской армии конного соединения. В хронологической последовательности рассматриваются важнейшие события дивизии, отраженные в ее историческом формуляре. Использована возможность показать роль командования различного уровня в условиях, когда, к счастью, не требовалось участие в походах и боях. Например, проверка 1951 г. показала: «Политико-моральное состояние личного состава здоровое, физически он хорошо подготовлен, а воинская дисциплина и бытовые условия удовлетворительные. В целом части подготовлены хорошо и боеспособны». В октябре 1953 г. дивизия была расформирована.

Ключевые слова: дивизия, кавалерия, военное строительство, Забайкалье, послевоенный период, демобилизация, пополнение, боевая подготовка, организационные изменения, проверки, инспекции

Для цитирования: Воронцов В.Н. Без походов и боев: 7-я Хинганская кавалерийская дивизия в 1946–1953 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 170–183. EDN: OQKVAU. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-170-183>.

History

Original article

Without hiking and fighting: 7th Khingan Cavalry Division in 1946-1953

Vladislav N. Vorontsov

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract. A considerable amount of information has been summarized in historiography, but a detailed picture of the reorganization in 1945-1953 at the level of military units has not yet been presented. The objectives of the article are to show the changes in the 7th (previously 59th) Khingan Cavalry Division to consider the issues of recruitment, training, and to show the role of inspections. This will give an idea of the adaptive capabilities of the Soviet military system. As introductory remarks, it is indicated that on the eve and during the Second World War, the Soviet cavalry developed very inconsistently, consistently going through the stages of reduction, increase and new reduction. Nevertheless, cavalry formations played a crucial role in the defensive and offensive operations of 1941-1942, compensating for the shortage of large tank formations. Since then the cavalry corps (less dependent on fuel supply) specialized in the formation of external fronts have specialized in forming the outer fronts of the enemy's encirclement and deep breaches. The main part of the article is devoted to the post-war everyday life of one of the cavalry units preserved

in the Soviet Army. The most important events in the history of the division, reflected in its historical form, are considered in chronological order. The opportunity was used to show the role of command at various levels in conditions when, fortunately, participation in campaigns and battles was not required. For example, the inspection of 1951 showed that the political and moral condition of the personnel is healthy, physically they are well prepared and military discipline and living conditions are satisfactory. In general, the units are well prepared and combat-ready. In October 1953, the division was disbanded.

Keywords: division, cavalry, military construction, Transbaikalia, post-war period, demobilization, replenishment, combat training, organizational changes, checks, inspections

For citation: Vorontsov V.N. (2023) Without hiking and fighting: 7th Khingan Cavalry Division in 1946-1953. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 170-183. (In Russ.). EDN: OQKVAU. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-170-183>.

Освещение военного строительства в СССР соответствовало всем закономерностям советской идейно-политической системы. Партийный монополизм в информационной сфере, равно приоритет высших партийных инстанций при выборе предъявляемых обществу обобщений и трактовок (например, Павловский, 1985; Бабаков, 1987) сохранялись на протяжении всего существования Советского государства.

Организационные мероприятия во всеармейском масштабе после 1945 г. предметно рассмотрены в объемных справочных трудах (Феськов, Калашников, Голиков, 2004; Феськов, Голиков, Калашников, Слугин, 2013).

В целом в исторической литературе обобщен значительный массив информации (Самохин, 2013; Петренко, 2016; Советская Армия..., 2018), но сохраняются как отдельные разночтения, так до сих пор не представлена детальная картина реорганизации 1945–1953 гг. на уровне воинских соединений. Мемуары, описывающие послевоенные «будни» Советской армии, немногочисленны (Варенников, 2001; Постников, 2004). Воспоминания же, прямо касающиеся кавалерии в Забайкалье, нами не выявлены.

Задачи данной статьи показать трансформацию одной из кавалерийских дивизий в послевоенный период, осветить вопросы ее комплектования личным составом и боевой подготовки, рассмотреть роль проверок и инспекций. В совокупности это позволит составить представление об адаптационных возможностях советской системы на низовом уровне к новым вызовам.

Использованные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск Московской области) стали доступны для изучения только после 2007 г. в результате рассекречивания. Подробное рассмотре-

ние архивных документов, развернутое приведение в тексте их фактологического содержания (с указанием в скобках учетной нумерации) обусловлено стремлением решить и источниковедческие задачи.

Организационный и боевой опыт

Накануне и во время Второй мировой войны советская кавалерия как составная часть подвижных войск развивалась весьма непоследовательно. К началу 1938 г. советская кавалерия достигла своего количественного расцвета, затем проводится радикальное сокращение: с пиковых 7 кавалерийских корпусов и 32 (в том числе 5 горных и 3 территориальные) кавалерийских дивизии на 1935–1937 гг. (Мельтюхов, 2000. С. 604) до 4 корпусов, 9 кавалерийских (штат 8968 чел.) и 4 горнокавалерийских (штат 6558 чел.) дивизий к весне 1941 г. Только в течение 1938 г. численность личного состава кавалерии уменьшилась более чем на треть. Число же конных соединений с весны 1938 г. по весну 1941 г. включительно сократилось почти в 2,5 раза. Например, расквартированные в юго-восточном Забайкалье 15-я (станция Даурия) и 22-я (Хадабулак) кавалерийские дивизии в марте 1941 г. были расформированы. 61-й и 118-й кавалерийские полки 15-й кавалерийской дивизии переформированы в 61-й моторизованный полк формируемой 61-й танковой дивизии. Личный состав 22-й кавалерийской дивизии также обращен на укомплектование соединений 29-го механизированного корпуса (Дриг, 2019. С. 175).

За годы Великой Отечественной войны в Советских вооруженных силах была сформирована 661 дивизия, из которых 10 были танковыми и 91 – кавалерийскими (штат в 3000 чел.). Также создано 666 бригад (в т. ч. 251 танковая, 32 механизированные и 48 мотострелковых), среди которых кавалерийские – 171.

лерийских не было. В течение 1941 г. в состав действующей армии были переданы 42 кавалерийские дивизии и концу года их число в ней достигло 82. Для усиления наступательной мощи Красной Армии решением Государственного Комитета Обороны в январе – мае 1942 г. (от 1 до 5 дивизий в каждом, в большинстве по 3) было сформировано 15 кавалерийских корпусов. В ходе войны Красная Армия потеряла разгромленными и уничтоженными 297 дивизий, в т. ч. 45 кавалерийских, а также 85 бригад (Гуркин, Круглов, 1995. С. 55). Учитывая, что конница беззащитна против танков и авиации и несет большие потери от авиации и артиллерии, к лету 1942 г. число ее соединений было уменьшено вдвое, а часть личного состава обращена на формирование стрелковых дивизий (Павловский, 1985. С. 108).

По оценке А.В. Исаева, «В 1941–1942 гг. конники сыграли важнейшую роль в оборонительных и наступательных операциях, став незаменимой «квазимотопехотой» Красной Армии. Фактически кавалерия до появления в Красной Армии крупных самостоятельных механизированных соединений и объединений была единственным маневренным средством оперативного уровня. В 1943–1945 гг., когда были наконец отлажены механизмы танковых армий, кавалерия стала тонким инструментом для решения особо важных задач в наступательных операциях... Если танковые армии были мечом Красной Армии, то кавалерия – острой и длинной шпагой. Типовой задачей кавалеристов в 1943–1945 гг. было образование внешнего фронта окружения... В отличие от мотопехоты, кавалерия не требовала себе постоянной доставки многих тонн горючего. Это позволяло кавалерийским корпусам наступать глубже большей части механизированных соединений» (Исаев, 2004. С. 86).

Перечислим кавалерийские дивизии, сформированные на территории Сибири и Дальнего Востока во время Великой Отечественной войны (пункты формирования; военная судьба):

7-я (с. Камень-Рыболов Приморского края; разгромлена во время рейда к р. Десна, расформирована в апреле 1943 г., остатки влиты во 2-й гвардейский кавалерийский корпус),

49-я (Омск; погибла под Харьковом в мае 1942 г.);

51-я (станция Даурия; 30 апреля 1943 г. расформирована, личный состав пополнил 8-ю кавалерийскую дивизию);

59-я (участвовала в Советско-японской войне 1945 г.);

67-я или Уссурийская (с. Хороль Приморского края, расформирована в августе 1943 г., личный состав обращен на укомплектование 300-й стрелковой дивизии 2-го формирования);

73-я (Бийск; в июле 1942 г. слита с 55-й кавалерийской дивизией, сформированной в г. Коврове, Московский военный округ, и ставшей в феврале 1943 г. 15-й гвардейской);

75-я (Новосибирск; в марте 1942 г. обращена на пополнение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса);

77-я (Омск; расформирована в мае 1942 г.);

84-я (Ворошилов (ныне Уссурийск); участвовала в Советско-японской войне 1945 г.);

87-я (Барнаул; в июле 1942 г. на Волховском фронте обращена на доукомплектование 327-й стрелковой дивизии, с января 1943 г. ставшей 64-й гвардейской) (Кавалерийские дивизии)¹.

По срокам создания: 59-я, 67-я и 84-я формировались весной 1943 г., 7-я – в апреле 1942 г., остальные во второй половине 1941 г. (Ростов, 2007. С. 476–477).

Особо отметим отсутствие систематического исследования боевой работы всей советской кавалерии в 1941–1945 гг., эту задачу отечественным исследователям еще предстоит решить. Публикации по действиям конницы постсоветского периода носят или весьма обзорный (Пятницкий, 2007), или напротив крайне фрагментарный (вне характеристики общего контекста) характер, преимущественно на основе ранее не публиковавшихся воспоминаний (Вашурин, 1995; Стрельченко, 1995). Подготовлены диссертации, рассмотревшие соединение, так А.Н. Голиков в 2009 г. проанализировал материалы 2-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Также предстоит предметно оценить роль гужевого транспорта в Великой победе. Боевую ис-

¹ Кавалерийские дивизии РККА периода 1938–1945 гг. URL: https://www.soldat.ru/force/sss/rkka/kav/03_kavdiv.html (дата обращения 1 января 2023 г.).

торию обозов Красной Армии, в отличие от роли железнодорожного (Ковалев, 1981) или автомобильного транспорта (Ростов, 2011), еще только предстоит реконструировать и оценить. Упоминания в воспоминаниях сколь многочисленны, столь и разрознены (Лашенко, 1972. С. 8, 146).

59-я кавалерийская Хинганская дивизия становится 7-й Хинганской

21 сентября 1945 г. 59-й кавалерийской дивизии было присвоено почетное наименование – Хинганская (Приказ Народного комиссара обороны № 0162 от 20 сентября 1945 г.).

10 октября 1945 г. произведена демобилизация сержантского и рядового состава первой очереди старших возрастов с 1898–1905 гг. в количестве 280 чел.. Отправка демобилизованных производилась в городе Чойбалсан «в период возвращения частей дивизии на зимние квартиры, после боевых действий с японским милитаризмом» (Приказ войскам 36-й Армии № орг/062 от 10 сентября 1945 г.). 20 октября дивизия сосредоточилась в партии (пади) Урулюнгуй – «на прошлых зимних квартирах» и приступила к боевой подготовке в составе 36-й армии.

3 декабря 1945 г. произведена демобилизация второй очереди сержантского и рядового состава с 1906–1909 гг. рождения. Демобилизовано сержантов – 176, рядовых – 339, всего: 575 чел. (Приказ войскам 36-й Армии № орг/043 от 18 ноября 1945 г.). 10 декабря 1946 г. 7-я кавалерийская дивизия перешла на новые штаты мирного времени в составе следующих частей: а) Управление дивизии – штат № 06/520 – 146 чел.; б) 1-й Отдельный эскадрон связи – штат № 06/521 – 35 чел.; в) 4-й отдельный саперный эскадрон – штат № 06/522 – 98 чел.; г) 30-й кавалерийский полк – штат № 06/523 – 1275 чел.; д) 129-й кавалерийский полк – штат № 06/523 – 1275 чел.; е) 252-й кавалерийский полк – штат № 06/523 – 1275 чел.; ж) 394-й артиллерийский полк – штат № 06/524 – 717 чел.; з) 267-й Линейный танковый батальон – штат № 06/525 – 227 чел.; и) 71-й Истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион – штат № 06/526 – 526 чел.; к) 184-й Зенитно-артиллерийский дивизион – штат № 06/527 – 292 чел.; л) Шорно-седельная сапожная мастерская – штат № 06/533 – 4 чел.; м) Мастерская по ремон-

ту вещевого имущества – штат № 06/534 – 2 чел.; н) Стрелковый взвод ОКР «Смерш» – штат № 06/576 – 13 чел. (Приказ войскам 36-й Армии № орг/0047 от 19 октября 1945 г.).

В связи с переходом дивизии на новые штаты из состава дивизии упразднены: 394-й артиллерийский парк, 18-й отдельный взвод хим. защиты, 13-й отдельный продтранспорт и 7-й отдельный медико-санитарный эскадрон, 32-й отдельный взвод хим. защиты (Приказ войскам 36-й армии № орг/043 от 18 ноября 1945 г.). Личный и конский состав расформированных частей обращены на укомплектование частей дивизии (Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 5).

Ввиду перехода дивизии на новые штаты и проведенной демобилизации 1–2-й очереди сержантского и рядового состава на 1 января 1946 г. дивизия имела некомплект: сержантов – 433; рядовых – 961, всего – 1394.

С 1 по 7 января 1946 г. дивизия получила пополнение из 84-й кавалерийской дивизии (сформирована в сентябре 1941 г. в составе 1-й армии Дальневосточного фронта, квартировала в г. Ворошилов (ныне Уссурийск), расформирована с 10 декабря 1945 г. по 30 января 1946 г. в Приморском военном округе, в с. Камень-Рыболов) в возрасте с 1916–1927 гг. рождения в количестве 2154 чел. Из них: офицеров – 57; сержантов – 555; рядовых – 1542 чел.

В связи с пополнением сержантского и рядового состава из 84-й кавалерийской дивизии в дивизии образовался сверхштат в количестве: сержантов – 103, рядовых – 603.

С 23 января по 15 февраля 1946 г. весь сверхштатный сержантский и рядовой состав был отправлен в 15-й армейский запасной стрелковый полк. Прибыл из Отдела кадров Командующего кавалерией сухопутных войск и вступил в обязанности командира 30-го кавалерийского полка – гвардии полковник Иван Федорович Горлатов (Приказ министра вооруженных сил № 131 от 11 мая 1946 г.).

6 мая 1946 г. 59-я отдельная Хинганская кавалерийская дивизия переименована в 7-ю. В 1946–1949 гг. командир 7-й отдельной Хинганской кавалерийской дивизии гвардии генерал-майор Михаил Данилович Ягодин (рис. 1), начальник штаба

Рис. 1. Михаил Данилович Ягодин
Fig. 1. Mikhail Danilovich Yagodin

дивизии в 1946–1949 гг. полковник Нестеров. Почетных солдат и зачисленных в списки навечно в дивизии не было.

С 15 мая по 1 августа 1946 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1946 г. в 7-й отдельной Хинганской кавалерийской дивизии произведена демобилизация старших возрастов с 1910–1921 гг. рождения: демобилизовано: а) сержантов – 492 чел.; б) солдат – 650 чел. Кроме того, осталось на сверхурочную службу этих же возрастов: а) сержантов – 83 чел.; б) солдат – 9 чел.. В результате проведенной демобилизации дивизия имела некомплект: а) сержантов – 461 чел.; б) солдат – 619 чел. (Приказ № 0052 от 26 марта 1946 г. Забайкальского военного округа (далее ЗабВО), Приказ штаба 36-й армии № 0076 от 8 апреля 1946 г.).

Ввиду перехода на новые штаты дивизии и получения пополнения от 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в дивизии образовался сверхштат: а) сержантов – 130 чел.; б) солдат – 1230 чел., которые были отправлены на укомплектование частей округа и армии (Наряд штаба 36 Армии № 1597/2 от 15 июля 1946 г.).

20 июля 1946 г. части 7-й Отдельной Хинганской кавалерийской дивизии передислоцирова-

лись из пади Урулюнгуи на станцию Даурия, своим ходом на расстояние 180 км (Приказ 36-й Армии № орг/001 от 24 апреля 1946 г.) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 6).

В августе 1946 года конский состав «Монгольской породы» в количестве 3305 голов реализовано в народное хозяйство, в лагеря Министерства внутренних дел – 650 голов, в Кузбассуголь и Кемерово-уголь – 2655 голов (Наряд штаба 36-й армии № 309/ОУ от 27 июня 1946 г.).

10 сентября 1946 г. прибыл из 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и вступил в командование 18-го кавалерийского полка – гвардии полковник Никита Федорович Бородин (Приказ Забайкальско-Амурского военного округа № 01143 от 14 ноября 1946 года).

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1946 г. рядовой и сержантский состав рождения 1922 г. и непригодные к строевой службе в количестве: сержантов – 78 чел., солдат – 81 чел. с 1 ноября по 6 декабря 1946 г. были уволены в долгосрочный отпуск по демобилизации (Приказ штаба 36-й армии № 0267 от 29 октября 1946 г.).

В феврале – марте 1947 г. проведена демобилизация сержантов и солдат 1923–1924 гг. рождения. Демобилизовано: сержантов – 151 чел., солдат – 215 чел. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1947 г.; Приказ Забайкальско-Амурского военного округа № 030 от 11 февраля 1947 г.).

20 мая 1947 г. вступил в исполнение своих обязанностей командира дивизии гвардии генерал-майор Михаил Данилович Ягодин (Приказ Министра Вооруженных Сил № 0415 от 19 апреля 1947 г.).

Личный состав дивизии в количестве 264 чел. с июля по октябрь 1947 г. принимал участие в уборке урожая в Алтайском крае (Приказание Забайкальско-Амурского военного округа № 2742/Ш от 12 июля 1947 г.).

11 октября 1947 г. прибыл и вступил в исполнение обязанностей заместителя командира дивизии – гвардии генерал-майор Борис Степанович Миллеров (Приказ Главнокомандующего сухопутных войск (ГКСВ) № 01572 от 28 августа 1947 г.).

В октябре 1947 года из Краснознаменного кавалерийского училища имени 1-й Конной Армии

прибыло пополнение офицерского состава – командиров взводов в количестве 19 чел. (Приказ Командующего кавалерией сухопутных войск № 095 от 4 октября 1947 г.) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 6).

В течение всего 1947 г. года 50 % личного состава выполняло разные хозяйственные работы, как-то: по нарядам армии (36-й) и округа (Забайкальско-Амурского), а также на уборку урожая, заготовку сена и дров для дивизии и на ремонт жилых и нежилых помещений дивизии.

В период с 16 по 21 июня 1947 г. дивизия проверялась комиссией 36-й армии. Результаты проверки:

- а) планирование боевой подготовки – плохо;
- б) подготовка штабов – посредственно;
- в) политическая подготовка – посредственно;
- г) тактическая подготовка – посредственно;
- д) огневая подготовка – плохо;
- е) конная подготовка – посредственно;
- ж) строевая подготовка – плохо;
- з) физическая подготовка – посредственно;
- и) саперная подготовка – посредственно;
- к) состояние коня – плохо;
- л) караульная служба – посредственно;
- м) состояние оружия – плохо;
- н) общая оценка дивизии комиссией признана – плохо.

С 12 по 25 сентября 1947 г. части дивизии подвергались инспекторскому смотру за летний период обучения комиссией командующего кавалерией Сухопутных войск под председательством заместителя начальника уставного отдела и научению опыта Великой Отечественной войны штаба кавалерии Сухопутных войск под председательством полковника Баева.

Результаты проверки:

- а) политико-моральное состояние дивизии – здоровое;
- б) политическая подготовка проводится в соответствии с директивами Главного Политического Управления Вооруженных сил №№ 55,56, 90;
- в) боевая подготовка штабами планируется в соответствии с программой штаба кавалерии и с требованиями приказов Главкома Сухопутных войск №№ 020, 036. Усвояемость пройденного материала по боевой подготовке – хорошая. Вещевым имуществом дивизия обеспечена полностью. Сани-

тарное состояние – хорошее. Ветеринарное состояние дивизии – удовлетворительное.

В выводах указано:

- планирование – хорошо;
- учет б/подготовки – посредственно;
- подготовка штабов – хорошо;
- политическая подготовка – хорошо;
- тактика – хорошо;
- конная подготовка – посредственно;
- огневая – хорошо (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 19).

В 1948 г.

В феврале – марте 1948 г. проведена демобилизация солдат 1925 г. рождения. Демобилизовано 665 чел. (Постановление Совета Министров от 13 января 1948 г., Приказ ЗаБВО № 046 от 23 января 1948 г.).

«В марте 1948 г. прибыло пополнение из сформированной 2-й кавалерийской дивизии» (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 7). Прибыло: офицеров – 18 чел.; сержантов – 113 чел.; солдат – 696 чел.; всего – 827 чел.; лошадей – 475 голов (Приказ Командующего кавалерией сухопутных войск (ККСВ) № ОУК/69/1).

Приказано содержать обязательный некомплект личного и конского состава в частях дивизии в числе:

- а) офицеров – 12 чел.; б) сержантов – 58 чел.; в) солдат – 313 чел.; всего: 383 чел.; г) лошадей – 320 голов (Приказ ЗаБВО № орг/004 от 2 апреля 1948 г.).

В декабре 1948 г. на доукомплектование частей дивизии прибыл конский состав с Забайкальского конного завода в количестве 150 голов в возрасте 2,5 лет.

С 15 декабря 1948 г. части дивизии приступили к плановым занятиям по программе на 1949 год. Занятия на протяжении всего учебного года в основном проходили по плану боевой подготовки (Директива Главкомандующего сухопутных войск и приказ войскам ЗаБВО № 0330 – 1948 г.).

В 1949 г.

26 января 1949 г. прибыли молодые офицеры, выпущенные из кавалерийского училища имени 1-й Конной Армии в количестве 16 чел. (Приказ Главкомандующего сухопутными войсками № 010 от 7 января 1949 г.).

4 февраля 1949 г. из Борзинского призывного пункта получено молодое пополнение 1928 г. рождения в числе 100 чел. Направлено на укомплектование: учебной батареи артиллерийского дивизиона, учебных взводов эскадрона связи, саперного эскадрона, зенитной и истребительной батарей (Распоряжение Штаба ЗаБВО № ОУК/42/2 от 19 января 1949 г.).

В период с 21 по 27 марта 1949 г. дивизия проверялась комиссией ЗаБВО под руководством начальника штаба округа генерал-лейтенанта Троценко.

В выводах указано:

1. Политико-моральное состояние и состояние дисциплины личного состава дивизии вполне удовлетворительное. Дивизия боеспособна и готова выполнять любую боевую задачу.

2. Боевая и политическая подготовка в дивизии проходила организованно и план зимнего периода обучения выполнялся. Личный состав мобилизован на закрепление и совершенствование успехов в боевой подготовке, достигнутых в 1948 году. В акте обращено внимание на слабый контроль за ходом боевой подготовки (Акт комиссии № 16/0603 от 31 марта 1949 г.).

В период с 27 по 30 июля 1949 г. офицерами штаба ЗаБВО под руководством начальника Управления боевой и физической подготовки генерал-майора Лозанович проведено двухступенное командно-штабное учение дивизии на тему: «Марш и наступление усиленной кавалерийской дивизии на противника, поспешно перешедшего к обороне, при действии в оперативной глубине с последующим преследованием и захватом объекта во взаимодействии с воздушным десантом и механизированными частями». В выводах указано:

1. Поставленные цели и задачи на учениях выполнены полностью и вполне удовлетворительно.

2. Штабы частей и штаб дивизии показали себя работоспособными и подготовленными органами управления.

3. Личный состав на учениях проявил выносливость, работоспособность и дисциплину.

На разборе указано на слабое материальное обеспечение учений и особенно в штабе дивизии (Акт и разбор учений от 2 апреля 1949 г.).

С 17 июля по 16 августа 1949 г. 100 чел. личного состава частей дивизии находились на заготовке сена (Приказ войскам ЗаБВО от 22 июня 1949 г.).

30 августа 1949 г. проведены окружные соревнования по гимнастике. Участники соревнования заняли первое место в Забайкальском военном округе (Приказ войскам ЗаБВО № 0205 от 24 июня 1949 г.).

На основании указания Главного штаба Сухопутных войск в период с 26 сентября по 7 октября 1949 г. комиссией штаба ЗаБВО под председательством помощника командующего войсками генерал-лейтенанта Фоменко проведена инспекторская проверка хода боевой и политической подготовки и состояния дивизии за 1949 год. Инспекторской проверке подвергались: 16-й, 17-й кавалерийские полки и специальные подразделения дивизии. В результате инспекторской проверки дивизия имеет следующие результаты:

- а) политическая подготовка – хорошо;
- б) тактическая подготовка – хорошо;
- в) огневая подготовка – хорошо;
- г) строевая подготовка – хорошо;
- д) конная подготовка – хорошо;
- е) физическая подготовка и рукопашный бой – хорошо;
- ж) караульная и внутренняя служба – хорошо;
- з) боевая готовность – хорошая;
- и) планирование и учет боевой подготовки – хорошо.

В целом дивизия получила на инспекторской проверке хорошую оценку.

В выводах комиссии отмечено:

1. В 1949 году части дивизии занимались боевой подготовкой более напряженно, чем в 1948 году и добились более значительных успехов.

2. Программа боевой подготовки за 1948–1949 годы выполнена:

– в зимний период – на 95 %;

– в летний период – на 90 %.

3. Политико-моральное состояние личного состава дивизии здоровое, воинская дисциплина удовлетворительная.

4. Физическое состояние личного состава хорошее, санитарно-эпидемиологическое состояние дивизии благополучное, лечебная и профилактическая работа поставлена хорошо.

5. Техническое состояние стрелкового вооружения хорошее, артиллерийского – отличное.

6. Общее состояние конского состава и его маршевая втянутость – хорошая.

7. В целом части дивизии представлены хорошо, дивизия – боеспособна и может выполнить любую поставленную боевую задачу (Акт комиссии от 31 октября 1949 г.).

В период с 1 по 22 октября 1949 г. части дивизии подверглись инспекторской проверке под председательством Заместителя начальника штаба кавалерии Сухопутных войск гвардии генерал-майора Тутаринова.

В результате инспекторской проверки части дивизии имеют следующие результаты:

- а) политическая подготовка – хорошо;
- б) тактическая подготовка – хорошо;
- в) огневая подготовка – хорошо;
- г) строевая подготовка – хорошо;
- д) конная подготовка – хорошо;
- е) физическая и рукопашный бой – хорошо;
- ж) караульная и внутренняя служба – хорошо.

В целом дивизия получила на инспекторской проверке ХОРОШУЮ оценку (Акт инспекторской проверки от 22 октября 1949 г.).

16 ноября 1949 г. прибыли молодые офицеры, выпущенные из кавалерийского училища имени 1-й Конной Армии на укомплектование частей дивизии в числе 11 чел. (Приказ Главнокомандующего сухопутных войск № 02374 от 24 сентября 1949 г.).

21 ноября 1949 г. получен ремонт молодых лошадей из конзавода № 52 станции Борзя в количестве 101 головы (Распоряжение штаба кавалерии сухопутных войск № 26 ша от 19 октября 1949 г.).

В 1950 г.

В течение 1950–1952 гг. командир 7-й отдельной Хинганской кавалерийской гвардии генерал-майор Григорович, начальник штаба дивизии в 1950–1951 гг. подполковник Попко, в 1952 г. подполковник Юсупов.

С 1 января 1950 г. части дивизии приступили к занятиям по боевой и политической подготовке (Приказ по 7-й отдельной Хинганской кавалерийской дивизии № 00188 от 20 ноября 1949 г., Приказ ЗабВО № – 01 от 5 января 1950 г.).

С 4 марта по 14 мая 1950 г. произведена демобилизация рядового состава 1925 года рождения. Уволено в запас: сержантов 476 чел., из них зачислено на сверхсрочную службу 41 чел. Солдат 1925 года рождения – 897 чел., из них зачислено на

сверхсрочную службу 7 чел. (Приказ ЗабВО № 0025 от 6 февраля 1950 г. Постановление Совета Министров Союза ССР и Директива Министра Вооруженных сил СССР).

Согласно плану боевой подготовки в период с 18 по 20 марта 1950 г. начальником Управления боевой и физической подготовки ЗабВО гвардии генерал-майором Лозановичем проведено со штабом дивизии одностепенное двухстороннее командно-штабное учение на тему: «Организация и ведение оборонительного боя кавалерийской дивизии при действии в оперативной глубине обороны противника с целью удержания захваченного рубежа до прихода своих войск» (Материал разбора отправлен в УБ ИФП (Управление боевой и физической подготовки) ЗабВО кр-16/0658 от 20 марта 1950 г.).

В течение апреля 1950 г. на укомплектование частей дивизии прибыло пополнение (1928, 1929 и 1930 годов рождения) из военкоматов Южно-уральского военного округа в количестве 1197 чел. (Распоряжение ЗабВО пр-17/049/ от 24 апреля 1950 г.).

В период с 5 по 8 июля 1950 г. начальником Управления боевой и физической подготовки ЗабВО гвардии генерал-майором Лозановичем проведено двухстепенное трехсуточное командно-штабное учение штаба дивизии со штабами полков по теме: «Наступление усиленной кавалерийской дивизии с форсированием реки с хода и захват важного объекта в оперативной глубине обороны противника». По окончании учений руководителем сделан следующий вывод: «Штабы полков и штаб дивизии показали себя работоспособными, сколоченными и с поставленной задачей на учении справились хорошо» (Материал разбора № 33/0332 от 24 июля 1950 г.).

На основании распоряжения Командующего Кавалерией Советской Армии офицерами штаба кавалерии и штаба ЗабВО под председательством начальника организационного отдела штаба Кавалерии полковника П.И. Пилипчука части дивизии в период с 24 июля по 3 августа 1950 г. подвергались инспекторской проверке по боевой и политической подготовке за 1950 год. На проверке были представлены все части и отдельные подразделения дивизии, за исключением 16-го кавалерийского полка.

На инспекторской поверки дивизия имеет следующие оценки:

- а) политическая подготовка – хорошо;
- б) тактическая подготовка – хорошо;
- в) огневая подготовка – хорошо;
- г) строевая подготовка – хорошо;
- д) конная подготовка – хорошо;
- е) физическая подготовка – хорошо;
- ж) саперная подготовка – хорошо.

В целом дивизия получила на инспекторской поверке хорошую оценку.

В целом в выводах комиссии отмечено:

1. В 1950 г. части дивизии занимались боевой и политической подготовкой и добились хороших результатов.
2. Программа боевой подготовки частями дивизии на 1 августа в основном выполнена. Средний процент охвата учебой составляет: офицеры – 80 %, сержанты – 75 %, солдаты – 70 %.
3. Политико-моральное состояние личного состава здоровое. Военная дисциплина – удовлетворительная.
4. Физическая подготовка всех категорий – хорошая.
5. Техническое состояние стрелкового и артиллерийского вооружения – хорошее.
6. Общее состояние конского состава и его маршевая втянутость – хорошая.
7. В материально-бытовом отношении части дивизии находятся в удовлетворительном состоянии.

В целом части дивизии подготовлены хорошо и способны выполнить боевую задачу. Акт инспекторской поверки, утвержденный начальником штаба командующего кавалерией Советской Армии НР – 1043125 от 26 августа 1950 г.).

В августе 1950 г. получен ремонт молодых лошадей из конзаводов № 28 и 51 в количестве 104 головы, из Забайкальского треста конных заводов в количестве 50 голов, из эшелонов, экспортируемых в Китай, – в количестве 23 головы (Распоряжение штаба кавалерии и согласно личных указаний Маршала Советского Союза С.М. Буденного).

С 4 октября по 5 ноября произведена демобилизация сержантов 1926 года рождения, демобилизовано 300 чел. (Приказ ЗабВО № 06890 от 9 сентября 1950 г.).

В ноябре прибыло пополнение (1928, 1929 и 1930 годов рождения) на укомплектование частей

дивизии из военкоматов Прикарпатского военного Округа в количестве 100 чел. (Директива Штаба ЗабВО от 12 сентября 1950 г. пр-17/001709/1)

Присвоено первичное офицерское звание «младший лейтенант» – 6 чел. (Приказ Военного министра № 02612 от 28 октября 1950 г.).

Ноябрь – декабрь 1950 г. прибыли молодые офицеры, выпущенные из кавалерийского училища имени 1-й Конной Армии в количестве 7 чел. (Приказ Военного министра № 02224 от 25 сентября 1950 г.).

Боевая подготовка в частях дивизии планировалась и проводилась за 1950–1951 учебный год на основании приказа Военного Министра Союза ССР № 0200 от 11 ноября 1950 г., организационно-методических указаний по боевой и политической подготовке Сухопутных войск, приложенных к приказу № 0200, директивой Командующего войсками ЗабВО за № 33/00430 за 1950 г. и в соответствии программ боевой подготовки по родам войск. Планирование на зимний период обучения закончено 12 декабря 1950 г., на летний период обучения 10 мая 1951 г. (Приказ по дивизии № 0272 от 12 декабря 1950 г. № 0072 от 10 мая 1951 г.).

В 1951 г.

Комиссия Военного Совета ЗабВО под руководством начальника медицинского управления – генерал-майора Славина 1 февраля 1951 г. проверила службу тыла в управлении дивизией, 16-го, 17-го и 18-го кавалерийских полках.

Комиссия сделала выводы: «Состояние планирования службы тыла в дивизии и в частях неудовлетворительное. Боевая подготовка младших специалистов на начальном этапе зимнего периода обучения сорвана. Состояние обеспечения боевой подготовки неудовлетворительное» (Акт за исх. № 17/0124 от 13 января 1951 г.).

С 21 по 27 апреля 1951 г. на основании плана боевой подготовки и указаний Командующего войсками ЗабВО штабом дивизии и политотделом, проведена проверка боевой и политической подготовки в частях дивизии. Проверкой установлено: в зимнем периоде 1950–1951 учебного года части дивизии напряженно занимались боевой и политической подготовкой и несмотря на большой отрыв личного состава от боевой подготовки на подвоз сена и в связи с демобилизацией старших воз-

растов, части дивизии добились вполне удовлетворительных, а по физической и огневой подготовкам хороших результатов. Программа боевой подготовки за зимний период выполнена, средний охват боевой подготовкой составлял 82,3 % (Акт за исх. № 1/001103 от 6 мая 1951 г.) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 25).

На основании директивы Военного министра Союза ССР и приказа войскам ЗаБВО в мае 1951 г. 454-я истребительно–противотанковая батарея была переформирована в 81-й истребительно–противотанковый дивизион, а 486-я зенитно–артиллерийская батарея в 184-й зенитно–артиллерийский дивизион (Приказ войскам ЗаБВО №-орг/0021 от 2 апреля 1951 г.).

С 25 мая 1951 г. дивизия перешла на штат мирного времени с отменой некомплекта в частях дивизии. С общей численностью личного состава 3082 чел. (Приказ ЗаБВО №-орг/0021 от 2 апреля 1951 г.).

20–31 июля 1951 г. команда дивизии на 4-х окружных стрелково–спортивных соревнованиях заняла 3-е место (Приказ ЗаБВО № 0267 от 11 августа 1951 г.).

4–28 августа 1951 г. команда дивизии участвовала в окружной 4-й летней спартакиаде, заняла общее 10 место, в оценку не вошла (Приказ ЗаБВО № 0337 от 4 сентября 1951 г.).

10–14 октября 1951 г. дивизией проведены 2-е окружные конно–спортивные соревнования. Всего участвовало 137 чел. Первое командное место заняла команда 16-го кавалерийского полка, второе – 18-го кавалерийского полка и 3-е – командное место команда 17-го кавалерийского полка (Доклад за исх. № 1/03155).

С 10 по 25 июня 1951 г. дивизию посетил командующий войсками ЗаБВО генерал-полковник Дмитрий Николаевич Гусев (рис. 2) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 29). С 25 июня по 4 июля 1951 г. комиссией Военного Совета ЗаБВО, под председательством командующего войсками ЗаБВО, при участии офицеров штаба Командующего кавалерией Советской Армии, по плану, утвержденному маршалом Советского Союза С.М. Буденным, в частях дивизии проверялся ход боевой и политической подготовки, состояние воинской дисциплины, боеготовность частей и планирование боевой подготовки. Комиссия сделала выводы:

Рис. 2. Дмитрий Николаевич Гусев
Fig. 2. Dmitry Nikolaevich Gusev

1. Степень боевой готовности дивизии хорошая.
2. Планирование боевой и политической подготовки в штабе дивизии хорошее, в частях удовлетворительное.
3. Воинская дисциплина удовлетворительная.
4. Уровень боевой подготовки в объеме пройденной программы хороший (План проверки вх 3265 от 20 июня 1951 г.).

8–12 июля 1951 г. Командующим войсками ЗаБВО генерал-полковником Гусевым со штабом дивизии и штабами полков проведено командное учение по теме: «Ввод в прорыв кавалерийской дивизии (КД) в составе подвижной группы армии, развитие наступления, форсирование реки схода, захват и удержание важного объекта или рубежа в оперативной глубине обороны противника. Учение проводилось со средствами связи с отрывом от зимних квартир до 200 км в один конец. В разборе присутствовал маршал Малиновский. На разборе сделаны выводы: основные учебные цели, поставленные перед учением, выполнены (Приказ ЗаБВО № 00238 от 20 июня 1951 г.).

С 10 по 25 июня 1951 г. дивизию посетил командующий войсками ЗаБВО генерал-полковник Гусев.

В октябре 1951 г. комиссией ЗаБВО под председательством начальника тыла генерал-майора Крупникова в дивизии проведен инспекторский смотр боевой и политической подготовки.

Выводы: в 1951 учебном году части дивизии напряженно занимались боевой и политической подготовкой и добились хороших результатов,

Политико-моральное состояние личного состава здоровое, воинская дисциплина – удовлетворительная, физически личный состав подготовлен хорошо. Общее состояние конского состава и его маршевая втянутость хорошие. В материально-боевом отношении части дивизии обеспечены удовлетворительно. В целом части дивизии подготовлены хорошо и боеспособны (Акт комиссии № 065861 от 13 октября 1951 г.).

8 декабря 1951 г. дивизию посетил Командующий войсками ЗабВО генерал-полковник Гусев и поставил задачу перед управлением дивизии в 1952 учебном году добиться отличных показателей в боевой и политической подготовке.

1951–1952 учебный год начался в частях дивизии 1 декабря 1951 г. и продолжался 10,5 месяцев – до 15 октября 1952 г.

С 1 по 4 декабря 1951 г. комиссия Генерального штаба Советской армии под руководством полковника Довженко проверила мобилизационно-боевую готовность частей дивизии и сделала вывод: «Дивизия по полной боевой тревоге в район сосредоточения вышла через 3 часа и к выполнению боевой задачи была готова» (Акт комиссии от 4 декабря 1951 г.) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 28).

В 1952 г.

С 1 по 10 апреля 1952 г. штаб дивизии в полном составе привлекался на фронтную двухступенную полевую поездку на местности с обозначенным противником, где получил хорошую оценку (Директива Командующего войсками ЗабВО № 13/00192 от 14 марта 1952 г.).

В период со 20 по 28 апреля 1952 г. комиссией штаба ЗабВО под председательством начальника тыла ЗабВО генерал-майора Крупникова произведена весенняя проверка боевой и политической подготовки за зимний период обучения 1951–1952 учебного года. К проверке привлекались все части дивизии, за исключением 18-го кавалерийского полка и 184-го отдельного зенитного артдивизиона. Комиссия сделала вывод: 1) Программа боевой и политической подготовки за зимний период обучения выполнена на 94 %; 2) Заметно улучшилась

подготовка специальных подразделений и частей дивизии; 3) Политико-моральное состояние личного состава дивизии – здоровое, однако ряд приказов военного министра в полной мере не выполнены... (Акт комиссии, утвержденный Командующим войсками ЗабВО от 18 мая 1952 г.).

На основании плана, утвержденного Командующим кавалерией Советской армии – Маршалом Советского Союза С.М. Буденным, комиссия под председательством начальника отдела боевой подготовки Штаба командующего кавалерией Советской армии – полковника Ефремова в период с 11 по 22 июня 1952 г. провела проверку хода боевой и политической подготовки, исполнение приказов Военного министра № 0250, 0225, 0085, состояние воинской дисциплины, вооружения и материального обеспечения частей дивизии.

«Общие выводы комиссии: 1) Части дивизии слажены и боеспособны. Боевая и политическая подготовка за летний период обучения организована в соответствии требований приказа Военного министра № 0225, программам боевой подготовки частей кавалерии и проводятся правильно; 2) Политико-моральное состояние частей дивизии здоровое, состояние воинской дисциплины удовлетворительное..... 4) Наряду с успехами в боевой подготовке в частях дивизии имеются крупные недостатки, главными из них являются: а) по состоянию воинской дисциплины требования Военного министра еще полностью не выполнены, чрезвычайные происшествия не ликвидированы. Уставы Советской армии полностью не соблюдаются, со стороны некоторых офицеров проявляется слабая требовательность к подчиненным и отсутствует личная примерность на службе и в быту; б) не ликвидировано полностью отставание по огневой подготовке офицеров из положенного оружия; в) методическая подготовка некоторых офицеров и сержантов не на высоком уровне; 5) Квартирно-бытовые условия офицерского состава крайне тяжелые. До 70 офицеров не имеют квартир и нет перспектив на их получение. Офицеры размещены в частных домах и живут в общих комнатах с хозяевами» (Акт комиссии утвержденный Командующим кавалерией Советской Армии 16 июля 1952 г.) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 29).

13–16 июля 1952 г. в дивизии проведены 3 окружные конно-спортивные состязания на лич-

ное командное первенство округа, в которых приняло участие 54 офицера дивизии. 24–30 августа 1952 г. в Москве команда дивизии участвовала в 7-х конно-спортивных состязаниях на первенство Советской Армии по конному спорту в составе 21 чел. и заняла все последние места (Директива Командующего кавалерией Советской армии № 1493366 от 21 ноября 1952 г.).

25 июля – 5 августа штаб дивизии в полном составе привлекался на фронтовые командирские поездки на местности со средствами связи и обозначением противника и получил хорошие оценки (Директива штаба ЗаБВО № 12/00514 от 23 июля 1952 г.).

В период с 12 по 23 сентября 1952 г., на основании утвержденного Командующим войсками ЗаБВО плана инспекторской проверки войск Округа комиссией под председательством начальника тыла ЗаБВО генерал-майора Крупникова произведена инспекторская проверка боевой и политической подготовки за 1952 учебный год. К проверке привлекались все части, за исключением 17-го кавалерийского полка и 21-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Выводы инспекторской комиссии: части дивизии слажены и боеспособны. Боевая и политическая подготовка проводилась в соответствии с требованиями приказа Военного министра Союза ССР № 0332 и программы боевой подготовки подразделений кавалерии. Части дивизии подготовлены хорошо. В лучшую сторону по подготовке подразделений выделяется 17-й кавалерийский полк – командир полка полковник Дитжненко, 17-й арт-дивизион – командир дивизиона подполковник Лютов. Политико-моральное состояние частей дивизии здоровое. Состояние воинской дисциплины удовлетворительное. Личный состав дивизии упорно работал над выполнением задач, поставленных приказами Военного министра СССР. Наряду с успехами в боевой и политической подготовке в частях дивизии еще имеются серьезные недостатки: а) недостаточно ведется борьба за снижение чрезвычайных происшествий и особенно связанных с конной подготовкой; б) не ликвидирована полностью отставание от конной подготовки и особенно по владению шашкой (18-й кавалерийский полк); в) квартирно-бытовые условия офицерского состава дивизии неудовлетвори-

тельные. 50 офицеров не имеют квартир и проживают на частных квартирах в поселке. Боеготовность частей дивизии хорошая (Акт комиссии, утвержденный Командующим войсками ЗаБВО 25 сентября 1952 г.).

18–22 сентября 1952 г. начальник тыла ЗаБВО генерал-майор Крупников проводил дивизионное тактическое учение по теме: «Ввод и прорыв КД в составе подвижной группы армии и наступление на противника, поспешно перешедшего к обороне, преследование отходящего противника с форсированием реки с хода, захват и удерживанием плацдарма на противоположном берегу во взаимодействии с частями подвижной армии и авиацией». Общая оценка дивизионного тактического учения – хорошая (Акт комиссии, утвержденный Командующим войсками ЗаБВО 25 сентября 1952 г.).

На основании приказа Войскам ЗаБВО 25 ноября 1952 г. дивизия перешла на новые штаты:

управление дивизии – штат 6/220;

16-й, 17-й и 18-й кавалерийские полки – штат 6/221;

13-й отдельный артиллерийский дивизион – штат 6/222;

27-й отдельный танко-самоходный дивизион – штат 6/223;

454-я отдельная истребительно-противотанковая батарея – штат 6/224;

184-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион – штат 6/225;

2-й отдельный эскадрон связи – штат 6/226;

5-й отдельный саперный эскадрон – штат 6/227;

отдельный автотранспортный взвод – штат 6/228;

автотракторная ремонтная мастерская – штат 6/229.

Дивизия стала численностью – 3081 чел. В кавалерийских полках в штат включены ремонтный и пулеметный эскадроны. В кавалерийские эскадроны введены взвод управления и взвод ротных пулеметов, а взвод станковых пулеметов упразднен. В батарее 76 мм пушек дополнительно введен огневой взвод, а в батарее 57 мм пушек – один взвод упразднен (Приказ Войскам ЗаБВО № орг/0024 от 22 октября 1952 г.) (ЦАМО. Ф. 3583. Оп. 1. Д. 43. Л. 11).

За примерную воинскую дисциплину, отличные показатели в боевой и политической подготовке за 1952 учебный год – 466 солдат и сержантов частей дивизии Командующим войсками ЗаБВО награждены нагрудными знаками «отличник» (Приказ войскам ЗаБВО № 0076 от 4 декабря 1952 г.).

В октябре 1953 г. 7-я отдельная кавалерийская Хинганская дивизия была расформирована (Феськов, Голиков, Калашников, Слугин, 2013. С. 567). В словаре 1984 г. указано: «В связи с полной моторизацией армий кавалерия утратила свое значение и как род войск в середине 50-х гг. (XX века) была

упразднена². Восьмилетний опыт службы кавалерии в Забайкалье после победы являл собой нечасто встречавшийся пример продуманной преемственности ратной организации и заслуживает дальнейшего изучения. Представляется перспективным дальнейшее расширение источниковой базы как на предмет выявления свидетельств личного происхождения о службе в кавалерии, так и реконструкции, будем надеяться, стратегических и тактических планов ее боевого применения.

² Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1984. С. 307.

Список источников

Бабакон А.А. Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.): история строительства. М. : Воениздат, 1987. 287 с.

Варенников В.И. Неповторимое. В 7 т. Т. 2. Ч. III. Жизнь без войны. М. : Советский писатель, 2001. 544 с.

Вашурин П.С. Бросок в Карпаты // Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 79–85.

Гуркин В.В., Круглов А.И. Ошибка, в которую впал Гитлер (Э. фон Манштейн). Публикация // Военно-исторический журнал. 1995. № 3 С. 48–59.

Дриг Е.Ф. Войска Семен Михайловича. История организационного строительства стратегической конницы РККА. М. : Русские витязи, 2019. 208 с.

Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М. : Эксмо, Яуза, 2004. 416 с.

Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М. : Наука, 1981. 480 с.

Лашченко П.Н. Из боя – в бой. М. : Воениздат, 1972. 336 с.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М. : Вече, 2000. 608 с.

Павловский И.Г. Сухопутные войска СССР: Зарождение, развитие, современность. М. : Воениздат, 1985. 320 с.

Постников С.И. В далеких гарнизонах. М. : POLYGONpress, 2004. 528 с.

Петренко В.М. Забайкальско-Амурский (Забайкальский) военный округ в 1945–1953 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 10–17. EDN: VQUCAP.

Пятницкий В.И. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М. : Яуза; Эксмо, 2007. 320 с.

Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2007. 516 с.

References

Babakov A.A. (1987) The Armed Forces of the USSR after the war (1945-1986): the history of construction. Moscow: Voениzdat. 287 p. (In Russ.).

Varennikov V.I. (2001) Unique. In 7 vol. Vol. 2. Pt. III. Life without war. Moscow: Sovetskii pisatel'. 544 p. (In Russ.).

Vashurin P.S. (1995) Throw in the Carpathians. *Voенno-istoricheskii zhurnal = Military-Historical Journal*. No. 3. P. 79-85. (In Russ.).

Gurkin V.V., Kruglov A.I. (1995) The mistake into which Hitler fell (E. von Manstein). *Voенno-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*. No. 3 P. 48-59. (In Russ.).

Drig E.F. (2019) Troops of Semyon Mikhailovich. The history of the organizational construction of the strategic cavalry of the Red Army. Moscow: Russian Knights Foundation. 208 p. (In Russ.).

Isaev A. (2004) Antisuvorov. Ten myths of the Second World War. Moscow: Eksmo; Yauza. 416 p. (In Russ.).

Kovalev I.V. (1981) Transport in the Great Patriotic War (1941-1945). Moscow: Nauka. 480 p. (In Russ.).

Lashchenko P.N. (1972) From battle to battle. Moscow: Voениzdat. 336 p. (In Russ.).

Mel'tyukhov M.I. (2000) Stalin's missed chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941 (Documents, facts, judgments). Moscow: Veche. 608 p. (In Russ.).

Pavlovskii I.G. (1985) Land forces of the USSR: Origin, development, modernity. Moscow: Voениzdat. 320 p. (In Russ.).

Postnikov S.I. (2004) In distant garrisons. Moscow: POLYGONpress. 528 p. (In Russ.).

Petrenko V.M. (2016) Transbaikalian-Amur (Transbaikalian) Military District in 1945-1953. *Voенno-istoricheskii zhurnal = Military-Historical journal*. No. 3. P. 10-17. EDN: VQUCAP. (In Russ.).

Pyatnitskii V.I. (2007) Cossacks in the Great Patriotic War of 1941-1945. Moscow: Yauza; Eksmo. 320 p. (In Russ.).

Rostov N.D. (2007) We are going into a decisive battle... Preparation of reserves for the front in Siberia during the Great Patriotic War. Monograph. Barnaul: Altai State Technical University. 516 p. (In Russ.).

Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2011. 191 с.

Самохин А.В. Реорганизация системы военного управления СССР 1945–1947 гг. // Власть и управление на востоке России. 2013. № 4 (65). С. 100–106. EDN: RSCYLH.

Советская Армия: годы реформ и испытаний. В 2 т. / глав. ред. С.В. Кудряшов. М. : ИстЛит, 2018. 720; 480 с.

Стрельченко Б.И. Кубанские казаки в Беловежской пуще // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 7–13.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Советская Армия в годы «холодной войны» (1945–1991). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 246 с.

Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А. Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Ч. 1: Сухопутные войска. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 640 с.

Информация об авторе

Воронцов Владислав Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,

Иркутский государственный университет путей сообщения,

664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
e-mail: woronzow@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9729-189X>

Вклад автора

Воронцов В.Н. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 января 2023 г.; одобрена после рецензирования 7 февраля 2023 г.; принята к публикации 20 февраля 2023 г.

Rostov N.D. (2011) Mobilization of transport resources of Siberia during the Great Patriotic War of 1941-1945. Barnaul: Altai State Technical University. 191 p. (In Russ.).

Samokhin A.V. (2013) Reorganization of the system of military administration of the USSR 1945-1947. *Vlast' i upravlenie na востоке Rossii = Power and Management in the East of Russia*. No. 4 (65). P. 100-106. EDN: RSCYLH. (In Russ.).

Kudryashov S.V. (2018) The Soviet Army: years of reforms and trials. In 2 vol. Moscow: IstLit. 720 p.; 480 p. (In Russ.).

Strel'chenko B.I. (1995) Kuban Cossacks in Belovezhskaya Pushcha. *Voенно-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*. No. 2. P. 7-13. (In Russ.).

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. (2004) The Soviet Army during the Cold War (1945-1991). Tomsk: Tomsk State University. 246 p. (In Russ.).

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I., Slugin S.A. (2013) The Armed Forces of the USSR after World War II: from the Red Army to the Soviet One. Pt. 1. Ground Forces. Tomsk: NTL. 640 p. (In Russ.).

Information about the author

Vladislav N. Vorontsov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,

Irkutsk State Transport University,

15, Chernyshevsky St., Irkutsk 664074, Russia,

e-mail: woronzow@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9729-189X>

Contribution of the author

Vorontsov V.N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 1, 2023; approved after reviewing February 7, 2023; accepted for publication February 20, 2023.

История

Научная статья
УДК 351.74:343.368.4(571.1)
EDN: THUMIG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-184-192>

Изменения в деятельности пенитенциарной системы в Западной Сибири (50–60-е годы XX в.)

М.О. Красилов

Главное Управление МВД России по Алтайскому краю, г. Барнаул, Россия

Аннотация. Советская пенитенциарная система, сформированная в 20-х годах XX века, предусматривала обязательную трудовую деятельность заключенных как главный фактор «перевоспитания». Труд осужденных имел серьезный экономический эффект и был удачно использован как во время «индустриализации», так и военного и послевоенного периода. После смерти И.В. Сталина в 1953 г. произошел ряд изменений в деятельности пенитенциарной системы, выраженный в смягчении режима содержания, ликвидации ГУЛАГа, массовых амнистиях, улучшении снабжения и санитарно-бытовых условий для заключенных, усилении охраны. Вводилась система «зачетов», вновь появилась возможность условно-досрочного освобождения, что предполагало усиление мотивации со стороны спецконтингента, произошло переименование ряда подразделений. Администрацией предпринимались меры по разноплановому обучению осужденных, с обязательным трудоустройством после освобождения. Но вся эта коррекция не носила фундаментального характера, по-прежнему приоритетным оставалось выполнение плановых заданий, проводилась воспитательная работа, основанная на классиках марксизма-ленинизма и трудовой деятельности. Многочисленные проблемы в исправительно-трудовых учреждениях так и не были изжиты. А реализованная высшими государственными органами политика «децентрализации» разбалансировала деятельность системы мест заключения и способствовала обострению нерешенных проблем и противоречий. Вмешательство представителей местной власти в деятельность пенитенциарных органов в регионе не всегда была обоснованной и эффективной. Ликвидация исправительно-трудовых лагерей привела к увеличению существенной нагрузки на оставшиеся исправительно-трудовые колонии, в итоге пришлось открывать новые места заключения. Западная Сибирь (особенно Кемеровская область) оставалась традиционным местом высылки уголовного элемента из других регионов страны, что дополнительно увеличивало нагрузку на всю пенитенциарную систему.

Ключевые слова: Западная Сибирь, заключенные, места лишения свободы, пенитенциарная система, исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии, тюрьмы, трудовая деятельность, изменения

Для цитирования: Красилов М.О. Изменения в деятельности пенитенциарной системы в Западной Сибири (50–60-е годы XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 184–192. EDN: THUMIG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-184-192>.

History

Original article

Changes in the activity of the penitentiary system in Western Siberia (50-60s of the XX century)

Maxim O. Krasilov

The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Altai Territory, Barnaul, Russia

Abstract. The Soviet penitentiary system, formed in the 20s of the XX century, was aimed at compulsory labor activity of prisoners as the main factor of corrective training. In addition, the labor of convicts had a strong economic effect and was successfully used, both during the “Industrialization” and the War and post-War periods. After the death of I.V. Stalin in 1953 there have been a number of changes in the activities of the penitentiary system, expressed in the softening of the detention regime, the liquidation of the GULAG, mass amnesties, improved supply and sanitary conditions for prisoners, and increased security, at the same time. A

system of “offsets” was introduced, the possibility of parole reappeared, which implied increased motivation on the part of the prisoners, there were renaming of the names of a number of units. The administration took measures for diverse training of convicts, with mandatory employment after release. But all this correction was not of a fundamental nature, the fulfillment of planned tasks remained a priority, educational work based on the classics of Marxism-Leninism and labor activity was carried out. Numerous problems in correctional labor institutions have not been eliminated. And the policy of “decentralization” implemented by the highest state bodies, unbalanced the activities of the system of places of detention, and contributed to the aggravation of unresolved shortcomings and contradictions. The intervention of local authorities in the activities of units of penitentiary system in the region has not always been justified and effective. The liquidation of correctional labor camps led to an increase in the significant burden on the remaining correctional labor colonies, as a result, new places of detention had to be opened. Western Siberia (especially the Kemerovo region) remained the traditional place of expulsion of the criminal element from other regions of the country, which further increased the burden on the entire penitentiary system.

Keywords: Western Siberia, prisoners, places of deprivation of liberty, penitentiary system, correctional labor camps, correctional labor colonies, prisons, labor activity, changes

For citation: Krasilov M.O. (2023) Changes in the activity of the penitentiary system in Western Siberia (50-60s of the XX century). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 184-192. (In Russ.). EDN: THUMIG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-184-192>.

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. в СССР началась коррекция пенитенциарной системы, связанная с наметившейся «либерализацией» внутреннего курса, выразившейся в амнистиях заключенных в 1953, 1955 и 1957 гг. Было заявлено о пересмотре всей карательной политики, ухода от массовых репрессий эпохи ГУЛАГа (Главного управления исправительно-трудовых лагерей).

Режим содержания заключенного зависел от тяжести совершенного преступления, наличия рецидива, склонности к побегу, лояльного отношения к администрации и т. д. В управлениях внутренних дел сибирских регионов создавались специальные комиссии по определению заключенным различного вида режима содержания (Архив ИЦ МВД по Республике Алтай. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 18). Это давало возможность индивидуального подхода к каждому осужденному, увеличивало шансы на исправление.

Смягчались ограничение прав и свобод заключенных, вставших на путь перевоспитания. В 1963–1964 гг. в системе исправительно-трудовых учреждений появляется новый вид исправительно-трудовых учреждений: колонии-поселения, где отсутствовала охрана, заключенным можно было проживать со своей семьей и работать с вольнонаемными рабочими (Детков, 1999. С. 280–281).

Было восстановлено условно-досрочное освобождение (УДО) из мест лишения свободы (с 1954 г.), которое можно было получить за достигнутые успехи в трудовой деятельности, отсутствие нарушений, отбытие уже не менее половины срока. Однако иногда массовые и не всегда обдуман-

ные освобождения по УДО приводили к тому, что на свободу выходили закоренелые преступники, ярые нарушители лагерной дисциплины. Например, в марте 1961 г. томской областной прокуратурой была проведена проверка по поводу выполнения требований освобождения по УДО. Из условно-досрочно освобожденных 48 человек осталось проживать в г. Томске, 7 человек вновь совершили преступления и были осуждены, что составило 14,5 % из общего числа (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 2. Д. 516. Л. 329).

Смягчение режима содержания в местах лишения свободы приводило и к росту чрезвычайных происшествий. В начале 50-х годов прошлого столетия в местах лишения свободы обострилось противостояние уголовников-рецидивистов с лагерной администрацией (Сальникова, Герасимова, 2016. С. 755). В Советском Союзе в 1955 г. в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) произошло 36 групповых неповиновений, было совершено 27 нападения на охрану, 70 надзирателям были нанесены телесные повреждения (Лушин, 2017). Отчасти это было вызвано и ложным представлением о своей ненаказуемости со стороны бандитско-воровского элемента.

Под руководством уголовных лидеров 3 июня 1957 г. в ИТК № 7 ОИТК УВД Алтайкрайисполкома началось массовое неповиновение заключенных. Порядок в зоне был восстановлен только в 13 часов 4 июня 1957 г. с помощью оперативной группы УВД. Поводом для беспорядков послужила скоропостижная смерть в больнице заключенного В.А. Кулямина, вызванная неудовлетворительной

работой санчасти. В то же время в данной колонии участились случаи проноса спиртных напитков, нередким явлением была картежная игра, другие противоправные явления (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 264).

Руководством страны целенаправленно ослаблялись (дробились) центральные органы управления, в 1955–1956 гг. начался перевод всех исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) в ведение союзных республик, в частности в МВД РСФСР. Объяснялось это стремлением улучшить управление на местном уровне, но на практике привело к дестабилизации всей правоохранительной системы. К тому же в это время усилился партийный и советский контроль над деятельностью исправительно-трудовых учреждений, что еще больше подрывало принцип вертикали власти.

Децентрализация исправительно-трудовой системы сопровождалась усилением прокурорского надзора в местах лишения свободы на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» от 24 мая 1955 г. (Бюллетень Верховного Совета СССР «Ведомости Верховного Совета СССР» 1955 г. № 9). В Советском Союзе активно шел процесс ликвидации всех исправительно-трудовых лагерей, и, прежде всего, ГУЛАГа, как некоего символа «сталинского режима», что носило во многом политический характер. Так, в Западной Сибири 29 апреля 1953 г. был ликвидирован Араличевский ИТЛ МВД СССР, а 4 октября 1954 г. – Камышовый ИТЛ МВД СССР.

На основании Постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы МВД СССР» начался процесс упразднения ИТЛ, но с сохранением при этом исправительно-трудовых колоний (ИТК), который продлился вплоть до 1964 г. (Партийная жизнь, 1957. № 4. С. 64–65). Менялись и их названия, в официальных документах их стали обозначать по установленному номеру почтового ящика (п/я), который соответствовал определенному пенитенциарному подразделению.

После XX съезда КПСС, прошедшего в 1956 г., были объявлены следующие изменения карательной политики:

1. Отбывание наказания по месту совершения преступления или проживания осужденного до ареста.

2. На исполкомы местных советов возлагалась ответственность за трудоустройство освобожденных из мест заключения.

3. Делались попытки восстановить участие общественных организаций в процессе перевоспитания осужденных (Михайлов, 2013. С. 233).

4. Усилился контроль партийных органов за реализацией шефской помощи промышленных предприятий над исправительно-трудовыми колониями.

Однако на практике все заявленные тезисы не всегда были воплощены в практическую деятельность по разнообразным причинам.

Тем не менее как положительное явление следует отметить заметное уменьшение численности женщин-заключенных (Земсков, 2014). Постепенно улучшались условия труда заключенных, с 1954 г. был объявлен для них 8-часовой рабочий день. Были отменены все ограничения для заключенных на потребление хлеба, который можно было купить в лагерных ларьках, также было разрешено подавать заключенным жалобы и заявления без ограничений (Суверов, Красилов, 2022. С. 85).

В официальных документах все чаще стала появляться информация о проявившихся многочисленных проблемах в местах лишения свободы, ранее не освещавшихся (сексуальное насилие в отношении осужденных, употребление наркотических средств и т. н. «чифиря»).

В местах лишения свободы массово употреблялся так называемый «чифирь» – запрещенное психостимулирующее средство, состоящее из высококонцентрированного чая, который очень ценился в арестантской среде. В ИТК № 1 Томской области 17 сентября 1965 г. произошло убийство заключенного В.С. Арановского из-за периодически возникавших конфликтов на почве приобретения чая, а также совершенной им кражи с последующим обменом на заварку (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45. Л. 314).

Помимо «чифиря» распространялось и употребление легких наркотических средств. Администрацией лагерей и колоний велась активная борьба с распространением наркотических средств в арестантской среде, в том числе «анаши» (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 41. Л. 31) – психоактивного вещества, получаемого из конопли.

В изучаемый период начал внедряться в практику научный подход по работе с заключенными, имевшими психические отклонения. Так, в середине 60-х годов прошлого столетия в сибирские ИТУ была направлена методическая ориентировка «О мерах по предупреждению правонарушений со стороны заключенных-психопатов и некоторых рекомендациях по их перевоспитанию» (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45. Л. 279), которая внедрялась в практическую деятельность.

В Западной Сибири чаще стали проводиться различного рода конференции и собрания с привлечением ученых и практиков. Так, в городе Кемерово в октябре 1968 г. состоялась научно-практическая конференция ИТУ по теме «Исправление и перевоспитание осужденных в труде».

Менялась система организации охраны мест заключения. Постепенно уходила в прошлое система «самоохраны», когда из самих заключенных формировали военизированную охрану (ВОХР), доверяя им огнестрельное оружие, значительно экономя при этом финансовые средства. В начале 50-х годов XX в. в военизированную охрану привлекали заключенных в возрасте до 45 лет и только тех, которым после амнистии был определен срок лишения свободы не более 5 лет. В «самоохрану» запрещалось набирать осужденных по ряду статей уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 150. Л. 20–21). Однако уже с 1956 г. конвойная охрана стала формироваться уже из военнослужащих.

Усиливались требования к местной власти по поводу обязательного трудоустройства бывших заключенных. Принимались нормативно-правовые акты местных властей, регулирующих это направление¹. Для людей, решивших окончательно порвать со своим криминальным прошлым, твердо решивших жить и работать честно, была возможность приобрести в заключении рабочую профессию и после освобождения получить рабочее место.

¹ Постановление Облсполкома Кемеровской области «О мерах по усилению борьбы с бродяжничеством, попрошайничеством и улучшению работы по трудоустройству лиц, освобожденных из мест лишения свободы» от 12 декабря 1963 г.

Увеличение количества заключенных (в том числе и из других регионов), уменьшение численности ИТУ (в частности, ликвидации ИТЛ), приводили к «перенасыщению» спецконтингентом оставшихся подразделений. В сибирском регионе требовалось открывать новые ИТК. В связи с этим в Кемеровской области были организованы ИТК-поселения: 18 ноября 1963 г. в поселке Чексу Междуреченского горисполкома и поселке Шалтырь Тисульского района; 18 февраля 1964 г. для женщин; 10 марта 1964 г. в районе пос. Новоивановский Мариинского района; 24 мая 1965 г. в поселке Кизес; 7 марта 1969 г. на базе Центрального участка ИТК № 3 поселка Новоивановский Чебулинского района.

Продолжался процесс обучения заключенных, особенно несовершеннолетних. В Кемеровской области 28 января 1967 г. была открыта общеобразовательная средняя школа в Мариинской трудовой колонии для несовершеннолетних.

Окончательно была заложена с 1957 г. правовая основа воспитательной работы в отрядах советской исправительно-трудовой системы (Алфимова, 2022. С. 160–161), что благоприятно отразилось на морально-психологическом климате в коллективах.

Незначительные изменения произошли в тюремной системе путем переименования тюрем в следственные изоляторы (СИЗО). Тюрьма № 1 в Кемерово и тюрьма № 3 в Новокузнецке с 21 января 1964 г. стали именоваться СИЗО.

Приспосабливался к новым условиям и преступный мир. Администрация ИТУ пыталась противостоять влиянию уголовных «авторитетов» на преступную среду, привлекая часть из них на различные, низовые руководящие должности (в частности – бригадиров и т. д.).

Однако, несмотря на происходившие изменения в государственной политике, они не изменили кардинально ее суть. Детские закрытые учреждения по-прежнему оставались составной частью советской пенитенциарной системы (Иваненко, Малкова. 2019. С. 33). Деятельность исправительно-трудовых учреждений, состоявших, прежде всего, из ИТЛ и ИТК, соответствовали социально-экономическим запросам того времени, а также природно-территориальному состоянию страны (Рассказов, Упоров, 1999. С. 369).

В отличие от тюремной системы в ИТУ осужденные размещались не в камерах, а в общежитиях (бараках), могли так же свободно перемещаться по территории учреждения, а по возможности посещать различные социальные, культурные и спортивные объекты (Смирнов, 2016. С. 112).

Исправительно-трудовые лагеря были больше чем исправительно-трудовые колонии по своим размерам, в них направлялись, как правило, осужденные на сроки более 3-х лет, и создавались они для строительства стратегических государственных объектов, а ИТК довольно часто базировались рядом с определенным предприятием, для обеспечения его рабочей силой и имевший, как правило, региональный характер. Основной задачей перед ИТЛ ставилась изоляция особо социально-опасных правонарушителей, с обязательным трудовым использованием (Суверов, 2016. С. 5).

В так называемый «послесталинский» период (после 1953 г.) ситуация с содержанием заключенных постепенно улучшилась, но не кардинально. При этом необходимо учитывать и невысокий уровень жизни в Советском Союзе, вызванный колоссальными материальными и людскими потерями в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) (Суверов, 2022. С. 55). Это, прежде всего, касалось медицинского и санитарно-бытового обслуживания, обеспечение жилплощадью.

Нормативно-правовая база фактически не была изменена, продолжал действовать Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. В основе государственной политики остался принцип перевоспитания осужденного, прежде всего, с использованием трудовой деятельности и коммунистической агитации. Продолжали проводиться политические занятия, организовывалось социалистическое соревнование как между подразделениями ИТУ, так и самими заключенными, поощрялись занятия художественной самодеятельностью. Так, в Кемеровской области 31 января 1963 г. переходящее Красное знамя по результатам социалистического соревнования ИТУ за IV квартал 1962 г. было присуждено ИТК п/я 1612/21 (Главное управление..., 2002. С. 293).

Кадровая ситуация в ИТУ продолжала оставаться сложной и до конца нерешенной. Ежегодно из лагерей и колоний увольнялось около 20 % личного состава, причем более половины – по личной

просьбе. Основными причинами были: расположение в большой отдаленности от населенных пунктов; отсутствие школ, неудовлетворительное снабжение, недостаточное выделение средств на жилищное строительство, низкая заработная плата, частая сменяемость руководящего состава (Синельникова, 2014. С. 166). Проблемы с санитарно-бытовым обслуживанием и вещевым обеспечением оставались исторически острыми (Красилов, 2023. С. 189).

Все еще существовала угроза нормальному функционированию ИТУ со стороны находящихся на свободе криминальных «авторитетов» и лидеров группировок осужденных отрицательной направленности (Смирнов, 2014. С. 78). В местах лишения свободы продолжалась консолидация профессиональных преступников, которые не изменили свое отрицательное отношение к перевоспитанию при помощи честного труда.

Для поддержания режима содержания требовалось проведение постоянных обысков заключенных, надзирательский состав располагался около камер, для лучшего контроля помещения круглосточно освещались электричеством. Активно использовался агентурный аппарат, так называемые «внутрикамерные разработки», распространяя при этом свою ядовитую «воровскую» философию среди всех осужденных.

Во всей советской пенитенциарной системе продолжала главенствовать экономическая составляющая, основанная на дешевой рабочей силе состоявшей из спецконтингента. Труд осужденных не утратил своего методологического и практического значения (Столярова, Синельникова, 2016. С. 87). Привлечение осужденных на «гигантские» стройки в основном закончились, они трудились в основном на многочисленных предприятиях, активно развивалось и собственное производство (Упоров, 2021. С. 1178).

Для стимулирования трудовой деятельности в местах заключения была введена система зачетов, которая могла ускорить освобождение из неволи. Однако в процессе их получения среди некоторых заключенных развивалось «рвачество», обман, очковтирательство и прочие, весьма вредные качества, отнюдь не воспитывающие в духе честного и добросовестного отношения к труду (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 253. Л. 42 об.–73). Все это в ка-

кой-то степени противоречило принципом воспитательной работы «честного отношения к труду, своим товарищам и руководителям».

Продолжали существовать многочисленные недостатки в финансово-производственной деятельности. А именно: осуществлялась неэффективная производственная деятельность, отсутствовал полноценный учет, количество выводимых на работу заключенных было недостаточное, значительно превышала штатное расписание численность хозяйственной службы и охраны (Красилов, 2022).

В погоне за показателями техники безопасности уделяли недостаточное внимание, вследствие чего наблюдался повышенный травматизм среди заключенных. Из общего количества увечий на собственном производстве в Томской области (1964 г.) имели: ИТУ п/я – 114/2 – 30 случаев с потерей 405 дней, п/я 114/4 – 2 случая с потерей 29 дней, п/я 114/6 – 12 случаев с потерей 112 дней. На контрагентских работах в 1964 г. имелись случаи травматизма: п/я 114/1 – 25 случаев с потерей дней – 783, п/я 114/4 – 19 случаев с потерей 320 дней, п/я 114/6 – 12 случаев с потерей 355 дней. Кроме того, зафиксировано 3 случая гибели осужденных. Получение увечий, в том числе и смертельных, было возможным из-за систематических нарушений правил техники безопасности и условий труда со стороны руководителей. В п/я 114/4 отсутствовал уголок по технике безопасности, допускались к работе на станках без инструктажа (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45. Л. 69–71).

В данный период получило массовый характер «расконвоирование» заключенных (возможность свободно передвигаться без охраны). Однако эта процедура нередко происходила с нарушением социалистического законодательства. Вследствие чего фиксировались случаи злоупотребления алкоголем и даже совершения преступлений «расконвоиниками» (Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517. Л. 245, 246).

В Советском Союзе продолжала действовать высшая мера наказания – расстрел. Дисциплинарное воздействие на заключенных все также реализовывалось направлением в штрафной изолятор с выдачей пониженного пайкового набора. Но уже стали разрешать заключенным находиться там в

верхней одежде, горячую пищу стали выдавать ежедневно.

Организация воспитательного процесса с осужденными осуществлялась политотделом мест заключения МВД СССР, где оставался приоритет политического перевоспитания правонарушителей (Чернова, 2007. С. 169).

Для обеспечения выполнения возложенных на них задач по идейно-политическому воспитанию осужденных в аппаратах политических органов мест заключения вводились должности заместителей начальников политотделов исправительно-трудовых лагерей (управлений исправительно-трудовых лагерей и колоний) по политико-воспитательной работе с заключенными (Беркутов, 2015. С. 172).

Воспитательные меры по-прежнему осуществлялись на основе изучения трудов марксизма-ленинизма, изъяв при этом из библиотек работы бывшего «вождя народов» И.В. Сталина. Агитаторы выступали перед спецконтингентом, объясняя новые задачи, поставленные перед народом партией и правительством, обличая «лодырей», саботажников, а также представителей «блатного мира», при этом упоминая о «культе личности» бывшего «вождя народов». Хотя «перевоспитание» осужденных нередко сопровождалось применением физического насилия, что полностью дискредитировало заявленные публично идеи.

Специфика региона заключалась в том, что сложившийся исторически принцип отправки осужденных для отбывания наказания в Сибирь продолжал реализовываться. Так, начальник УВД Кемеровского облисполкома К.И. Григорьев указывал, что только за 1959–1960 гг. в Кузбасс было завезено 6483 осужденных, в основном это были опасные преступники и рецидивисты. В местах заключения в Кемеровской области в 1961 г. содержалось 28717 человек, МВД РСФСР планировало отправить в область еще 2000 заключенных. Руководитель такого ранга не понимал, почему МВД РСФСР избрало именно Кузбасс – местом размещения заключения из других регионов (ГАКО. Ф.П. 75. Оп. 9. Д.24. Л. 1–2).

Таким образом, в 50–60-е годы прошлого столетия в пенитенциарной системе Западной Сибири произошли определенные изменения, вызванные, прежде всего, сменой руководства в стране. В це-

лом в местах лишения свободы был смягчен режим содержания, проведены амнистии заключенных, был ликвидирован ГУЛАГ – как символ сталинской репрессивной политики, заявлено о возможности отбывания наказания по месту жительства, улучшались условия труда, санитарно-бытовые условия для спецконтингента. Было восстановлено условно-досрочное освобождение и система зачетов, что должно было стимулировать заключенных к более качественной работе и сотрудничеству с администрацией. К воспитательной работе активно стали привлекаться различные общественные организации, предприятия становились «шефами» для ИТУ. Были заменены «самоохранники» ВОХРа на солдат-срочников, что в целом положительно сказалось на качестве охраны.

Однако существенных изменений в деятельности пенитенциарной системы не произошло, которая все также базировалась на старой нормативно-правовой базе и была направлена на получение, прежде всего, производственных результатов, при этом игнорировалась техника безопасности, что приводило к получению увечий и гибели осужденных. Продолжали существовать «теневые» объединения уголовных авторитетов в местах лишения свободы, негативно влияющие на реализацию государственной политики. Преступный элемент продолжал оказывать сопротивление адми-

нистрации мест заключения, несмотря на попытки склонить их к сотрудничеству.

Во время реформирования было допущено множество ошибок, не была учтена и региональная специфика. Смягчение режима содержания привело к росту правонарушений, распространению запрещенных предметов, в том числе и наркотиков. Жесткий контроль партийных и советских органов за деятельностью правоохранительных органов в целом оказывал негативное влияние на целостность ее структуры. Проводимая политика, направленная на ослабление центрального управления, негативно сказалась на всей советской правоохранительной системе. После ликвидации ИТЛ заметно увеличился поток осужденных в Западную Сибирь, что вынудило руководство создавать новые ИТК, нанеся таким образом экономический урон стране. Зачем нужно было ликвидировать исправительно-трудовые лагеря, что бы вскоре создавать новые подразделения пенитенциарной системы? Ряд переименований тюрем в следственные изоляторы, исправительно-трудовых колоний в «почтовые ящики» не повлек за собой глубинных изменений. К сожалению, в местах лишения свободы физическое и психологическое насилие в отношении осужденных продолжало доминировать, подрывая идею «перевоспитания».

Список источников

Алфимова О.А. Становление отрядной системы в отечественных пенитенциарных учреждениях в советский период // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 158–167.

Беркутов А.С. Развитие политико-воспитательной работы с осужденными в СССР в 1930–1960-е гг. // Право и образование. 2015. № 5. С. 165–173.

Главное управление внутренних дел Кемеровской области 1917–2002: страницы истории / авт.-сост. А.А. Лопатин. Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 2002. 376 с.

Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Вердикт-ИМ, 1999. 448 с.

Земсков Н.В. Ситуация с заключёнными в первые постсталинские годы // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 130–136.

Иваненко А.В., Малкова Ю.А. Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) // Эпомен. 2019. № 31. С. 30–39.

References

Alfimova O.A. (2022) Formation of the detachment system in domestic penitentiary institutions in the Soviet period. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*. No. 3 (52). P. 158-167. (In Russ.).

Berkutov A.S. (2015) Development of political and educational work with convicts in the USSR in the 1930s-1960s. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*. No. 5. P. 165-173. (In Russ.).

Lopatin A.A. (2002) Main Department of Internal Affairs of the Kemerovo Region 1917-2002: pages of history. Kemerovo: Kemerovo book publishing house. 376 p. (In Russ.).

Detkov M.G. (1999) Prisons, camps and colonies of Russia. Moscow: Verdict-IM. 448 p. (In Russ.).

Zemskov N.V. (2014) The situation with prisoners in the first post-Stalin years. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. No. 3. P. 130-136. (In Russ.).

Ivanenko A.V., Malkova Yu.A. (2019) Historical and legal analysis of the formation of the Soviet penitentiary system (1937-1941). *Epomen*. No. 31. P. 30-39. (In Russ.).

Красилов М.О. Недостатки в финансово-производственной деятельности лагерного отделения № 22 ОИТК МВД СССР по Кемеровской области в середине 50-х гг. XX в. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2 (43). С. 127–129.

Красилов М.О. Тюрьма № 2 НКВД-МВД Алтайского края (город Бийск) в советской пенитенциарной системе в 1953–1964 гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы Международной научной и практической конференции (7–8 февраля 2023 г. Барнаул). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. № 23-2. С. 189–190.

Лушин А.И. Лагерный социализм: некоторые особенности развития советской уголовно-исполнительной системы // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2017. № 4. С. 1–11.

Михайлов В.С. К вопросу о структуре и видах системы исполнения наказания в виде лишения свободы периода 30–60-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2 (20). С. 229–236.

Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Монография. Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 1999. 490 с.

Сальникова А.А., Герасимова Е.А. Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 3. С. 754–764.

Синельникова Т.В. Реализация пенитенциарной политики в отношении кадрового состава мест лишения свободы (1950–1970 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–2 (44). С. 166–168.

Смирнов Л.Б. Генезис и эволюция уголовно-исполнительной политики России : монография. СПб. : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2014. 191 с.

Смирнов Л.Б. Особенности и проблемы развития пенитенциарной модели России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 110–115.

Столярова Н.В., Синельникова Т.В. Фундаментальные цели организации труда осужденных к лишению свободы в 1950–1960-х годах // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 3 (54). С. 83–88.

Krasilov M.O. (2022) Shortcomings in the financial and production activities of the Camp Department No. 22 of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the Kemerovo region in the mid-50s of the XX century. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (43). P. 127-129. (In Russ.).

Krasilov M.O. (2023) Prison No. 2 of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the Altai Territory (city of Biysk) in the Soviet penitentiary system in 1953-1964. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi i prakticheskoi konferentsii (7-8 fevralya 2023 g. Barnaul) = Actual problems of combating crimes and other offenses. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, February 7-8, 2023, Barnaul*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 23-2. P. 189-190. (In Russ.).

Lushin A.I. (2017) Jail socialism: some features of the development of the Soviet penitentiary system. *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal = Scientific review. International Scientific and Practical journal*. No. 4. P. 1-11. (In Russ.).

Mikhailov V.S. (2013) On the question of the structure and types of the system of execution of punishment in the form of imprisonment in the period of the 30-60-ies of the XX century. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. No. 2 (20). P. 229-236. (In Russ.).

Rasskazov L.P., Uporov I.V. (1999) Deprivation of liberty in Russia: origins, development, prospects. Monograph. Krasnodar: Krasnodar Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 490 p. (In Russ.).

Sal'nikova A.A., Gerasimova E.A. (2016) The Soviet political prison of the 60-70s of the XX century: the concept of power and everyday realities. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Kazan University. Ser. Humanities*. Vol. 158. No. 3. P. 754-764. (In Russ.).

Sinel'nikova T.V. (2014) The implementation of penitentiary policy in relation to the personnel of places of deprivation of liberty (1950-1970). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. No. 6-2 (44). P. 166-168. (In Russ.).

Smirnov L.B. (2014) Genesis and evolution of the penitentiary policy of Russia. Monograph. St. Petersburg: Saint-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law. 191 p. (In Russ.).

Smirnov L.B. (2016) Features and problems of the development of the penitentiary model of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. No. 2 (31). P. 110-115. (In Russ.).

Stolyarova N.V., Sinel'nikova T.V. (2016) Fundamental goals of the organization of labor of those sentenced to imprisonment in the 1950s and 1960s. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*. No. 3 (54). P. 83-88. (In Russ.).

Суверов Е.В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (СИБЛАГА) в 1929–1941 гг. : монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 124 с.

Суверов Е.В. Бытовые условия содержания заключенных в Западной Сибири (50–60-е гг. XX в.) // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы Международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 28–29 июня 2022 г. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. С. 55.

Суверов Е.В., Красилов М.О. Функционирование исправительно-трудовых учреждений в Томской области (1953–1964 гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (53). С. 83–88.

Упоров И.В. Развитие производственной базы исправительно-трудовых учреждений советского государства в 1960–1970-е годы // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 1177–1184.

Чернова Е.Н. Политико-воспитательная работа в исправительно-трудовых учреждениях Алтайского края в 1950–1960-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–2 (56). С. 168–171.

Информация об авторе

Красилов Максим Олегович,
оперуполномоченный отдела по борьбе с организованной преступностью,
Главное управление МВД России по Алтайскому краю,
656015, г. Барнаул, проспект Ленина, 74, Россия,
e-mail: maks_888999@mail.ru

Вклад автора

Красилов М.О. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 4 апреля 2023 г.; принята к публикации 17 апреля 2023 г.

Suverov E.V. (2016) Formation and functioning of the Siberian correctional labor camp of the NKVD of the USSR (SIBLAG) in 1929-1941. Monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 124 p. (In Russ.).

Suverov E.V. (2022) Living conditions of prisoners in Western Siberia (50-60s of the XX century). *Gosudarstvo i pravo v epokhu global'nykh peremen: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Barnaul, 28-29 iyunya 2022 g.* = *Gosudarstvo i pravo v epokhu global'nykh peremen. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Barnaul, 28-29, June, 2022.* Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 55. (In Russ.).

Suverov E.V., Krasilov M.O. (2022) Functioning of correctional labor institutions in the Tomsk region (1953-1964). *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Altai State Pedagogical University.* No. 4 (53). P. 83-88. (In Russ.).

Uporov I.V. (2021) Development of the production base of correctional labor institutions of the Soviet state in the 1960s-1970s. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education.* No. 35. P. 1177-1184. (In Russ.).

Chernova E.N. (2007) Political and educational work in correctional labor institutions of the Altai Territory in the 1950s and 1960s. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Altai State University.* No. 4-2 (56). P. 168-171. (In Russ.).

Information about the author

Maxim O. Krasilov,
Operative staff of the Department for Combating Organized Crime,
The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Altai Territory,
74, Lenin Avenue, Barnaul 656015, Russia,
e-mail: maks_888999@mail.ru

Contribution of the author

Krasilov M.O. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 7, 2023; approved after reviewing April 7, 2023; accepted for publication April 17, 2023.

Научная статья
УДК 93/94
EDN: VNILXE
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-193-207>

Изменение взаимоотношений СССР/России со странами Запада во второй половине XX – начале XXI в.

А.В. Данчевская

Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Обострение международной обстановки в 2022 г., вызванное началом Россией специальной военной операции на Украине, сопровождается кардинальными политическими и экономическими изменениями в процессах взаимодействия разных стран. Публичная риторика и действия властей западных стран на протяжении года демонстрируют враждебность по отношению к России, о чём свидетельствуют российские и зарубежные СМИ, официальные документы государств. Рассмотрение изменения взаимоотношений СССР/России с западными странами во второй половине XX – начале XXI в. позволяет выявить истинные намерения и отношение этих стран к Российскому государству, к должным, по их мнению, роли и месту России на международной арене, а также определить возможные перспективы в развитии международных отношений. Во взаимодействии СССР/России и стран Запада со второй половины XX в. периоды вражды и противостояния были длительными и сменялись короткими периодами «спокойствия», связанными либо с необходимостью для Запада договариваться с Россией, либо со слабостью Российского государства. Россия ещё до начала специальной военной операции фигурировала в официальных документах по безопасности США и Евросоюза как страна-агрессор и потенциальный противник, что говорит об усилении России в глазах «западных партнёров». Стратегия по национальной безопасности США предусматривает только один возможный вариант международной ситуации – гегемонию штатов над остальным миром. Усиление России становится угрозой такому доминированию, что толкает американское руководство к использованию любых средств для подавления российских инициатив. В марте 2023 г. Россия приняла новую Концепцию внешней политики, в которой открыто заявила о враждебности западных стран и праве отстаивать свои интересы и безопасность любыми доступными способами. В условиях диаметральной противоположности устремлений России и Запада в вопросах политического и экономического устройства миропорядка, а также сохранения/уничтожения традиционных ценностей конструктивный диалог невозможен.

Ключевые слова: специальная военная операция, СВО, русофобия, дискриминация, мюнхенская речь В. Путина, санкции, русская угроза, национальная безопасность, Концепция внешней политики РФ, цивилизация, суверенитет

Для цитирования: Данчевская А.В. Изменение взаимоотношений СССР/России со странами Запада во второй половине XX – начале XXI в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 193–207. EDN: VNILXE. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-193-207>.

History

Original article

Changing relations between USSR/Russia and Western countries in the second half of the XX - early XXI century

Anastasiya V. Danchevskaya

East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The aggravation of the international situation in 2022 caused by the start of Russia's Special Military Operation in Ukraine is accompanied by cardinal political and economic changes in the processes of interaction between different countries. The public rhetoric and actions of the authorities of Western countries throughout the year demonstrate hostility towards Russia, as evidenced by Russian and foreign media, official documents of states. Consideration of changes in the relations of the

USSR/Russia's relations with Western countries in the second half of the XX – early XXI century allows us to identify the true intentions and attitude of these countries to the Russian state, to the proper, in their opinion, role and place of Russia in the international arena, as well as to determine possible prospects in the development of international relations. In the relations of the USSR/Russia with Western states in the second half of the twentieth century the periods of hostility and confrontation have been long and were replaced by short periods of "calm", associated either with the need for the West to negotiate with Russia, or with the weakness of the Russian state. Even before the start of the Special Military Operation Russia appeared in official documents on the security of the United States and the European Union as an aggressor country and a potential adversary, which indicates the strengthening of Russia in the eyes of "Western partners". The US national security strategy provides for only one possible variant of the international situation – the hegemony of the U.S. over the rest of the world. The strengthening of Russia is becoming a threat to such dominance, which pushes the American leadership to use any means to suppress Russian initiatives. In March 2023, Russia adopted a new Foreign Policy Concept, in which it openly declared the hostility of Western countries and the right to defend its interests and security by any available means. In conditions of diametrically opposed aspirations of Russia and the West in matters of the political and economic structure of the world order, as well as the preservation/destruction of traditional values, a constructive dialogue becomes impossible.

Keywords: special military operation, SMO, Russophobia, discrimination, Putin's Munich speech, sanctions, Russian threat, national security, The concept of foreign policy of the Russian Federation, civilization, sovereignty

For citation: Danchevskaya A.V. (2023) Changing relations between USSR/Russia and Western countries in the second half of the XX - early XXI century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 193-207. (In Russ.). EDN: VNILXE. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-193-207>.

Человечество развивается технологически, но найти общий язык на протяжении тысячелетий так и не смогло, а общий мир и гармоничное развитие человечества невозможны без диалога. На смену одним поводам для дискриминации и ненависти приходят другие: раскол, казалось бы, преодоленный в конце прошлого столетия, вернулся и усилился. Борьба капитализма против коммунизма сменилась борьбой меньшинств против сторонников традиционных ценностей, противостоянием якобы демократии против якобы авторитаризма, якобы миролюбивого Запада против якобы агрессивной России. Известно, что почти любая война заканчивается за столом переговоров. Но почему разговоры порой неэффективны? Что является преградой для конструктивного диалога? Возможен ли он? В контексте кризиса действия России спровоцировали раскол или стали результатом этого раскола, вызванного планомерной экспансионистской политикой Запада? В данной работе констатируется отсутствие конструктивного дискурса в диалоге СССР/России и Запада на протяжении последних 80 лет и проведен анализ его причин.

В последние полтора десятилетия международные отношения России со странами Европы и США планомерно ухудшались. Современный миропорядок исследователи характеризуют как неопределенный и турбулентный (Черкашина, 2020), и в течение последнего года ситуация дошла до уровня «театра абсурда», поскольку принимаемые

западными лидерами решения и произносимые ими высказывания ставят здравомыслящего человека в тупик и вводят в состояние когнитивного диссонанса. В качестве примера приведём энергетический кризис в Европе, вызванный, с одной стороны, пандемией коронавируса, а с другой – яростной санкционной политикой западных стран (Лютцер, 2022; Узнародов, 2022). И если пандемия стала вызовом для всего мира, то санкции – результат недальновидной и неразумной политики западных лидеров в попытке лишить Россию западных рынков (как импортёра и экспортёра) и технологий, подорвать экономическое и технологическое развитие, что в итоге должно было повлиять на решения российского правительства в отношении дальнейшего проведения специальной военной операции (СВО) на Украине. Чаяния бывших западных «партнёров» не оправдались, экономического коллапса в России не случилось, что понимают и за рубежом¹. При этом разрыв экономических отношений между Россией и европейскими государствами (в том числе в прямом смысле – подрыв «Северных потоков») оказал влияние на экономики последних (Чирков, Шаповалова, Чистяков, 2022). Однако вызванные антироссийской политикой внутренние проблемы западные

¹ Andrzej Szczęśniak. Gospodarka Szczęśniak: Rosja po roku gospodarczej wojny // Mysl polska. nr 7-8 (12-19.02.2023). URL: <https://myslpolska.info/2023/02/09/szczesniak-rosja-po-roku-gospodarczej-wojny/> (дата обращения: 04.04.2023).

лидеры списывают на подрывную, если не террористическую, деятельность России. В целом тактику западных стран в отношении России ещё до начала СВО можно охарактеризовать как насильственную, это своего рода газлайтинг в международных масштабах (Данчевская, 2022).

Начало СВО российских вооружённых сил на Украине 24 февраля 2022 г. сработало спусковым крючком для антироссийской пропаганды и русофобии, сдерживаемой ранее необходимостью сохранять с Россией экономические и дипломатические отношения. Это стало подходящим моментом для использования так называемой идеи «русской угрозы», об истоках и развитии которой вплоть до конца XX в. подробно написано в историко-публицистическом труде В. Мединского (Мединский, 2010). Эту идею эффективно использовали в те периоды, когда нужно было создать образ «агрессивной России» – злого и глупого медведя, стремящегося разрушить всё, что было нажито непосильным трудом европейцев и американцев. В том числе формирование соответствующего образа России у населения западных стран осуществляется с помощью лексико-грамматических и стилистических средств посредством публикации различных материалов о России в западных СМИ или на официальных сайтах различных структур, например, НАТО (Родичева, Зайцева, 2020). Агрессией России в разные времена объяснялись непопулярные меры и процессы во внутренней политике западных стран: рост цен на энергоносители и товары первой необходимости, принятие законов, ограничивающих права людей, откровенная дискриминация и прочее.

В частности, о влиянии российской спецоперации на Украине на трансформацию чешской либеральной демократии в сторону «ограничения основных прав и свобод, введения цензурных мер, криминализации инакомыслящих, активной государственной "контрпропаганды", а также дискриминации российских и белорусских граждан и структур в самых разных сферах общественной жизни» пишет доктор философии Карлова университета (Чехия) Л. Земанек (Земанек, 2022). Не останавливаясь непосредственно на проблеме украинских событий, автор критически оценивает работу чешских властей в направлении ограничения прав и свобод человека, говоря о том, что результатом

её стали в том числе дискриминация и нападения на российских граждан, а также инициативный односторонний разрыв отношений с российскими партнёрами в разных сферах общественной жизни. Также Земанек указывает, что «в нынешних условиях любая альтернативная интерпретация, расходящаяся с официальной позицией, становится наказуемой», а одни и те же действия в зависимости от контекста либо одобряются, либо наказываются (например, это относится к организации и участию в пророссийских и антироссийских демонстрациях) (Земанек, 2022. С. 48). Опасными и наказуемыми могут быть также положительные и одобрительные высказывания в адрес России или российского президента, совершенные до начала СВО, что является прямым нарушением одного из важнейших юридических принципов, указанного в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека и ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах: никто не может быть осуждён за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления. Примечательно, что указанная статья опубликована на русском языке в российском журнале. Вероятно, автор опасается преследования на Родине за критику, но молчать и оставаться в стороне для него невозможно.

Кажется, что некоторые страны Европы и Северной Америки как будто не слышат Россию, но фактически они и не хотят услышать, поскольку это не является для них ни задачей, ни самоцелью. Так, цели США в отношении России давно известны и отчасти отражены в человеконенавистническом высказывании тогда сенатора (впоследствии президента) Г. Трумена о необходимости помогать любой проигрывающей стороне (Германии или России) во Второй мировой войне и «пусть они убивают друг друга как можно больше» (Turner Catledge, "Our Policy Stated" // New York Times. 1941. June 24).

Такое отношение американского «демократического» правительства к России стало формироваться сразу после 1917 г., когда власть в руки взяли большевики. Тогда Америка отказалась признавать советское правительство, а дипломатические отношения были установлены только в 1933 г., когда в Германии к власти пришли национал-

социалисты во главе с А. Гитлером. Призывы СССР во второй половине 1930-х гг. создать систему коллективной безопасности страны Запада как будто не замечали, планомерно проводя политику умиротворения агрессора как в отношении Германии, так и Италии, и Японии. Страны, обвинившие СССР в развязывании Второй мировой войны, фактически пошли на уступки и потакание странам-агрессорам в надежде на урегулирование конфликтов «посредством сдачи стороне, ведущей агрессивную политику, второстепенных и малозначимых... позиций и вопросов» (Фомичев, Фомичева, 2016), как, например, Судетская область Чехословакии.

После начала вторжения Германии на территорию СССР советское правительство неоднократно призывало США и Великобританию к открытию Второго фронта в Европе. Эти призывы также долгое время оставались без ответа (Падерин, 2014). Открытие же Второго фронта позволило этим странам манипулировать своим участием и принижать заслуги СССР в победе над фашизмом.

Формирование биполярного мира в послевоенные годы во многом стало результатом экономического роста США, их экономического доминирования в Европе и распространения ими идеи демократии как противовеса советской коммунистической идеологии. Это в свою очередь стало результатом геополитического положения США как гегемона в западном полушарии планеты. Тот факт, что Советский Союз стал одной из стран-победительниц Второй мировой войны, вынудил США принимать меры по усилению своего влияния на страны Европы, чтобы на них не распространялось «тлетворное» влияние коммунизма.

В свою очередь удалённость североамериканского континента от Европы определила закономерное решение США о необходимости подчинения с помощью доллара европейских государств, нуждавшихся в восстановлении. Так, в 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл анонсировал Программу восстановления Европы: Америка придумала план «причинения добра» разрушенным в ходе Второй мировой войны экономикам европейских стран. Тогда было объявлено, что План Маршалла – это инструмент реализации совместных американских и европейских интересов (Магомедов, Татевосян, 2015). Таким образом, в умах евро-

пейских народов начали укрепляться противоречащие здравому смыслу взгляды: провозглашалось, что у европейских государств с США, расположенными через океан на другом континенте, общие интересы и ценности есть, а с ближайшим и непосредственным соседом – СССР, освободившим их от немецких войск, – нет и быть не может. При этом необходимость противостоять СССР Запад обуславливал необходимостью предотвратить мнимую войну и оказать сопротивление советской тирании. Те же слова мы слышим и читаем сейчас, словно не было тех 77 лет, что прошли с фултонского выступления У. Черчилля. В тот момент идею «русской угрозы» вновь достали из исторического чулана, чтобы она послужила на благо укрепления доминирующего положения Запада в мире.

Всего по плану Маршалла Европе была предоставлена помощь на сумму более 17 млрд долларов США в виде сырья, продовольствия, оборудования, транспортных средств, а также техническая помощь. На получение её согласились 16 стран. Советский союз пытался помогать коммунистическим силам в этих государствах, но силы были не равны: СССР, сам нуждавшийся в восстановлении, не мог оказать помощь, равную предоставляемой Штатами, чья экономика за годы войны выросла и окрепла. Фактически таким образом США обеспечили себе рынки сбыта продукции в Европе, установили тесные связи с европейскими государствами, которые с психологической точки зрения чувствовали себя теперь обязанными за оказанную помощь, что предопределило их дальнейшую как экономическую, так и политическую зависимость от США.

Параллельной задачей стало провозглашённое Г. Труменом в качестве одной из основных задач Америки сдерживание коммунизма посредством укрепления антикоммунистических режимов, вовлечения европейских стран в Организацию североатлантического договора (НАТО), созданную США в 1949 г. Фактически Штаты купили у европейских государств право организовывать на их территории свои военные базы для обеспечения своего постоянного военного присутствия якобы в целях обеспечения коллективной европейской безопасности от мнимой военной угрозы от СССР. В качестве одного из условий предоставления помощи стало требование США о недопущении коммуни-

стов и других левых сил в правительства стран-получателей, что являлось прямым политическим вмешательством. Однако, что позволено Юпитеру, то не позволено быку: Запад мгновенно реагирует, если такое вмешательство попытается осуществить кто-либо другой. Более того, именно в этом обвиняют Россию в последние годы: чего только стоят заявления о вмешательстве России в выборы предыдущего американского президента Д. Трампа.

Таким образом произошло оформление двух противостоящих блоков, результатом чего стали начало холодной войны и железный занавес (Пилько, 2008). В 1954 г. СССР предпринял попытку сломать созданную США систему противостояния, подав заявку на вступление в НАТО, что позволило бы сделать Североатлантический альянс открытым и перейти от противостояния к содействию и сотрудничеству. Однако согласие стран – членов НАТО принять в свой состав СССР, единственную из стран-победительниц, не входивших в альянс, лишило бы смысла само его существование, поэтому отказ был более чем закономерен. В то же время в 1955 г. в состав НАТО была принята Германия.

Дальнейшие события на протяжении почти восьми десятилетий разворачивались циклично: СССР, а затем Россия неоднократно предлагали западным странам сотрудничать на общее благо, называя их партнёрами, в то время как те холодно отвечали «Да, но...», заявляя как будто вонне о том, что Россия опасна, но с ней необходимо договариваться. Наступившее в послевоенное время межблоковое напряжение сменилось в середине 1960-х гг. разрядкой, связанной с обретением общего интереса – необходимости договориться об осуществлении контроля за стратегическим ядерным вооружением. Это привело к подписанию в течение следующего десятилетия ряда важных договоров и соглашений, связанных с ядерной отраслью.

Казалось, консенсус между СССР и Западом найден, но уже во второй половине 1970-х гг. США под предлогом ограничения Советским Союзом прав граждан на эмиграцию сняли режим наибольшего благоприятствования в торговле в отношении СССР, а после ввода советских войск в Афганистан, что послужило удобным поводом, ими была принята так называемая «доктрина Картера»,

представлявшая собой один из первых пакетов санкций против СССР. Уже тогда Штаты стали использовать для воздействия не только экономические механизмы, но и другие сферы общественной и международной жизни, в частности, спорт – ряд западных и восточных держав по инициативе НАТО, а именно представителей Великобритании, США и Канады, бойкотировали Олимпиаду в Москве 1980 г. Проявлением пика антисоветской пропаганды и возвышения «священной» роли американской нации в этот период стала речь американского президента Р. Рейгана перед Национальной ассоциацией евангелистов во Флориде в марте 1983 г. В ней он, обращаясь к христианским ценностям, говорил, что Священное писание и сам Иисус Христос предписывают американцам противостоять греху и злу в мире, которое они получили в наследство. Не говоря напрямую о Советском Союзе, Рейган просил помолиться «за спасение всех тех, кто живёт в той тоталитарной темноте», а также о том, что «пока они проповедуют всемогущество государства и его превосходство над личностью, пока они веруют в своё будущее господство над всеми народами земли, они – центр зла в современном мире»². О стремлении американского правительства господствовать над другими народами президент США умолчал.

Справедливости ради, следует упомянуть высказывания лидеров СССР о США, особенно в послевоенное время. В первую очередь мы искали какие-либо резкие цитаты советских лидеров в адрес США и американского народа, которые можно было бы противопоставить словам сенатора Г. Трумена и президента Р. Рейгана, однако таких не нашлось. И.В. Сталин, например, закономерно выступавший против буржуазии и считавший её «главным врагом освободительного движения»³, уважительно высказывался в отношении западных лидеров, например, в адрес У. Черчилля (Интервью И. В. Сталина корреспонденту газеты «Правда» по поводу фултонской речи У. Черчилля.

² Речь Рейгана об «империи зла»: текст // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/34587455/> (дата обращения: 06.04.2022).

³ Речь И. Сталина на XIX съезде партии. 14 октября 1952 г. // И.В. Сталин: сочинения. В 16 т. Т. 16. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/16-60.html> (дата обращения: 05.04.2023).

14 марта 1946 г. // Правда. 1946. № 62. 14 марта) после его известной речи в Фултоне 5 марта 1946 г. Спустя несколько месяцев в интервью с Э. Рузвельтом Сталин отмечал возможность мирного сосуществования США и СССР, отмечая, что в годы войны в самое напряжённое время различие в политическом устройстве не помешало двум странам объединиться и победить общих врагов (Журнал «Лук» опубликовал интервью товарища Сталина с Эллиотом Рузвельтом // Правда. 1947. № 21. 23 января). Это мнение он не изменил и в 1952 г., отвечая на вопросы группы редакторов американских газет: «Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств» (Ответ товарища Сталина на вопросы группы редакторов американских газет // Правда. 1952. № 93. 2 апреля).

Более известен своими резкими высказываниями Н.С. Хрущёв. Так, в 1956 г. на приёме в польском посольстве в Москве Хрущёв сказал широко известную фразу «Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним», конец которой был переведён и растиражирован западными СМИ как «Мы вас закопаем». Естественно, такой перевод в условиях ядерного противостояния был воспринят как угроза, и лишь спустя несколько лет Хрущёв пояснил, что имел в виду победу социализма над капитализмом. Упоминания об этих высказываниях встречаются в ряде современных публикаций⁴.

Л.И. Брежнев отметил преимущественно пацифистскими лозунгами, ведь именно им 29 мая 1972 г. был подписан документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки», в котором основой взаимных отношений стран были названы принципы «суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»⁵.

⁴ «Мы вас похороним» // Газета «Коммерсант». 16.11.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2345423> (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ Основы взаимоотношений между СССР и США. 29 мая 1972 г. // Электронный фонд нормативно-технической и

Провозглашение в Советском Союзе курса на перестройку и объявление «нового политического мышления» способствовало изменению риторики американского правительства и созданию условий для встречи советского и американского лидеров и переговоров о радикальном сокращении ядерного вооружения.

Важными симптомами «выздоровления» отношений СССР – Запад можно назвать разрушение Берлинской стены, роспуск Организации Варшавского договора и вывод советских войск из Афганистана. При этом и то, и другое было расценено (и расценивается многими до сих пор) как стратегическое поражение Советского Союза, который был ликвидирован спустя всего два года. СССР был готов идти на уступки, но ошибка заключалась в том, что делал он это в одностороннем порядке. Профессор университета Вилланова (США) Джеффри Ган отмечал, что Россия демонстрировала решимость сотрудничать с США ради «общей цели сохранения мира на планете» (Ган, 2004). Это же отмечал М. Горбачёв, на кого многие возлагают вину за распад СССР. В интервью изданию «Russia Beyond» в 2014 г. он называл европейское развитие в 1990-е гг. односторонним в связи с ослаблением России в этот период⁶.

После подписания Беловежских соглашений президент РСФСР Б. Ельцин продолжил политику по сближению с Западом. Тем не менее в отношениях России и западных стран прослеживалась некоторая нестабильность, связанная с войной в Чечне и продолжением расширения НАТО на Восток.

Официально Россия сохранила за собой место в Совете безопасности ООН как наследница СССР, и, поскольку новая Россия уже не представляла угрозы для западного мира, в отличие от Советского Союза, её стали приглашать и в неофициальные группы международного сотрудничества, например, в 1997 г. она стала равноправным членом

нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1903008?section=text> (дата обращения: 05.04.2023).

⁶ Korshunov M. Mikhail Gorbachev: I am against all walls // Издание «Russia Beyond». 16.10.2014. URL: https://www.rbth.com/international/2014/10/16/mikhail_gorbachev_i_am_against_all_walls_40673.html (дата обращения: 08.04.2022).

«Группы восьми» или «Большой восьмёрки», а в 2008 г. – одним из инициаторов создания «Большой двадцатки».

Россия, выбравшись из комплекса проблем 1990-х гг., стала заключать со странами Запада долгосрочные контракты на экспорт сырья и других товаров, поступаясь в ряде случаев своими коммерческими интересами и идя на уступки в цене; стала вводить Болонскую систему в образование, отойдя от сложившихся эффективных принципов советской образовательной системы; разрешала создавать на своей территории бизнес зарубежным организациям, которые, зарабатывая здесь, платили налоги в других странах, и многое другое. Россия не впервые была открыта к диалогу и сотрудничеству. В 2000 г. на международной космической станции приступил к работе российско-американский экипаж, а в 2002 г. США признали рыночный статус российской экономики. Интеграционные и глобализационные процессы набирали оборот.

Параллельно с этим конец XX – начало XXI в. охарактеризовались обострением внутренних территориальных конфликтов в ряде европейских государств. Когда в 1999 г. войска НАТО под предлогом права на суверенитет Косова начали бомбардировки Белграда, Совет безопасности ООН не давал на это разрешения, и ряд стран – членов Совбеза ООН, выступил тогда резко против этой военной операции, проводившейся в нарушение норм международного права, но реальной силы противостоять действиям США на тот момент ни у кого не было, более того многие соседи Югославии сами входили в НАТО, а значит, участвовали в агрессии. Примечательно, что предложение бомбить Белград произнёс в 1998 г. ныне действующий президент США Дж. Байден, который на тот момент занимал кресло сенатора от штата Делавэр. Упомянутый нами американский профессор Джеффри Ган так охарактеризовал отношения США и России на рубеже тысячелетий: «Россия не имела особого значения для Америки, не будучи способной повлиять на мировую ситуацию ни экономически, ни как военная сила. Самое большее, на что была способна Россия – это быть незначительной помехой» (Ган, 2004).

С 2007 г. начался новый виток разобщения, который затянулся до настоящего времени и харак-

теризуется регулярными кризисами. Тогда российский президент В. Путин на выступлении 10 февраля на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности поставил под сомнение мысль о существовании однополярного мира, которая более полутора десятилетий грела американские сердца. Он заявил: «Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность»⁷. Однако эти слова не были восприняты как констатация факта, направленная на изменение внешней политики некоторых стран и необходимость считаться с другими игроками международной политической арены и международного рынка. Журналист А. Братерский приводит слова германского политолога А. Рара о том, что «на Западе [...] договариваться не хотели: Запад не принимал Россию всерьёз», поскольку она проиграла холодную войну⁸. Спустя 15 лет знаменательную речь Путина в Мюнхене вспоминали не только в России, но и за рубежом: ещё за месяц до начала СВО на Украине американский журналист Т.Г. Карпентер в издании «The National Interest» связывал мюнхенскую речь Путина с украинским кризисом. Примечательно введение к его статье: «Мюнхенская речь Путина была важным дипломатическим предупреждением Соединённым Штатам и их союзникам о том, что терпению России в отношении вторжения НАТО пришёл конец»⁹. Терпение хватило на 15 лет.

Однако вернёмся назад. В августе 2008 г. произошло обострение конфликта в Южной Осетии,

⁷ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 21.07.2022).

⁸ Братерский А. Пророк в чужом отечестве. 15 лет Мюнхенской речи Владимира Путина // Финанс. портал. 10.02.22. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/prorok-v-chuzhom-otechestve-15-let-myunxenskoiy-rechi-vladimira-putina-20220210-203337/> (дата обращения: 21.07.2022).

⁹ Ted Galen Carpenter. Did Putin's 2007 Munich Speech Predict the Ukraine Crisis? // The National Interest. URL: <https://nationalinterest.org/feature/did-putin-s-2007-munich-speech-predict-ukraine-crisis-199845> (дата обращения: 21.07.2022).

когда Грузия обстреляла её столицу Цхинвал. Это вызвало волну антироссийской пропаганды: Россия была объявлена агрессором, поскольку выступила миротворческими войсками на стороне непризнанной республики.

В 2009 г. очередной американский президент Б. Обама посетил Россию, подписание документов по стратегическим наступательным вооружениям продолжалось. Тем не менее идеологический раскол между Россией и странами Запада под предлогом борьбы за права человека и демократию усиливался. В США в ответ на смерть адвоката С. Магнитского в российской тюрьме был принят закон, вводивший запрет на въезд в страну лиц, которых американские службы считали причастными к его смерти. Спустя время Россия ответила: приняла так называемый «Закон Димы Яковлева» (Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 № 272-ФЗ), ограничивающий въезд в Россию лиц по ряду указанных в законе признаков, преимущественно связанных с нарушениями основополагающих прав и свобод человека, а также запрещающий гражданам США усыновлять российских сирот. Причиной принятия данного правового акта стали смерти приёмных российских детей в США и безнаказанность их приёмных родителей¹⁰.

События конца 2013 – начала 2014 г. вновь повернули международные отношения к разрыву, хотя носили разнонаправленный характер. Решение украинского майдана о смене власти в Киеве жители Крымского полуострова не признали и по результатам референдума проголосовали за вхождение в состав России, за что на неё моментально было навешано клеймо агрессора, результаты референдума Запад не признал и стал говорить об аннексии Крыма. На Россию тотчас были наложены санкции.

В то же время в феврале 2014 г. в Сочи прошли Зимние олимпийские игры, а позже, в 2018 г., Россия принимала чемпионат мира по футболу. Проведение международных спортивных меро-

приятий на высоком организационном уровне позволило России немного сбавить уровень агрессии правительств западных держав, которые ещё в 2014 г. начали составлять списки высокопоставленных российских политиков, в отношении которых вводились различные ограничения. К США присоединились Канада, Великобритания, страны Евросоюза и многие другие государства, в том числе Швейцария, Япония и даже американский сателлит – Австралия. Чуть позже к физическим лицам были присоединены юридические: санкции стали накладываться на различные организации, преимущественно, банки, промышленные предприятия, организации-перевозчики. Россия также вводила ответные санкции, но действовала преимущественно иным путём – экономическим: на ряд товаров, импортируемых из стран Запада, было введено эмбарго, что в конечном итоге благоприятно сказало на самоорганизации внутреннего российского рынка.

Особо интересен в данном контексте краткий анализ стратегий национальной безопасности США, Евросоюза и России, поскольку такие официальные документы отражают доктринальные стратегические направления данных государств.

Действующая Стратегия национальной безопасности США была разработана ещё Д. Трампом в 2017 г. В ней американские принципы провозглашены «движущей силой добра во всём мире» (Грибин, 2018). Профессор Н.И. Грибин отмечает конфронтационный настрой Стратегии в отношении роли России и Китая в международных делах, а политические режимы этих стран названы «ревизионистскими», в связи с чем зоны сотрудничества с противниками США планируют искать исключительно с позиции силы. То есть Россия и Китай открыто названы противниками, взаимодействие с которыми должно быть основано на силовых методах, из которых наиболее важным остаётся военная сила. Затронута в Стратегии тема поддержки «дружественно настроенных партнёров» и расширения влияния США в международном масштабе, подкреплённая утверждением, что американские принципы являются «движущей силой добра во всём мире». В приоритете – развивающиеся страны, нуждающиеся в помощи, оказание которой должно способствовать распространению национальных интересов США. В то же время Штаты го-

¹⁰ Почему был введён «закон Димы Яковлева» и к чему это привело // Издание «Life». URL: <https://life.ru/p/960631> (дата обращения: 06.04.2022).

товы использовать любые средства для изоляции «государств и лидеров, представляющих угрозу американским интересам».

В марте 2021 г. аппаратом Дж. Байдена было подготовлено Временное стратегическое руководство по национальной безопасности. Россия в нём упоминается всего лишь пять раз, в то время как Китай – пятнадцать. Среди вызовов США названы «мир растущего национализма», «ослабление демократии», «растущее соперничество с Китаем, Россией и другими авторитарными государствами», а также «технологическая революция». «Дестабилизирующей» России ставится в вину, что она «по-прежнему полна решимости усилить своё глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене». Тем не менее высказана необходимость «вести конструктивный диалог с Россией и Китаем по целому ряду новых военно-технологических разработок, которые влияют на стратегическую стабильность», в частности, в сфере ядерного вооружения¹¹. Очевидно, что относительно «мягкие» заявления Руководства в отношении России не имеют ничего общего с действительностью. Это можно списать на временный характер Руководства, однако спустя более чем 16 месяцев альтернативы не возникло, а международная политическая конъюнктура с началом СВО на Украине существенно изменилась. Публичная риторика американского президента в отношении России и российского президента не только не способствует переходу к конструктивному диалогу – она не дипломатична, деструктивна и нарушает элементарные правила делового общения.

Глобальная стратегия Евросоюза по внешней политике и политике безопасности была принята в июне 2016 г. В предисловии к ней под авторством Ф. Могерини, верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, констатируется, что гражданам ЕС «и всему миру, как никогда ранее, необходим сильный Европейский Союз»¹².

¹¹ Interim national security strategic guidance // White house: official site. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 21.07.2022).

¹² Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // Официальный сайт Дипломатической службы ЕС. URL:

В тексте Стратегии Россия упоминается пять раз. С одной стороны, наше государство обвиняется в незаконной аннексии Крыма в нарушение международного права и дестабилизации ситуации на востоке Украины. С другой стороны, утверждается, что взаимозависимость ЕС и России обуславливает стратегическую важность поддержания с ней отношений и необходимости взаимодействовать, обсуждать разногласия и сотрудничать в случаях пересечения интересов. Политика ЕС в отношении России должна осуществляться на основе единого и последовательного подхода, строгого соблюдения международного права и принципов, лежащих в основе Европейской системы безопасности, в т.ч. Хельсинкский заключительный акт (1975) и Парижскую Хартию (1990). О строгом соблюдении положений названных документов в настоящее время говорить не приходится: происходящие события настолько изменили повестку, что их нарушение не только становится допустимым, но и поощряется в ряде европейских стран.

Миροстроительство и поддержание устойчивости государств и обществ в Европе и вокруг неё связывается с использованием «мягкой» и «жесткой» силы, а также тесном взаимодействии с НАТО (упоминается в тексте 16 раз). Шесть лет назад ЕС был нацелен на углубление связей с Североатлантическим альянсом, поскольку именно он остаётся «главной структурой для большинства стран-членов ЕС». В целом, США и НАТО названы ключевыми партнёрами.

Таким образом, одним из главных инструментов США и стран Европы в достижении внешнеполитических целей на протяжении 74 лет является Североатлантический альянс. Исследователями написано немало работ, посвященных дискуссионным вопросам возникновения и развития (в том числе расширения) НАТО (Жарский, Шептура, Мохоров, 2019; Ксенофонов, 2020; Ozpobishchev, 2022), а также анализу проводимой им политики в отношении России и других стран (Шарипова, Романова, 2019; Shikher, 2022). Российские учёные закономерно сходятся во мнении,

https://www.eeas.europa.eu/eeas/глобальная-стратегия-европейского-союза-по-внешней-политике-и-политике-безопасности_ru?page_lang=ru (дата обращения: 22.07.2022).

что расширение НАТО стало одной из причин ухудшения отношений между Россией и странами Запада. Эту мысль также поддерживают некоторые зарубежные исследователи, например, К. Малфлит, профессор Католического университета Лёвена, Бельгия (Malfliet, 2017). В свою очередь Т. Форсберг (Университет Тампере, Финляндия) и Г. Хард (Колледж международных исследований и безопасности, Европейский центр исследований безопасности имени Джорджа К. Маршалла, Гармиш-Партенкирхен, Германия) рассматривали взаимоотношения СССР/России и НАТО как зигзагообразные, и, не отрицая раздражающего воздействия на Россию расширения альянса, предсказали на момент издания статьи (2015), что конфронтация на Украине станет основой консолидации российского общества против НАТО как пережитка холодной войны и агрессивного блока, в то время как Россия для стран альянса уже на тот момент являлась самопровозглашенным стратегическим противником. Интересно в 2023 г. звучит другая мысль: о том, что изображение НАТО как механизма, с помощью которого поддерживаются «хунта», «фашисты» и «бандеровцы» будет создавать виртуальную иллюзию того, что борьба России с НАТО сродни борьбе с нацистской Германией (Forsberg, Herd, 2015. P. 55).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, то есть после опубликования Стратегического руководства Байдена. Стратегия состоит из пяти блоков: Общие положения; Россия в современном мире: тенденции и возможности; Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты; Обеспечение национальной безопасности (Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, Оборона страны, Государственная и общественная безопасность, Информационная безопасность, Экономическая безопасность, Научно-технологическое развитие, Экологическая безопасность и рациональное природопользование, Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество); Организационные основы и механизмы реализации. Та-

ким образом, российская стратегия охватывает практически все сферы общественной жизни государства и его внешней политики.

В данном контексте нас интересует упоминание в тексте документа названий государств, различных международных организаций, блоков и прочих структур, которые можно расценивать как стратегические, партнёрские, враждебные и прочее. Так, в российской стратегии упоминаются «страны Запада», НАТО, СНГ, ООН и её Совет безопасности, а также США и ряд других государств. США в тексте упоминаются три раза: они обвиняются в проведении последовательного курса на отказ от международных обязательств в области контроля над вооружениями, а также в том, что они и их союзники подвергают активным нападениям традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности. Ещё один раз упоминание происходит, когда перечисляются задачи по достижению целей обеспечения экономической безопасности РФ: одной из таких мер названо сокращение использования доллара США при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Очевидно, введение санкций в отношении России после начала военной операции на Украине стало достойным поводом для начала выполнения поставленной задачи.

В остальном при перечислении угроз национальной безопасности авторы текста обошлись формулировками «ряд государств», «некоторые страны», «недружественные страны»: «В целях получения преимуществ ряд государств оказывает на Россию и ее партнёров открытое политическое и экономическое давление»; «Действия некоторых стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками. Ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником»; «Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества». Небезынтересной представляется следующая формулировка: «Страны, теряющие безусловное лидерство, пытаются диктовать другим

членам международного сообщества свои правила, используют средства недобросовестной конкуренции, применяют в одностороннем порядке ограничительные меры (санкции), открыто вмешиваются во внутренние дела суверенных государств».

Устойчивость системы международных отношений связывается с её опорой «на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности, углублению многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем»¹³. Очевидно, что речь идёт в первую очередь о необходимости построения архитектуры нового миропорядка, основанного на безблоковой системе.

Отдельным направлением в Стратегии проходит защита национальных ценностей в контексте актуализации проблемы «морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства». Речь идёт как о целенаправленном размывании традиционных ценностей, так и о пересмотре взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В качестве угрозы констатируется проведение рядом стран информационных кампаний, направленных на формирование враждебного образа России (пресловутая идея «русской угрозы»), а также прямое нарушение прав и свобод человека – ограничение использования русского языка, запрет деятельности российских средств массовой информации и использования российских информационных ресурсов, введение санкций в отношении российских спортсменов. Кроме того, российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию, о чём мы упоминали выше на примере Чехии.

В итоге главными целями внешней политики России обозначены: создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития страны, укрепление национальной без-

опасности, упрочение позиций РФ как одного из влиятельных центров современного мира. Заметим: ни слова о глобальном доминировании и подавлении, только партнёрство и сотрудничество. Для сравнения приведём здесь вывод из американского Руководства Байдена: «Чтобы одержать победу, мы должны продемонстрировать, что демократии все ещё могут принести пользу нашему народу. [...] Ни одна нация не находится в лучшем положении для того, чтобы ориентироваться в этом будущем, чем Америка. Это требует от нас принятия и восстановления наших непреходящих преимуществ, а также подхода к миру с позиции уверенности и силы. Если мы сделаем это, работая с нашими демократическими партнёрами, мы справимся с любым вызовом и опередим любого соперника. Вместе мы можем и будем строить ещё лучше». То есть национальная безопасность России напрямую связана с укреплением внешних позиций и созданием внутренних условий благоприятного развития, а США – с их экономическим и политическим доминированием на мировой арене. Можно ли в этих условиях договориться?

Продолжением Стратегии национальной безопасности Российской Федерации стала принятая 31 марта 2023 г. Концепция внешней политики РФ (Концепция внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229). В первом блоке (всего их шесть) раскрываются некоторые элементы указанной выше Стратегии, а Россия названа самобытным государством-цивилизацией, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державой (п. 4), выполняющей «исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы» (п. 5).

В целом по содержанию Концепцию можно охарактеризовать как декларацию о суверенитете России в международном пространстве, в которой открыто прописаны существующие и потенциальные отношения России с другими регионами и государствами, указаны роли и значение различных международных организаций. В отношении «ряда государств» фактически выдвигается требование учитывать и соблюдать интересы России и других «незападных мировых держав и региональных стран-лидеров». Констатируется настоящее поло-

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 21.07.2022).

жение дел в современной международной политике, в том числе право России защищать «своё право на существование и свободное развитие всеми имеющимися способами» (п. 14).

Такой документ не мог не вызвать закономерного и моментального отклика как у сторонников, так и у противников. Так, А. Дугин написал, что Россия объявила о своём «особом пути» и закрепила его документально, поэтому у несогласных два пути: принять это как свершившийся факт либо встать в оппозицию¹⁴. На портале арабского спутникового канала Аль-Маядин А. Аль-Друзи приведён анализ положений Концепции с позиции арабского мира, в частности, в вопросе установления мира в Сирии и возможностей её дальнейшего развития¹⁵.

В день опубликования документа американское информационное агентство «Блумберг» опубликовало статью «Путин подписал новую внешнюю политику России против "враждебного" Запада» (без указания авторства, но «при содействии Сильвии Уэстолл»). В ней для англоязычного читателя цитируются выдержки из документа, а также цитаты президента В. Путина и главы российского МИД С. Лаврова относительно современной внешнеполитической повестки России. При этом авторы текста напоминают читателям, что Москва инициировала конфликт в Украине, но при этом пытается представить эту войну как битву за существование против Запада. В рамках западной повестки в отношении России такая трактовка ожидаема и объяснима. В этих условиях спустя несколько дней после опубликования Концепции внешней политики РФ в день 74-летия со дня создания НАТО в его состав вошла Финляндия, 31 участник блока: альянс продолжает расширяться, и теперь это объясняется агрессией России.

Фактически проведённый в работе анализ показывает, что периоды конфронтации между Рос-

сией и странами Запада были длительнее, чем периоды сотрудничества, причём, последнее основывалось либо на основе взаимного признания силы, либо (например, в 1990-е – начале 2000-х гг.) на основе признания России, не представляющей опасности для интересов стран Запада. Как только Россия начала отстаивать свою самостоятельность и суверенитет на международной арене, требовать уважения к своим интересам и оспаривать гегемонию западной цивилизации с её ценностями, неприемлемыми для России, это стало явным раздражителем для западных стран, которые, с одной стороны, не готовы вступать в открытый вооружённый конфликт с Россией, но, с другой, используют все доступные способы, в том числе такие варварские, как открытый грабёж и нарушение международных контрактов, чтобы изолировать Российское государство от мировой экономики.

Так наступил момент, когда стало ясно: давно пора было перестать стучать в закрытые двери. Конструктивный диалог с Западом в условиях их двухсотлетней политики построить невозможно: с Россией готовы говорить только когда она слаба на темы и на условиях Запада. Как только Россия (или любое другое – непроамериканское и непрозападное государство) становится сильнее и начинает проводить собственную независимую политику, она становится угрозой, но не военной, а в первую очередь экономической: благополучие США, Канады и ряда европейских стран было куплено за счёт других государств Европы, Азии и Африки, когда оттуда практически безнаказанно вывозились колоссальные ресурсы, но эти страны не получали взамен ничего, кроме нищеты и дестабилизации. С сильной Россией (как бы она ни называлась: империей, федерацией или Советским Союзом) приходится считаться, она является досадной помехой, которой лучше бы, по возможному мнению «наших западных партнёров», не существовало.

Таким образом, только фундаментальная перестройка политической и экономической карты мира, построение между участниками международных отношений по-настоящему партнёрских отношений, основанных на достижении взаимной выгоды, ликвидация или самоликвидация центров доминирования и подавления и встраивание их в новую систему не в качестве гегемона, а в роли равных участников позволит создать безопасную

¹⁴ Дугин А. Директива Дугина: концепция внешней политики, как апофеоз многополярности и катехизис суверенитета // Телеканал Царьград: сайт. URL: https://tsargrad.tv/articles/direktiva-dugina-koncepcija-vneshnej-politiki-kak-apofeoz-mnogopoljarnosti-i-katehizis-suvereniteta_757277 (дата обращения: 06.04.2023).

¹⁵ Аль-Друзи А. Новая российская внешняя стратегия и освобождение северной Сирии // Al Mayadeen: сайт. URL: <https://www.almayadeen.net/articles/الاستراتيجية-السوري-الشمال-وتحرير-الجديدة-الروسية-الخارجية> (дата обращения: 06.04.2023).

мировую систему, в рамках которой будет возможно достижение глобальных целей человечества. Именно это провозглашает новая внешнеполитическая Концепция РФ, и становится очевидным, что Россия хотела бы, но больше не пытается «догово-

ряться» с Западом. Провозглашение в Концепции России как государства-цивилизации даёт основания полагать, что разгоревшийся в феврале 2022 г. конфликт можно расценивать, как междоцивилизационный.

Список источников

Ган Дж. Российско-американские отношения: сотрудничество или соперничество? // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2004. № 2.

Грибин Н.П. «Америка прежде всего» или «Америка в одиночестве»? (о Стратегии национальной безопасности США Дональда Трампа: аналитический обзор) // Власть. 2018. № 2. С. 7–19. EDN: YPJSRH.

Данчевская А.В. Газлайтинг в международных масштабах: публичная риторика западных стран и Украины в отношении России // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8–2. С. 6–11. EDN: LQPDEU.

Жарский А.П., Шептура В.Н., Мохоров Г.Н. «...Не допускать Россию в Европу...» (70 лет противостоянию НАТО с советским союзом и Российской Федерацией // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 3 (108). С. 132–139. EDN: DPMAKP.

Земанек Л. Русофобия и трансформация чешской либеральной демократии в связи с украинским кризисом // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 1 (28). С. 46–60. URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/b64/1_2022_46_60.pdf (дата обращения 08.04.2022).

Ксенофонтов В.В. Продвижение НАТО на Восток – угроза безопасности России, как главного субъекта русского мира // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 15–20. EDN: XFYVJA. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-15-20.

Лютцер О.В. Влияние санкций на энергетический сектор Европейского союза // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4–4 (118). С. 138–140. EDN: MIEEBC. DOI: 10.23670/IRJ.2022.118.4.136.

Магомедов Р.Ш., Татевосян Г.М. Программа восстановления Европы 1948–1951 гг. (план Маршалла): опыт экономической реконструкции // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 9(59). С. 22–30. EDN: VGIBLR.

Мединский В.П. О русской угрозе и секретном плане Петра I. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 224 с.

Падерин А.А. Проблема открытия второго фронта в Европе: взгляд спустя семь десятилетий // Вестник МГИ-

References

Gan D. (2004) Russian-American relations: cooperation or rivalry? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Bulletin of the Moscow University. Series 21. Management (State and Society)*. No. 2. (In Russ.).

Gribin N.P. (2018) “America first of all” or “America alone”? (on the US National Security Strategy of Donald Trump: an analytical review). *Vlast' = Power*. No. 2. P. 7-19. EDN: YPJSRH. (In Russ.).

Danchevskaya A.V. (2022) Gaslighting on the international scale: public rhetoric of the western countries and Ukraine regarding Russia. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii = Public Security, Law and Order in the Third Millennium*. No. 8-2. P. 6-11. EDN: LQPDEU. (In Russ.).

Zharskii A.P., Sheptura V.N., Mokhorov G.N. (2019) “...To prevent Russia from entering Europe...” (70 years of NATO confrontation with the Soviet Union and the Russian Federation). *Izvestiya Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk = Proceedings of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences*. No. 3 (108). P. 132-139. EDN: DPMAKP. (In Russ.).

Zemanek L. (2022) Russophobia and the transformation of Czech liberal democracy in connection with the Ukrainian crisis. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal = Prospects. Electronic Journal*. No. 1 (28). P. 46-60. Available From: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/b64/1_2022_46_60.pdf (Accessed 08.04.2022). (In Russ.).

Ksenofontov V.V. (2020) NATO's Eastward advance is a threat to Russia's security as the main subject of the Russian World. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*. Vol. 10. No. 3. P. 15-20. EDN: XFYVJA. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-3-15-20. (In Russ.).

Lytutser O.V. The impact of sanctions on the energy sector of the European Union. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Scientific Research Journal*. No. 4-4 (118). P. 138-140. EDN: MIEEBC. DOI: 10.23670/IRJ.2022.118.4.136. (In Russ.).

Magomedov R.Sh., Tatevosyan G.M. (2015) The program for the restoration of Europe 1948-1951 (Marshall Plan): experience of economic reconstruction. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomik = Regional Problems of Economic Transformation*. No. 9 (59). P. 22-30. EDN: VGIBLR. (In Russ.).

Medinskii V.P. (2010) On the Russian threat and the secret plan of Peter I. Moscow: OLMA Media Grupp. 224 p. (In Russ.).

Paderin A. A. (2014) The problem of opening a second front in Europe: a look after seven decades. *Vestnik MGIMO*

МО университета. 2014. № 3 (36). С. 58–68. EDN: STQSWV.

Пилько А.В. У истоков «холодной войны»: создание НАТО и его последствия (1947–1955) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 2. С. 22–38. EDN: JVGТNB.

Родичева А.А., Зайцева Т.А. Лексико-грамматические и стилистические средства создания образа России в публикациях НАТО // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и вузе в контексте современности: Межвузовский сборник научных работ XIV Всероссийская научно-практическая конференция, Череповец, 09–13 декабря 2019 года / редактор-составитель А.Е. Новиков. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2020. Вып. 11. С. 114–120. EDN: OROHPY.

Узнародов И.М. Энергетический кризис в Европе и перспективы низкоуглеродной экономики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 2 (214). С. 95–101. EDN: VTUVYO. DOI: 10.18522/2687-0770-2022-2-95-101.

Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Эта политика имела название: «Политика умиротворения агрессора» // Россия в глобальном мире. 2016. № 8 (31). С. 123–132. EDN: YNDDRJ.

Черкашина Т.Н. Отношения Россия – США – ЕС: кризис международной системы безопасности // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7. № 1 (25). С. 142–146. EDN: AZYRHD. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).142-146.

Чирков М., Шаповалова А., Чистяков М. О влиянии западных санкций на экономику России в условиях специальной военной операции // Свободная мысль. 2022. № 4 (1694). С. 147–162. EDN: VKEBAB.

Шарипова Т.Л., Романова Л.Н. Блок НАТО в современной европейской и мировой политике // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2019. № 3 (16). С. 80–87. EDN: ELNSMF.

Forsberg T., Herd G. Russia and NATO: From Windows of Opportunities to Closed Doors // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, No. 1. P. 41-57. EDN: UOTCBN. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001824.

Malfliet K. Russia and Europe: changing the rules of the game // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2017. Vol. 1, No. 4. P. 493-502. EDN: YNHOFR.

Oznobishchev S.K. The Russia–NATO Relationship Dynamics and the Alliance's New Strategic Concept // Russia: Arms Control, Disarmament and International Security:

universiteta = MGIMO Bulletin. No. 3 (36). P. 58-68. EDN: STQSWV. (In Russ.).

Pil'ko A.V. (2008) At the Origins of the Cold War: the Creation of NATO and its Consequences (1947-1955). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya = Bulletin of the Moscow University. Series 8. History.* No. 2. P. 22-38. EDN: JVGТNB. (In Russ.).

Rodicheva A.A., Zaitseva T.A. (2020) Lexical-grammatical and stylistic means of creating the image of Russia in NATO publications. *Problemy fundamental'noi podgotovki v shkole i vuze v kontekste sovremennosti: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh rabot KhIV Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Cherepovets, 09-13 dekabrya 2019 goda = Problems of fundamental training at school and university in the context of modernity: Interuniversity collection of scientific papers of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Cherepovets, December 09-13, 2019.* Cherepovets: Cherepovets State University. Iss. 11. P. 114-120. EDN: OROHPY. (In Russ.).

Uznarodov I.M. (2022) The energy crisis in Europe and prospects of a low-carbon economy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki = Bulletin of High Educational Institutions. The North Caucasus region. Series: Social Sciences.* No. 2 (214). P. 95-101. EDN: VTUVYO. DOI: 10.18522/2687-0770-2022-2-95-101. (In Russ.).

Fomichev A.V., Fomicheva L.S. (2016) This policy was called: "The policy of appeasement of the aggressor". *Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World.* No. 8 (31). P. 123-132. EDN: YNDDRJ. (In Russ.).

Cherkashina T. N. (2020) Russia-USA-EU relations: the crisis of the international security system. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences.* Vol. 7. No. 1. P. 142-146. EDN: AZYRHD. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).142-146. (In Russ.).

Chirkov M., Shapovalova A., Chistyakov M. (2022) On the impact of western sanctions on the economy of Russia under the conditions of a special military operation. *Svobodnaya mysl' = Free Thought.* No. 4 (1694). P. 147-162. EDN: VKEBAB. (In Russ.).

Sharipova T.L., Romanova L.N. (2019) NATO in the contemporary European and World politics. *Gumanitarnyi vestnik VoЕННОI akademii Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya = Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces.* No. 3 (16). P. 80-87. EDN: ELNSMF. (In Russ.).

Forsberg T., Herd G. Russia and NATO: From Windows of Opportunities to Closed Doors // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, No. 1. P. 41-57. EDN: UOTCBN. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001824.

Malfliet K. Russia and Europe: changing the rules of the game // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2017. Vol. 1, No. 4. P. 493-502. EDN: YNHOFR.

Oznobishchev S.K. The Russia-NATO Relationship Dynamics and the Alliance's New Strategic Concept / S. K. Oznobishchev // Russia: Arms Control, Disarmament and Inter-

MEMO Supplement to the Russian edition of the SIPRI Yearbook 2021. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 2022. P. 39–52. EDN: ILLTLI.

Shikher N.D. Geopolitical rivalry between Russia and NATO in the context of the crisis in Russian-Ukrainian relations // Modern Science and Innovations. 2022. No. 1 (37). P. 179-188. EDN: BTJFWQ. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.1.19.

Информация об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
e-mail: vashan16@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Вклад автора

Данчевская А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 марта 2023 г.; одобрена после рецензирования 19 апреля 2023 г.; принята к публикации 3 мая 2023 г.

national Security: MEMO Supplement to the Russian edition of the SIPRI Yearbook 2021. Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 2022. P. 39-52. EDN: ILLTLI.

Shikher N.D. Geopolitical rivalry between Russia and NATO in the context of the crisis in Russian-Ukrainian relations // Modern Science and Innovations. 2022. No. 1 (37). P. 179-188. EDN: BTJFWQ. DOI: 10.37493/2307-910X.2022.1.19.

Information about the author

Anastasiya V. Danchevskaya,
Cand. Sci. (History), associate Professor of the Department of Philosophy and Socially-Humanitarian Disciplines,
East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: vashan16@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Contribution of the author

Danchevskaya A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 28, 2023; approved after reviewing April 19, 2023; accepted for publication May 3, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(47)
EDN: WPKJSG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-208-211>

**История политической борьбы внутри ВКП(б) в 20-е гг. Противостояние
Г. Зиновьева и Л. Каменева с И. Сталиным
Войтиков С.С. Сталин против Зиновьева (Сталиниана). М. : Вече, 2022. 544 с.**

Е.С. Сальникова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В рецензии дана оценка монографии «Сталин против Зиновьева (Сталиниана)» Сергея Сергеевича Войтикова, архивиста, ведущего научного сотрудника Главного архивного управления Москвы. С. Войтиков в своем исследовании последовательно реконструирует положение дел внутри ВКП(б) в 20-е годы, опираясь на многочисленные документы эпохи, архивные материалы, стенограммы съездов, воспоминания очевидцев тех событий и др. Автор показывает эволюцию отношений Сталина с Зиновьевым. Он уделяет большое внимание периоду после смерти Ленина, когда власть в стране практически переходит к «тройке» – Сталин, Зиновьев, Каменев. В исследовании подробно описывается период, когда Зиновьева после XIV съезда отстранили от руководства Ленсоветом, Исполкомом Коминтерна, и он пошел на союз с Троцким против Сталина. Несмотря на значительный ценный фактический материал работа в большей степени представляется набором цитат, выдержек из документов, отрывков из книг.

Ключевые слова: история ВКП(б), 20-е гг. XX в., политическая борьба, новая оппозиция, объединенная оппозиция, Ленинградская партийная организация, XIV съезд ВКП(б), Секретариат ЦК ВКП(б)

Для цитирования: Сальникова Е.С. История политической борьбы внутри ВКП(б) в 20-е гг. Противостояние Г. Зиновьева и Л. Каменева с И. Сталиным: рецензия на монографию С.С. Войтикова «Сталин против Зиновьева (Сталиниана)» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 208–211. EDN: WPKJSG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-208-211>.

Review

Review

**The history of the political struggle within the CPSU (b) in the 20s.
The confrontation of G. Zinoviev and L. Kamenev with I. Stalin
Voitikov S.S. (2022) Stalin vs Zinoviev (Stalinian). Moscow: Veche. 544 p. (In Russ.).**

Elena S. Sal'nikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article evaluates the monograph of Voitikov Sergey Sergeevich, an archivist, a leading researcher at the Main Archival Department of Moscow. S. Voitikov in his research consistently reconstructs the state of affairs within Russian Social Democratic Labor Party (b) in the 1920s, basing on numerous documents of the era, archival materials, transcripts of congresses, memories of eyewitnesses of those events, etc. The author shows the evolution of Stalin's relationship with Zinoviev. He pays great attention to the period after Lenin's death, when power in the country practically passes to the "troika" of Stalin, Zinoviev, Kamenev. The study describes in detail the period when Zinoviev, after the XIV Congress, was removed from the leadership of the Lensoviet, the Executive Committee of the Comintern, and he allied with Trotsky against Stalin. Despite the considerable, valuable factual material, the work is mostly represented by a set of quotations, extracts from books and documents.

Keywords: History of Russian Social Democratic Labor Party (b), 20-s of XX, political struggle, New opposition, United Opposi-

tion, Leningrad Party Organization, XIV Congress of RSDLP(b), The secretariat of the Central Committee of RSDLP(b)

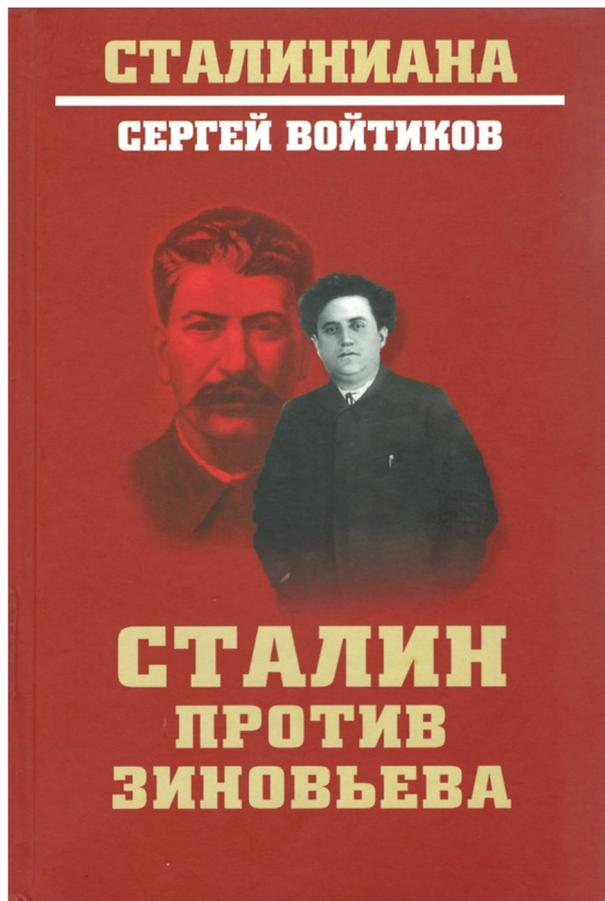
For citation: Sal'nikova E.S. (2023) The history of the political struggle within the CPSU (b) in the 20s. The confrontation of G. Zinoviev and L. Kamenev with I. Stalin: a review of the monograph by S.S. Voitikov "Stalin vs Zinoviev (Stalinian)". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 208-211. (In Russ.). EDN: WPKJSG. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-208-211>.

Монография начинается с 1919 года, где речь идет об организации обороны Петрограда, когда Г. Зиновьев был назначен председателем комитета обороны города, а И. Сталин был командирован для усиления комитета. Автор пишет, что в эти годы они действовали сообща, что Троцкий, Сталин и Зиновьев в годы Гражданской войны не смешивали борьбу за власть в партии с будущим большевистского режима. Зиновьев, как и Сталин, выступал за использование в качестве заложников семей военных специалистов, вплоть до расстрела. Он откровенно признавался, что обстановка часто заставляла нас прибегать к массовым арестам, и случалась, что люди часто сидели без допроса, невинные, но лес рубят щепки летят (С. 16).

С. Войтиков, опираясь на архивные данные, показывает эволюцию отношений Сталина с Зиновьевым. Он рассматривает период после смерти Ленина, когда власть в стране, по сути, оказывается в руках трех человек Сталина, Зиновьева, Каменева. На XII съезде ВКП(б) они еще вынужденно поддерживали друг друга, но уже к XIII съезду в 1924 г. от взаимного согласия осталась только общая ненависть к Троцкому (С. 67). Формально на всем протяжении 1920-х гг. сохранялась система деятельности большевистских органов, когда политическая работа велась Политбюро ЦК, организационная – Оргбюро ЦК, и текущей работой занимался Секретариат. Однако на практике вся реальная власть сосредоточилась в Секретариате.

Автор подробно описывает события 1925 г., когда развернулся серьезный конфликт в комсомоле, переросший в противостояние внутри ЦК. Борьба началась с критики книги Троцкого «Уроки Октября». Столкновение свелось к вопросу: надо ли выносить спор на публичное обсуждение, снимать ли Троцкого с его поста? Сражение против Троцкого обернулось борьбой с ленинградской парторганизацией и бюро комсомола за то, что они затеяли фракционную борьбу.

От Политбюро в Ленинград была направлена комиссия во главе с Е. Ярославским, решением ко-

торой был снят с должности Г. Сафаров (курировал комсомольскую работу) и другие комсомольские работники (С. 100). Сталинский Секретариат начал дискредитировать партийную организацию города – был снят со своего поста секретарь Ленинградского Губкома РКП(б) П. Залуцкий, и это было прологом к поражению Зиновьева и его сторонников.

В 1925 г. Зиновьев выступил с инициативой провести XIV съезд ВКП(б) в Ленинграде, с целью публичной атаки на Сталина, но этот расчет окончился провалом, и она стала сигналом для делегатов съезда, что политической карьере Зиновьева приходит конец. Вторым знаком стал политический доклад Сталина и организационный доклад Молотова, притом что на двух предыдущих съездах отчеты делали соответственно Зиновьев и Сталин.

Оставаясь членом Политбюро ЦК партия, Зиновьев, выступая на XIV съезде, говорил, что уже

почти год, как Ленинградская организация живет в атмосфере слухов, угроз, сплетен, в полуосадном положении. Комиссии следовали из Москвы одна за другой по хозяйственным направлениям, по линиям государственного аппарата и другим (С. 118).

Съезд проводит специальную резолюцию по газете «Ленинградская правда» и принимает меры по изменению и улучшению редакции.

Еще до завершения работы съезда в Ленинград была опять отправлена делегация докладчиков о работе XIV съезда в составе М. Калинина, М. Томского, В. Молотова, С. Кирова, К. Ворошилова и др.

Этот десант развил такую бурную деятельность, что 16 членов Бюро Ленинградского комитета партии, рискуя быть обвиненными в расколе партии, обратились в ЦК с заявлением. Об этом В. Молотов сделал доклад, который был опубликован под грифом «строго секретный» (С. 150).

И после этого активно развернулась чистка ленинградской организации от «зиновьевцев», был избран новый губернский комитет во главе с С. Кировым.

В связи с этими событиями С. Войтиков приводит интересное письмо В. Антонова-Овсеенко (партийно-государственный и военный деятель, юрист, публицист), который написал письмо товарищу по партии, копию письма позже прислал сталинскому руководству ВКП(б). В частности, он пишет о том, что наступление Каменева, Зиновьева и Сокольников на единоличный режим в партии имеет веские причины. В частности, они заявляют о необходимости упразднение поста генсека и это требование должно быть внимательно рассмотрено. И указание оппозиции о необходимости развернутой партдемократии абсолютно ко времени (С. 157).

Положение в самом Ленинграде описывает С. Киров в письме к Г. Орджоникидзе в январе 1926 г.: «Уже почти две недели, как я подвизаюсь в своей новой и очень трудной роли. Дело обстоит так: Выборгский район, Петроградский, Городской, Володарский – сплошь наш. Путиловский – пока нет. Здесь все приходится брать с боя. И какие бои! Вчера был на Треугольнике, коллектив 2200 чел. Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но и даже не представлял, что

может быть такое собрание членов партии» (С. 157).

Автор подробно описывает период, когда Зиновьева после съезда лишили почти всех постов в партии и освободили от руководства Ленсоветом. И происходит сближение политических платформ Троцкого и Зиновьева с Каменевым на основе единства взглядов по вопросу возможности «построения социализма в одной стране» и «сверхиндустриализации». Это был союз против Сталина. Зиновьев писал, что непосредственно после XIV съезда Сталин и Бухарин усиленно предлагали союз Троцкому против Ленинградской оппозиции, но он отклонил эти предложения.

Троцкий молчал всю дискуссию большинства ЦК с новой оппозицией, что объективно устраивало и Сталина, и Зиновьева. Сталину поддержка Троцкого на съезде была нежелательна, поскольку его бы немедленно Зиновьев атаковал, используя многочисленные цитаты из Ленина. Зиновьеву же был объективно невыгоден компромисс с Троцким, поскольку это автоматически усилило бы сталинскую критику «беспринципности» оппозиции. Сам Троцкий терпеливо ждал, пока к нему обратятся с предложением о тактическом союзе (С. 169).

Так появилась объединенная оппозиция, о которой Сталин под одобрительные возгласы партийной номенклатуры на XV съезде ВКП(б) сказал, что во главе ее всем известные люди, которые способны себя рекламировать, расхваливать, которые не страдают скромностью и искусно могут показать товар лицом (С. 173).

Далее автор приводит любопытный документ, который находится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Зиновьев в условиях сталинской угрозы пошел на сближение с Троцким и лично написал проект соглашения бывшей новой и левой оппозиций. В нем Зиновьев подчеркнул, что их сближают взгляды по вопросам «стабилизации капитализма и связанных с этим возможностей дальнейшего развития мировой революции. Он также отметил, что их с Троцким связывает одинаковая оценка современной политики сталинского большинства как глубоко неверная, ведущая в сторону от Ленина к мещанской «комнароднической линии» (С. 174).

И еще один интересный архивный документ приводит С. Войтиков. Речь идет об использовании

в политической борьбе против Зиновьева его позиции в июле 1917 г. Это письмо Рыкова к Сталину, где он предлагает в качестве аргумента против Зиновьева использовать его разговор с ним о вступлении партии большевиков в правительство А. Керенского в 1917 г. (С. 233–234).

Большая часть монографии посвящена противостоянию Зиновьева и Каменева, а после и Троцкого со Сталиным, которая рассматривается почти исключительно в контексте персональной борьбы за власть. Это односторонний взгляд. Автор фактически обходит историческую обстановку в стране в 20-е гг. XX в., на фоне которой разворачивалось это противостояние.

В аннотации к монографии написано, что она имеет четкую структуру, легкость изложения материала и будет интересна широкому кругу читателя. Это как раз и отсутствует в работе. Несмотря на обширный, уникальный фактический материал, работа больше представляется набором цитат, выдержек из документов, отрывками из книг. Иссле-

дование изобилует цитатами, часть из которых занимает от одной до трех страниц текста.

Автор часто уходит от заданной темы, так, в главе 3 о дискуссии стратегии РКП(б) и мирового коммунистического движения, включается критика Н. Бухарина или в главе о ленинградской партийной организации вставляется большой сюжет об эмигрантской газете «Новая жизнь» (С. 140). В следующем разделе, где речь идет о полном подавлении партийной организации Ленинграда включается тема о саратовской делегации (С. 154), здесь же о распределении обязанностей между секретарями ЦК и т. д. (С. 162). Целая глава посвящена телеграмме Каменева великому князю Михаилу в марте 1917 г.

С. Войтиков в этом исследовании выступает в большей части как источниковед и архивист, но не историк. Его комментарии очень редки, трудно составить представление об исторической ситуации в стране, на фоне которой разворачивалась эта трагедия.

Информация об авторе

Сальникова Елена Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: E.S.1856@mail.ru

Вклад автора

Сальникова Е.С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 9 марта 2023 г.; принята к публикации 20 марта 2023 г.

Information about the author

Elena S. Sal'nikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: E.S.1856@mail.ru

Contribution of the author

Sal'nikova E.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 17, 2023; approved after reviewing March 9, 2023; accepted for publication March 20, 2023.

Рецензия

Рецензия
УДК 378.4(571.53)(091)
EDN: ZOХGNC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-212-215>

С максимальной детальностью: книга о диссовете

Иванов А.А. Первый в Сибири: 80 лет диссертационному совету по историческим наукам Иркутского государственного университета. 1942–2022 гг.: монография / А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 197 с.

И.В. Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В рецензии анализируется монография А.А. Иванова, С.И. Кузнецова и Ю.А. Петрушина «Первый в Сибири», посвященная 80-летию диссертационного совета по историческим наукам в Иркутском государственном университете, опубликованная во второй половине 2022 г. издательством ИГУ. В ней освещена авторами история создания и деятельности первого в Сибири диссертационного Совета по историческим наукам, подготовившего за время своего существования более 700 кандидатов и докторов наук для вузов Сибири. В рецензии раскрыты достоинства и недостатки монографии и её вклад в исследование данной темы.

Ключевые слова: диссертация, монография, история, исследования, наука, совет, профессора, университет

Для цитирования: Наумов И.В. С максимальной детальностью: книга о диссовете: рецензия на монографию А.А. Иванова, С.И. Кузнецова, Ю.А. Петрушина «Первый в Сибири», посвященную 80-летию диссертационного совета по историческим наукам в Иркутском государственном университете // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 2. С. 212–215. EDN: ZOХGNC. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-212-215>.

Review

Review

With maximum detail: a book about Dissertation Council

Ivanov A.A. (2022) First in Siberia: 80th Anniversary of the Dissertation Council for Historical Sciences of the Irkutsk State University. 1942–2022: A monograph by A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov, Yu.A. Petrushin. Irkutsk: Irkutsk State University. 197 p.

Igor V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The review analyzes the monograph by A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov and Yu.A. Petrushin “First in Siberia”, dedicated to the 80th anniversary of the Dissertation Council in Historical Sciences at Irkutsk State University, published in the second half of 2022 by the ISU Publishing House. It highlights the history of the creation and activities of the first in Siberia Dissertation Council on Historical Sciences, which during its existence has prepared more than 700 candidates and doctors of science for universities in Siberia. The review reveals the advantages and disadvantages of the monograph and its contribution to the study of this topic.

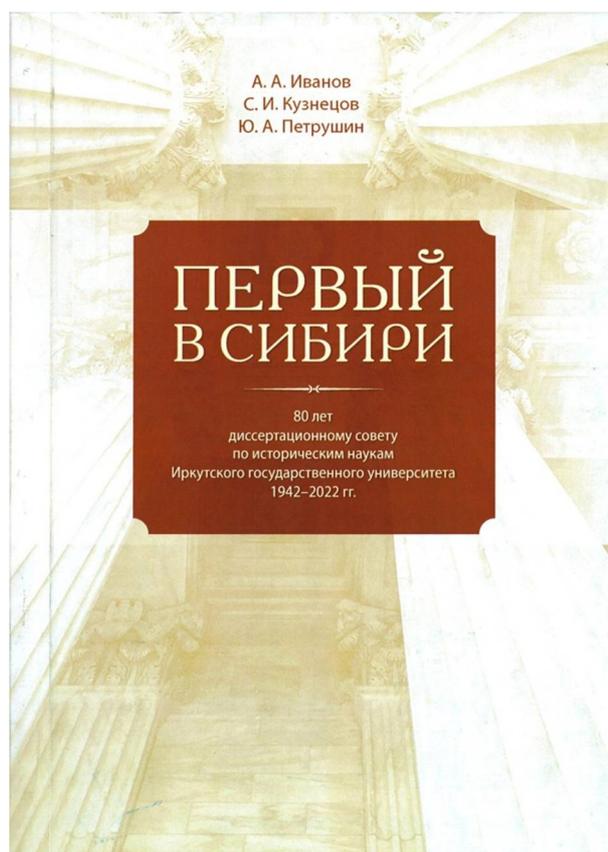
Keywords: dissertation, monograph, history, research, science, Council, professors, university

For citation: Naumov I.V. (2023) With maximum detail: a book about Dissertation Council: a review of the monograph by A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov, Yu.A. Petrushin “First in Siberia: 80th Anniversary of the Dissertation Council for Historical Sciences of the Irkutsk State University. 1942–2022”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 212-215. (In Russ.). EDN: ZOХGNC. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-212-215>.

В конце 2022 г. издательство Иркутского государственного университета (ныне чаще именуемого «классическим») выпустило в свет интересную монографию «Первый в Сибири», посвященную 80-летию диссертационного совета по историческим наукам ИГУ, ставшего первым в Сибири диссертационным советом не только по историческим, но и по всем гуманитарным наукам. Её авторы – известные в Иркутске историки, профессора А.А. Иванов, С.И. Кузнецов и Ю.А. Петрушин, сами уже давно являются активными членами этого совета, а первые двое возглавляют его в настоящее время. Они проделали очень большую работу, пытаясь восстановить историю диссертационного совета. Это оказалось весьма сложной задачей. Как отмечают авторы во введении, им пришлось столкнуться с почти полным отсутствием каких-либо источников в иркутских архивах по первым десятилетиям работы совета и материал пришлось собирать буквально по крупицам. Что само по себе представляется странным явлением, поскольку и в те времена на защите каждой диссертации тщательно вели её протокол. Учитывая данное обстоятельство, авторы подчеркнули во введении, что не претендуют на «исчерпывающий характер сведений».

Монография состоит из двух глав, заключения, перечня публикаций о деятельности диссертационного совета при ИГУ и весьма обширного (более 700 названий) указателя кандидатских и докторских диссертаций по историческим специальностям, в разные годы защищенных в данном совете. При этом сами авторы допускают, что, возможно, им и не удалось выявить все диссертации, защищенные в первое десятилетие его существования.

Авторы справедливо начали своё исследование не с момента создания совета, а с краткого освещения состояния и развития исторического образования в Иркутске в предшествующий период от открытия университета в 1918 г. К сожалению, события 1920-х гг. и частые реорганизации системы гуманитарного образования изложены излишне кратко. Хотя этот материал и не имеет прямого отношения к теме монографии, он важен для понимания предыстории вопроса о создании в ИГУ ученого совета по защите диссертаций по гуманитарным наукам. Тем не менее авторам удалось достаточно убедительно показать назревшую

необходимость создания такого совета для дальнейшего развития высшего образования в Сибири и на Дальнем Востоке.

Весьма кратко на уровне отрывочных сведений они осветили работу совета в годы Великой Отечественной войны. Сделать это более обстоятельно им помешало почти полное отсутствие источников, о котором уже говорилось. На наш взгляд, авторам обязательно следовало бы прояснить вопрос, как так получилось, что первый в Сибири ученый совет по гуманитарным наукам возник именно в ИГУ, а не в старейшем в Сибири и более авторитетном Томском университете, появившемся на 30 лет раньше иркутского.

Более подробно, но, к сожалению, также фрагментарно в монографии отражена деятельность совета в первое послевоенное десятилетие. Весьма интересные сведения авторы привели о персональном составе совета, содержащие тогдашние краткие характеристики его членов, а также о защите некоторых диссертаций. Авторы осветили влияние решений знаменитого XX съезда КПСС на организацию научных исследований и перестройку работы в соответствии с новыми правилами защиты диссертаций во второй половине

1950-х и в 1960-е гг. Они особо отметили роль состоявшихся тогда исторических научных конференций для формирования тематики диссертационных исследований. Рассмотрена в монографии и защита в это время наиболее ярких и значительных диссертаций.

Довольно обстоятельно в монографии рассмотрена деятельность диссертационного совета с начала 1970-х гг. и до конца советского периода. Авторы показали изменения в работе совета и, прежде всего, придание ему статуса регионального, охватившего помимо Иркутской области, территорию современных республик Бурятия, Тывы, Хакасии, Забайкальского и Красноярского краёв. Они подробно осветили непосредственную организацию работы диссертационного совета по планированию научной деятельности, приёму диссертаций и их защите. Отражена в монографии и деятельность наиболее активных членов совета.

Пожалуй, наиболее интересно и содержательно рассмотрена в монографии перестройка работы диссертационного совета в новых исторических условиях после развала СССР и падения коммунистической власти. Это и изменение тематики диссертаций, изменение научных специальностей совета и многое другое, что неудивительно, ведь авторы сами были его активными участниками в это время. По их мнению, постсоветский период оказался самым интересным и плодотворным в истории совета и с этим трудно не согласиться.

В качестве достоинств монографии следует особо подчеркнуть приводимые в ней сведения из биографий всех руководителей и наиболее активных членов совета, раскрывающие их непосредственный путь в науку и вклад в исследование истории Сибири от самых первых (М.А. Гудошников, В.И. Дулов и др.) до последних. А также описание наиболее заметных и содержательных кандидатских и докторских диссертаций, защищенных за эти 80 лет.

Во второй главе авторы предприняли попытку кратко проанализировать диссертации по различным научным специальностям. Свой обзор они начали с некогда довольно популярной, но уже ушедшей в историю специальности «История КПСС». Авторы достаточно убедительно и обстоятельно осветили вопрос о том, почему эта специальность стала в иркутском диссертационном сове-

те самой популярной и востребованной в 1950–1980-е гг. В книге показано и объяснено и изменение в тематике историко-партийных диссертаций – её постепенное смещение к изучению деятельности КПСС во второй половине XX в. в период бурного индустриального освоения Сибири. Содержится в ней и справедливая критика многочисленных недостатков диссертаций по истории КПСС – их идеологической зашоренности, односторонности, замалчивания недостатков и ошибок в работе парторганизаций и т. п.

Гораздо более интересно и содержательно авторы рассказали о развитии исследований по отечественной и зарубежной истории. Они достаточно подробно осветили роль научных руководителей Л.М. Дамешека, В.И. Дулова, Ф.А. Кудрявцева, И.И. Кузнецова, В.П. Олтаржевского, Н.Н. Щербакова и многих других в определении тематики диссертаций и их работу с диссертантами. В монографии кратко рассмотрены и наиболее значительные диссертации по указанным научным специальностям, показаны их научная ценность и вклад в изучение истории. В ней уделено внимание и вопросам подготовки кандидатов и докторов наук для национальных республик Сибири и, прежде всего, для республики Бурятия, представители которой, как следует из приведенных авторами данных, успешно защитили в иркутском совете 104 диссертации, из них 17 докторских.

В заключение монографии подведены общие итоги исследования. Всего за 80 лет работы диссертационного совета в Иркутском государственном университете было защищено 732 диссертации, в том числе 72 докторские. Эти данные убедительно свидетельствуют о большом вкладе совета в становление и развитие системы высшего образования в Сибири и на Дальнем Востоке и в подготовку кадров высшей квалификации для вузов страны.

Следует отметить, что диссертационный совет ИГУ внес большой вклад в подготовку преподавателей-историков и для Иркутского национального исследовательского технического университета. Как следует из «Указателя диссертаций» в разные годы преподаватели ИРНТУ (ранее ИрГТУ и ИПИ) защитили в нём 37 кандидатских и три докторских диссертации. Во второй половине 1980-х и в 1990-е годы членом диссертационного совета являлся

профессор Н.И. Кабацкий, сейчас ИРНТУ в совете представляет доктор исторических наук. П.А. Новиков.

Список преподавателей, защищавшихся в Иркутском совете:

докторские диссертации: Николай Иванович Кабацкий (1985), Иван Андреевич Лутохин (1985, ангарский филиал), Игорь Владимирович Наумов (1993);

кандидатские диссертации: Николай Иванович Кабацкий (1965), Валентина Александровна Ластовская (1966), Андрей Михайлович Комогорцев (1968), Анна Евсеевна Моховикова (1969), Анатолий Иванович Лемзяков (1970), Иван Андреевич Лутохин (1970), Альберт Леонтьевич Скаллер (1971), Наталья Григорьевна Трифонова (1971), Ольга Алексеевна Черных (1972), Мария Юрьевна Богдашкина (1973), Ирина Тимофеевна Круглякова (1973), Евсталия Ивановна Венгельникова (1974),

Клавдия Власовна Герман (1977), Лариса Яковлевна Подольская (1979), Нина Яковлевна Хлебкова (1982), Майя Григорьевна Чалых (1982), Татьяна Михайловна Кабанова (1988), Сергей Александрович Рязанцев (1988), Николай Никанорович Федотов (1989), Игорь Алексеевич Хегай (1989), Виктор Николаевич Качанов (1990), Ирина Викторовна Ланцова (1991), Ирина Юрьевна Ванина (1995), Ольга Ефимовна Наумова (1997), Лилия Геннадьевна Рудых (1998), Елена Сергеевна Сальникова (1999), Мария Васильевна Гузик (2000), Елена Николаевна Струк (2000), Владимир Спартакович Мильбах (2001), Сергей Владимирович Карасёв (2002), Павел Александрович Новиков (2002), Ольга Аверьяновна Уварова (2002), Наталья Александровна Скорикова (2004), Марина Владимировна Михайлова (2005), Марина Владимировна Чирикова (2005), Наталья Васильевна Кайгородова (2007), Евгений Сергеевич Оболкин (2010).

Информация об авторе

Наумов Игорь Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: histor@istu.edu

Information about the author

Igor V. Naumov,

Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: histor@istu.edu

Вклад автора

Наумов И.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Naumov I.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2023 г.; одобрена после рецензирования 7 марта 2023 г.; принята к публикации 20 марта 2023 г.

Article info

The article was submitted February 14, 2023; approved after reviewing March 7, 2023; accepted for publication March 20, 2023.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуру-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research. The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 2 (47) 2023

16+

Редактор Н. Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.06.23. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 500 экз. Заказ 63. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А